Геннадий ДОРОНИН

ОН
И
ОНА

Предисловие

Специально для книжки «Он и Она»

Один знаток литературы спрашивал меня: и чего твои герои – все время одни и те же - кочуют из рассказа в рассказ? И зовут их всех одинаково, и слова они произносят похожие, а этот Витька Иванов так просто в зубах навяз – в каждой бочке затычка. Прям, модернизм какой-то оголтелый!..

Другая, она тоже разбирается в этом, пеняла нешуточно: и все время шастают в какие-то параллельные миры, будто в нашем измерении места не хватает? Да и грамматешка хромает на все наличные ноги…

Третий, писатель: и чего они бесконечно ищут Беловодское царство, искатели хреновы? Ты тоже хорош, сочиняешь муру, а характеры не выписаны!.. Образности не хватает… В общем, читателя тошнит от этих приключений…

Я не спорю с этим, я сам про себя еще и не такое знаю:. Скажем, до сих пор

не уверен, как пишется «ча» - «ща», на всякий случай вставляю «а» - может, угадаю? Подлежащие норовлю поменять местами со сказуемыми, без всяких на то оснований. В молодости занял у одной дамы червонец и до сих пор не отдал, а прошло тридцать лет. Я бы сейчас вернул, но за это время деньги много раз поменялись, не знаю теперь, сколько отдавать, боюсь переборщить. А еще трясусь, увидев зубных врачей, просто паника тогда у меня. Точно, не космонавт… А уж с образами и характерами просто завал!..

Даже не знаю, как оправдываться. Что я могу поделать, если жизнь сводит меня все время с одними и теми же чудилами? Я ходил – искал других - и на улице, и в магазине, и в прочих людных местах (однажды даже на черноморском пляже был – в Сочи, понравилось), но всюду попадались все те же самые – без примет, заскорузлые и даже фиолетовые…

Но дело даже не в том, что эти ребята в жизни на каждом шагу, может, если пошарить по всем закоулкам, то нашлась бы парочка других, например, какой-нибудь синий или никогда не умытый. В крайнем случае, я легко мог бы наврать, что нашел этих других. Но вот незадача – мне интересно с моими героями, и ничего не могу с этим поделать. Интересно и все тут!.. Так что, прошу простить меня – я не специально, так уж получается.

А насчет того, что многие из них мечтают Беловодье найти, так это тоже случается с людьми. Конечно, немного подозрительно - другие богатства ищут, кое-кто даже находит, а эти помешались на царстве любви справедливости. Но уверяю вас, злого умысла здесь нет. Честное слово!

Надеюсь, что теперь со мной все понятно?..

А особо непримиримым скажу: ни в коем случае не читайте дальше этого предисловия, потому, что я ничего не изменил в своем письме, даже усугубил. Остались, и еще усилились бесконтрольные переходы героев во времени и пространстве, их, не поддающиеся логике поступки, не сильно наладилось и с грамматикой… Поэтому, тем, кто не станет читать дальше, доверю большой секрет: мужик, с заскорузлым, как пятка, лицом рассказал мне, а ему верить можно, что оказывается нет ни прошедшего времени, ни будущего – оно едино. И никогда не закончится, потому, что никогда не начиналось. Если правильно раскинуть мозгами, то денариями древнего Рима можно расплатиться за сегодняшнюю пиццу, пенициллином вылечить Македонца, послать в Помпеи нарочного с репродукцией картины Брюллова – этим никого не удивишь в нашем

едином пространстве-времени… Хотя порою в нем никак не разберешься даже в том, что было раньше – яйцо или курица?..

А вообще-то, эта книжка о любви… Хотя никто в любви ничего не понимает. Я – подавно…

За подкладкой

Случайно, на ноже карманном,
Найди пылинку дальних стран…
А.Блок

Ночью в мире опять что-то случилось, и под самое утро, часов в пять, с гвоздя, вбитого в стену еще до миллениума, свалился пиджак. Не должен был свалиться, а свалился. Как известно, сами по себе пиджаки не падают. Определенно что-то произошло. Вот бывает, что опрокинешь чашку с кофе на скатерть времен бабушки Гугнихи, посадишь безобразную кофейную кляксу на старинный мадеполам, а уж навстречу кричат с готовностью: мы давно выбросить эту тряпку хотели, очень давно хотели, да руки не поднимались, а сейчас как раз случай такой выпал, ура-ура-ура! И тут же на ваших глазах скатерть ту - в грязный мешок и в мусорный бак – на верную смерть в зубьях мусороперемалывательной машины. А, может, скатерть та своей мадеполамовой броней защищала нас от потустороннего электричества, фокусировала на себя его подземные лучи – и вот теперь уже нет защиты… Или на скатерти этой девочка Лизавета невидимыми чернилами начертала когда-то послание всем идущим по ее пятам в заветное царство-государство на белой воде, и никто теперь не узнает прямого и короткого пути в Беловодье?..

А бывает, что, прикуривая утром, сжигаешь в пламени спички три галактики… Их, конечно, много, все не спалишь, но как же быть с надеждами на счастье, как же быть с высокими духовными устремлениями, которыми были битком набиты эти несчастные галактики? Еще тот вопрос…

Так что, ничего случайного не бывает.

Перед самым рассветом Теме приснилось что-то очень хорошее, он давно хотел увидеть хорошее, но никак не выходило. И вот, наконец, вышло. Но не запомнилось. Он открыл глаза и долго вспоминал – что же это такое было, что? Ясно, что хорошее, а что именно – из памяти не выплывало. Память берегла хорошее, самой мало было.

Он опять уснул, и тотчас ему приснился потоп. Жуткий, ревущий вал… Волна огромная, как дом Карева в Уральске, перла по Уралу – и почему-то против течения. Этот гигантский вал с корнями вырывал деревья, швырял на берег прогулочные пароходы, разбивал вдребезги дома…Мелькнул какой-то обелиск в лесу, на сером бетоне которого было написано углем: «Дурак, буду ждать тебя…» - и тотчас обелиск скрылся под водой, на гребне черной волны с минуту или больше балансировала огромная стометровая ржавая баржа, и, наконец, сорвалась вниз, в бездну… Жуткая реальность сна заставила Тему проснуться. Было уже светло.

Поднявшись, он обнаружил, что перетерлась сатиновая петелька, пришитая изнутри к вороту пиджака, поэтому он и упал. Каждой ткани – свое время. А сатин – материя непрочная. Поэтому пиджак и свалился. Рано или поздно это должно было произойти. И вот произошло. А висел себе пиджак не год, не два, давно вместо него Тема надевал замшевую куртку, цеховой наряд. Но упал – и пришла его очередь.

Фаня сказала:

- Оставь, я сейчас пришью вешалку…

Но он заторопился, ему некогда было ждать, когда новая сатиновая полоска займет свое место на вороте пиджака. Изнутри ворота.

Он поднял пиджак – тонкий вельвет, рукава обшиты коричневой кожей – неизносимая, практичная вещь, напрасно забытая. Сколько хочешь, упирайся локтями в письменный стол, елозь на нем пузом, как солдат под обстрелом, - пиджак этот выстоит, отобьется. А вот сатиновая петелька подвела.

Он надел пиджак, и в то же мгновенье нащупал под подкладкой плотный

прямоугольник, может быть, фотографию.
- Вот это фокус! – произнес он, но тут же почему-то понял, что показывать Фане то, что может обнаружиться под подкладкой пиджака, пока не стоит. Мало ли что может там найтись. Все, что угодно.
- Что? – откликнулась жена.
- Да ничего, шнурок на ботинке затянулся, - нашелся он, - уже все в порядке.
- Беда с этими шнурками, - согласилась она. – Качество никуда не годное, то рвутся, то затягиваются насмерть…
- Насмерть? – переспросил он, но она не ответила, налаживая к работе швейную машинку.
- Как солдаты? – спросил он еще.
- Что солдаты? – не поняла Фаня. – Демобилизация?..
- Насмерть, как солдаты?..
- Какие такие солдаты? – потеряла она терпение. – Что ты к ним привязался?.. Войны нет, время мирное, а ты про солдат талдычишь!.. Тема ты и есть Тема…
- Но все-таки могут они стоять насмерть, хотя бы чисто теоретически, или это только качество шнурков? – решился он выяснять до конца.
- Могут, могут! – закричала она. – Они такие же кретины, как и ты, они держатся до последнего. Другие бы отступили, совершили обходной маневр, подтянули бы резервы, попросили поддержку артиллерии, а эти с места не тронутся, пока их не передушат всех до одного… Потому, что они долбоюноши! Бронеподростки! Кретины, как на подбор. А ты у них во главе!..
В общем-то, она ругалась беззлобно, почти не обидно, но как-то однообразно. Все время выходило, что Тема – кретин. Не дурак, не болван, а именно кретин. Но какой же он кретин, если является членом союза писателей, книжек сочинил едва не дюжину, награжден дипломом краевого конкурса прозаиков?..
Прежде она его так не ругала, впервые это случилось лет пять назад, когда он перепутал годовщину их свадьбы с днем рождения своего приятеля – Шурика; она ждала его, натянув на себя – умудрилась же – свое свадебное платьице, а со свадьбы лет пролетело около двадцати, нет больше – двадцать три, или двадцать четыре. И как только это платье полезло на нее, или она и тогда была такая? Большая?.. В общем, она ждала его тем вечером, а он в это время поздравлял Шурика, который сильно удивлялся, уверяя, что рожден в другой день, но выпить не отказывался.

Потом Тема все-таки вспомнил, какой это знаменательный день, извинился перед ней и она сказала, что простила, но ругать кретином не перестала. Он, конечно, подозревал, что у нее кто-то есть, точно есть, но, как говорится, не пойман – не вор, а если честно – он и не хотел, чтобы этот кто-то был пойман; кому нужна эта головная боль?.. Юные годы прошли давно, а с ними и все эти любови-разлюбови, страдания-переживания…

Наконец, Фаня включила швейную машинку; она брала работу на фабрике надомного труда – «подрубала» простыни, наволочки, пододеяльники. Выходило не густо, но на хлеб хватало. Он всегда удивлялся: как много она успевала сделать, пока он утром ходил в магазин. Когда он дома закрывал за собой дверь, Фаня только бралась за первую простынь, а когда он возвращался – вокруг Фани были горы белья. Она пожимала плечами:

- Ты бы сутки болтался, так я бы весь город обшила…

Он смотрел на часы: кажется, быстро управился. Не угодишь ей…

В магазине был отдел с разноцветными лакированными коробками с порошками, которые приторно пахли тайгой, степью, сиреневой весной. Стиральные порошки, мыло, дезодоранты, шарики от пота – все это дарило обонянию настоящий праздник. Иногда он подолгу задерживался в отделе.

Не забывал он покупать кефир и хлеб. Эта ответственность давно лежала на нем. Иногда он покупал и соленые огурцы, картошку. Были там и свежие огурцы, но соленые были дешевле. Раза в два дешевле. Даже в три.

Но если честно сказать, не только хлеб и огурцы занимали его; он изо дня в день после магазина уходил в ежедневный поход в поисках случая, которого не хватало в его рассказе, который он сочинял уже почти тридцать лет. Прежде он написал много рассказов, и они уютно разместились в книгах, которые он дарил знакомым и не очень знакомым, родственникам Фани и своим родственникам тоже – с разными пожеланиями. Он старательно сочинял дарственные надписи, но все, кому он дарил свои книги, никогда потом не говорили о том, понравились или не понравились им эти рассказы. Он знал – прекрасно знал! - что никто из них не читал, иначе они обязательно что-нибудь сказали бы.

Он догадался, что его прежним рассказам не хватало случая, слова. Особенно не доставало случая. Слова не хватало еще больше… Он бился над ними с ручкой в руках, но быстро понял, что случай не рождается пером. Слово еще меньше подчинялось ручке… Иногда казалось, что вот оно, вот нужное слово, и он

бросался переносить его на бумагу, но предательская бумага умертвляла его, душила в придаточных, ловила в капканы предлогов, заставляла спотыкаться в приставках. Иногда приходил и случай – единственный, неповторимый, живой, но и он не выдерживал испытания бумагой. Тема безжалостно вырывал страницы из своей тетрадки, сжигал их в печи, и душа его корчилась так же, как пылающая бумага.

Он не отчаивался, потому, что знал – и слово, и случай рядом, нужно только найти. Жалко, что Фаня не понимала его, произносила свой приговор: «Кретин!..»

И так сложилось, что он по утрам стал уходить из дома. Считалось, что он шел в магазин, но все – и Фаня, и Володька, и все-все – знали, что он уходил бродить по городу. Болтаться по улицам, пока жена «подрубает» пододеяльники, шляться в поисках какого-то случая, которого, наверное, и нет нигде – не тот Уральск город, где хоть какие-нибудь случаи происходят прямо на улице.

Еще страннее выглядели поиски слова… Слов вокруг было столько! Столько всяких слов!.. Бери пригоршнями… А он все жег и жег бумагу…

Однажды Фаня сказала ему, что он перпетум мобиле абсурда.

- Ты волчек, запущенный во все стороны сразу, - говорила она. – Тебе знать не дано, куда понесет тебя сегодня, и ты никогда не помнишь, где был вчера… Перпетум…

Даже она не знала, что он всегда ходил по одним и тем же улицам. По Коммунистической, по Почиталинской, по Советской, по… Еще он каждый день проходил через маленькую калитку в длинном деревянном заборе на улице Маметовой, а затем через просторный двор, заросший старыми яблонями, а в тени яблонь кривился старинный деревянный сарай, большущий, с грязными стеклами вместо кровли – не то оранжерея, не то заброшенная лаборатория давно забытого химика-самоучки – и пройдя под деревянной аркой каких-то покосившихся ворот попадал почти на самую Фурмановскую… Затем он добирался до Театральной, по ней поворачивал налево и опять выходил на Советскую, а оттуда десять минут хода до дома, где Фаня уже справилась с лавиной пододеяльников. Тема не мог объяснить, почему он выбрал эти улицы, и эту калитку – может, осенью на этих улицах ржавчина наравне с золотом; может, тротуары здесь выложены из красного кирпича, добытого на развалинах взорванного храма святого Александра Невского – и, ступая по стенам поверженного исполина, можно все-таки найти заповедное слово; а, может, и

здесь замешаны галактики и созвездия, и вообще нам выпадает только тот путь, который выпадает?..

Перед самым выходом к нему привязался Володька.

- Пап, как пишется – «ча» – «ща» - через «а» или через «я»?

- Конечно, через «а», вы это еще в первом классе, по-моему, проходили…

- А вот в новом учебнике написано, что через «я» надо писать. И «кофе» теперь среднего рода, а полдник называется «файфоклоком»

Он взял у Володьки учебник, заглянул, действительно: «чя» – «щя» - пиши через «я»! И про кофе все верно. Апсурд. Нет, не абсурд. Апсурд.

- Значит, пиши через «я» - тебе не все равно? Как в учебнике написано – так и пиши…

Володька что-то пробурчал – «козлы», кажется, и отстал. Ну, надо же, чящя… файфоклок…

- Фань, деньжонок не подкинешь? – спросил Тема. Она нахмурилась, но подкинула, сказала, чтобы он не забыл аспирину купить – башка с самого утра раскалывается. Протягивая ему деньги, она всегда хмурилась, как бы давая понять, что нелегко эти денежки достаются, ох нелегко!.. Посиди целый день, не разгибаясь, за машинкой, а перед этим раненько утром притащи с фабрики тяжеленные кипы белья, а вечером оттащи готовую работу на фабрику! И еще она, наверное, подчеркивала, что его писательство, писанина, как и прочие его занятия – дела пустые, ничтожные, если не могут прокормить. Искусство, словесность, поэзия… Никчемные слова. Вот она знала одного скульптора, так тот дом себе построил в окрестностях Минска – двухэтажный, с добротной черепичной кровлей; одних окон и дверей в доме было тридцать шесть. А скульптуры он высекал самые простые – львов сидящих и львов стоящих, и львов лежащих; этих царей с тяжелыми гривами охотно раскупали для того, чтобы они украшали собой такие же загородные дома с тридцатью шестью дверями и окнами у тех людей, у которых были такие дома, и были деньги на львов. А еще скульптор высекал покойников из мрамора и другого благородного материала, и за покойников платили еще лучше. И вот на эти денежки он купил американский автомобиль, и намеревался выкопать у себя во дворе бассейн, чтобы плавать в нем в свободное от высекания львов и покойников время. Вот это искусство! А Тема тридцатый год сочиняет какой-то рассказик – пишет и переписывает, пишет и переписывает – и никак дописать не может… Горе луковое!..

Да, а почему именно оно луковое, это горе? Потому, что слезу вышибает? Так наше горе не слезу вышибает – сопли; так и живем, соплями умытые…
Тема сунул деньги в задний карман брюк и перед тем, как выйти из дома, завернул в уборную, помочиться про запас; на уборной тоже приходится экономить – сортиры нынче сплошь платные, если нет десятки, то можешь прямо в штаны отливать – никто и глазом не поведет! Хоть уделайся посреди площади имени Юрия Фоменко – твое дело, твои проблемы, даже полицейский отвернется, не станет о тебя руки марать.
Тема, как каждый нормальный человек, любил уборные – эти кабинки уединения, эти убежища, хоть на минуту, защищающие от суеты, но с тех пор, как за них стали требовать уплаты живыми деньгами, он изменил свое отношение к ним, хотя продолжал говорить, что если где человеку и думается легко – так это в уборных. Он развивал свою мысль: сортир приземляет человека, не принижает, а именно приземляет, в сортире трудно соврать, да и в общем некому… А самому себе хорошо заливать на миру… На миру, как известно, брехня красна…
В уборной можно переждать бомбежку, пересчитать деньги, достать завалившуюся за подкладку фотокарточку… В уборной ты принадлежишь только самому себе…
В детстве деревянные туалеты казались ему игрушечными домиками, сквозь щели в досках он мог видеть многое и многих, а его не видел никто; ну чем не снайперская позиция?..
Нынче многое изменилось…
Он поднял голову – в маленькое окошечко домашнего туалета был виден крошечный кусочек утреннего неба, с небольшим облачком, с яркой хвостатой звездочкой, несущейся справа налево – не то метеоритом, не то кометой, которая, врали ученые, пройдет от Земли на расстоянии шестнадцати миллионов километров. Тема почему-то думал, что метеорит обязательно влепится в Землю – где-нибудь у речки Тунгуски или в лесах Амазонки, где все они обычно и падают, и поэтому тамошние люди - горячи и темпераментны – спешат жить, торопятся наслаждаться, пока на головы не рухнул очередной космический булыжник в тысячу тонн. И они придумали себе в утешение кетовую икру, карнавалы, самбу и текилу…
Тема нащупал прямоугольник за подкладкой пиджака и попытался извлечь его оттуда через прореху в кармане – не тут-то было. Прореха оказалась совсем

небольшой, прямоугольник не пролезал в нее. Он покрутил пиджак - и так, и эдак – вытащить завалившуюся карточку (карточку ли?) было невозможно, не разодрав подкладку. Но как же тогда она попала туда?.. Точно-точно, в мире что-то случилось этой ночью!.. Может, всего-то один-единственный атом где-нибудь переместился, изменилась какая-нибудь самая фиговая валентность – и вот результат: пиджаки падают, за подкладку к ним попадает всякая всячина!

Фаня как будто почувствовала что-то, закричала от швейной машины:

- У тебя опять понос? А?..

И когда у него был понос, когда? Не обидный у Фани юмор, нет, не обидный, но какой-то тяжеловатый… Что, у нее все его поносы на учете?..

- Да, понос, - сказал он, чтобы не молчать. – Опять…

Он рванул подкладку, она затрещала, подалась, в руках у него оказалась фотография – все-таки фотография. На ней женщина, сидящая в плетеном кресле: прямая спина, руки на сведенных коленях, кружевной воротник, носок начищенной черной туфельки, едва заметный из-под длинного тяжелого, расшитого мелким речным жемчугом, платья. На рукавах – у самых запястий - платье было отделано крупными жемчужинами: на правом рукаве пять жемчужин, на левом – четыре. Тема пересчитал – на самом деле на разных руках – разное число перламутровых шариков – пять и четыре. Может быть, одна жемчужина оторвалась только что, в фотографии, и этого никто не заметил?.. И только потом, когда проявили пленку, напечатали фотографию, обнаружили пропажу?..

Кресло стояло на фоне рисованного задника, на котором была изображена широкая река или большое озеро, в общем, большая вода, а посередине остров, а к острову через эту большую воду проложен мост… А на острове – и высоченные пальмы, и вековые дубы, и красавицы на тонконогих скакунах… Наивная и полная очарования картина. Так снимались давным-давно…

Тема пригляделся: в лице женщины было что-то неуловимо знакомое, может, похожа на знаменитую артистку или на родную сестру, умершую еще во время войны… А, может, когда-то встречал ее на выставке Николая Микушкина?.. Кто знает?.. Так иногда в толпе отличаешь человека, совершенно постороннего, впервые увиденного – и долго гадаешь – чем же собственно привлек он, что в нем, совершенно обыкновенном, заставило выделить его из тысяч других?.. Думаешь: может, духовное какое-то родство? Но никогда больше не придется встретить этого человека, не узнать о нем ничего – какое такое родство?..

Нет, нет, откуда Теме знать ее, ведь карточке этой полтора века!.. Откуда может быть знакома ему жительница позапрошлого века? Давно нет ее на земле… И кресла этого плетеного нет, и задника с живописным островом, и тяжелого, расшитого жемчугом, платья тоже нет… Впрочем, бывают лица, поразительно похожие на знакомых, родичей, на тебя самого… Но эта не из их числа. Он никогда не видел даже отдаленно похожих на нее.

На обороте надпись: «Тима, милый, на забывай все хорошее! Твоя Граня»

- Ты приклеился к унитазу? – закричала Фаня. – Может, помочь?.. Кретин…

- Помоги! – сказал Тема, сунул фотографию в карман брюк и вышел из уборной.

- С облегчением! – сказала жена. – День начинается удачно…

- День как день, да год не тот…, - ответил он ей своей любимой поговоркой-отговоркой, как показалось ему – ответил метко, даже остроумно. Она вслед ему крикнула еще раз про аспирин и больную голову, но он уже закрыл за собой дверь.

Неспешно направился к стеклянной громаде универмага, все время ощущая в кармане брюк плотный прямоугольник фотографии. Кто такая эта Граня, и как очутилась ее карточка за подкладкой его пиджака?

Он осторожно извлек из кармана фото, пригляделся. Лицо женщины казалось грустным. «Наверное, снималась на расставание, - придумал он, - Тима этот, может, на войну уезжал, или в Америку на год, а оказалось насовсем? – и она понимала, что насовсем – женщины это чувствуют. А, вдруг, он уходил на поиски этой ненайденной пока страны – царства Беловодского?.. Вернулся он или сгинул в дороге?..

«Она как будто смотрит на меня…, - привиделось ему. – Словно ждет какого-то вопроса… И обязательно на него ответит…»

Чем дольше он смотрел на нее, тем таинственнее казалась она, тем притягательнее.

- Что ты знаешь? – негромко спросил он у нее, и сам поразился тому, что разговаривает с куском картона. Ему померещилось, что напряженная фигура Грани дрогнула.

- Не молчи! – шепнул он ей. Она не ответила.

- Я схожу с ума? – произнес он еле слышно. Она улыбнулась одними губами. Он понял: кто может сказать, что не сходит с ума?..

- Сошел? Двинулся? Окончательно и бесповоротно?..

Граня чуть-чуть нахмурилась.

Он кивнул ей, чящя – пиши через «я»!
И тут только он понял (а ведь точно не скажешь, что он скородум?): Тима – это уменьшенное от Тимофея, Тема – тоже от него же, от Тимофея!.. Они тезки с этим далеким счастливчиком, которого Граня просит не забывать о хорошем. Интересно, он не забыл?..
Тема купил хлеба, огурцов, а про аспирин, конечно, и не вспомнил, прошел с чистым сердцем мимо аптеки и свернул за угол – там начиналась Коммунистическая. Давным-давно в детстве он жил на этой улице, во дворе типографии, неподалеку от которой была большая канава – целый овраг в центре города, в этом овраге он добывал дождевых червей, на этих выползков отлично клевали сазанчики в Чагане, а на Ревунке он ловил и красноперок, и язей, и чебаков… Коммунистическую пересекала Почиталинская, и здесь он сворачивал налево – мимо детского сада, приютившегося в старинном особняке, мимо конторы книготорга, где сквозь стекло были видны огромные стопы книг на подоконниках; здесь всегда ему кричал из форточки товаровед Яков Иосифович: «Тема, когда, наконец, ты допишешь свой рассказ, и твоя новая книга поступит к нам?..» Вот и нынче товаровед подал голос: «Тема, ты «Уленшпигеля» читал?.. Помнишь про пепел Клааса?..
- Помню, к чему это вы?.. – ответил он.
- Надо помнить… Нельзя ничего забывать…
Рядом с конторой стоял дом тети Лиды Глуховой, все ее так звали, а возраста ее никто не знал.
- Здравствуй, милок! – поздоровалась она из-за невысокого покосившегося забора. – Свадьба-то скоро?..
Она всегда спрашивала насчет Володькиной свадьбы, имела немалый интерес, потому, что была мастерицей играть на саратовской гармонике, никакое веселье на Почиталинской, да и Коммунистической тоже, не обходилось без нее.
- Мал еще Володька, в школе пока учится, - сказал Тема, вспомнив про новый учебник и про «чящя».
- Вот оно как! – в который уж раз огорчилась тетя Лида Глухова. – Пусть подрастает скорее, пока не померла я…
Поворот направо – и Тема вышел на Маметовскую. Отсюда всего квартал – и Советская.
- Не видел тебя со вчерашнего дня, - на углу остановил его Нерадигонорара -

девяностолетний журналист из «Приуральской правды», имя которого забылось еще в прошлом веке. – Случилось чего? День удачный?..

- Как будто все нормально, - ответил не очень уверенно Тема. – День как день, да год не тот…

- Вот и я чувствую: приключилось что-то неладное…

- Где приключилось? – не мог не спросить Тема.

- Если бы знать… В том-то и беда наша, что никто ничего не знает и не помнит… Вот в одна тысяча девятьсот сорок девятом году в кинотеатре «Летний» показывали «Тарзана»… Впрочем, это неважно… Перед началом фильма я зашел в фотографию «Модерн»… На улице Крестовоздвиженской была эта фотография… Так вот, улицу-то эту переименовали еще раньше…

- И как она стала называться? – Теме почему-то стало это интересным. Почему это заинтересовало его – он понять пока не мог.

- Вот и я говорю! – вздохнул Нерадигонорара. – Никто ничего не помнит… Но есть места, где ничего не забывается, ничего…

И он неспешно, шаркая ногами, потащился по Маметовской, свернул на Почиталинскую. Тема хотел окрикнуть его:

- Э-э-э…

Как окликнешь старика, если имя его потерялось давным-давно?

Тема подумал, что нечто странное было сегодня в поведении корреспондента «Приуральской правды», газеты, которая так же, как ее журналист, позабыла свое имя. Но что?.. Что?..

Он даже остановился на минуту, стараясь понять, что же поразило его в старом писаке, изведшем не одно ведро чернил на газетное вранье. Ну, конечно же, как Тема сразу не обратил на это внимание! Ведь Нерадигонорара всегда встречался ему на углу Почиталинской, а сегодня почти у самой Советской! Кроме того, прежде он рассказывал только о «Тарзане»… А сегодня, сегодня…появился «Модерн». «Модерн»…

Он перешел Советскую, помахал рукой Поле – продавщице мороженого, спросил:

- Как всегда, пломбир в стаканчиках?..

Ответ немного обескуражил:

- Нет, Тимофей Максимович, сегодня эскимо…

Тридцать лет не было в этом киоске эскимо. И не только в этом. И потом - откуда Поля знает, как его зовут?.. После этого разве возьмешься утверждать, что в мире

не произошло ничего особенного?.. А этот самый «Модерн» - почему он застрял в мозгах? Откуда он? Откуда?..

И память тут же подсказала ответ. Случается иногда, что она выталкивает на поверхность не только события времен Рыжечки, но и то, что случилось утром, час назад, за пять минут до этого. Тема достал из кармана фотографию, женщина улыбнулась ему с картона, как старому знакомому. Внизу снимка, в самом уголке стоял штамп: «Фотоателье «Модерн», ул. Крестовоздвиженская, 38». Вот оно что!.. Вот оно… Но почему Нерадигонорара вспомнил об этом ателье? И почему именно сегодня?.. Странно…

Вообще, в этих обширных краях бывает немало странного, необъяснимого. Как-то случилось ему выехать на машине из города – в степь, в заросшие весенней травой барханы – без малого тысячу километров пришлось отмахать по безлюдным местам, и однажды ночью он заметил светящуюся точку. Он так устал бороться с дорогой, усталостью и сном, что решил завернуть на огонек, попросить чашку спасительного казахского чая, а к чаю обязательно приложится и ночлег на прохладных корпешках. Он поехал на огонек, который по степным неведомым законам сначала отодвигался от него едва не целый час, а потом быстро двинулся навстречу, и Тема затормозил у одинокого столба, на котором на ветерке раскачивалась горящая лампочка. Током ее питал небольшой электрогенератор, который трещал у самого столба. И больше ничего не было вокруг на сто километров. Если не считать длинной деревянной скамьи, такие любят устанавливать в провинциальных парках рядом с гипсовыми статуями горнистов и футболистов с отбитыми головами.

Тема вышел из машины, крикнул:

- Ау!.. Аааааууууууу!..

Никто не откликнулся. Тогда он достал из машины спальный мешок, расположился на скамье и заснул под гортанные крики каких-то невидимых птиц. Засыпая, он благодушно подумал, что, может быть, здесь гнездилище волшебных птиц Самрук и что к утру они растерзают его усталое тело, и ему больше не суждено проснуться. Но он проснулся от солнечного света, бившего прямо в глаза. Птиц Самрук не было видно, но лампочка на столбе была выключена, как был выключен и генератор.

- Ауууу! – опять завопил Тема, но, само собой, никто не откликнулся. – Аааааууууу!..

Он походил вокруг столба, осмотрел местность: спрятаться в этой ровной, как

крышка стола, степи было некуда. Кто включал и выключал эту одинокую лампочку - так и осталось навсегда для Темы загадкой. Еще большей загадкой для него было и то, зачем включали эту лампочку. Зачем?..

Задумавшись, Тема едва не угодил в яму. Путь преградила глубокая траншея, как окоп с бруствером. Ни мостков, ни хотя бы завалящей хлипкой доски не было переброшено через бездну. Вчера этой линии обороны не было, сегодня она надежно перекрыла путь к маленькой калиточке в длинном деревянном заборе. Пришлось обходить целый квартал, пока, наконец, он не оказался у того места, куда приходил каждый день, срезая дорогу при помощи незаметной калиточки; сегодня впервые он пришел сюда не с тыла, а с фронта. На воротах висела ржавая жестянка с едва заметным номером – 38. Тема поднял глаза – чуть выше была вторая жестяная табличка с полузатертой надписью: «ул.Крестовоздвиженская».

- Так я и знал, так и знал! – вздохнул Тема, хотя, конечно, ничего этого он не знал и даже не предчувствовал. Но ведь он искал случай…

Он впервые вошел во двор через ворота, и ему навстречу из-под яблонь выкатилась черная звонкая собачонка и бесстрашно атаковала одну из штанин Темы. Он всегда боялся собак, даже таких крошечных. Кошек, впрочем, тоже боялся.

Собак поощряет страх, и звонкая черная словно собиралась разорвать его, и, наверное, разорвала бы, не появись вслед за собачонкой седоусый садовник, во всяком случае, так он выглядел – в выцветшем брезентовом плаще, такой же потерявшей цвет шляпе, в огромных, просто необъятных, резиновых галошах на босу ногу. Он зашикал на собачонку, отогнал ее от Темы:

- Прочь Троглодит, прочь!..

- Здравствуйте! – сказал Тема и спросил:

- Как собачку зовут?.. Троглодит что ли?..

- Конечно, Троглодит… Тима, так ты сам ей такую кличку придумал…

- Что? – растерялся Тема. – Я придумал?..

- Я об чем и говорю! – порадовался его памятливости садовник. – Как только нам его подарили, так он сразу принялся на тебя шуметь, и по сей день, как увидит тебя, так заливается… Почему-то не признает за своего…

- Своего?.. – растерянно переспросил Тема.

- Вот ты его и наградил имечком…, - сказал садовник.

- Вы, должно быть, ошибаетесь… Мы с вами не знакомы… Да, я бываю здесь частенько – мимоходом, - но с вами не встречался… Не доводилось…
Садовник улыбнулся молодой улыбкой, дескать, и мы ценим шутку:
- Ну, ты даешь Тима!..
И, кроме того, я не Тима, а Тема!..
- Да ладно тебе!..
Садовник вытащил из кармана румяное яблоко, обтер полой плаща, протянул:
- Вот попробуй, это как раз с той самой яблони…
Тема взял яблоко, крепкое, прохладное, спросил:
- С той самой?..
- Ну, да, которую вы вместе Граней посадили… Вот она, щедрая…
Тема посмотрел: дерево как дерево. Он надкусил яблоко, сладкое. Что-то нужно было сказать, но что?
- Так, может быть, и фотография «Модерн» еще существует? – придумал он вопрос с заковыркой. А что, пусть не разыгрывает его!
- А куда же она денется? Ты стоишь перед ней…
Тема огляделся, как же он прежде не замечал на деревянном сарае со стеклянной крышей надписи – «Модерн»?..
Все меньше происходящее походило на розыгрыш.
Тема задрал голову: яркая хвостатая звездочка кометы была над головой. Он вздохнул облегченно: мир на месте. Но тут же колючая льдинка страха заползла в душу: комета катилась по небосклону слева направо – с прицелом на Землю, а не справа налево – мимо, мимо, мимо Земли, и этого законами природы невозможно было объяснить. Если здесь не придуманы другие законы. Он закрыл глаза и тут же открыл их: комета держала путь направо.
- Вот, и звезда наша «Полынь» на месте, - сказал садовник и тяжело воздохнул. – Привыкаем постепенно к ней… Учимся не повторять двадцать раз на дню, что осталось шестнадцать лет…
- Чего осталось? - жутко стало Теме от собственной догадки.
- Не притворяйся, Тима, - с некоторым нажимом сказал садовник. – Не шути этим… Больно невеселая шутка получается…
- Ты хочешь сказать, что эта космическая скала врежется в Землю?..
- Первым эту новость принес ты, помнишь? Пришел утром, потерянный, тихий, одним словом, в воду опущенный и говоришь: «Сейчас по радио передавали, что

комета, получившая название «Полынь», не пройдет мимо Земли в шестнадцати миллионах километров, как предполагалось прежде, а врежется в нашу несчастную планету ровно через шестнадцать лет; скорее всего, погибнет все живое на Земле!..» И ты еще тогда засмеялся, дескать, отмерено всем-всем до полного совершеннолетия… А потом уже выяснилось, что это какие-то условные научные годы, а на самом деле намного меньше… Вон как она разгорается с каждым днем на небе, даже в самый солнечный день видно…

- Не может быть! – сказал потрясенный Тема, все еще не желая поверить в реальность происходящего. И тогда он решился на еще одно испытание:

- Через какую букву пишется «ча» – «ща»?..

- Ну что вы, Тимофей Максимович, в самом деле!.. Все знают, что через «а». Как раз недавно выпустили новые учебники, так в них это правило, конечно же, подтверждено…

- А «кофе» среднего рода?.. – не сдавался Тема

- Да нет же, мужского…

- Не может быть! – сказал он. – Какой на дворе год?..

- Это уже слишком, Тима! – начал сердиться дворник. – Тот же самый, что был сегодня с утра, когда мы виделись с тобой – шестнадцатый…

- Девятьсот шестнадцатый, то есть одна тысяча девятьсот шестнадцатый?..

- Ну, все, надоело! – отвернулся садовод и направился к деревянному сараю, сказал через плечо:

- Шестнадцатый… Просто шестнадцатый… А прошлый год был семнадцатый, позапрошлый – восемнадцатый. А будущий будет пятнадцатый…

Он остановился у двери, спросил негромко:

- Так ты идешь? Или продолжишь придуриваться?..

И Тема пошел за ним, волнуясь: неужели, неужели?.. Неужели так бывает?.. И убедился, что бывает, еще не дойдя до распахнутой садовником двери. Низкий, чуть хрипловатый женский голос, позвал его:

- Тима, милый!..

Нагнув голову перед невысокой притолокой, он шагнул через порог, в неожиданно светлое обширное помещение, в центре которого сидела в плетеном кресле женщина: прямая спина, руки на сведенных коленях, кружевной воротник, носок начищенной черной туфельки, едва заметный из-под длинного тяжелого, расшитого мелким речным жемчугом, платья. На рукавах – у самых запястий

-платье отделано крупными жемчужинами: на правом рукаве пять жемчужин, на левом – четыре…

Тема открыл рот, чтобы сказать «Здравствуйте!», а почему-то получилось «Вот и я…»

- Все хорошо, милый? – спросила Граня.

- Ничего…, - промямлил он. – Эта Крестовоздвиженская улица теперь Коммунистической называется, да?

- С чего ты взял? – внимательно посмотрела на него она. – Как была Крестовоздвиженской, так и остается ею…

- А параллельная с ней – Форштадтская, - напомнил садовник.

- Маметовская? – растерянно спросил Тема.

- А еще дальше – Мостовая, а пересекает ее Большая Михайловская, ты запамятовал что ли?..

- Помню, помню, - сказал он. – Все помню…

И внезапно понял, о чем сегодня говорил старый газетчик. Все очень просто: есть миры, где никто ничего не забывает…

- Граня…, - начал он и сбился. Что он хотел сказать ей? Что под утро со стены упал пиджак, что комета пролетает мимо, что с сегодняшнего дня «чя» – «щя» нужно писать через «я»?.. Что стоит только свернуть в незнакомый переулок, как окажешься в незнакомой вселенной?.. Что никакой он не Тима, а стареющий неудачник из соседнего мира? Что..., что…

- Да, милый!.. – повернулась она к нему, и он подумал, что не нужно ничего говорить. Ни к чему. Она знала все – об этом обреченном городе и мире, о нем самом, почти все о себе самой… И еще ее глазах было все то, что снилось ему сегодня под утро, и что он не мог никак вспомнить, а, оказывается, сон был прост и ясен. Как будто он из счастливого далекого далека? Долгий тягучий рассвет над старым городом, первые лучи солнца, отраженные в водах июньской речки, которая всегда называется Чаган, внезапный утренний дождь, который проходит за три минуты и запоминается навсегда, ее ладонь, в которой перемешались вкус дождя со вкусом поцелуев, любовь, которой не страшны ни кометы, ни изменения в грамматике…

Он подумал: «А вдруг здесь мир, в котором любят, в том числе и меня? Пространство любви?..»

И тут же он вспомнил: обреченное пространство!..

- Что ж ты молчишь, дорогой? – переспросила она.
- Я не молчу, - хрипло произнес он. – Я говорю... Я думаю, что пятая жемчужина с рукава платья закатилась под кресло… Нужно поискать…
- Да нет же, нет… Хоть это и скатный жемчуг, но он никуда не закатывался…Он просто так называется…Говорят, что это застывшие слезы, скатившиеся на зеркало из девичьих глаз. Кто говорит, что это были слезы счастья, другие – слезы беды… Ты никогда не верил в эту историю, ты всегда говорил, что жемчуг - это зрачки рек и морей…С тех пор, когда ты растворил эту жемчужину в вине и выпил это вино, ты почему-то время от времени спрашиваешь о ней, тебе кажется, что стоит ее поискать хорошенько – и она найдется… А она не находится…Ты тогда был не так уж и пьян… Помнишь, тогда еще гроза налетела и порыв ветра распахнул все ставни в доме… Не думаю, что ты забыл…
Он промолчал. Не говорить же ей, что никогда не растворял он в вине жемчуг, никогда не пил это вино, что в паре кварталов отсюда его ждет Фаня, пытающаяся на швейной машинке уехать от нужды и скуки. Что он вообще может сказать Гране, живущей в странном убывающем мире?..
- Вспомнил? – настойчиво спросила Граня. – Не можешь это забыть!..
И он вспомнил.
…И откуда только взялся на его голову, этот тип в пыльной фетровой шляпе? Может, пришел сфотографироваться, может, поглазеть на фотовитрину «Модерна», где дамы застыли в кисее, шляпках, нитяных перчатках, а мужчины с шашками – казаки, офицерье, заступники, а кому шашка не по чину – тот держит книгу в золоченом переплете - «Историю» Йегера. Если приглядеться, то и шашка, и «История» - одна на всех сфотографированных. Как будто снималась родня… Большая родня. Выбрала время и снялась, и навек осталась на фотографическом картоне.
Он, кажется, тогда так и спросил:
- Что, они все родственники?.. Сабля прицеплена одна и та же?..
- Шашка, - поправила его Граня. – Не сабля, а шашка…
- Да какая разница, чем голову снесут – саблей ли, шашкой ли…
- Все равно – «шашка», - вставил слово садовник, который всегда поспевал к любому разговору, а если уж где-то пахло выпивкой – он попадал туда первым, иногда еще задолго до того, как кому-то приходила в голову счастливая мысль – сбегать за бутылкой. В некоторых кампаниях появление садовника стали

воспринимать верным сигналом к началу пьянки… Вообще, об этом садовнике ничего не было известно, никто не знал – садовник ли он вообще – и где живет, и сколько ему лет, и почему все называют его садовником? А, может, он был сторожем в саду, а может, он был известен Гране, как составитель фотографических растворов и особенно силен был в закрепителях? Хороши были и его проявители, но фиксажи – просто превосходные, и он по праву гордился ими?

Тип в пыльной шляпе спросил у Грани:

- Ваше фотоателье специализируется исключительно на портретах, потому, что пейзажная съемка особенно хлопотна?..

- Ну отчего же, - сказала Граня. – В прошлые годы мы сняли несколько пейзажных серий…

Он почему-то ей понравился. Очень. И это сразу у нее было заметно. Это всегда у нее было заметно, она никогда не могла этого скрыть – не умела, а, в общем-то, и не хотела. Года три назад она с первого взгляда влюбилась в студентика, который случайно зашел в «Модерн» - перепутал ателье с харчевней, наговорил кучу дерзостей, наврал с три короба, а она влюбилась в него, как заразилась – скоротечно, тяжело – и мучалась она, и Тиму мучила, и ничего не скрывала, и порывалась выпить уксус. Студентик каждый день приходил в ателье, притаскивал букеты, которые воровал с клумб на столыпинском бульваре. Он говорил, что увезет ее в Бобруйск, где у него жила мама, и что он поступит в службу, что проживут как-нибудь, она сможет играть в тамошнем театре – внешность у нее очень артистическая, – наплел и много другого вздора… Тогда она сумела выздороветь, а студентик уехал, наверное, в Бобруйск. Она сказала Тиме:

- Прости, но я не виновата, что влюбчива… Это, наверное, дар такой, как ты думаешь? Но помни – тебя я буду любить всегда…

Он утешился, но время от времени рана давала о себе знать. И вот этот тип в пыльной шляпе…

- К вечеру быть дождю, - заметил Тима, - нужно бы закрепить ставни, да и жалюзи закрыть. В последнюю грозу разбило в павильоне три стекла…

- Меня зовут Вальдемар, - представился тип. – Путешественник, действительный член географического общества, автор книжки – она довольно известна и в ваших краях – «Земля рассветная»…

- Конечно, конечно, - сказала Граня, - читали ваш труд с восхищением! Довольно

оригинальный взгляд!..
Тима увидел, как загорелись ее глаза.
- Наверное, и гроза будет, тучи наползают свинцовые, - попытался он вернуть ее в павильон. Но она не слышала его.
- Мы могли бы показать вам наши скромные пейзажные работы, - сказала она Вальдемару. – При условии, что вы не очень торопитесь…
Тот, конечно, никуда не спешил.
- Однажды на реке Псоу, - начал он какой-то рассказ, - нас застал ливень, не дождь, а настоящий потоп… Вот тогда действительно пришлось торопиться, еще как!..
- Дорогой, - повернулась Граня к Тиме, - может быть, вы с садовником сходите за вином?.. Выбери лучшее, он один, боюсь, отдаст предпочтение только крепким напиткам… Нам ведь не жемчуг растворять, нам жажду утолять, правда?
- Можно и жемчуг растворять, - буркнул он.
- Милый, ты, кажется, сердишься? – спросила она. – Думаю, причин для этого нет.
Низкий хрипловатый ее голос стал как будто мягче, вкрадчивее, Тима знал, в каких случаях он становится таким, и ревность царапнула сердце.
Вино хранилось в кладовой на краю сада, и когда они с садовником отправились туда, уже накрапывал дождь. Они нашли в кладовой плетеную корзину, выбрали с дюжину бутылок, покрытых пылью – «Каберне», «Салхино», «Фетяска»… Садовод настоял, чтобы взяли и пару бутылок малоизвестного пока портвейна «Talass».
Когда они вернулись с вином, то Граня с гостем сидели в креслах бок о бок, и она показывала гостю большой альбом с фотографиями. На Тиму с садовником они даже и не посмотрели.
- А вот снимки самого первого года этой экспедиции… Какой незабываемой она оказалась, какой чудесной!.. Это Александр Мамин, а это Алексей Аблаев – путешественники божьей милостью… В каких только походах они не были!.. Это Лариса Санникова… А это виды Урала… Вот Жемчужный яр, вот яр Маринкин… А это Сауркин утес… Посмотрите, как красиво!..
- А кто эти бородачи?..
- Это Александр Зузанов, а это Геннадий…
- Может, все-таки выпьем? – решился подать голос садовник. – За фотоискусство, за знакомство?..
Возражать никто не стал.

Садовник ловко откупорил первую бутылку, наполнил бокалы, не пролив не капли. Это большое искусство – не пролить. За это искусство подняли второй тост. Третий – за путешественников, которые домом считают старую палатку на яру. Четвертый – за степь, пятый – за лес, шестой – за Урал, седьмой - за дожди… И в это время сыпанул за окнами ливень. Тогда стали пить за женщин, за мужчин, за любовь…

- За любовь мужчины пьют стоя! – предложил Вальдемар.

- Женщины тоже пьют за любовь стоя! – поддержала его тост Граня.

После тоста за родину последовал тост за родное правительство, после этого Тима предложил заканчивать пьянку. Граня легкомысленно махнула рукой, а Вальдемар принялся рассказывать, как однажды он, вместе с другими сумасшедшими, искал (да, да, а кто его не ищет?) Беловодское царство:

- То, что оно, царство, существует – сомнений ни у кого нет. Я имею ввиду – серьезных сомнений… Не буду сейчас приводить какие-то доказательства, цитаты из старинных мудрых книг, свидетельства тех, кто клянется, что побывал там – и, естественно, мед там пил, и женился там, и прописан был там, и еле ноги оттуда унес; меня убеждает в существовании этого царства справедливости одно: если есть сотни царств, где все так плохо, то почему не быть хотя бы одному, где все хорошо?..

- Я – согласна полностью! – поддержала его Граня.

- А я – не согласен категорически! – сказал Тима. Он так не думал, он спорил от ревности. – Нет ничего такого, что невозможно было бы найти… А вашу Шамбалу уже ищут сотни лет. И самолетами, и спутниками из космоса, и электрические сигналы посылают – все напрасно…

- Не открывается этот остров, кому ни попадя!.. Ведь натащат скверны, не отмоешься потом, ни очистишься! – подал голос садовод.

- В своих скитаниях мне однажды встретилась странная девочка – Лизавета, - продолжил Вальдемар, - она тоже искала Беловодье…

- И что же странного в этой искательнице? – спросил Тима. – Наверное, их тысячи бродят по земле… Все сегодня бросились на поиски счастья, которое ждет их в счастливой стране, как будто это туго набитый кошелек…

- Так эта девочка путешествует на кресле-каталке, она инвалид. Она не просто верит в эту страну, она видит ее наяву – такой у нее дар…

- Я тоже слышал об этой самой Лизавете, - сказал садовник. – В соседнем саду

говорили, что по ней очень скучает кактус, зеленый, как динозавр, что живет на подоконнике в брошенной ею квартире…и давно он бросился бы вслед за ней, да не решается динозавр оставить совершенно одну бабушку Лизаветы… Но я слышал, что как будто они втроем все-таки отправились вслед за девочкой…
- Ведь их с бабушкой только двое... так вы говорили, – напомнил Тима, снедаемый ревностью.
- Кто говорил – двое? – удивился садовник. – А домового куда дели? Домовой, наверняка, с ними пошел… Был еще и кенар, желтый, как пустыня, но он умер однажды утром… Яркие уходят рано…
- Ну и каковы результаты этих поисков? – спросил с иронией Тима. – Налажены ли дипломатические связи, произошел ли обмен послами, вручены ли верительные грамоты, открыто ли уже регулярное самолетное сообщение с этой заповедной страной?..
Знатный путешественник выразительно посмотрел на Тиму. Взгляд Грани был также полон сожаления.
- Разве находить уже стало важнее, чем искать? – спросил Вальдемар.
Тима хотел сказать «Дурак ты заповедный», но не сказал, потому, что даже после седьмого тоста оставался культурным человеком. Он сказал другое:
- А я предлагаю выпить!.. За Граню…
Все его поддержали.
- Но я буду пить за нее вино жемчужное…
Он подошел к Гране, она с улыбкой протянула ему руку – посмотрим, каких пределов достигает мужское безумство! – и он оторвал одну жемчужину с рукава ее любимого (и его любимого – оно так шло к ней!) платья. Жемчуг этот назывался скатный, он как раз и приносит счастье. Тима бросил жемчужину в бокал с вином, кажется это был Talass, посмотрел бордовый хрусталь на свет – и в это время на дворе разорвалась ослепительная шрапнель молнии, сухой треск разряда превратился в оглушающий грохот, порывом ветра распахнуло несколько ставен, посыпалось битое стекло. Все кинулись закрывать ставни, за окном полыхнуло и ударило еще раз.
- Как будто в нас метит! – закричала Граня.
Ударило и в третий раз, да так, что дрогнула земля. Путешественник и действительный член географического общества побледнел, попятился от распахнувшегося окна и осенил себя крестным знаменем; перекрестился и

садовник.
Тима указательным пальцем нащупал в своем бокале жемчужину, вытащил ее. Никто не увидел этого. Он положил жемчужину в карман, сказал громко:
- Я же говорил, что гроза идет…
- Да! – сказал садовник. – Электричество блуждает по миру. Оно повсюду. Говорят, что даже в океанах завелась электрическая рыба – и светло ей от себя самой в сумрачных глубинах, и охотится она при помощи электричества, и оборону тоже электрическую держит… В Америке, слыхал я, завели даже электрическое искусство… электроарт – большущее будущее у него… Полное отражение действительности и одновременно – управление действительностью на расстоянии – по специальным проводам. Невероятной эмоциональной силы искусство, колоссальной силы… Это как динамит с электрическим запалом… Нажимаешь на кнопку – и взрыв в сознании!.. Революционное искусство, иначе не скажу…
- Сколько уж можно взрывы устраивать? – сказал Тима. – Хоть в сознании, хоть без сознания?..
- А вы, как будто, боитесь грозы? – повернулся он к знаменитому путешественнику. – Разве не бессмысленно опасаться того, что невозможно предугадать? Неизвестности?..
- Вот неизвестности как раз и следует бояться, - ответил Вальдемар, - она страшнее всего…
Тима отметил про себя, что трусоватость действительного члена географического общества заметила и Граня. Заметила и усмехнулась. Теперь нужно было закрепить успех.
- Итак, пью здоровье Грани! – сказал он, переждав раскаты грома. – С жемчужиной!..
И он выпил вино до капли, перевернул бокал, и все увидели, что в нем жемчужины нет.
- Ты просто сумасшедший! – с восхищением произнесла Граня. – Откуда у тебя эти гусарские замашки?..
Он промолчал, скромный герой. Безрассудный. Отчаянный. Влюбленный.
Граня потеряла интерес к путешественнику…
Как Тима мог забыть этот случай?.. Может, его забыл Тема?
- Да, я вспомнил! – сказал он ей, и для чего-то посмотрел вверх – через

стеклянную крышу на комету. Павлиний хвост ее разгорался слева направо: по-прежнему Тема в мире, взятом под прицелом звездой «Полынь».
- Вот, видишь…, - улыбнулась Граня, - вообще, в последнее время ты какой-то странный. Впрочем, все мы теперь странные… Сегодня утром я читала книгу известного футуролога Фоменко…
- Того самого? – спросил садовник.
- Ну, да, Юрия Фоменко… Он утверждает, что уже через двадцать лет человечество сможет решить многие проблемы – экономические, социальные…в общем, наступит золотой век благоденствия – ни эпидемий, ни революций, ни…
- А когда была написана эта книженция, - спросил Тима-Тема.
- После…после того, как о комете объявили…, - сказал садовник. - А что это меняет?.. Книжки теперь не писать? Дома не строить?..
- Детей не рожать?.. – спросил Тема, и вопрос получился с непонятной издевкой, и он сам это понял.
Граня взяла его за руку:
- И детей будут рожать до последнего часа… Милый, как же иначе? Неужели весь мир должен заняться приготовлением савана?.. До последней минуты будут любить, сочинять стихи, строить планы на отпуск. Мы же не боги – мы люди, мы знаем, что не вечны, но это не мешает нам ржать над анекдотами…
«Наверное, она права, - подумал Тема, - но ведь страшно, еще как страшно видеть над головой этот растущий и растущий с каждым днем кометный шлейф!..»
И вдруг, как в школьной арифметике – «один пишем, а пять в уме» - из памяти вынырнуло, что ему-то, Тиме, опасаться совершенно нечего, он из другого мира, совсем из другого. Не из этого, где его любят, где он угощается яблоками с яблони, которую, оказывается, он посадил когда-то вместе с Граней, а из того, где никто его не любит, может, только Володька, но и он навряд ли… Не любят, но зато комета там пролетает мимо, и там еще долго можно искать необходимый случай и нужное слово. И ничего, что пока не нашлось ни того, ни другого – в том мире можно не торопиться… Там никто поминутно не смотрит в небо…Там у всех времени сколько угодно! Вот сейчас Тема вежливо откланяется, выйдет через калиточку и пойдет домой к Фане…домой… домой?..»
Он оглянулся на дверь, да, наверное, так выразительно, что садовник похлопал его по плечу, сказал:
- Засыпают, уже засыпают эту траншею, десятка полтора землекопов прислали,

скоро снова можно будет через калитку ходить…

Тема смешался:

- Да я, собственно, не поэтому…

Садовник засмеялся:

- Я все понимаю… Запасной выход должен быть… Плохо, когда у человека всего одна дорога, скверно… Вот тогда за подкладкой рано или поздно находится карточка…

- Откуда вы про карточку узнали… Я вам ее показывал?..

Садовник не ответил, наверное, не услышал вопроса.

Зато Граня услышала.

- Что, нашлась та фотография? – спросила она.

- Где на одном рукаве четыре жемчужины, на втором пять?.. – переспросил Тема.

- Ну, да, на которой я снята в тот день, когда ты вино с жемчугом пил… Я тебе подарила ее, а ты умудрился потерять ее уже на другой же день. Почти семь – да, семь – лет с тех пор прошло. Где же она нашлась?..

- За подкладку завалилась, - ответил Тема.

Граня поднялась со своего ротангового кресла, протянула руку к Теме:

- Давай!.. Оторвавшуюся подкладку нужно сразу пришивать, иначе есть риск потерять больше, чем фотокарточку. В добрую прореху и судьба может провалиться, правда, ведь, Тема?

Ему показалось, что она назвала его Темой, но она могла и оговориться. Он снял пиджак и отдал его ей.

- Пойдемте в дом, сегодня что-то нет желающих запечатлеть себя, - предложила она.

- Наверное, в последнее время люди снимаются реже? – спросил он.

- Нет, отчего же. Пожалуй, даже чаще…Значительно чаще…

Они вышли в сад и двинулись к одноэтажному деревянному особняку, скрытому от посторонних глаз за развесистыми яблонями, сливами, ранетками.

- Старый сад, - сказал Тема.

- Не молодой, - ответил садовник.

- Здесь все старое, - с сожалением в голосе произнесла Граня.

«Да, я могу уйти отсюда в любую минуту, - вдруг пришло в голову Теме, - а он, он… Тима может уйти?..»

- А вот яблоня, которую мы посадили вместе с тобой четвертого апреля…, -

сказала Граня.
- А в каком году? – спросил он. Она промолчала, вздохнула, потом сказала негромко:
- Неплохие на ней яблоки…Только кислят чуть-чуть…
Они зашли в дом, в котором было прохладно, полутемно, солнечные лучики, пробившиеся сквозь белые тюлевые занавески на окнах, были рассыпаны по полу, как битое стекло. С одной стены смотрели фотографические портреты усатых, бородатых бравых мужчин; дамы бросали на них взгляды с противоположной стены, казалось, что все пространство дома взято под прицел.
- Это мой дядя, - показал садовник на господина с дюжиной медалей на молодецкой груди, держащего фуражку с малиновым околышем, как арбуз на согнутой руке. – В войну показал себя отменным храбрецом!..
Тема не стал спрашивать – в какую войну. Войн так много, что дяде-храбрецу есть, где заработать медали.
- Сейчас будем пить чай, - сказала Граня. – Вот только подкладку починю…
- Спасибо, мне пора…Занят… Жара-то, жара-то стоит какая! – садовник не пояснил, как зной влияет на его занятость, скорее всего, он понял, что никакой выпивки не намечается, и ушел, потоптавшись с минуту у двери: может, окликнут? Может, поймут, что в зной хорошо пьется кисловатое каберне, не помешает и прозрачный прохладный рислинг… Даже портвейны годятся в такую погоду, если они не теплые… А они не теплые!.. Некоторые борются с жарой даже капелькой водки, а если она со льда, то можно и больше…
Но никто его не окликнул, не позвал, и он ушел.
Граня взяла с тумбочки небольшой сундучок, открыла, в нем оказались иголки, нитки, пуговицы.
- Помнишь, мы купили его с тобой в Альбене? – спросила она.
- Конечно, помню, - сказал он, но не вспомнил. В памяти возникло только море, замок, где давным-давно коротала дни какая-то королева, аллея над морем, водопад – и больше ничего…
Граня вдела нитку в иголку, взялась за коварную подкладку. Сделала несколько стежков, остановилась.
- Здесь еще что-то есть, - сказала она, - сейчас достану…
Тему кольнуло предчувствие.
Граня извлекла на свет жемчужину – ту самую.

Тема готов был сквозь землю провалиться.
- Конечно же…, - начал он, - это шутка…
Граня вздохнула:
- Хорошо, что она нашлась, теперь на обоих рукавах будет жемчужин поровну…
- Извини, что так вышло, - Тема все старался объяснить необъяснимое, но она, казалось, не слышала его.
- Я тогда так переживала, думала, не будет ли это вредно для твоего здоровья, - сказала она. – А теперь вот все прояснилось.
«Но ведь это не я, это Тима такой финт выкинул, - вспомнил он. – Я не испугался бы выпить с жемчужиной, и не такое приходилось пить…»
И тут же выплыло другое: «А разве Тима – это не я?.. Другой?.. Но кто?..»
- Вот, готово! – протянула она ему пиджак. – Намертво пришито, больше ничего не завалится.
Он хотел сказать «Хорошо ли это, что не завалится?», но промолчал.
Она подошла к нему, положила руки на плечи, проговорила негромко:
- Знаешь, у меня иногда такое чувство, что все мы живем еще где-то… Что всем нам дано несметное количество жизней, и мы переносимся из одной в другую, не зная об этом. Скажем, днем находимся здесь, а ночью совсем в другом месте. Или наоборот, днем там, а ночью здесь… И для нас реальна только та жизнь, в которой мы находимся в этот момент, а уже через секунду станет реальностью другая жизнь, а предыдущая будет забыта… У тебя так не бывает?..
Он промолчал, поцеловал ее в щеку. Под кометой, летящей слева направо, он имел на это право.
- Но иногда эти никогда не соприкасающиеся наши жизни сближаются, и мы ощущаем странную раздвоенность, разтроенность…
- Разчетверенность, - пошутил он.
- Не смейся, я серьезно…
- И я всерьез, - сказал он. – Не могу отделаться от ощущения, что многое в моей жизни было не со мной, или я – это совсем не я… Но кто же тогда я?.. В общем, подсознательные фантазии на тему «а что бы случилось, если бы я вчера сел не на третий трамвай, а на пятый?»
- Вот-вот! – подхватила она. – Я где-то слышала, что иногда нас одолевают воспоминания о непрожитых жизнях… Только, думаю, что это все-таки воспоминания о жизнях проживаемых, но не здесь…

Она умолкла на минуту, потом продолжила:
- Сегодня утром разговорилась с женщиной в автобусе, имя у нее запоминающееся – Фаня – и она рассказала, что ее муж работает в универсальном магазине, в отделе моющих средств, но иногда по утрам представляет себя писателем, считает, что он автор многих книг, и тогда уходит бродить по городу якобы в поисках новых образов, не затертых слов, не приевшихся сюжетов… Он и правда иногда что-то пишет в общую ученическую тетрадку, но за тридцать последних лет он вырвал из нее больше страниц, чем написал слов… Она потихоньку от него обращалась к специалистам, но они не нашли у него отклонений…в общем, сказали, что лекарств ему не надо.
- Как ее зовут? – деревянным языком спросил Тема.
- Фаня…
- Она белье везла?..
- Да, точно… Я обратила внимание, что у нее кипы пододеяльников, простыни, наволочки… Она сказала, что на фабрике надомного труда работает… Ты тоже ее видел?..
- Сегодня… сегодня видел утром, - сказал он. – А насчет лекарств она не права – нам всем не обойтись без лекарств…
И в эту самую секунду Тема вспомнил, что Фаня поручила ему купить аспирину, а он прошел беспечно мимо аптеки, не вспомнил о ее просьбе… Не сойдет ему это с рук!
И тут же на глаза попалась картонная коробка, в которой ворохом лежали пирамидоны, бинты, лейкопластыри. Граня перехватила его взгляд:
- Тебе аспирину нужно? У меня тоже голова сегодня плохая… Дай и мне таблетку…
Он принес ей таблетку, налил в стакан воды из графина, а оставшуюся пачку аспирина сунул в карман пиджака – теперь за подкладку ничего не завалится.
Она поцеловала его, произнесла негромко:
- Лето такое короткое в нынешнем году… А дни тянутся долго… долго…
- Да, я заметил, - сказал он, томясь; за подкладкой нашлась не жемчужина, его собственная неизвестная жизнь.
- Такое же было в восемьдесят первом году, - продолжила она. – Лето просто промелькнуло, а дни наоборот казались бесконечными… Так бывает в особенно счастливые годы. Или в особенно несчастливые. В один из дней…кажется в

июле…

- День как день, да год не тот…, - перебил он ее.

- Точно, это было в июле, - пропустила она мимо ушей его любимую поговорку. – Каждый день тогда полыхали короткие грозы, после которых поднимались разноцветные арки радуг, и ребятня выбегала из домов, носилась по теплым лужам, поднимая брызги выше головы. Погода стояла необыкновенно теплая, тихая, безветренная. После полудня чуть не весь город тянулся к реке – купаться, загорать. А мы жили тогда неподалеку от Ханской рощи… Я тебе никогда не рассказывала об этом…

- Не рассказывала…, - как эхо повторил он.

- Там на обрывистом берегу Чагана рос огромный осокорь, - продолжила она, и непонятно было – решила она просто напомнить ему давнюю историю или добавить к ней нечто, еще неизвестное ему, что она сама только сейчас вспомнила. – Этому черному тополю, наверное, сто лет было, и он протягивал свои огромные ветки чуть не до середины речки. Мы привязывали к этим ветвям длинные качели, очень длинные, и только самые отважные решались промчаться на них над самой водой, а потом подняться на двадцатиметровую высоту, а потом опять к реке, и опять вверх – над берегом… И так несколько раз – пять, десять… Дух захватывало от этого сумасшедшего маятника.

Компания собиралась большая – девчонки, мальчишки… Даже взрослые приходили посмотреть на смельчаков, раскачивавшихся на гигантских качелях. Если начиналась гроза, то все разбегались, но стоило дождю кончиться, как опять собирались любители острых ощущений. Потом стали притаскивать магнитофон, загромыхали рок-н-роллы, девчонки постарше придумали танцевать, мальчишки иногда решались их приглашать, в общем, организовался целый клуб «У черного тополя». Мальчишки, как водится, выделывались друг перед дружкой, девчонки восторгались теми, кто выше всех взлетал на качелях – к самой кроне осокоря, влюблялись, вздыхали, писали записочки; тогда принято было писать анонимные записочки с назначением свиданий. На свидания девчонки не ходили, посылали подружек посмотреть – пришел ли мальчишка. Если пришел, то - победа, праздник, торжество, если не пришел – дурак, урод жизни, не очень-то и хотелось. Был там тогда один, которого прозвали Чемпионом. Мне он очень нравился. Высокий, стройный, загорелый. А еще быстрый, смелый, грубоватый. Он был лучше всех! Кто из девчонок не грезил о таком в пятнадцать лет?.. Когда он

заговаривал со мной, у меня начинала кружиться голова. А когда он взлетал на качелях над Чаганом, мне хотелось стать его парашютом, если он вдруг сорвется, – и спасти его. Многие девчонки сохли по нему тем летом, а он, неприступный, упивался своим превосходством. Мне иногда казалось, что он влюблен в меня, а иногда, что он не сводит глаз с Лизки, которую все звали Лохматой, потому, что ее рыжие вихры всегда находились в диком беспорядке. С Чемпионом мы целовались по вечерам все в той же Ханской роще, с Лохматой же он ходил на последний сеанс в кинотеатр «Летний».

В меня были влюблены тогда несколько мальчишек. Это приятно, когда тебя любят, или хотя бы думают, что любят. Время было такое, лето такое, такой июль, что все были влюблены, все. Среди них самым смешным мне казался белобрысый лопоухий парнишка, уши которого на солнце наливались всеми оттенками малинового цвета. Он был неуклюж, ненаходчив, да еще и трусоват к тому же. Он ни разу не решился забраться на деревянное сидение качелей, хотя должно быть очень хотел попасть в число презревших опасность сорваться и разбиться в дребезги, но страх был сильнее этого желания. Однажды я видела, как во время грозы, когда у осокоря никого не было, он, мокрый до нитки, подтянул качели к себе, натянул веревки, как вожжи, дернул несколько раз, словно погоняя старый тополь, или испытывая веревки на прочность, но так и не решился отправиться в полет над речкой. Видно было, что он расстроился, пнул ногой ствол, бросил качели и понуро ушел прочь. Вспышки молний на мгновение превращали его алые уши в сиреневые, и это было похоже на мигание светофора, и я невольно рассмеялась…

- Да, смешно, - согласился Тема.

- В детстве мы все жестоки, - продолжила она, - а потом это чаще всего проходит… Мне этот мальчишка даже нравился. Может быть, больше, чем нравился…

Она вздохнула:

- В тот злополучный день Чемпион творил качельные чудеса, взлетал к самым грозовым тучам. Я смотрела на него с восхищением. Белобрысый тоже был там, поглядывал настороженно. Какая-то борьба происходила в нем. И тогда меня как будто кто-то подтолкнул.

«А тебе слабо так? – крикнула я ему. – Попробуй хоть разочек!.. Не дрейфь!..»

Чемпион захохотал откуда-то из поднебесья…

- А ты награду назначь! – предложил он. – Поцелуй за смелость!..
Кто-то управлял в тот день моими поступками, и я крикнула на всю рощу:
- Ну, давай, покажи, на что способен!.. Обещаю - поцелую тебя!.. Трусишь?..
- Я? – тихо спросил он. – Я – трушу?..
- Не я же! – на лету обронил Чемпион.
Белобрысый шагнул вперед, к самому обрыву, встал, как на расстрел.
Чемпион слез с качелей, протянул ему деревянное сидение. Тот взял, поправил веревки, посмотрел на узлы, прищурился, как будто прицелился.
«Время тянешь? – поторопила его я. – Мне что-то целоваться хочется…».
Он еще раз посмотрел на узлы.
«Ну? – сказала я. – Труса празднуешь!..»
Он словно окаменел.
«Ну! Ну!» – кричала я.
Он оттолкнул от себя качели, повернулся ко мне, сказал с надрывом:
- Дура ты! Не дешево ли просишь за поцелуи?..
Он, наверное, хотел еще что-то сказать, но все закричали: «Слабак!.. Обделался!.. Поджилки затряслись!..» Кричали громче всех те, кто и сам ни разу не решился на полет над Чаганом.
Он побледнел, сжал кулаки, словно собираясь драться с нами всеми. Мне стало нестерпимо жалко его, жалко до слез. Но было поздно…
У него на глаза тоже навернулись слезы, он отвернулся и побежал в рощу… Побежал, не разбирая дороги, словно хотел убежать от нас навсегда… Хотел он этого или нет, но вышло именно так - больше никогда в жизни я не видела его. Говорили, что он перевелся в другую школу, или даже уехал из города… Но мои приключения в этот день только начинались… начинались… Я навсегда запомнила этот день…
Тема потрясенно смотрел на нее. Она, точно она!.. Столько лет он рядом с ней, но не смог узнать в ней ту жестокую девочку…
«Как ветки хлестали меня по лицу, как петляла тропинка в роще! – подсказала память.– Несколько раз, поскользнувшись на влажной траве, я падал, едва не сорвался с обрыва в реку… Ударила очередная гроза. Я ходил по лесу от дерева к дереву, сам не зная зачем. Злые слезы смешивались с дождевой водой, все было утрачено. Именно все – и первая любовь тоже.
Как я любил ее! Если она улыбалась – я хохотал. Если она хмурилась – я готов

был заплакать. Однажды мы с ней переплыли Чаган, чтобы на бахчах полакомиться цветами тыквы – медовый вкус был у этих ярко-желтых цветов, но и достаться за них могло от сторожа по первое число. На той стороне реки было много паслена, подсолнухов, даже малина водилась, и время от времени чаганские мальчишки, да и девчонки от них не отставали, совершали на бахчи набеги. В этот раз мы отправились вдвоем. Сторож, наверное, спал в своем шалаше, потому, что мы набрали и гороха, и вороняшки, и даже малины.

- Мы – пираты! Страшные пираты! – тихо смеялась она. – Гроза морей, бахчей и рек!..

И, вдруг, появился сторож, грозный цербер зеленых грядок. Мы нырнули в заросли подсолнухов. Цербер с берданкой наперевес шел на нас, как в знаменитой «психической» атаке из кино про Чапая. Мы бросились наутек, но он нас, кажется, не заметил. Пока он обходил дозором бахчи, мы боялись дышать – мало ли чего у него на уме? Он ушел, и мы перевели дух. Тут я взглянул на свою сообщницу по набегу на горох и вороняшку. Он стояла рядом с подсолнухом – всклокоченная, с поцарапанными коленками, но с сияющими глазами, улыбкой – от уха до уха, и сама казалось большим подсолнухом – в ярко-желтой, цветущей короне.

- Чего ты? – перехватила она мой взгляд.

Я не умел тогда говорить про любовь и промолчал. Но такую ее – полуденную, подсолнечную, золотую, – я запомнил навсегда…

И вот все прошло… Я не очень хорошо помню, что было дальше… Кажется, гроза в этот день была просто ужасной, молнии сверкали беспрестанно. А дождя почти не было. Мое бесцельное и отчаянное кружение вынесло меня к памятнику, установленному на месте первомайской революционной маевки 1905 года; молнии электрическими змеями обвивали обелиск и шипели. Серый бетон памятника был расписан разноцветными строчками, типа «Я здесь был», «Люся + Еся», «Любовь без радости была…». Я почему-то подумал, что, может быть, через тридцать лет, или полвека, или век, – только этот памятник и будет напоминать о моей любви, а не о революционных событиях. Или вообще о любви, не обязательно моей. Это меня почему-то немного успокоило. Я нашел уголек и добавил свою надпись: «Ехал Грека через реку…», - какой Грека, через какую реку? – мне это было безразлично. Написал первое, что пришло в голову, не думая, что уже следующий дождь смоет моего Греку. А, может, и не смоет.

Наконец, я решил отправиться домой – мокрый и несчастный.

Я вышел на обрыв, где высился черный тополь. Ни души не было здесь. В эту секунду молния ударила в самую макушку осокоря. Вспыхнула и тут же погасла влажная листва, вспыхнули и веревки качелей, и тоже погасли с шипением, только черная опалина осталась на стволе дерева. И тотчас гроза стала стихать, откатываться к Уралу – к самому Жемчужному яру. Я подумал, что теперь, должно быть, еще опаснее раскачиваться на подгорелой веревке, что нужно предупредить об этом ребят… Но злорадно представил, как сорвется в воду Чемпион, как будет похож на мокрую курицу – и пошел дальше. Пусть он грохнется! Пусть!..

И тут же в зарослях тальника мелькнула коричневая курточка. Ее курточка.

- Ау-у-у-у-у! – кричала она. – Не дури! Я знаю, что ты здесь!.. Тут дорога одна, ты не проходил по ней назад… Не дури!.. Выходи!..

Я замер, спрятался за стволом старой липы. Теперь ничто на свете не заставило бы меня показаться ей на глаза.

- Ну, извини!.. – кричала она на всю рощу, и эхо носило между деревьев:

- …вини, вини…вини…

Она пошла на поляну, где стоял обелиск, обошла памятник вокруг, как будто я скрывался за ним, и двинулась к берегу Урала, туда, где в него впадает Чаган. Крадучись, я двинулся за ней.

- Ну, покажись! – закричала она. – Хватит уже прятаться… Не будь же ребенком!..

Я молчал.

Дождь кончился, она вернулась к обелиску, нашла кусок угля и написала что-то на памятнике. Когда она ушла, я прочитал написанное: «Дурак, буду ждать тебя вечером в 8 часов у «Летнего, обязательно приходи!»

…Я приходил и в восемь, и в десять вечера. Приходил и на другой день, и на третий… Напрасно… А потом наша семья переехала в Саратов… Я вернулся назад только через двенадцать лет. Искал ее, но не нашел…

- Что же было дальше? – Тема очнулся от воспоминаний. – Ты прервала свой рассказ, сказав, что на этом твои приключения не закончились…

- Нет, не закончились, - продолжила она. – Еще не кончился дождь, а я уже вернулась в Ханскую рощу… Я кричала, звала его, но он не откликнулся… Тогда я оставила ему записку на монументе, вернулась к обрыву. Когда гроза кончилась, наша компания опять собралась у качелей. Не было только его…

И куда-то пропало обычное бесшабашное настроение, никто не смеялся, никто не танцевал. Никто не качался на качелях.

- Чего приуныли? – спросила я. Мне и самой почему-то было не до веселья.
Все промолчали.
Я подошла к качелям, уселась на сиденье:
- Что, желающих нет?..
Ребята что-то промямлили. Тогда я решилась:
- Ну, ладно, подтолкните!..
Никто даже не пошевелился.
Я оттолкнулась от земли, и огромный маятник понес меня над лесом, водой, потом – к небу, где ветер разгонял остатки грозовых туч, и снова вниз – над водой, над поляной…
Веревка оборвалась, когда я в третий или четвертый раз проносилась над поляной. Меня швырнуло в заросли тальника, и, наверное, это спасло мне жизнь. Но удар был страшный, я сразу потеряла сознание. В памяти осталась только разноголосица друзей, вдруг слившаяся в единый пронзительный вскрик.
Я очнулась в больничной палате спустя двое суток… Но потом еще три бесконечных года я была прикована к постели, да вот этому креслу… Я училась заново стоять, ходить… Помнишь, Тима, когда мы познакомились с тобой, ты удивлялся моей чрезвычайно ровной походке, спрашивал, в какой балетной школе я училась?..
- Да, - промямлил Тема, - прямая спина, строгий взгляд…
- Так вот, я училась в третьей травматологии… А учили меня хирурги, санитарки, да еще гипсовые корсеты, всевозможные приспособления…
- А я ничего этого не знал, - сказал Тема. – Ничего…
Она взглянула на него, продолжила:
- Мне потом пришлось заново учиться жить. Вот выбрала себе занятие по возможностям – фотографию…
- Ничего… ничего, - повторял Тема.
- Ну, что ты, милый, заладил? – улыбнулась она. – Совсем ни к чему это было знать тебе… Все было давным-давно, и все прошло…
- Ничего не прошло! – закричал он. – Я знал про веревки… Но не сказал… Я виноват… Это же я!.. Это я!.. Посмотри на меня!..
- Успокойся, милый! – подошла она к нему, прикоснулась к его руке. – Никто не виноват больше меня самой…
- Я виноват!..

Она поцеловала его:
- Как ты можешь быть виноватым, в том, что произошло за много лет до нашего с тобой знакомства?.. Не нервничай, не кричи – тебе это совсем не идет…
- Так посмотри внимательнее на меня!.. Вот мои уши, они на солнце всегда красные…
Она засмеялась:
- При чем тут уши? У всех людей, по-моему, уши на солнце, как красные сигналы светофоров…
- Это мне ты написала послание на памятнике…, - Тема начал было объяснять ей, что это именно он несколько вечеров ждал ее у «Летнего», что он отказался от полета на качелях, но замолк на полуслове - разве он Тима? Не Тема?.. И это тоже нужно ей объяснить?..
Он понял, что она не впустит к себе эту правду, да и правда ли это?
- Успокоился? Вот и чудесно!.. – Граня опустилась в свое ротанговое кресло. – Скоро землемеры должны прийти. У них какой-то землемерный конгресс или симпозиум, и они хотят сняться на память…
- Разве еще не все обмеряли? – спросил он.
- Ты сегодня такой странный, - улыбнулась она. – Как в тот день, когда впервые пришел сюда…
- Я тогда заблудился, кажется…, - память опять вытолкнула на поверхность то, что с ним никогда не происходило.
- Точно заблудился! – подсказала она. – Искал аптеку… А нашел фотографию… Нашел меня… Тебя жена тогда послала за аспирином – у нее голова болела, а ты пришел сюда… Странно, странно в жизни устроено все. Но как все-таки хорошо!.. Правда?..
- Да, - сказал он. – Вот и сегодня я прошел мимо аптеки…
В дверь осторожно постучали.
- Садовник таким деликатным делается, когда ты бываешь здесь, - сказала она. – Наверное, землемеры пришли… Ты, дорогой, сегодня останешься, или тебе пора?..
- Пора… сегодня…. Задержался, - кое-как повернулся сухой язык. – Граня…
- Я понимаю все, понимаю… Пока, милый!..
- Как раз траншею закопали, - сказал садовник, просунув голову в дверь. – Можно пройти через калитку…

- Я пошел? – спросил Тема.
- Конечно, - откликнулась она. – Конечно…
- Я вернусь, - сказал он. Дал обещание.
- Да…, - подняла она на прощанье руку; по пять жемчужин матово светились на рукавах ее платья.
Он вышел из дома, двинулся к выходу из сада; ему показалось, что яблони ветвями потянулись к нему. А больше всех та, которую они посадили вместе с Граней. Когда посадили, зачем? «Так и не расспросил, что там связано с посадкой этой яблони, - мелькнуло в голове, - ну, ничего, в следующий раз узнаю».
Он никогда не верил этим «следующим разам», чаще всего их не случалось, но иначе успокоить свою совесть не мог.
Он вышел из сада, пройдя под деревянной аркой покосившихся ворот и как обычно попал почти на самую Фурмановскую… До Театральной он шел и не разу не оглянулся, потом посмотрел назад коротко, через плечо. Солнечные блики стеклянной крыши «Модерна» ослепили его, и он не сумел рассмотреть, как чья-то рука у старых ворот перекрестила его. Затем он свернул налево и опять вышел на Советскую, и через десять минут был дома.
Фаня утопала в лавине пододеяльников, труженица.
- Это я, - сказал он.
- Правда? Важная новость. А мы думали, что сегодня не ты, а сивый мерин придет…
Нет, не любила она его…
Она выключила машинку, повернулась к нему.
- Пока ты шлялся где-то, Земле нашей кашпец пришел, полная амба! – сказала она злорадно, как будто на этой Земле жил он один, и вот теперь вместе с этой одинокой Землей и ему наконец наступит крышка. – Ученые все время по телеку выступают, рассказывают, что после уточнения траектории движения кометы оказалось, что она, комета эта, встретится с Землей через 16 лет… Как говорится, бах – трарарах!..
Он подошел к форточке: так и есть, хвост небесной скалы указывал справа налево.
- Но ведь еще сегодня утром хвост указывал направо, - сказал он Фане растерянно, - а теперь наоборот… Разве кометы могут поворачивать назад?..
Она вытерла кулаком непрошенную слезу:

- Вот они-то оказывается, могут. Мы – нет…

Она включила телевизор, и тут же на экране появился какой-то встревоженный очкарик:

- Скорее всего, Землю ожидает нелегкое испытание…некоторые ученые считают, что… мощные наводнения, землетрясения…двадцатиметровые волны…

Тема вспомнил сон про потоп, обелиск с надписью «Дурак, буду ждать тебя…», - и похолодел.

Он еще раз – осторожно, не спеша, - а вдруг все изменится? - взглянул на небо: хвостатая звездочка упорно склонялась слева направо.

- Что же теперь будет? – спросила у него Фаня. – Конец света, что ли? Конец?..

И впервые она выглядела растерянной

Он пожал плечами: наверное,… конец…

- Наверное, наверное! – закричала она. – Хоть что-нибудь ты можешь знать точно?.. Ах, как болит голова!..

Она, вдруг, вспомнила что-то, сказала почти спокойно:

- Аспирин принес?..

Он пошарил в кармане и протянул ей пачку. Лекарство из другого мира… Поможет?..

15. 10. 2009-10-15

Минск - Астана

Бутылочка.

Сидели как-то, крутили бутылочку, целовались с теми, на кого показывало узкое зеленое горлышко. Семен целовал Нинку. Потом Нинка Семена. Потом Нинка Федора. После Федора ей достался Михаил, а потом опять Федор. Елене все время выпадал Колька – Николай Петрович. Катька всего обмусолила Витьку Иванова. А мужик с фиолетовым лицом, наверное, от самогона свекольного, сидел один-одинешенек, на него горлышко ни разу не показало. Он курил какие-то удивительно вонючие папиросы, и где он их только брал, разве папиросы теперь выпускают? Может, только специально для анашистов, чтобы им удобнее было забивать косяки? Фиолетового все подначивали, спрашивали, куда он подевал своих друзей – заскорузлого, с лицом, как старая пятка, и мужика без всяких примет? Да, были у него такие приятели закадычные, но откуда он мог знать, куда они теперь запропастились, может, их волной смыло?..
Когда бутылочка показывала, что мужику выпало целовать мужика, то мужики с мужиками не целовались – не хватало только такого гадства в кампании, а если женщине выпадало целовать другую женщину, то мужики ревели: «Давай, давай, в губы давай!..» - и бабы, хмельно улыбаясь, целовались, и если мужикам казалось, что они делали это только для того, чтобы мужики отвязались, то те орали еще громче «Давай, давай!!!» - и бабы давали…
А началось с премиальных. С них, точно. Были бы деньги приличные, ну хоть бы по паре тысяч на брата дали, так, может, домой бы их потащили, ну распили бы бутылку – другую, – и домой поволокли оставшееся, а эти как будто специально на пропой дали. Точно – на разбулдыженье. Чтобы поскорее бабки в кассу вернулись, такая, наверное, задумка у начальства была.
Вышли из кассы, посмотрели друг на друга: ну что, к Марусе? Куда же еще? Маруся – это, в общем-то, кабачок такой в укромном местечке. В нем бандерша одна банковала – закваски старой, надежной, - вот ее и звали Марусей, а по ее имени и все заведение. Хотя фиолетовый говорил, что Марусю звать вовсе и не Марусей, а как будто Лариской – Ларисой Федоровной, хотя в отчестве он был не очень уверен.

С ними были и жены, и пара баб, конторских, кажется. Да точняк, конторские, их развести проще. Поначалу закатывали глаза, хохотали, отбивались: только по ресторанам не ходили, чай, не пропойцы, не летучего поведения. То есть, не легкого, в общем, не разберешься без выпивона. Потом бабы козюлиться бросили: ну если по рюмочке, если на часок, если под хорошую закуску!.. Если мужичье, напившись, не станет руки распускать, если…
«Если бы да кабы!» - захохотали мужики и стали ловить такси. В одну машину не поместились, да и в две набились выше крыши. Женщины мужикам на коленки залезли, кто-то, кажется, Нинка закричала:
- Это коленки у вас торчат, или чего другое? Если коленки, то уж больно костлявые, а если другое, то впечатляет… Точно, женщины?
Те в ответ завизжали.
У Маруси сначала заказали водки, а бабам красного взяли, ликер называется. Попробовали это красное, так чуть жопы не склеились – сладкое, приторное, тягучее. Поэтому и бабы перешли на водку, и дело пошло веселее. Сначала тосты говорили: за премию, за здоровье, за родину, за милых дам стоя, за то, чтобы не в последний раз… Выпили даже за тех, кто в море, наверное за пропавших заскорузлого и мужика без примет; с ними в кампании всегда весело, заводилы они. Потом заказали коньяк, и пили без тостов, сосредоточенно, очень современно. Вспомнили про оркестр, потребовали «Журавли»: «Здесь под небом чужим я как гость нежеланный…из какого же вы неприветного края прилетели сюда на ночлег, журавли?..»
- Эту песню пел Лещенко, только другой Лещенко, - объяснял фиолетовый Нинке, но она воротила от него морду – не нравился он ей. Тем более она уже нацеловалась вволю с Семеном – при живом-то муже.
- Лещенко, он и есть Лещенко, - отвечала она фиолетовому. Дескать, чего пристал? И неизвестно чем бы все кончилось, но с грохотом распахнулись двери и объявились пропащие – тот, у которого фейс заскорузлый, как пятка, и мужик без всяких примет. Без них ни одна пьянка не проходит, они выпивку чуют за сто верст, прямо-таки рудознатцы. Иногда сам с утра не знаешь, где пить будешь, кто будет расплачиваться, и одним вечером обойдешься или в запой недели на две уйдешь, а они – заскорузлый и без примет – уже все просчитали с упреждением, с поправкой на вращение Земли и скорость ветра – и нарисуются не позже, чем после второй рюмки, и выпьют, сожрут на тысячу, а у самих в

кармане и целкового никогда не водилось. Но без них в кампании скучно, или драка обязательно, или кто-то к чужой бабе под подол нырнет; а это опять же драка…

- Что ж вы не танцуете, киснете? – спросил который без примет, опрокинув пару стаканчиков. – Выпивки, как воды в Байкале, оркестр старается изо всех сил, прекрасные дамы с пылающими очами ждут только приглашения, а вас как будто гвоздями к стульям прибили…

Конечно, не все были прибиты гвоздями, например, Витька Иванов сидел вплотную к Катьке, и рук его не было видно под скатертью. Раскрасневшаяся Катька изо всех сил хмурила брови, чтобы ее муж, сидевший напротив Витьки, ничего такого не подумал. Он и не думал, пытаясь пальцем подманить к себе кильку, маринованную в собственном соку, плавающую в здоровущей железной банке, похожей на сковороду. Вольная килька даже не смотрела на него.

Вообще, наверное, каждый замечал, что после седьмой рюмки начинают происходить странные метаморфозы. После шестой мир, безусловно, наполняется новыми красками, но, в общем-то, остается неизменным - и свекольная морда фиолетового остается свекольной, и размазанная по подбородку и щекам Нинки губная помада - все та же китайская помада, и захочешь запомнить мужика без всяких примет – ни за что не запомнишь. А после седьмой все по-другому. Даже неодушевленные животные – килька, селедка, а особенно холодец, как жирный мозг гулянки, начинают показывать характер. Килька плещется и косым плавником режет пространство залива Маринад (есть в ней что-то акулье, хищное, вечное), норовит забрызгать рассолом тонкую модеполамовую манишку; селедке вообще палец в рот не клади – столько в ней агрессии, холодной злобы на весь мир, что страшно делается за этот мир, попади он в соленые селедочные лапы (которые с лапами – самые хищные); вдруг, припоминается мужик без всяких примет – так ведь он норовил вчера занять у тебя сотню – хитер, собака, как потом узнать с кого требовать долг?..

После седьмой перестают жечь комары, до этого жравшие человечество поедом, выкатывается незапланированное полнолуние, начинают плескаться волны далекого океана – прямо за сортиром, да что там – в сортире. Вечный салат «оливье» начинает распадаться на атомы – колбасные, майонезные, яичные – и атомы эти норовят составить критическую массу. Если не сблюешь –

можно смело браться за восьмую. Если сблюешь – тоже мимо рта не пронесешь. Седьмая рюмка – пограничная, после нее хоть потоп, хоть встреча нового года в июне – по индейски или по туркски? Хоть глобальное потепление!..

Ближе к двенадцать в кабаке орать стали, что, дескать, закрываются, завтра у них санитарный день или еще чего-то, в общем, вываливаться надо. Да уж сами собирались, только думали, куда закатиться. Не по домам же расходиться в самом разгаре чувств и побуждений?

Заскорузлый вспомнил, что у него жена на деревню подалась – за картошкой что ли? – и дом, значит, свободен. Только закуси никакой. Все захохотали – тоже причина! Взяли селедку, ту, которая с лапами, курицу холодную, но жареную, взяли халвы и быстрорастворимый суп, хотя кто на пьянке суп ест, это каким жлобом надо быть, чтобы жрать суп? – и покатились к заскорузлому. А он жил в каком-то загородном поселке, у нечистого на куличках… По пути двоих или троих потеряли, оно и понятно – ночь, темнота, дождь – не каждый дорогу перед собой ясно видит. Утром они нашлись, правда, в разных вытрезвителях, но живые.

А все не потерявшиеся люди доехали до дома, где обитал заскорузлый, человек душевно щедрый, да еще заводной – перепить его трудно, ох как трудно. Но кое-кому удавалось. Тому же фиолетовому, но в ранней молодости.

Дом у заскорузлого был просторный, гулкий, он должен был уйти под снос еще до миллениума, но то ли строители запили, то ли бумажки еще не все выправлены на снос, но дом устоял, почти без стекол, без лишних дверей, но крыша была надежная, жестяная, еще при Советском Союзе делали крышу. Мужик без примет рассказал, что среди людей, обитающих на крышах, дом заскорузлого ценится. Чердачные люди тоже не брезговали здесь селиться.

- Мировой у меня дом! – подтвердил заскорузлый. – И жена моя, Наталья Николаевна, которая сейчас в деревне, тоже так считает, а она толк в капитальных строениях знает…

- Не пора ли освежиться? – предложил фиолетовый, едва зашли в дом. И в самом деле, за время переезда из ресторана градус возбуждения порядком спал. Открыли водку, дружно выпили. Вот тогда и пришла кому-то в голову идея крутить бутылочку. Народную эту игру, оказалось, любят все, хоть, признались некоторые, не часто приходится предаваться этой самобытной забаве. Недосуг, как говорится. Да и условия не всегда подходящие. На совещании в каком-

нибудь холдинге не станешь крутить бутылку, хотя именно там очень хочется. Девушек у них нарядных всегда много.
Уселись в круг, кто на стульях, а кто и прямо на полу разместился. Стали перечислять условия: первое – целоваться по настоящему, по-взрослому, не ломаться; второе – мужьям не устраивать сцен; третье – женам не вредничать, иначе не интересно.
Все дружно согласились. Первой крутила Нинка и тут же горлышко указало на Семена. Все загоготали, потому, что все, само собой, кроме ее мужа, знали об отношениях Нинки и Семена. Но муж тоже орал, хотя ничего не знал, или делал вид, что не знает. Нинка впилась в губы Семена, прямо-таки расплющила их, как соленый помидор.
И пошло-поехало. Нинка со всеми интересными мужчинами перецеловалась. Только фиолетового счастье обходило стороной. Она и Федора целовала, и Михаила, а на фиолетового бутылка, как заколдованная, не показывала. Может, мухлеж был какой? Скорее всего. Без мухлежа не обошлось. Катька прямо висела на Витьке Иванове, Ленка облизывала Кольку – Николая Петровича. Между прочим, Колька был замом, но свойским мужиком, хотя тоже пришел с женой.
Раза два Ленке выпадало целоваться Катькой и разок с Лизкой из коммерческого отдела. С Катькой как-то кисловато получилось, а вот с Лизкой зацепило. С ней похожее однажды уже было – в поезде, в купе на двоих, одна гражданочка так нежно ее за руку держала, такие слова выговаривала ласковые, что так загорелась Ленка, что еле до дома дождалась, чуть не с порога кинулась на мужа. И вот опять запылала душа, подогретая ликером и водкой. Ленка встала и вышла в длиннющий коридор почти заброшенного дома, оглянулась через плечо, пошла ли за ней Лизка? Пошла, ах, сучка!.. А надо сказать, что к тому времени кое-кто стал пропадать на время, благо, комнат пустых достаточно.
Ленка свернула в какую-то дверь, там, на полу, уже кто-то пыхтел, стонал и растопыривал во все стороны матово белеющие щупальца, норовил притянуть к себе. Она едва не наступила на это чудовище, но успела податься назад, предупредить Лизку, что этот номер занят. Лизка понимающе хмыкнула, шепнула:
- Я бутылку захватила, глотнем?

- Конечно!..- тихо засмеялась Ленка.
Нашли, наконец, незанятую комнатку, даже с диваном. Диван, конечно, провалившийся, как челюсть ветерана первой мировой, но лучше, чем ничего. Лизка достала бутылку, выпила сама, протянула Ленке, спросила с заметной дрожью в голосе:
- У тебя с бабой когда-нибудь было?..
Ленка подумала чуток, почти не соврала:
- Ага, один раз случилось... В поезде...
- А у меня не было, расскажи, а?..
- А почему за мной пошла?..
- Захотелось... Ты так поцеловала... На меня иногда накатывает такое – хочу, вот как в кино бабы друг друга ласкают, - красиво, нежно, аж дух захватывает! Наши-то мужики какие - дохнет перегарищем, залезет между ног, как слон, того гляди все раздавит... Расскажи, как в поезде было...
- Из Сочи я ехала, - начала Ленка, решив почти не врать. Хоть и не из Сочи, а из Кустаная, но ведь ехала...
- С билетами, как всегда напряг, вся страна с места на место переезжает. Когда, например, нога болит, то никак не уляжешься, не усядешься - места не найдешь такого, чтобы не больно было - и ворочаешься, и не спишь, так и в паровозно-самолетном движении у нас что-то больное есть... Пришлось, значит, мягкий купейный брать, двухместный. Дорогущий! И попалась попутчица - дамочка лет тридцати пяти, холеная, даже в туалет на высоких каблуках ходила, и звать мудрено - Фелиция. Может, на самом деле Фекла какая-нибудь, но по мне хоть гнидой называйся - лишь бы женщина человеческая была. А эта, видать, из таких, человеческих. Конечно, познакомились, коньячок по одной, по третьей, по пятой... Подсела она ко мне и говорит: "Вы знаете, как определяется степень ласковости женских рук?". А я, конечно, никогда и не слышала про эти степени, так ей и сказала.
- Как же так! - она чуть не подпрыгнула. - Вот так и живем, с нерастраченной нежностью, женщины! Даже не знаем, способны ли на нее!.. Мужчин своих в черствости обвиняем, а разве не от нас нежность должна исходить, как сияние, как нимб!.. Так и сказала... А потом руку мою попросила, взяла ее в свои ладошки теплые, стала легонечко так поглаживать ее, пробегать пальчиками, разминать, а сама время от времени спрашивает: "Чувствуешь что-нибудь,

ощущаешь теплоту?"... Поначалу никакой теплоты я не чувствовала, было только щекотно, я даже пыталась вырвать руку - с детства боюсь щекотки, а потом она взяла и поцеловала мою руку, не так, как целуют наши мужики на день рождения - сухими обветренными губами прикоснутся к коже, как наждаком провели, а так поцеловала, как будто свежей розой к ладони прикоснулась... Меня аж затрясло - так это было приятно, неожиданно... словами, в общем, не передать... И тогда она сказала, что степень ласковости у меня высокая, если даже на женщину реагирую...

"А вот отсюда начну уже врать", - подумала Ленка и стала рассказывать, как стали они с соседкой по купе целоваться-миловаться, - и так до самой конечной станции. До Сочи.

- Так ты говорила, что вы из Сочи ехали, - не к месту напомнила Лизка.

- Конечно, из Сочи, на чувство было такое - как будто в Сочи приехали опять, - нашлась Ленка.

- Класс! - восхитилась Лизка. - А можешь показать, как она определяла ласковость?

- Давай, глотнем еще, и тогда покажу...

Они глотнули, и Лизка протянула Ленке руку…

А игра в бутылочку все продолжалась, даже усилилась, потому, что дело шло не то к полуночи, не то к утру, - и выпито было много, и жаркие поцелуи над зеленоглазой бутылочкой давно сожгли остатки благоразумия. Катька уже сидела на коленях у Витьки Иванова, Семен не отлипал от Нинки, все остальные - тоже почти вповалку, и в какую бы сторону не показывало горлышко, целовались все. Кроме фиолетового.

Когда бутылка в очередной раз показала на Нинку, она радостно закричала:

- Есть предложение выключать свет на время поцелуя!.. Чтобы кавалеры не смущались… На жен своих не оглядывались!..

- Не очень-то они и оглядываются, - пробурчал кто-то. – Кобели они и есть кобели…

Но все-таки свет решили выключать. На пять минут. Щелкнул выключатель, и темнота скрыла все – и немногие оставшиеся полные бутылки, и грустную батарею пустых, и ту, которая так точно находила тех, с кем не противно целоваться.

Прошло пять минут, свет не включили. Через полчаса было тоже темно.

Фиолетовый, когда глаза немного привыкли к темноте и стали различимы образовавшиеся в комнате пары – кряхтящие, постанывающие, чмокающие – осторожно ступая, вышел из комнаты. Оказался не то в кухоньке, не то в бытовке – с закопченным потолком, оборванными обоями, окошком, залепленным желтыми газетами. На подоконнике валялась растрепанная книжка. «Остров» - прочитал на обложке; где-то он слышал о ней, но не читал, точно не читал. Но где и когда слышал о ней?.. Фиолетовый открыл книжку наугад: «…Куда отправилась парализованная девочка в кресле-каталке?.. Да и возможно ли это вообще?.. Погибнет, пропадет, растворится без следа на огромной равнодушной земле?

… Моторчик жужжал, и коляска катилась по тротуарам, переезжала через асфальтовые полотна дорог, регулировщики движения отдавали Лизавете честь, постовые тоже козыряли, вежливо помогали преодолевать подъемы, встречные женщины грустно улыбались, а одна старушка положила на колени девочке сдобную булку, как будто знала, что путешественнице дорога предстоит нелегкая и неблизкая… И никто не спросил: далеко ли ты, милая? Так много забот несем мы в себе, так много переживаем боли, так устало смотрят наши глаза на мир, что нам нелегко, а, может быть, и невозможно уловить, утишить боль чужую… Хватилась бабушка внучки, да поздно. Где ее искать?.. Приехали сыщики, перевернули весь дом вверх тормашками, нашли письмо Лизаветы, долго рассматривали его в увеличительное стекло, подробно допрашивали бабушку, льющую слезы, и затем бросились в погоню на рычащих автомобилях с мигающими огнями, и быстро скрылись из глаз. Но разве известна им дорога, по которой может отправиться девочка, уставшая от одиночества и неподвижности?.. Заповедная земля, где ты?..»

Фиолетовый отложил книжку, вспомнил, кажется, Иванов ему когда-то рассказывал об этой истории, уместившейся в книжку. Там девочка-инвалид находит дорогу к Беловодскому царству, к той самой Шамбале. Чистая фантастика. Но Иванов уверял, что основано все на реальных фактах, будто бы на самом деле существует это царство, и дорога к нему известна девочке Лизавете. Хотя как этому верить, Иванов трезвым-то не бывает.

В окно кто-то постучал. Фиолетовый удивился, квартира была, кажется, на третьем этаже. Он осторожно открыл форточку: на толстенной ветке дерева висел, как орангутанг, и раскачивался, как орангутанг, заскорузлый. Хозяин

квартиры.
- Ты чего там, на ветке делаешь? – спросил фиолетовый. – Да еще под дождем?
А как раз под утро пошел дождь. Дожди случаются под утро. Но неприятно, если ты в это время висишь на дереве, как орангутанг.
- Открой окно, чудак на букву «м»! – закричал заскорузлый. – Я щас грохнусь, как орангутанг!..
- Ха-ха-ха!.. – посмеялся точному сравнению фиолетовый, и открыл окно.
Заскорузлый, кряхтя и чертыхаясь, влез в комнату, встряхнулся, под ногами у него сразу образовалась лужа дождевой воды.
- Чуть не угробился! – сказал он. – А уж промок, как аллигатор!..
Оказалось, что из деревни вернулась его жена – Наталья Николаевна. Вернулась, как водится, в неурочное время, когда заскорузлый в соседней комнате тискал Верку – учетчицу из техотдела. Ну, да, ее Веркой зовут. Или все-таки Варькой? Да, да, точно! А жена Наталья Николаевна очень не любила, когда заскорузлый уделял внимание посторонним женщинам – если дарил им цветы или духи, или чулки какие-нибудь капроновые или даже нейлоновые. Хотя Верка, вполне возможно, и не была совершенно посторонней, все-таки на одном комбинате с заскорузлым работает. В общем, он запер дверь на крючок и сиганул в окно - на близкое дерево, да не очень рассчитал, чуть не расшибся на фиг. А Наталья Николаевна до сих пор бьется у закрытой двери. Нужно теперь как-то показаться ей, убедить ее в том, что она ошиблась – не он, заскорузлый, был там с Веркой. Или Варькой. Освещение очень слабое и ей, конечно же, померещилось.
Они выглянули в коридор. Действительно, жена заскорузлого стояла у соседней двери, и устало повторяла:
- Открывай, козлина противная! Лучше открывай! Хуже будет! И тебе яйца оторву, и сучке твоей глаза выцарапаю! Козлина, вот козлина!..
При этом несчастная женщина пинала дверь, после каждого удара через дверь раздавалось трусливое повизгивание Верки. Или Варьки.
= Ой-ой! Кто это? Ой-й-й-й-й-й…
Наталья Николаевна охотнее колотила бы руками, но руки у нее были заняты сетками, сумками и авоськами, в которых были сельские дары, и они были ей очень дороги, выпустить их из рук она не могла:
- Открывай!..

- Наташа! Ты уже приехала? – несмело позвал ее заскорузлый. – А чего в чужую дверь ломишься?..

Наталья Николаевна на секунду опешила, но только на секунду.

- Не имей меня за дуру! – закричала она. – Посмотри на себя, мокрый, как цуцик! На улице был? Был?..

- Конечно, за бутылкой бегал! – заскорузлый славился своей находчивостью. - Не думал, что ты так рано вернешься, а тут друзья нагрянули, не выгонять их под дождь!..

- Знаю я вас! – немного сбавила обороты Наталья Николаевна. И перестала колотить ногой в дверь. – Брехуны, пропойцы, бабники!.. А эта чего там закрылась? С кем?..

- Ната, зайди сюда и я все объясню, - заскорузлый увлек ее из коридора. – Верка там с Николаем Петровичем – Колькой. С нашим замом… Поняла?..

- Неужели на эту тощую позарился? – удивилась Наталья Николаевна и, наконец, рассталась с сумками, свалив их на кухонный столик. Заскорузлый вздохнул: кажется, пронесло…

В это время зашел фиолетовый с неизменной вонючей попироской в углу нецелованного рта.

- А бухалово-то кончилось, - сказал он. Конец веселью… А ведь еще не поздно…

- Конечно, - криво усмехнулась Наталья Николаевна. – Полтретьего… Ранний вечер…

Она повернулась к заскорузлому, свела сурово брови:

- Ты сказал, что в магазин сейчас бегал, так, где же выпивка?..

Тот в карман за словом не лез:

- Закрыт магазин… На учет…

- Вот и замечательно! – сказала мстительно Наталья Николаевна, как будто была президентом районного общества трезвости. – А ларек здесь откроется только в восемь!..

Новость мгновенно распространилась по дому. Уныние заполнило пространство под протекающей крышей.

- Неужели ничего нельзя достать? – подал бесцветный голос мужик без примет. – Сейчас не коммунистическое время, свобода… Хочу пью, не хочу – пью… Круглосуточный режим…

- Режим-то круглосуточный, это точно, - встряла Нинка с распухшими

обсосанными губами. – Но в этом пригороде до рассвета ничего не найдешь, кроме приключений на свою жопу…
И тогда Наталья Николаевна вспомнила:
- Есть у нас заветный фаустпатрон, четыре года своей очереди дожидается… Да не простая бормотуха в нем, совсем не простая… Сегодня, кажется, самое время ему…
- Что еще за патрон такой? Интересно!.. Расскажите, пожалуйста!.. – на всякий случай интеллигентно поинтересовалась осторожно нарисовавшаяся в комнате Верка. Или Варька.
Наталья Николаевна выразила свое отношение к ней пронзительным взглядом. Дескать, сучка ты – и ничего больше, и все твои проделки известны, и никого ты не введешь в заблуждение своими вежливыми словечками. Но не удержалась, принялась рассказывать, уж больно интересный случай.
- Был у меня друг…чудила, - начала она, - мы вместе учились в школе, потом в университете, потом в аспирантуре, в один год сдавали кандидатский минимум, защищали кандидатские диссеры, работали над докторскими…
Нинка оглядела жену заскорузлого – синее потрепанное пальто, не знавшее утюга, потерявшие цвет мужские башмаки на толстой подошве, шерстяная вязаная шапочка – нет, не очень похожа на кандидата наук.
- Был человек как человек – ходил в пивную, занимал пятерку до получки, оглядывался на улице на хорошенькую попку…
- А тема его диссертации случайно не затрагивала проблем восстановления осетрового стада в Урало-Каспийском бассейне? – встрепенулся Колька.
Николай Петрович. Зам.
- У него другая тема была, - сухо ответила Наталья Николаевна и продолжила: «Но однажды человек слетел, что называется, с катушек!.. Сказал: «Все, завязываю с этой растительной жизнью, в которой главное место занимает жратва, выпивка и бабы…»
- А бутылочка? – спросил кто-то.
- Что, бутылочка? – строго переспросила Наталья Николаевна.
- Игра в бутылочку занимает какое-то место в этой растительной жизни? – оказывается, это интересовалась Нинка. Вот блядища!..
- Помешались вы на своей бутылочке! – рассердилась Наталья Николаевна. – Так рассказывать дальше или вам не интересно?

- Интересно! – заорал фиолетовый, выпуская изо рта клуб вонючего папиросного дыма. На самом деле, где он берет эти папиросы, их уже во времена фараонов бросили выпускать, отраву? - Еще как интересно!..

- …В общем, чудила этот решил начать новую жизнь, - повела рассказ Наталья Николаевна. – Не будем сегодня говорить о причине такого непростого решения, наш мир пока несовершенен и в нем много необъясненного – и хорошо, что это так!.. За жизнь всякого насмотришься: и женятся бесконечно люди, и идут добровольно на Северный полюс, и в монахи уходят… А некоторые, вдруг, ни с того ни с сего начинают верить правительству… Друг мой для начала решил покончить с выпивкой, а потом уж податься… Ну, куда у нас все подаются всем известно – на поиски Беловодья… И чего они все его ищут, это царство, непонятно. Но ищут и ищут, и не перестают искать, как будто там медом намазано. Как будто там лучше, чем в детстве?.. Уж как я его отговаривала, говорила: «Вань, над нами тысячи спутников вращаются, следят за Землей в свои объективы и днем и ночью, такое у них первоклассное шпионское оборудование, но и они не нашли Беловодья», - но не сумела отговорить.

- Может, это вовсе не царство - в нашем понимании…, - сказал чудила. - Ведь мы государство как понимаем? Депутаты-делегаты, полиция-амуниция, штыки-пулеметы-газеты, кремль с усиленной охраной, переговоры по разоружению, угроза продовольственной безопасности, всенародные выборы, глобальное потепление… Ну, еще олигархи, скандалы, телевидение… А там ничего этого нет…

- Как же без телевидения? – удивилась я. – Без депутатов?..

- Наверное, там даже границ никаких нет, - добил он меня. – Поэтому и обнаружить нелегко. Были бы границы, уже присосались бы к ним жирные таможни, бдительные проверяльщики паспортов, искоренители шпионов и беглецов…

В общем, собрал нехитрые пожитки – рубаху с коротким рукавом и рубаху с длинным рукавом, штаны летние и штаны на случай зимы, фотоаппарат «Любитель–2» для придания объективности научным исследованиям, тщательно зашнуровал верные кеды, присел вот на эту табуретку - на дорожку.

- Не поминайте лихом! – сказал и протянул мне фаустпатрон – здоровенную бутылку - 08 литра. Белый вермут. Помните, на этикетке две танцовщицы напечатаны. Наши так и говорили: «Возьмем плясуний для радости. Чем больше

плясуний, тем больше радости». После этого вермута все кишки слипались, ну чисто канцелярский клей!.. А крепкий был, собака, с ног двумя стаканами сшибал. Сейчас такой не делают, сейчас вокруг одна кислятина, не вино – моча. Вино душу человеческую хранит и подпитывает, как электрическое зарядное устройство. Вино – живая вода Земли, источник радости… Но нынче это подзабылось в массах…

- Тут что ли семинар борматологов? – грубо прервал ее фиолетовый. – Нам вообще-то теория ни к чему, мы себя относим к практикам… ха-ха-ха…

Наталья Николаевна пропустила его слова мимо ушей, продолжила:

- Так вот, подает он мне этот пузырь и говорит: «Здесь за прозрачным стеклом заключено не вино. Пока не вино… Даже не пиво разбавленное…Хотя, может быть, вкус у него вполне вермутный… А вот крепости в нем пока никакой… И цвет у напитка – ты сама видишь, что никакого цвета нет – на вид простая вода. Но не вода – это уж точно. Действие напитка противоположное обычному вину. Радикально противоположное… Сейчас оно наоборот трезвит человека… Кто выпьет на заре хоть глоток этого волшебного зелья, поймет, что мир достоин того, чтобы смотреть на него ясными глазами… Секретные ученые много лет бились над созданием этого чудо-зелья…»

- Зачем нам эта пирамидоновка? – тогда спросила я у него. Он как будто не расслышал.

- Но самое главное свойство напитка, - сказал чудила, светясь от трезвости, - он должен налиться небесной крепостью, неземным вкусом именно в тот час, когда человеку откроется Шамбала. Если я найду этот чудо-остров, то вино в тот же час покраснеет - такое у него свойство. И крепость наберет невообразимую. Одного наперстка этого вина хватит, чтобы утолить любую жажду человеческую… Возьмите эту бутылку и распейте ее с товарищами в тот день, когда вино станет рубиновым!.. Это будет день моей удачи!..

- И он ушел, прихватив торбу со своим скарбом, и даже не оглянулся на прощание, рукой не помахал – так был сосредоточен, так владела им надежда, - продолжила Наталья Николаевна. – Три года от него ни слуху, ни духу не было… Однажды пришла от него, а может и не от него, открытка без подписи. «Ну, как вы? – было накалякано чернильным карандашом. – И здесь так же…». И непонятно было – так же замечательно, или так же дерьмово?..

- Мой лихач, истребитель «агдама», - она показала рукой на заскорузлого, -

предлагал распить оставленный фаустпатрон в тот же день, дескать, чего ждать пока вермутина покраснеет – фигня все это, надувательство, - человеку вино любого цвета полезно, и ни к чему ему искать всякие царства–государства, везде хорошо, где нас нет, но я отняла у него бутылку, спрятала в надежном месте. Вообще-то он, если возьмется искать, - все найдет. Лазун еще тот, разведчик жизни, король подполий, в общем, кусок собачьего мяса. Но в этот раз не нашел, потому, что на виду поставила, рядом с керосиновой лампой, – как будто керосин. Прошло время, и я успела забыть об этом фаустпатроне, но вот недавно опять начались перебои с электричеством, и мне понадобилась керосиновая лампа. Невольно попалась на глаза и бутылка этого чудика. Глянула я – и обомлела!..

- Что там, чистый спиртяга? – осклабился фиолетовый. – Спиритус вини?..

- Содержимое фаустпатрона заметно порозовело, - Наталья Николаевна не обратила никакого внимания на фиолетового. – Мне даже показалось, что вермут стал светиться… Я просто глазам своим не поверила, подумала, что это игра света и тени, но вот сегодня посмотрела – как раз электричество дали – и убедилась: покраснела жидкость эта, точно покраснела… Значит, не врал чудила…

- Выходит, что он нашел то, что искал? – спросил, кажется, Колька. Зам.

- Нам-то не все равно? – сказала Нинка. – Один богатство ищет, другому слава нужна, третий все вокруг обшарил в поисках счастья, а результат всегда один: и тот, и другой, и третий успокоиться не могут – богатому начинает требоваться счастье, счастливому – деньги, прославленный исходит завистью к чужой, еще большей, славе… Поэтому не интересуйся никогда кто и что нашел…

- Ага! – поддакнул Колька. – Он звонит по тебе…

- Что вы болтаете! – потерял терпение фиолетовый. – Какой-такой колокол? Не пора ли приступить к делу, то есть к распитию волшебного напитка?.. Где этот фаустпатрон, так заинтриговавший нас?..

- Сейчас, сейчас! - заторопилась Наталья Николаевна, нырнула в одну из многочисленных скрипучих дверей, загремела кастрюлями, кажется, что-то посыпалось ей на голову, и, наконец, она вытащила на свет огромную, толстого стекла, бутылку. – Вот…

К этому времени вся гоп-компания уже прибилась сюда, все с надеждой смотрели на фаустпатрон, только он может поддержать угасающее, да что там –

уже благополучно угасшее веселье. Ведь так хорошо все начиналось!.. Так многообещающе! И бабы приехали, и затеялась тонкая игра, и крыша нашлась неплохая… Эх, разве часто удается нам отдаться игре? Очароваться недоступным, влезть в чужую судьбу, понарошку погибнуть и на самом деле воскреснуть?.. Куда там! Если режемся в карты, то уж непременно в «дурака», если добираемся до рулетки, то выигрываем на трамвайный билет, если флиртуем, то до мордобоя!.. Не дано нам почувствовать обжигающей прелести большого притворства, нет, не дано… Хотя украсть нам иногда удается много… Но истратить не удается…

Все смотрели на бутылку, старались разглядеть в ней красный пьянящий огонь.

- Говоришь, четыре года в кладовке стояла? – спросил Семен, любознательный.

- Четыре! – подтвердила Наталья Николаевна – А что?..

- Так за четыре-то года бутылка пылью бы заросла, тенетами подернулась, - сказал Семен. – А эта как будто только из магазина…

- Ну и что такого! – вступился за жену заскорузлый. – Брала ведь она бутылку в руки, когда электричества не было, вот и смахнула нечаянно пыль… с каждым может случиться… Что пристали?..

- Да, вы пить будете, или выяснять подробности? – грозно спросила она. – А то ведь я могу убрать пузырь?..

- Конечно, разливай! Как это не пить, настрадались уже!.. Давай, цеди скорее… Вот стаканы…

- Первую на пробу хозяину! – сказала Наталья Николаевна.

- При чем тут я? – начал отбиваться заскорузлый. – Что я вам – подопытное животное? Кролик?..

Наталья Николаевна только строго посмотрела на него, и он обреченно взял стакан с налитой жидкостью. Цвет ее действительно был насыщенно красным.

- Пей!..

Заскорузлый сморщился, закрыл глаза, шумно выдохнул и двумя глотками выпил содержимое стакана. Все напряженно смотрели на него. Повалится с ног, примется корчиться от удушья, в крайнем случае – рыгать?..

Заскорузлый открыл глаза, причмокнул сладко, проговорил, как пропел:

- Вот это кайф! Офигительно!.. Аж обжигает!.. В башку моментом шибает!

- Ну-ка плесни мне! – выговорила обсосанными губами Нинка.

- И мне! – протянул стакан Колька. Зам.

- Дай попробовать! – решился и мужик без примет.
Наталья Николаевна плеснула и в свой стакан, попробовала, прислушалась к себе, покачала головой, вымолвила, наконец:
- Да!.. Бывают чудеса!.. Сила!..
Всем досталось по паре глотков; кто цедил сквозь зубы - смаковал, кто зараз опрокинул вино в глотку, но и те и другие сошлись в том, что напиток исключительно крепок. Поднялся галдеж.
- Вот это выпивка! – сказал мужик без примет. – В башке сразу зашумело…
- По мозгам крепко бьет! – присоединился к нему Семен.
Федор просто закатил глаза – восторг, восхищение и все такое!
Михаил поднял большие пальцы рук, показывая, как ему понравилось.
- Но как это все объяснить? – спросил Витька Иванов. – Здесь не захочешь, а поверишь в чудеса!.. А если это на самом деле хоть как-то связано с Беловодским царством, то вообще выходит за рамки нашего понимания. Это просто поразительно! Если…если… Вся наука может оказаться только цепью заблуждений…
- Вся жизнь состоит из заблуждений, - строго сказала Наталья Николаевна, тоном, подходящим для вечных истин, - только одни понимают это, а другие – ни фига!.. Но тем и другим это не мешает обрастать этими заблуждениями, как днищу корабля ракушками…
- Точно! – поддакнул заскорузлый. – В одна тысяча девятьсот восемьдесят третьем году познакомился я с женщиной неземной красоты. Она была капитаном Уральского речного пароходства… Может быть, штурманом…
- Поварихой, - подсказала Нинка.
- Не знаю, как звалась ее должность, - не стал спорить заскорузлый, - но целоваться она была мастерица большая…
- Завянь, бабник! – посоветовала ему Наталья Николаевна, и он послушался, завял.
А Нинка подхватила, в ней, должно быть, кипела горячая казачья кровь, смешанная с магическим напитком.
- Так продолжим в бутылочку? Вот этим фаустпатроном, – сказала она. – Или завалимся?.. А чего уж заваливаться – скоро петухи запоют…
Решили все-таки крутить бутылочку. Фаустпатрон. Полчасика, не больше. Интересно все-таки, кого с кем сведет эта огромная, и как оказалось волшебная

бутылка?.. Уселись в круг, запустили этот тяжелый стеклянный волчок…
И тут Наталья Николаевна поманила заскорузлого.
- Поди-ка сюда на минутку, - сказала она и увлекла его в соседнюю комнату. Там изо всех своих неслабых сил ударила его по уху. Потом по другому.
- Ты, сволочь, все-таки выхлебал белый вермут! – не столько спросила она у него, сколько утвердила. – Чай с вареньем налил в бутылку!.. Ну, не гадина ли?.. Ну, не паразит ли?..
Она звезданула ему кулаком в глаз, глаз моментально налился синевой; по всему видать – мастерица.
- Руки-то не распускай! – заныл заскорузлый. – Я тоже могу…
- Чего ты можешь? Скотина! Чего? – закричала бедная женщина. – А эти дураки выпили, да еще кайф словили!.. Ой, крепкое! Ой, ароматное! Ой, в башку ударило! Алкаши несчастные!..
Она засмеялась:
- Я сразу поняла, что это ты напракудил, еще вчера… Ладно, иди…
Радуясь, что легко отделался, заскорузлый присоединился к компании, которая ближе к утру заметно потеряла вечернюю свежесть, остроту восприятия волнующей игры. Все двигались скорее по инерции, чем по зову тестостерона.
- Смотри что делается! – сказала заскорузлому Нинка. – Фаустпатрон ни на кого не показывает.
- Как это так? – спросил тот.
- Сам смотри!..
Бутылка вращалась бесшумно, как прозрачная юла, толстое стекло в неярком свете пыльной лампочки посверкивало чистым хрусталем.
- Вот уже пятнадцать минут крутится, падла! – сказал Семен. – И не похоже, что скоро остановится…
- Такого не бывает! – сказал потрясенный Колька. Зам. – Фокус какой-то… Масла что ли капнули подсолнечного?..
- И медом намазали! И денежкой поблазнили! – сказала Наталья Николаевна, размашисто входя в комнату. – Как говорится, концерт закончился!.. Типа факир пьян, переборщил с чудесами и от них голова кругом идет!.. Все!.. Хватит! По домам! Кто далеко живет, ночуйте здесь - разбирайте раскладушки… Через десять минут выключаю свет!.. Гулянка выдохлась!..
И никто не стал возражать. Нинка не смотрела на Семена, Колька не поднимал

глаз на Елену, Катька вырвала руку из ладоней Витьки Иванова… Неужели правда, что утро вечера мудренее?..

Через полчаса все стихло. Только забытая бутылка вращалась в центре комнаты, не находя, должно быть, достойных любви. На нее смотрел со своей раскладушки фиолетовый, одинокая, заброшенная душа. Он курил папиросу, едкий дым которой выбивал слезы. Он плакал и потому, что на свете один-одинешенек, и никому не нужен, и потому, что молодость прошла, и потому, что чудила нашел, наверное, свою заповедную страну, а он, фиолетовый, не найдет ее никогда.

28 октября 2009 года

Астана

Игра на интерес

Ехали как-то по степи, резались в дурака. Ни деревца, ни кустика за вагонным окном, только буксующие грузовики на разбитых дорогах, только мокнущие под

бесконечным дождем люди в брезентовых плащах. На полустанках только холодная вареная картошка, только соленые огурцы, желтые и сморщенные, чем-то похожие на эти края; наверное, никто не удивился бы, если бы в этих местах ордена и медали были бы в виде соленых огурцов. А, может, так оно и есть. Фиолетовый с утра проиграл пять раз подряд, и шестерки ему повесили на погоны, и семерки – еще тот игруля!

Тогда мужик с заскорузлым, как пятка, лицом предложил:

- Давайте хоть на щелбаны играть, хоть на ку-ка-ре-ку, хоть на стишок прочитать – а так просто тошно уже играть!

Как не тошно – третий год в пути. Семьдесят две колоды карт измочалили, все анекдоты по сто двадцать два раза вспомнили, а тот, где муж из командировки раньше положенного возвращается, а у жены… в общем, известно кто у жены – Изя Соломонович – так вот этот анекдот рассказывали сто двадцать три раза – просто в душу вьелся анекдотец.

Фиолетовый сразу согласился: давайте на деньги! В очко. Или преферанс, распишем пулю.

Заскорузлый посмотрел на него, как на тимуровца прошедших времен, которые любили старушкам дров наколоть, воды принести, в магазин за селедкой сбегать, а откуда что берется они не знали.

Старик сказал:

- Ты что, опупел? Какие деньги?Ты спроси у меня, помню ли я, как они выглядят, деньги эти?.. А ты сам помнишь?

Фиолетовый засмеялся:

- Когда я в деле был, мне платили хорошо... А потом с деньгами полная жопа произошла... Я просто так про деньги сказал, как бы фигурально выражаясь... Чего вы сразу ощерились?..

Охоты пререкаться с ним ни у кого не было, все помнили, кем он работал, в каком-таком деле состоял. Киллером-бродягой - вот кем он был, а они, киллера, ребята суровые, в случае чего и пырнуть могут, а уж после заплечных трудов своих играют по крупному, один так однажды наган рабочий проиграл, пришлось ему потом на своем производстве применять кинжал, да и кинжал он потом просадил, так что на дело ходил с газовым ключом - ничего, и ключом справлялся неплохо. А фиолетовый как раз не отличился особо в своей профессии, хотя славную винтовку Сергея Мосина сумел сохранить - не пропил, не проиграл, не

забыл под столом в забегаловке. Вон она стоит в углу купе с примкнутым штыком, грозная все-таки железенция! Так что, чего там пререкаться-препираться, все равно денег нет, даже огурцов купить не на что.

Мимо окон проплывала желтая равнина, сырая, холодная, ветер рвал из желтого суглинка перекрученные, жилистые стебли степных растений, но не было у него такой силы, чтобы вырвать хоть что-то из этой волглой земли. Дождь вперемешку со снегом и снег пополам с дождем засыпали эти места во все времена года; из желтой грязи не могли выбраться ни люди, ни телеги, ни грузовики. Грузовики рычали, чадили, сдирали колесами земную кору, но тронуться с места не могли. Старик пытался представить, откуда выехали эти безнадежные грузовики и куда они не доехали, и судя по всему никогда не доедут, так и состарятся в этой желтизне, - может, посланы они властителями этих просторов за нарядным и долгожданным фейерверком, которым можно раскрасить невысокие небеса над этими землями. Люди испокон веков мечтали о таком празднике, когда над их головами загорятся тысячи разноцветных огней, и этот праздник был им обещан мудрыми властителями, и снаряжены могучие машины, но все они застряли в непролазной грязи, провалились, как в пропасти, в бездонные колеи, и, наверное, заряды отсырели, испортились - не годны больше на веселую пальбу, а только на печальное шипение.

Решили все-таки играть на щелбаны. И опять продул фиолетовый, не идет ему карта. Заскорузлый отсчитал ему заводных, звучных, полновесных щелбанов.

- Лупишь ты от души! - скривился от боли фиолетовый.

- А как же! - согласился тот. - Надо все делать основательно.

В следующей игре не повезло старику, не пришло ни одного козыря. Он подставил голову под удары: раз, два, три... десять... Больно как!.. Лучше кукарекать или стишки читать... Он помнил один с самого детства:

Эники, Беники, ели варенники,
Эники, Беники клец -
Вышел советский матрос!

Впрочем, это считалка, но очень хорошая, похожая на стихи. В детстве он произносил ее на дню десять раз, потому, что любимой игрой у них тогда были прятки... кулюкушки... Точно-точно, с самого детства хотелось спрятаться, так чтобы тебя никто не видел, а ты всех-всех, и в любую минуту мог выскочить с торжествующим ревом: чур, чур меня!.. Куда только он не забирался - и в кусты у

типографской сторожки, и за огромные кучи антрацита, привезенного к зиме, и на чердак - и всегда его находили, и всегда ему потом приходилось водить, но он как раз никогда не находил своих дорогих друзей - ни Вадьку,ни Олежку, ни Наташку - девчонку-задиру с гороховыми бантами, - всех-всех, так хорошо они умели прятаться. И пока они сами не открывались ему, он ходил по двору с потеряным лицом, а друзья в своих тайных укрытиях весело хохотали над ним.

Однажды они надумали играть в самый разгар июньского дня. Кажется, было восемнадцатое число... Точно, восемнадцатое. Тогда у старика как раз был день рождения. Вечером мать обещала испечь торт - "наполеон", а днем они все угощались "сливочным" из киоска, что у КРаМа. Им бы потом отправиться в жару купаться на Урал или Деркул, а они надумаюли прятаться друг от друга.

- Эники,Беники..., - завел он считалку, стоя лицом к деревянной стене сторожки,

- ...клец...советский матрос!

Он нарочно протараторил скороговоркой, чтобы они не успели спрятаться, но они успели. Он оглянулся - типографский двор, где они играли, был пуст, только у проходной дремала на табуретке сторожиха тетя Маруся, только рыжий котище Васька сладко потягивался со сна, только летний городской ветер лениво ворошил брошенные кем-то две газеты. Старик (неужели и тогда его так называли?) двинулся к арке, ведущей во второй типографский двор, именуемый не иначе как "тем двором", но он знал, что стоит ему скрыться в том дворое, как один из тех, кого он ищет, пулей вылетит откуда-нибудь из кустов и помчится к сторожке: "Чур, чур, чур!!!" Поэтому он не доходя до арки резко повернул назад - и вовремя: из-за склада, где царила тетя Напия, выскочил Олежка и бросился к сторожке. Но старик в этот раз был быстрее, и раньше Олежки коснулся рукой сторожки - "Сгорел!.."

В этой игре он успел и быстрее Вадьки, и даже Наташки - первый случай. И тогда Наташка принялась клянчить, за ней это водилось:

- Да ты до конца не досчитал! - закричала она. - Мы и спрятаться не успели... Давай, води заново! Если по честному, то ты нас ни в жизнь не найдешь!..

- Найду! - сказал он опрометчиво. - За пять минут!..

И отвернулся к сторожке:

- ...раз, два, три, четыре, пять - я иду искать! Кто не спрятался - я не виноват!..

Но они в этот раз успели спрятаться. Ни в зарослях акации, ни в сиреневых кустах, ни между дверями склада тети Напии никого не было. Старик заглянул в саму

сторожку - даже тетя Маруся куда-то пропала. Он, готовый мчаться назад, опасливо заглянул за бумажные газетные рулоны - никого. Глянул в сторону старого линотипа, ржавевшего какой год посреди типографского двора - за ним как будто тоже никого. Не забыл посмотреть в тамбуре печатного цеха - ни души. Пришлось забираться на чердак, где жестяную темноту прокалывали ослепительные иглы солнечного света, пробивавшиеся через прорехи кровли. Бывало, он находил здесь патронные гильзы, даже обломок казачьей шашки - зданию едва не полтора века, однажды как бы сама собой выползла на свет книжка с "ятями" - "История Урало-Каспийского края" с какими-то схемами и подсчетами - он без сожаления снес ее в ларек для приема макулатуры, где за нее получил отличную расческу - гребешок, хотя никогда не причесывал белесые лохмы на голове. Много чего он находил на этом таинственном чердаке, но в этот раз не нашел ничего, своих друзей тоже.

Он выбрался с чердака, закричал:

- Если вы на улице спрятались - это не считается! Это не счетово! Договор - только в типографском дворе!..

Никто ему не ответил. Тут его осенило - конечно же, они в подвале у Бочаровых, где еще можно так надежно спрятаться, как не в подвале, где живут Бочаровы - тетя Маруся, Юрка и тетя Тамара? Подвал огромный, темный, круглые сутки в нем горит электричество, а если тетя Маруся его выключает, подвал погружается в страшный мрак. Подвал проходит чуть не под всем домом Мизиновых (говорят, там какая-то знаменитая Лика когда-то жила) - иногда и сам старик прятался здесь. Но в этот раз в подвале горел свет и было пусто и гулко. Старик не решился даже голос здесь подать; и что за Лика жила в этом доме?

Он выбрался из подвала, крикнул:

- Ладно, ваша взяла, выходите!

Ни звука в ответ.

- Вы что, оглохли? - завопиол он. - Я так не играю!..

Ни звука.

Тогда он вышел на улицу, она называлась в ту пору Коммунистической. Почему она так называлась - никто не знал, потому, что давным-давно она именовалась Крестовоздвиженской и в самом ее конце стояла большая красивая церковь. Церковь снесли, но от этого на улице не прибавилось коммунизма, но ее все равно назвали Коммунистической.

Рядом с типографским двором был детский сад, иногда ребята прятались в его дворе, но это было против правил. Он заглянул туда скорее для порядка, но никого не обнаружил. Оставался двор тети Лиды Глуховой, он примыкал к детскому саду, но в нем они никогда не прятались, только забирались иногда, чтобы нарвать медовых ранеток или надрать густой махровой сирени - двор Глуховой был огромен, запущен, в нем жила еще яицкая старина, иногда казалось, что под каждой яблоней, ранетом, акацией притаились водовороты-воронки, попав в которые легко провалиться в прошлое. Они всегда приходили сюда вчетвером, сначала лежали в высоченном бурьяне, дожидаясь когда тетя Лида - маленькая, сухонькая, подвижная уйдет куда-нибудь или отправиться поспать часочек после обеда. Они смотрели, как она кружится вокруг дома, открывает и закрывает двери многочисленных сараев и сарайчиков, котушков и курятников, и думали иногда: вот сейчас она выведет из этого сарая ступу с помелом. И только убедившись, что Глухова им не помешает набрасывались они на яблони и ранеты - ох и вкусны были их плоды!

А тогда он впервые заглянул во двор один.

- Вадька! Наташка! Олежка! - позвал он. Ответом ему было молчание. Только огромный злобный петух повернул в его сторону голову, и старик понял - здесь их нет. Наташка понически боялась этого противного петуха. Старик тоже оттуда убрался. Он вернулся в типографский двор, крикнул негромко:

- Дураки!.. Я с вами больше не вожусь!..

Так и вышло.

- О-а-о-б-е-е-е-да-а-а-а-ть! - позвала его мать, и он, огорченный, отправился есть холодную пшенную кашу с молоком, запеченную в духовке тыкву, пить клюквенный кисель. Почему-то в те времена много было клюквенного - морс, кисель, даже зубная паста, кажется...

- Радуйся, прыгай! - сказала мать. - Все-таки в профкоме мне навстречу пошли, поедешь в лагерь водников - самый лучший пионерлагерь в области! Всего за двадцать процентов полной стоимости! Там питание четырехразовое, как на убой!.. Не тыквенник будешь есть, а котлеты натуральные...

- Я не хочу, чтобы на убой, - сказал он, и хотел добавить, что не нашел еще Вадьку, Олежку и Наташку, вдруг они до сих пор сидят в тайных местах, о которых никто не знает, но промолчал. Разве он мог знать, что они спрятался от него навсегда?

Месяц в лагере пролетел быстро, весело, завелись и новые друзья. А старых он больше не видел. То ли они разъехались в другие города, то ли на соседние улицы, то ли провалились в водовороты под сахарными ранетами. А правда, где они?

- ...Давайте, все-таки на стишки играть? - предложил заскорузлый, боясь щелбанов.

- Ага, - нехотя согласился фиолетовый, горя местью и потирая затылок. - Только пара на пару интереснее играть. Может тот, который наверху, слезет?..

В самом деле, сколько можно дрыхнуть? Двенадцать дней не слезает он с верхней полки, думали, что умер – толкнули, он принялся материться: моп вашу ять, дайте поспать! Странный такой человек, неизвестно откуда появился, неизвестно как зовут, неизвестно куда едет. С самого начала его в купе, как будто, и не было. Однажды старик полез наверх за одеялом - зябко стало - и увидел неизвестного. В серой какой-то одежде, серых валенках - прямо в валенках, груздь этакий, залез на полку - наверное, ночью проводник его подсадил. А, может, они его просто не замечали?.. Несколько раз он слезал сверху - хмурый, всклокоченный, доставал бутыль с самогоном, никому не предлагал, сам выпивал два-три стакана, опять заваливался. Спрашивал только: "Сколько времени?", но ответа не дожидался, начинал храпеть. Да и на кой ему это время? Торопится он что ли куда-то?

- Эй, мужик, хватит спать! - принялся тормошить его фиолетовый. - Составь компанию в карты... Только на стишки играем... Знаешь хоть один стишок?..

- Знаю, - ответил неизвестный, и взял в руки карты. И сразу к нему пришла козырная шестерка. Значит его ход. Он и зашел с бубнового туза, экий заход! Задумался фиолетовый: бить или брать? Самое начало партии, а неизвестный тузами швыряется, видать, картищи у него небывалые - козырье, короли-дамы. Но побил фиолетовый туза, а у неизвестного сони подбросить нечего, без парных играет... Странно. Или играть не умеет. Это и выяснилось, когда ход под него перешел. Он даже шестерки-семерки стал принимать, тундра! В пять минут в дураках остался, давай, тащи из-за пазухи свой стишок. Хохма, да и только!

Соня посмотрел в окно на желтый дождь, вздохнул и прочитал:

Эники, Беники ели вареники,

Эники, Беники клец...

И дальше про советского матроса. Нет, никуда не скроешься от этой считалки! Будто в мире вся поэзия кончилась, или не начиналась?

- Не пойдет! - выговорил едва старик. - Считалка не годится, нужен стишок...
Ему представилось, вдруг, что эта считалка написана про всю его жизнь, так емко и образно, так грустно и одновременно жизнеутверждающе! Прекрасные Эники, чудные Беники угощались варениками, наслаждались покоем... Он знал их, когда-то дружил с ними, клецал в свободное от учебы и работы время, наблюдал, как из кокона поэтических строчек выходит бравый советский матрос - и тоже клецает, а вокруг строгая, но справедливая действительность, бытие, пронизанное солнечным клецаньем.
- Не пойдет! - твердо повторил он. - Давай другой стишок!..
- Да, пожалуйста! - сказал неизвестный. - Мне не жалко...
И начал читать:
- Шел трамвай десятый номер, на площадке кто-то помер, тянут-тянут мертвеца - ламцадрица...
- Это тоже считалка, кажется, - сказал заскорузлый.
- Да будут вам стихи! - обозлился соня. - Пожалуйста... Куда течет река Ишим, вопрос пока неразрешим...
- И это считалка! - завопил фиолетовый. - Я ее знал еще в раннем детстве!..
- Ну, хорошо, хорошо! - замахал руками неизвестный и принялся читать: "Я красивых таких не видел...только, знаешь, в душе затаю - не в плохой, а хорошей обиде повторяешь ты юность мою. Ты мое васильковое лето, я навеки люблю тебя, как живет теперь наша корова, грусть соломенную теребя?.."
- Вот это другое дело! - сказал старик. - Это, кажется, Юрий Фоменко?..
Соня кивнул головой, может он сам только что сочинил эти строчки.
- Кто сдает карты? - спросил заскорузлый.
Но сдавать пока не пришлось, потому, что поезд остановился. Кто-то закричал в коридоре:
- Канотоп что ли?
Ему ответили:
- Седьмой аул не хочешь?..
Старик выглянул в окно: желтая равнина, дождь вперемешку со снегом, ветер. Рядом с вагоном натужно выли моторами сразу три буксующих грузовика, в каждом кузове понуро сидело по человеку - в брезентовых плащах с промокшими капюшонами. Старику они почему-то показались странствующими монахами, почему?

- Может, подтолкнем чуток грузовики? - предложил он. - Пусть хоть кто-то выберется отсюда...
- А что, можно, - откликнулся фиолетовый. - Разомнемся немного...
- Я не против, - сказал заскорузлый.
Неизвестный встал, налил всем самогона из своей бездонной бутыли. И они вышли под снег и дождь, в желтое пространство.
Хмурый шофер первой машины не вышел даже из кабины, но от помощи не отказался:
- Толкайте, если силы есть!.. Только вряд ли эту телегу можно сдвинуть с места... Раз-два-три!..
Старик, фиолетовый, заскорузлый и соня навалились плечами на борта машины, мотор завыл еще надсаднее, грузовик задергался, его забила крупная дрожь, но он медленно пополз по желтой жиже.
- Выбрался! - не поверил шофер. - Ну надо же, я уже и надеяться перестал!.. Спасибо, люди добрые!..
- А вы откуда? - спросил старик. - Акцент у вас какой-то нездешний...
- Ваш говор тоже немного странный, - сказал шофер. - Вроде все правильно говорите, а как будто на иностранном языке...
- Мы издалека, - ответил фиолетовый, - да и едем давно... А какой нынче день, пятница или суббота?..
Странно посмотрел на них шофер, крякнул, произнес с сомнением:
- Вы что, не знаете, что пятницы и субботы, как воскресенья, среды и четверги давно отменены? В неделе всего два дня - понедельник и вторник...
- Что-то не слышал я о таком нововведении, - сказал заскорузлый, хотя мне иногда кажется, что вся жизнь - один сплошной вторник...
- Еще в двадцать втором веке отменили, - сказал шофер. - Не все и помнят об этих субботах-воскресеньях...
- В двадцать втором веке? - переспросил старик. - Дела... А сейчас на дворе двадцать первый, ну, плюс - минус два-три года...
- Вот так и думала я, что мы опять в прошлое заехали! - подал голос поссажир кузова и откинул с головы капюшон.
- Боже! - воскликнул старик. В кузове сидела девчонка - та самая Наташка, не найденная пятьдесят лет назад. Сколько же лет ей сейчас должно быть?.. Так, пятьдесят плюс двенадцать, а может ей тогда всего десять было?.. Все равно

шестьдесят... Но разве печальная старуха сидит в кузове? Разве утомленная болезнями и несчастьями, потускневшая от потерь и ожиданий женщина смотрит на него?.. Да нет, все та же девчонка-задира с гороховыми бантами. Она ли это?..

- Наташка?.. Ты?.. - спросил он нерешительно.

Она махнула рукой, ах, все равно узнал:

- Я это, я...

- Как же так вышло, почему?..

- Так произошло, - ответила она. - Это случайность... Если бы ты лучше поискал нас, то нашел бы... А тебя тыквенник есть позвали... Годы не очень сытные тогда были...

- Не пойму, - сказал он. - Почему ты не изменилась, ведь столько лет прошло?.. Ты - девочка... а я - старик

- Тебя стариком с детства называли, - вспомнила она и засмеялась. - Ты такой смешной был, лопоухий, вихрастый... Неуклюжий, никогда не мог спрятаться так, чтобы тебя тут же не нашли...

- А странно, что во всех наших тогдашних играх нужно было или самим прятаться, или прятать что-то... Почему?..

- Потому, что в каждой игре очень большая тайна есть, - ответила она, - но это долго объяснять... Некоторые думают, что игра - черновик жизни, тренировка такая... И мало кто думает, что все совсем наоборот...

- Как так? - удивился он. - Жизнь - тренировка к игре?..

- Что-то в этом роде, - уклончиво ответила она.

- Ну, мы едем?- спросил шофер. - Теперь придется такой круг давать!..

- Так откуда и куда вы едете? - спросил старик. - И теперь надолго?..

Он почему-то догадывался, что вряд ли получит все ответы на свои вопросы, да и сами эти вопросы казались ему будничными, даже равнодушными какими-то, скучными, но другие слова не шли ему на ум:

- Это как будто сон... Мы еще когда-нибудь встретимся?..

Она засмеялась звонко и весело, а как еще хохочут двенадцатилетние девчонки?

- Конечно... Через пятьдесят лет назад...

Мотор взревел и грузовк пополз по желтой дороге. Наташка, девчонка-задира, Наталья... Натали..., а как ее звать на самом деле? - бросила ему что-то в упакровке из серебряной фольги. Крикнула и ветер донес обрывки ее слов:

- Это таблетка будущего... выпьешь, окажешься в ...веке...встретимся...

- Что это было?- спросил фиолетовый. Вопросительно смотрели на старика и заскорузлый, и неизвестный.
- Не знаю, - честно признался он. - Может быть,грузовик из будущего... Боюсь, что я знаю откуда вторая машина...
- Откуда? - проявил любознательность соня. Старик промолчал.
Они навалились плечами на кузов второго грузовика, и через минуту тот выполз из скользкой лужи.
Старик крикнул человеку, сидящему в кузове:
- Простите, мы с вами прежде не встречались? Пятьдесят лет назад?..
- С тех пор прошли пятьдесят один год и четыре месяца, - ответил человек, укутанный в плащ, и его подростковый баритон не удивил старика.
- Вадька? Ты? - закричал старик.
Тот откинул капюшон, точно, Вадька. Веснушчатый, долговязый, вечно лыбящийся...
И сейчас он улыбался.
- Думали, что навсегда тут останемся, - сказал он, не поздоровавшись. - Почва как мыло, скользкая, какие здесь моторы нужны!.. Самые мощные, и те не тянут...
Старик с ужасом смотрел на улыбающегося мальчишку, о чем он говорит? Почему не бросается в расспросы: а, помнишь, помнишь, помнишь?.. Почему сам ничего не рассказывает: а, вот в шестьдесят седьмом было, а вот в семидесятом случилось, в семьдесят пятом произошло?..
- Ты меня не узнаешь? - спросил с надеждой, вдруг, на самом деле не узнает?
- Да ты не очень изменился, - сказал мальчишка. - Мы все не очень изменились... А куда ты тогда 18 июня пропал? Просто исчез - и никто тебя больше не видел... Торт зажал... А как Наташка убивалась, наверное,...
"Вот в чем все дело, - догадался старик, - он всегда ревновал ее, и по сей день ревнует".
- Это я пропал? - удивился старик. - Я искал вас повсюду...
- Со временем ты мог бы жениться на ней, - продолжил Вадька, пропустив мимо слова старика. - Она интересная, и с детства в тебя влюблена.
Старик представил их совместную жизнь; она, наверное, прошла бы вся в кузове буксующей машины. Он хотел закричать "Так вы детьми и остались, откуда эти дурацкие рассуждения?", но не закричал, просто спросил:
- Ты тоже весь в будущем?.. В двадцать четвертом веке или еще дальше?..

Перемещаешься во времени, как вечный турист?..
- Нет, нет! - замахал руками Вадька. - Какое будущее! Будущего нет, его еще выстрадать нужно. Вся жизнь находится в прошлом, горячая, яркая, свершившаяся... Мне, например, нравятся сороковые годы - самый их конец... Жив еще вождь, на весь город три проститутки, ежегодно первого марта снижение цен... Ситец дешевеет, водка недорогая, с хлебом пока трудно, но скоро уже на целину поедем, накормим страну...
- А в каком городе такое происходит? - вставил слово заскорузлый.
- В Уральске происходит, как и во всех городах, - ответил ему Вадька. - А вообще в прошлом везде хорошо, в прошлом стабильности много, в прошлом я уверен больше, чем в самом себе... Если что, давай к нам!..
И он протянул старику еще одну таблетку - для перемещения в прошлое. Пригодится.
- Какую таблетку в третьей машине дадут? - принялся вслух рассуждать фиолетовый.
- Вообще-то мы сами выбрались из колеи, - сказал шофер третьего грузовика. - Так что, никакой платы вам не полагается... никакого бонуса...
- Нам и не надо, - сказал старик, - мы просто узнать хотели нет ли у вас в кузове мальчишки по имени Олег?
- Есть такой мальчишка, - откликнулся Олег, выбираясь из-под брезентового плаща - седой шестидесятилетний старик - лысоватый, тусклый, в общем, со всем набором "опознавательных" знаков.
- Ты вырос? - растерялся старик. - То есть - повзрослел?..
- Не то, чтобы сильно повзрослел, а вот постарел порядочно, - откликнулся Олег. - Ты тоже далеко не первой молодости...
- Точно, - согласился старик. - Хлебнуть пришлось прямо через край...
- И не говори, - подхватил Олег, - то интернациональный долг, то денежная реформа, то зубы выпадают, то развод и алименты, то всенародный референдум...
- А двухсторонняя пневмония, а картофельный недород, - вспомнил старик, - а курсы повышения квалификации... Кстати, куда ты тогда подевался?..
- 18 июня? - переспросил Олег. - Никуда... Ты сам ушел, а я тогда за ржавым линотипом сидел... Ты не заметил меня...
- Как же так, как же так? - сказал старик. - А потом что случилось?

- А ничего, - равнодушно ответил Олег. - Мы учились с тобой в одной школе, в одном классе, одно время даже за одной партой сидели, но ты не замечал меня. Ничего страшного, так часто бывает... Вот я, например, даже не могу вспомнить, как выглядела моя первая жена...

- Неужели? - поразился фиолетовый, внимательно прислушивающийся к разговору.

- А вот случай был, - вспомнил заскорузлый. - Один мужик пошел в аптеку, кажется, за касторкой. Стало ему одиноко, как-то не по себе - и он решил: а не сходить ли мне за касторкой, развеяться? И пошел, купил, потом отправился домой. По дороге, конечно, пивка выпил пару кружечек - с килечкой, догнался соточкой охотничей настойки, шкалик которой они с друзьями взяли в пивнушке на троих, - и вот он порог родного дома. Перешагнул он через этот порог, глянул и тут же от ужаса зажмурился: в его доме на кухне гремит кастрюлями огромная, просто необъятная бабища.

- Нажрался опять? - спросила бабища. - На минуту тебя выпустить нельзя, тут же обговняешься!.. Не зря сказано, что свинья грязи всегда найдет!

- А вы кто? - кое-как выговорил он. - Извините, может, я не туда попал?

- Ах, ты паскуда! - завопила бабища. - Я тебе покажу "не туда попал", я тебе память освежу, гадина!.. Допился, паразит! Жену родную не узнает!..

- Я не женат, я холостой! - сказал он чистую правду, но бабища изо всех своих необъятных сил огрела его веником по голове, потом добавила кулаком - мужик бросился бежать, она за ним следом. И, конечно, догнала, скрутила.

- Двадцать лет живем, двоих детей прижили, а он, видишь ли, не женат! Сволочь!

Несмотря на побои, мужик продолжал твердить, что видит ее в первый раз, всю свою сознательную жизнь был холостяком. Из задних комнат появились дети - две прыщавые девки трудноопределимого возраста, заныли:

- Пап, ты чего, пап?..

- До белой горячки допился ваш папа, - пояснила ситуацию бабища. - От родных дочерей отказывается.

- Нет у меня никаких дочерей, - упорствовал мужик. - И тем более жены нет такой громобойной... Свободен я...

И что вы думаете? Дело до суда дошло. Он как раз отпускные на валяльно-войлочной фабрике получил, нанял адвоката - те за деньги любого холостым признают. Но судья попался несгибаемый, обнаружил-таки документы о

бракосочетании, рождении детей. Выходит, мужик двадцать лет с женой жил, но не замечал ее, даже детей родил, а не видел их... По научному это называется несовместимость-непереносимость-неузнаваемость...

- Вот дела! - сказал старик. - А сейчас ты где?.. В прошлом? Будущем?

- С чего ты взял? Мы все всегда в настоящем... Приежай как-нибудь в Уральск, легко найдешь меня, если захочешь. А сейчас мне пора... набуксовались здесь, пора ехать...

- Да, пора, - сказал старик и все они долго смотрели вслед медленно ползущим грузовикам. А тут их позвал проводник:

- Поезд отправляется! Провожающие покиньте вагон!

"Какие провожающие на безымянном полустанке?" - подумал старик. Но скоро обнаружилось, что пропал соня, и вместе с ним его бутыль самогона.

- Так он и был провожающим? - спросил фиолетовый. - Жалко, что самогон с собой прихватил, скряга.

Желтая бесконечность окутала поезд.

- Может, продолжим в картишки? - некоторое время спустя предложил заскорузлый. - Развлечемся малеха?..

- Можно таблетки разыграть, - вспомнил старик. - Получится на интерес играем - кому в будущее, кому в прошлое отправляться, а кому оставаться здесь...

- Тоже мне, жребий - оставаться здесь, - сказал фиолетовый. - Мы и без игры здесь останемся... Я лучше бы в будущее двинул... Представляешь, там полный коммунизм - все бесплатно, всего навалом, девки голые ходят.

- Ну, а я бы в прошлое дернул, - мечтательно протянул заскорузлый. - Например, на поле Куликово... Только с пулеметом крупнокалиберным... Меня бы тогда Донским назвали, слава какая, а? Или прошмыгнул бы в семидесятый год, на чемпионат мира по футболу... Победителя-то там пока никто не знает, только догадываются, а я бы верные ставки делал... нарубил бы валюты!

- А ты куда хочешь? - спросил заскорузлый старика.

- Домой, - ответил тот.

- Ага, понятно, - сказал заскорузлый, хотя ровно ничего ему не было понятно.

Сдали карты, на кон поставили таблетку в будущее. Фиолетовому привалило козырей - полные руки. Заскорузлому поперла парная карта. Старику насыпало мелочи - семерки, восьмерки - пики, трефы - одна чернота. Ходить выпало под него, и он сразу принял, карты еле в руках помещались, рассыпались по столику.

На втором круге он снова принял, но пригляделся - карты ровнее пошли, стали соединяться в пары, образовывать марьяжи; он быстро сбросил мелочь, отбился на третьем круге, взял из колоды две карты - туз и король - козырные. Фиолетовый волновался, растратил козырей, отбиваясь от мелочи, а к концу игры пришли к нему невыразительные девятки, бесполезные против дам и королей валеты. Он решил схитрить, зашел с козырей, но номер не удался, козырной туз сделал свое дело.

- Дураком ты остался! - сказал фиолетовому заскорузлый. - Теперь мы со стариком таблетку эту разыграем...

И он сдал карты. Старик, едва взглянув в них, понял, что его дело - табак. С такими картами играть было можно, выиграть - никогда. Восьмерки, семерки, дама и валет разной масти, ни одного козыря.

- Может, без розыгрыша заберешь таблетку? - спросил он у заскорузлого. - Чего время тянуть?..

- Нет, мне подачки не нужны, я в честном бою выиграю! - ответил тот.

- Ну, давай в честном бою, - согласился старик, и заскорузлый зашел с козырной шестерки. Бить ее старику было нечем. Потом он принял двух дам, потом трех королей - и откуда столько коронованных особ в этих желтых пустынных краях? Следующий ход он сумел отбить, но самому ходить было нечем, он сбросил две восьмерки - и это было все, что ему удалось. Заскорузлый задавил его - сначала четрьмя десятками, потом четырьмя дамами... И в конце - четыре шестерки - позорные погоны.

- Значит, мне отправляться в будущее! - захохотал он. - Не удивлюсь, если это окажется таблетка слабительного.

Он взял таблетку, освободил ее от серебряной обертки, покрутил перед глазами и бросил в рот. И тут же исчез.

- Подействовало! - закричал фиолетовый. - Признаться, я думал, что эти таблетки какой-то розыгрыш, прикол, а выходит - все правда?..

- Остается разыграть вторую таблетку, - сказал старик и взял колоду, и почему-то он знал, что сейчас выиграет. Так и случилось, карты пришли ему небывалые - одни козыри, как будто где-то прорвало карточную удачу. Пять минут - и он получил таблетку.

- Запить есть чем? - спросил он у фиолетового. Тот, огорченный проигрышем, мотнул головой: "Нет. Глотай всухую". Старик осторожно проглотил довольно

большую таблетку, чуть славдковатую на вкус. Хотел сказать, что ничего, бывает и горше лекарство, но внезапно померкла необъятная желтизна, в которой пробирался какой уж год этот поезд, как будто кто-то выкрутил старую лампочку в подъезде, и стало темно и страшно, но всего на секунду. Вспыхнул солнечный свет и восемнадцатое июня разлилось над землей, и старик оказался у стены типографской сторожки:

- Эники, Беники... Кто не спрятался - я не виноват!

Не был ни в чем виноват он в этот золотой летний день, поэтому повернулся и пошел искать своих верных друзей. Он помнил, что за ржавым линотипом, кривившемся у кучи с углем, должен прятаться Олежка.

- Олег! - закричал он. - Выходи!.. Знаю, где ты!..

- Меня не так зовут, по другому! - хмуро сказал фиолетовый, выглянув из-за старой наборной машины.

- Ты? - закричал старик. - Ты ведь в настоящем остался. Как ты сюда попал, как? Неужели с этими таблетками все-таки обман?

- Не знаю, - сказал фиолетовый. - Поезд остановился на станции, я и вышел. Пошел по улице, и вот дошел сюда, смотрю на старинные дома... Говорят, что в том доме жила Лика Мизинова...

- Кто такая? - спросил старик, но фиолетовый только пожал плечами. - Кто знает, может, артистка?..

- Не артистка она, - сказал заскорузлый, выходя из сторожки и на всякий случай прикоснувшись к деревянной ее стене - "Чур меня!"

- Так ты ведь в будущее отправился? - устал удивляться старик. - А я в прошлое, как мы могли встретиться?

- А что здесь удивительного? - сказал заскорузлый. - Вон две газеты валяются, посмотрим число... Он поднял одну:

- Так, восемнадцатое июня две тысячи триста пятьдесят третий год...

- А на моих часах - нынешний год! - сказал фиолетовый. - Я же в настоящем остался...

Старик поднял вторую зазету, так и есть - восемнадцатое июня тысяча девятьсот сорок седьмого года - незамутненное прошлое.

Он потер лоб и сказал тихо:

- Выходит, двор этот существует и в прошлом, и настоящем, и будущем?.. Вечный такой двор?.. И в нем может найтись все, что было когда-то не найдено...

- Вообще-то, так не бывает, - сказал с сомнением фиолетовый.
- Это обман зрения, - поддержал его заскорузлый. - По научному - галлюцинация... Опасная, доложу вам, штука. Вот случай был, друг один мой, кореш хороший пошел премию получать. Было время, когда работяги премии получали - не только на бутылку. Приходит в кассу, а ему говорят: вы с мешком пришли или на грузовике? Потому, что причитающуюся сумму, причем в американской всемирной валюте, один человек может унести с большим трудом, так огромна эта сумма. Друг, конечно, вернулся домой за мешком, такси нанял. Говорит жене, Нюся, дескать, давай самый здоровенный мешок - премию туда буду складывать. Нюся отвечает вежливо: вам что, премию картошкой выдавать будут? Или свеклой? А он: дура несусветная, долларами нынче будем получать, причем буквально мешками. Хватит, настрадались последнее копье считать. Теперь заживем как все люди - гейтсы или морганы, каждый день будем сосиски свиные жрать. А Нюся не сдается: какую-такую премию тебе дадут, если у тебя прогул на прогуле, запой на запое?..
- Галлюцинация это! - сказала она. И оказалась права: не только долларов в итоге не дали, а чуть с работы не поперли...
- Так и с этим прошлым-будущим-настоящим может получиться, - продолжил заскорузлый, - все это, того и гляди, обернется обманом. Иллюзионом...
- Иллюзией! - поправил его фиолетовый. - Нет и не бывает ни прошлого, ни будущего, никакие таблетки не могут перенести туда; настоящее - и то под сомением... Верь нам!..
И он поверил. Может, и на самом деле время - обманная придумка, и часы ничего не отсчитывают? Нечего им отсчитывать? В какую сторону не шагни - окажешься у этой деревянной сторожки, в типографском дворе, рядом с кинотеатром КРаМ... Календари наврут про годы, десятилетия, миллениумы, а приглядись - на дворе все тот же день 18 июня...
- Скоро наш поезд отходит, - сказал заскорузлый. - Точно...
И они отправились на вокзал.
- Только не оборачивайся! - сказал фиолетовый. Но он оглянулся. И увидел, что у подвала дома неизвестной Лики Мизиновой стоит Наташка, девчонка-задира с гороховыми бантами, и машет ему рукой.

19.07.2008, дача под Бобруйском

Он и она

(Московские каникулы)

Наконец-то привезли эту долгожданную мебель. Катерина еще до нового года ездила в Китай – в славный город Урумчи – там купила спальный, гостиный гарнитуры, всякую квартирную всячину – тумбочки, подставки для цветов, коврики, а также ротанговую мебель - плетеные кресла, столики, - там же в Урумчи ей все упаковали и пообещали прислать товар в целости и сохранности. И уверяли, что не будут с этим делом медлить. Уверения уверениями, а больше двух месяцев пришлось ждать, нервничать – путь все-таки неблизкий, а тут по ящику рассказывают, что неспокойно на железных дорогах, жулье кругом. Опасно на дорогах, а еще таможни, границы, бдительность… Катерина, конечно, все эти дни дергалась, но твердо рассказывала подругам, что покупать мебель в Китае очень выгодно: и качество неплохое, и ассортимент не сравнить с нашим, а цены так вообще раза в три ниже отечественных. И еще она не забывала повторять, что теперь знает, откуда берутся в наших магазинах товары из Италии, Америки, Франции – из Китая…

Никита иногда вставлял словечко насчет того, что еще придется платить за таможенное оформление, за доставку, погрузку-разгрузку, сборку, а потом еще пристраивать куда-то старую мебель, которая не совсем старая, а была куплена три года назад, правда не гарнитуром, а по отдельности. Но от его словечка Катерина с подругами легко отмахивались, да он и не спорил – все равно Катерина сделает по-своему, чего спорить-то? Ему все время казалось, что, давая ей выиграть в мелочах, он оставлял за собой нечто самое главное, самое важное,

но что – никак не мог вспомнить; иногда казалось, вот, забрезжило, показалось это главное, но как-то незаметно оно смешивалось с неглавным, превращалось в еще большие пустяки.

И вот, наконец, привезли эту мебель, завалили всю квартиру ящиками и огромными коробками; грузчики полдня таскали их на пятый этаж, кряхтя и потея. Сборочных дел мастера почти день потратили, чтобы распаковать ящики, рассортировать все эти полированные доски, стекла, зеркала и шурупы. В квартире ступить было некуда – всюду дерево, фанера, картон и то, что мастера называли таинственным словом фурнитура. Но постепенно из этого хаоса стали возникать столы, шкафы, даже диван и кресла. А напоследок в спальне выросла огромная кровать, просто исполинская.

- На такой кровати не спят – почивают, - сказал Никита. – Язык не поворачивается называть это кроватью - ложе, не иначе…

Катерина промолчала.

- Это похоже на пиратский бриг, во всяком случае, леса сюда ушло не меньше, - продолжил он.

- Только не пиратский, - сказала она. – Какой угодно, но не пиратский. Купеческий, рыбацкий – еще куда ни шло… А бывали корабли какие-нибудь монашеские?..

- На что ты намекаешь? – обиделся он.

- Не намекаю, прямо говорю, - усмехнулась Катерина. - Мы уже давно как будто постриг приняли…

Он хотел возразить, но передумал: мебель так мебель, постриг так постриг. Сказанное ничего не стоит.

Когда-то он был студентом, в те времена это почти наверняка значило – бездомным. В общежитии мест не хватало, снимать квартиру – не хватало стипендии. Но все как-то выкручивались, набивались в одну комнату по десять человек, да еще и девушек умудрялись приводить. Случалось, что за один семестр Никита менял дюжину мест обитания, и не он один. Однажды ему даже пришлось притащить с собой на зачет чемодан с пожитками, потому, что хозяйка квартиры, где он ночевал в последние две недели, надумала срочно переезжать в другой город – к объявившемуся жениху, прямо-таки запылало чувство, что ни дня, ни часа ждать было нельзя.

Никите даже повезло, что он пришел в университет с чемоданом. Это разжалобило преподавателя политэкономии, суровой науки, трудно дававшейся и

более зрелым умам, чем никитин, - и препод выкатил неожиданный «автомат», славно-то как! А если честно сказать, Никита ни фига не смыслил в этой самой политэкономии. Просто ни фига, и с самого утра очень переживал по этому поводу, даже больше, чем из-за срочного замужества хозяйки.

Рядом с универом горбатилось серо-мышиное здание главпочтамта, возведенное, кажется, в двадцатых-тридцатых созидательных годах под грохот индустриализации, и со временем превратившееся в место сбора страждущих. Вожделенные переводы от родителей, посылки с охотничьими колбасками и банками сгущенного молока, бандероли с коробками конфет – все приходило через почтамт. Так удобно было забегать туда ежедневно, даже если до первого и шестнадцатого, когда приходили переводы от матери, было еще далеко. Но всегда существовала надежда на внеочередные посылку или перевод (к празднику или дню рождения, или просто от полноты родительских чувств). Но, пожалуй, важнее всего было то, что у главпочтамта всегда можно было перехватить у счастливчика, получившего перевод, трешку или даже пятерку, в крайнем случае, вместе с ватагой однокурсников, отмечающих перевод, попасть в «гармошку» - кафе, одна стена которого была зигзагообразной, и съесть биточки или шницель с привкусом мяса.

Никита, конечно же, заглянул на свою «букву», где Света, почтовая богиня, протянула ему через прилавок извещение о переводе на тридцать пять рублей – ура, богатство! – он заполнил извещение, прочитал короткое письмо «…скучаю, сынок, купи себе полуботинки…», и почувствовал, как приятно быть Рокфеллером. Вот только чемодан в руках мешал, надо бы его хотя бы в общагу отвезти.

- Ого, люди деньги чемоданами получают! – услышал он и увидел Катерину, правда, он тогда не знал, что это она. Катерина в то время была пирогидролевой блондинкой, стройной, улыбчивой девушкой, он сразу в нее влюбился, и принялся рассказывать о коварной хозяйке, ее скоростном замужестве, нежданном зачете – обо всем на свете. И все это ей было интересно. Она хохотала, восклицала «ну ты силен, бродяга!», и он тоже хохотал и рядом с ней действительно чувствовал себя гигантом-бродягой, легко повалившем даже непонятную и желчную науку политэкономию.

- Меня зовут Катей, я в консерватории учусь, - сказала она, и это было в единственный раз, когда она так назвалась. Да и он вскоре стал звать ее Катериной. Неизвестно почему.

- А я – Никита!..
- Красивое имя! – искренне восхитилась она. – Кажется, оно означает… нет, не помню, что оно означает…
Никита подсказал ей:
- В переводе с древнегреческого - победитель…
Она засмеялась; тогда она так легко и заразительно смеялась:
- А, может, еще и покоритель?..
Он согласился, почему бы не быть и покорителем таких чудесных девушек в такой чудесный день?
- Все могу! – похвастался он от полноты чувств
Позже она заглянула в какой-то гороскоп и выяснила, что все Никиты должны выбирать себе высокую цель и идти к ней прямым путем. Они лидеры, но это к счастью не распространяется на семейную жизнь. Друзей у них немного, и это тоже плюс. Минус в том, что они сложны в общении, большие спорщики. Любят ездить в командировки (что вполне можно причислить к плюсам). Хорошими женами им могут стать Ада, Вероника, Зинаида…, чего нельзя сказать об Агнессе, Анне, Екатерине... И вообще их семейная жизнь складывается трудно. Это немного огорчило, но тогда о женитьбе никто и не думал.
Он пригласил ее в тот далекий день в «гармошку», и она, к его удивлению, согласилась. Смешно они выглядели с чемоданом, но в кафе никто и не подумал удивляться – публика была своя, студенческая – и не такое приходилось видеть. Может, он столько шпаргалок на зачет приносил?
- Салют, старик! – закричала ему через все кафе Галька Гулькина, староста третьего курса, которую все звали не иначе как Гулька Гулькина. – Ты женился что ли, и не знаешь, куда приданое деть? Подгребай к нам!..
Но из другого угла ему махали рукой Люська Степанова, Антон Горохов и Машка Веснина, сидевшие в компании каких-то нечесаных личностей. У личностей была гитара, и, конечно, они подсели к ним за столик. Оказалось, что они из политеха, а там в то время учились нормальные ребята. У Никиты когда-то на первом курсе был роман с Люськой, но потом как-то не сложилось. Хотя они время от времени целовались в кино, и даже женский праздник в этом году отмечали в одной компании, но все равно что-то не клеилось.
- Ее зовут Катериной, - представил он свою спутницу. – Она из консервы…
Консерваторских почему-то недолюбливали, и хотя их учебный корпус

располагался в двух шагах от универа и «гармошки», консерваторские чаще ходили в «Театральное» или на «палубу» гостиницы «Алма-Ата». Но Катерина выглядела своей в доску, и поэтому в тот день со всеми вместе пила портвешок двенадцатый номер, подпевала политехнической гитаре, легко разговаривала с поддатой Люськой.

- Ну что ты в нем нашла? – спрашивала та немного сердито.

- Пока не знаю, - смеялась Катерина. – Чемодан еще не открывали…

Потом они отправились гулять по ночному городу, а чемодан несли вдвоем, просунув под ручку толстую палку. Сначала Никита тащил свои пожитки сам, но Катерина предложила разделить эту тяжесть пополам; он сначала ни в какую не соглашался, а потом все-таки уступил, да и неудобно было волочить чемодан одному – он был не только громоздким, но и с острыми металлическими углами, которые норовили на каждом шагу впиться в ногу – и впивались.

Она рассказывала ему, что очень любит бродить по ночному городу, иногда даже, случается, гуляет почти до рассвета.

Он спросил неумно:

- Одна?..

Она почему-то вздохнула, помолчала немного и ответила:

- Не одна…

И он сам поразился глупости своего вопроса: неужели такая девушка будет одна болтаться по ночным улицам, в самом деле?

Он хотел спросить, с кем она гуляла, и уже, было, открыл рот, но понял, что этот вопрос еще глупее, чем первый.

Тогда он спросил, на чем она играет в консерватории, и она сказала – «на фоно».

Он обронил глубокомысленно: «Да, Ван Клиберн…»

Она спросила:

- Чего, Ван Клиберн?..

Он смешался:

- Ну, тоже играет…играл…

- Он был гениальным на протяжении получаса в пятьдесят восьмом году, - сказала она, и Никита понял, что опять что-то сказал невпопад.

- Сыграешь мне когда-нибудь? – спросил он.

- Если ты захочешь – сыграю… А что ты любишь?..

Он промолчал, не мог же он сказать, что любит Элвиса Пресли…

Они устали таскать чемодан и уселись на скамейке под исполинским памятником Ленину, все в городе гордились, что его изваял знаменитый Вучетич.
- Скульптор Вучетич сваял вождя, - сказал Никита Катерине, вдруг она не знает?
- Да, - сказала она, - хороший памятник.
Он подвинулся к ней и поцеловал в щеку. Потом в губы, и она ответила – поцеловала его нежно-нежно. Но целоваться было очень неудобно, потому, что между ними был чемодан с металлическими углами. Надо было убрать злополучный чемодан, но не хотелось отвлекаться, и они целовались через чемодан, над чемоданом, с чемоданом, у чемодана…
Она сказала «Подожди…» и он с трудом отстранился от нее.
- Знаешь, - сказала она, - в прошлом году мой отец сдавал студентам флигель у нас во дворе, но в этом году флигель стоит пустой, потому, что мама сказала, что от квартирантов одно беспокойство. Хочешь, я спрошу у нее, и ты будешь жить в нем?..
И он легкомысленно согласился. И Катерина привела его с чемоданом в свой большой дом – с флигелем, садом, холодным ручьем, протекающем через сад, с яблонями, с которых в августе норовили попасть по голове красные бомбы апорта, черешнями, под которыми хорошо было в июне лежать с книжкой и красить страницы «Дня поэзии» черешневой кровью.
Катеринин папа посмотрел на часы – за полночь, самое время приводить квартирантов. Мама засуетилась у газовой плиты на огромной застекленной веранде, и через минуту Никита уже сидел за столом с чаем, черешневым вареньем.
- Так вы тоже в консерватории? – спросил папа для приличия.
- Я в университете учусь, - ответил он, - а что?..
- Нет, ничего, - нахмурился папа. Позже Никита узнал, что папа тоже когда-то грыз гранит наук в универе, но его оттуда выставили за проступок, не совместимый с моральным обликом советского студента. Проступок это состоял в том, что на первомайской демонстрации ему поручили тащить портрет какого-то Шверника, а он принялся отказываться. Ему, конечно, не трудно было протащить этот портрет, и ничего он не имел против славного члена Президиума ЦК КПСС, но дело в том, что он договорился с однокурсниками сразу после шествия отправиться в горы, и с ними согласилась поехать Зинка, эх Зинка-Зинка, красавица, насмешница, гордячка… А пришлось бы после демонстрации возвращаться в универ, сдавать

портрет завхозу… Но если бы он только отказался от портрета, то схлопотал бы выговор, может, лишился бы стипендии, но он не сумел отвертеться от портрета, все-таки пронес его мимо трибун, а потом не придумал ничего лучшего, чем сунуть Шверника в кусты. И на беду это заметил председатель студсовета. «Как же так! – возопил он. – Член Президиума, можно сказать, верный ленинец брошен посреди улицы! Вандализм! Политическая диверсия…» В былые времена он вполне за эту шуточку мог бы лет на десять прокатиться до Колымы, но режим был уже не тот, нерадивого студента просто выперли из университета, устроив предварительное курсовое судилище. С тех пор он недолюбливал университет, а заодно и университетских.

Но эту историю Никита услышал позже. А пока он не знал, куда девать чемодан, сидел за столом с черешневым вареньем, и чувствовал себя пассажиром общего вагона.

- Чего парня терзать разговорами, у него глаза слипаются, - спасла его катеринина мать, та самая Зинка, красавица и насмешница, из-за которой папа не получил университетского образования. – Сейчас я постелю ему… Пусть поживет во флигеле, о цене договоримся завтра…

Флигель, со стенами из красного жженого кирпича, с маленькими окошками-бойницами стоял в глубине большого двора и показался Никите редутом. Навесной чугунный замок на двери усугубил это впечатление. Но когда эта массивная деревянная дверь захлопнулась за ним, он почему-то подумал, что это капкан. Но внутри было так уютно, чисто, спокойно, что он отогнал непрошенную мысль.

Утром Катерина позвала его завтракать. Это было давно позабытой роскошью: пара пирожков с ливером – с «котятами» - так называли их в универе – перехваченных на бегу, да и то не каждым утром – все, что он мог себе позволить. А тут яичница с поджаренной колбасой, помидоры, сливочное масло, блюдо с отборными черешнями, чай с лимоном…

Папа убыл на работу, потчевала гостя Зинаида Евгеньевна:

- Не стесняйтесь, Никита, колбаса у нас отменная, домашняя…

Да он и не стеснялся, но был слегка подавлен обилием съестных припасов. Катерина сидела рядом, подкладывала ему в тарелку то подрумяненные тосты, то кусочек ветчины, а ему пришло в голову:

- Прикармливают?..

Он попытался завести разговор об оплате, но Зинаида Евгеньевна его успокоила:
- Лишнего не возьмем.
Так поселился он в раю: чистые простынки, водопровод, телевизор, проигрыватель «Молодежный»… По вечерам они ходили с Катериной гулять, целовались около бронзового Ленина; первый раз в жизни Никите было очень удобно провожать девушку до дома, не заботясь об обратном пути.
Однажды к нему в гости напросились Галька Гулькина, Люська Степанова, Антон Горохов и Машка Веснина и нечесаные личности из политеха, которые теперь сопровождали их повсюду. Он обрадовался, потому, что за последние дни немного отдалился от друзей, а тогда это считалось неприличным. Правда, в этот день у Катерины был какой-то коллоквиум, или факультатив, или семинар – в общем, была она до вечера занята, но ведь это не повод отказываться от встречи с друзьями?
- Слышала, что у тебя крепостца завелась каменная? – спросила Люська. – И в ней ты держишь оборону от очаровательной хозяйки? Или не держишь, а?..
- Спрятался в черешневом саду, - сказала Машка Веснина.
- Точно, спрятался, - сказали личности из политеха.
Набрали портвешка, заехали за гитарой в общагу, там к ним присоединились Нинка Иванова, Лидка – тоже Иванова и старинный друг Никиты – долговязый парень по имени Догалак.
Сначала пили во флигеле, но на всех там не хватило стульев, пришлось располагаться вповалку на полу. И быстро пришло решение перебраться в сад – под черешни, яблони и груши. Перебрались, и гитара, как будто почуяв свободу и простор, принялась душевно выводить: «…ждите нас не встреченные школьницы – невесты в маленьких асфальтовых южных городах…»
Закусывали черешней, только слегка протянув руки за спелыми ягодами над головой, и опять подпевали: «…когда на сердце тяжесть и холодно в груди…».
И атланты, и последний троллейбус, и чистые пруды так размягчили суровые студенческие сердца, что Машка Веснина стала целоваться с Догалаком, какая-то из Ивановых оказалась в объятьях у Антона Горохова, а Люська попросила Никиту показать ей все закоулки такого чудесного сада. Он, конечно же, не отказался, и повел девушку к ручью, разрезавшему сад на две части. Ручей журчал, прыгая с камня на камень, источал прохладу, около него почему-то всегда хотелось остановиться, погрузить разгоряченные ладони в воду, плеснуть ее на лицо. Что

они и сделали с Люсей. Тогда она сказала:
- Помнишь?..
- Помню, - ответил он, хотя только смутно догадывался, о чем она спросила его.
- И я помню! – сказала она, и как-то само собой так получилось, что они стали страстно целоваться. Страсть эта была вполне пропорциональна количеству выпитого портвешка, и они сами это понимали, и прощали это друг другу, но тут рядом с ними кто-то произнес:
- Браво! Браво! – и захлопал в ладоши.
Это была Катерина. И ей труднее, чем им, было понять, а тем более объяснить безвинную связь портвешка и поцелуев.
- Привет! – растерянно сказал Никита. – Закончился семинар?..
- А ты как думаешь?..
Он посмотрел в сторону гор, на надвигающиеся стремительные заилийские сумерки:
- Наверное, закончился…
- Давно? – спросил он.
- Да уж минут пятнадцать наблюдаю вашу нанайскую борьбу…
- Эх, опоздала! – дерзко сказала Люся. – Самое интересное было раньше этих пятнадцати минут…
И она, коротко хохотнув, неспешно пошла по садовой дорожке, потом остановилась, закричала:
- Машка, Нинка, Догалак, Антон!.. Пикник закончился!..
И ребята, как будто только и ожидали этой команды, стали выбираться из глубин черешневого сада, отряхаться, застегивать кофточки и рубашки на все имеющиеся пуговички, на ходу бросать короткое «пока!» – и без особого сожаления - все равно выпивка-то закончилась – направляться к автобусной остановке.
Последними удалились нечесаные личности из политеха, а сколько их было – двое, трое или даже четверо – эта подробность не запомнилась.
Никита понуро объяснял ситуацию Катерине:
- Это совсем не то, о чем ты подумала…
Она усмехнулась:
- Тебе известно, о чем я подумала?..
Но губы у нее дрожали.
- Да, нет, конечно… О чем могла бы подумать…, - продолжил он. – Ну, мы с

Люськой дружили когда-то, но расстались… а сегодня – это не серьезно… случилось так…пойми…вино в голову ударило…

- Что ты оправдываешься, я тебе не жена, - сказала она. И он подумал, что опять придется сейчас тащиться куда-то с чемоданом, а куда на ночь глядя?

- Я завтра съеду, - сказал он. – С утра? Сейчас податься некуда…

Она молча повернулась и ушла. А он почему-то представил, как целых пятнадцать минут она стояла в тени дерева и наблюдала их с Люськой поцелуи, и не только поцелуи.

А ночью она постучалась в дверь флигеля. Пришла в одном халатике и тут же у порога сбросила его, обняла, прошептала:

- Ведь меня же любишь? Меня? Любишь?

- Да, да! – сказал он.

К июлю они поженились… Немало лет прошло с тех пор, но она только однажды вспомнила этот случай:

- За мной должок, - сказала как-то она, годы спустя.

Он и думать забыл об этом:

- Если должна – плати!.. – улыбнулся он. – А что за долг?.. Крупный?..

- Ну, это как посмотреть, - усмехнулась она. – Кому крупный, а кому так себе – мелочь…

- Не томи, Катерина, заинтриговала! – поторопил он ее.

- Не забыл еще Люсю свою?.. По глазам вижу – не забыл…

- Ну и что? – не понял он, куда она клонит.

- Помнишь, мне довелось наблюдать, как ты ее тискал, чуть не с головой к ней под юбку залез?.. Так вот думаю, что и тебе не помешало бы посмотреть, как кто-то занимается этим со мной… Как говорится, долг платежом…

- Катерина! – он был поражен не столько самой возможностью этого ее поступка, сколько тому, что она помнит тот давнишний пьяный пустяк.

- Думаю, что тебе понравилось бы, - сказала она и перевела разговор на другое.

В общем, жили они вполне сносно, она преподавала в музыкальном училище, он был на хорошем счету во всех учреждениях, в которых пришлось работать. У него был легкий характер, и хотя друзей у него к сорока годам не осталось, приятельствовал он со многими – и анекдотец травануть, и пивка с ребятами похлебать, и на рыбалку быстро собраться, и даже к веселым девочкам закатиться – всего этого он не сторонился, но и заводилой не был. Если

поддержать, сброситься, принять участие – он всегда пожалуйста, а самому организовывать всякие пикники, выезды, броски на природу – это увольте. Он считался вполне компанейским мужиком, но годам к тридцати пять стал, как будто, киснуть. Нет, скука челюсти не сводила, хвори серьезные не одолевали, большие неприятности не норовили пустить всю жизнь под откос, но стал замечать он, что как будто томится чем-то. Предчувствием? Да нет, так это, пожалуй, не назовешь… Просто он стал, как бы, угадывать свою жизнь: куда бы они не собирались с Катериной, даже если в театр, все равно обязательно попадали на "Евразию" - крытый рынок, где под завязку нагружались картошкой, моркошкой, морошкой или уныло таскались по бутикам, этим торговым закуткам. Вернее, это он таскался за Катериной, не в силах прервать этот бесконечный поход за товарами. Ему казалось, что уже двадцать лет назад он знал, что придет время, когда его досуг станет более полезным, с катерининой точки зрения. Не пиво пить, не обсуждать с приятелями поражение нашей сборной, а исследование магазинов, товарных развалов и этих проклятых бутиков - вот занятие, достойное зрелости. Он ненавидел шляпки, сумочки, сапоги, колготы, сорочки, пиджаки, дезодоранты - все-все, что составляет этот птичий магазинный мир. Ему казалось, что еще в юности он предвидел покупку китайской мебели, редко прекращающийся ремонт - побелку, покраску, обои... Он даже думал, что такое наказание выпало ему за бурную юность, а разве она была бурной? А вообще-то она была?

- Где мухобойка? - начала с утра разговор Катерина. - Я ее на швейной машинке вчера оставила... Ты не видел ее?

Он промолчал.

- Ты оглох? - голос Катерины окреп. - Не попадалась мухобойка?

- Не попадалась, - сказал он.

- А сразу ответить ты бы переломился? Достучаться до тебя невозможно...

Он развернул газету: глобализм, продовольственный кризис, кинофестиваль, рэп... Что это такое - рэп, может, рецепт экономического прояснения? Нет?

- А где начатая пачка зеленого чая? - не отставала Катерина. - Мама, не знаешь?

- Посмотри в верхнем ящике шкафа, - откликнулась Зинаида Евгеньевна. – Но, кажется, он еще вчера кончился... Попьем черного... Кстати, зеленым увлекаться тоже особенно не стоит, говорят, что в нем кофеина нисколько не меньше, чем в черном чае... Да и других не очень полезных веществ полно...

Кажется, разговор о полезности и вредности различных чаев начался еще в тот памятный вечер, когда Никиту занесло сюда с чемоданом в руках. Сейчас заведет про космос.

- Опять гептиловая ракета в Казахстане упала, отравила степи, - сказала теща.
- А подсолнечное масло подорожало, - сказала Катерина. - Втихую. Без всякого объявления. Приходят утром люди в магазин, а там для них сюрприз приготовлен - доставайте кошельки!
Он перевернул страницу газеты, к ногам выпал конверт со штампами. Теща изловчилась, успела вперед Никиты поднять конверт.
- Погляди-ка, Катерина, твоему мужу письмо. От какой-то Григорьевой...
- Знаю я эту Григорьеву, - сказала Катерина, никак в третий раз фамилию сменила, а раньше-то Степановой была... Старая пассия твоего зятя, кстати...
- И что же пишет пассия? - теща передала конверт Никите, не без сожаления.
Тот открыл конверт, в нем была окрытка-приглашение на встречу выпускников, которая состоится в одном знаменитом московском ресторане, а в каком конкретно - сообщат позднее. Все согласные приехать должны перечислить на указанный счет деньги, те, кто собирается приехать с женами или мужьями, обязаны перечислить сумму, вдвое большую. Как будто жены столько же выпьют...
В конце открытки была приписка люськиной рукой. Он не стал бы ее читать вслух, но теща заглянула через плечо, прочитала сама: «Как тебе живется, милый, в каменной крепостце? Приезжай, похохочем над прошлым...»
- Похохотать они собираются, весельчаки записные, - сказала Катерина. - Ишь ты!..
- Да никто и не собирается ехать, - принялся он отбиваться. - Откуда деньги? До Москвы только на билет уйдет прорва... И почему именно в Москву нужно ехать?.. Лучше бы в Алма-Ату...
- На билет! Слышишь, мама, на билет! - сказала Катерина. - Он даже представить себе не может поездку вдвоем с женой!.. Похохотать собирается...
- Не впадай в истерику, - попытался он ее успокоить, - чего ты разошлась?.. Чего?
Он знал, что в таких случаях остановить ее нелегко, пока она не выговорится, а запас у нее большой - по наследству получила. Но в этот раз она как будто налетела на незримую преграду, осеклась, сказала только:
- Нервные мы с тобой какие-то стали..., - и в голосе ее почудилось что-то живое.
Она помолчала с минуту и предложила:
- А давай вдвоем съездим, чего там?..
Он удивленно посмотрел на нее и не нашелся что сказать:
- Давай, у тебя как раз отпуск.

Так и решена была эта поездка. Катерина бросилась шить новое платье, покупать туфли, утонула в журналах мод - не гоже заявляться в столицу дремучей провинциалкой. Залезли в долги, но купили Никите черный костюм с атласной жилеткой, лакированные полуботинки, Катерине - колечко с бриллиантиком, сережки с кораллами, ниточку речного жемчуга. В общем, экипировались, как подобает в их возрасте - не вызывающе, но достойно - не хуже других живут.
В эти дни Катерина как будто помолодела. Точно помолодела. Глаза загорелись, грудь поднялась выше. Ночами прижималась к Никите, шептала:
- Люблю тебя все-таки, мой ты, мой...
Его немного коробило это "все-таки", но он радовался и этому. Целовал ее, а однажды даже назвал Катей. "Наконец, вспомнил", - со значением сказала она, а он подумал, что не все так плохо было между ними в этой жизни. Да, жизнь была не праздничной, но у кого она праздничная? - но отдельная трехкомнатная приватизированная есть, "Ауди" девяносто седьмого года на ходу, сын, Колька, конечно балбес, как все они сейчас, но в выпускном классе - пятерок больше, чем троек, на работе уважают, недавно зарплату повысили на пятнадцать процентов; правда, кое кому на двадцать, но знаем мы чем заработано... И что ни говорите, семья не распалась, не развалилась, как у многих, а худо-бедно - двадцать лет прожили... Это "худо-бедно" ему тоже не понравилось, но другого он придумать не смог, ведь не скажешь, что "душа в душу" - это уж смешно будет. Да и кто поверит?.. Или поверит кто-нибудь?
В Москве оба не были с девяносто первого года. Тогда в августе они возвращались из Сочи (ах, как там великолепно скучно!), у них должна быть пересадка на Казанском вокзале, но с билетами, как обычно, произошла заморочка, в общем, они застряли в столице на три дня - именно те самые три дня, когда пустыми троллейбусами перегораживали улицы, когда на московском асфальте сдержанно рычали танки, и почему-то не верилось, что они могут зареветь, когда Катерина удивила его до глубины души, сказав, что пойдет к Белому дому, может, нужно раненых перевязывать. Он не сумел отговорить ее, и отправился вместе с ней. Раненых перевязывать не пришлось, но она рьяно взялась за приготовление бутербродов для изнуренных противостоянием людей, помогала в сооружении баррикад, рьяно участвовала в летучих митингах, кричала "Да здравствует Россия!" и "Долой хунту!", по слогам читала огромную надпись: "За-бьем сна-ряд мы в туш-ку Пу-го..." Она как будто зажглась от соприкосновения

с энергией тех дней - он никогда прежде не видел ее такой; потом - тоже.
Они с ней видели, как снимали на Лубянке бронзового чекиста, как плыл над толпой огромный трехцветный флаг, как женщина в темной кашемировой косынке стоя у гранитного цоколя необъятного здания спрашивала у прохожих "Сынки, революция никак, опять голодать будем?"
Через семнадцать лет они обнаружили Москву всю в строительных заборах, на Тверской лакированные джипы стояли прямо на тротуарах, у одного из джипов старушка в темной кашемировой косынке, протягивала к прохожим пластмассовый пивной стакан, в котором звенела мелочь с двуглавыми орлами.
В гостинице за один день постоя с них потребовали месячную зарплату Никиты, извинились, что свободен только этот простенький номерок, без затей. Люксы, полулюксы и апартаменты заняты. Правда, много чего предоставили задарма: микроскопические мыльце в упаковке, похожей на конфетный фантик, крошечный тюбик гигиенической зубной пасты, а к ней и зубную щетку - тоже гигиеническую, два целлофановых пакетика с шампунем от перхоти, всякие салфетки, тампоны и даже расческу.
Катерина собрала все эти дармовые принадлежности, аккуратно сложила в свой необъятный чемодан. Она брала этот чемодан, даже выезжая на пикник, даже отправляясь в командировку на один день; может быть, ей казалось, что в этом чемодане живет ее добрый домашний дух, чемоданный хранитель уюта и тепла?
- Зачем тебе эти гостиничные зубные щетки? – спросил он, не ожидая ответа. Она и не ответила.
Обедать отправились в один из бесчисленных ресторанов быстрой еды. В небольшом низком зале было не протолкнуться. Ели за высокими стойками, за крошечными столиками, на подоконниках, один парень даже приспособился с подносом на огромном горшке, из которого торчала буйнозеленая пальма, кажется, синтетическая. Катерина заглянула в меню, ахнула:
- Вот это да!.. Может, потерпим до вечера, до банкета?..
- Давай хоть по бутерброду съедим? – сказал он.
Они взяли по гамбургеру, по маленькому пакетику жареной картошки, по стакану чая с сахаром. Расплачиваясь, она тяжело вздохнула.
Им повезло, они сумели пристроиться за столиком размером с табуретку, за которым жевали еще четверо человек. Здесь же каким-то невероятным образом уместились еще две девушки, которые целовались взасос, только изредка

отрываясь друг от друга для того, чтобы попеременно глотнуть из горлышка огромной пластиковой бутыли с кока-колой.
Катерине гамбургер понравился:
- Все-таки умеют эти американцы!..
Уходя из ресторана, она пристыдила целующихся девушек:
- И не противно вам, а? Такие молодые!..
Девушки, кажется, не расслышали ее.
До банкета была еще уйма времени и Катерина отправилась в парикмахерскую, Никите дозволено было «выпить кружечку пивка».
- Только не надирайся! – предупредила она его. – Побереги себя до вечера…
- Ага, - сказал он. И пошел, куда глаза глядят. В молодости он любил гулять по Москве, когда попадал сюда – в отпуск или командировку, а несколько раз просто, без всякой цели, покупал билет, садился в поезд и приезжал в город, от которого у него всегда дух захватывало. Эту свою любовь к Москве он никогда не мог объяснить, просто любил. В начале девяностых он стал приезжать сюда чуть не ежемесячно, тогда под крышей спорткомплекса «Олимпийский» работала гигантская книжная ярмарка, оптовые торговцы съезжались сюда со всех концов только что почившего Советского Союза. Сгинули запреты, и тысячи книжек вышли из заточения. Народу набивалось в коридоры спорткомплекса тьма тьмущая. Никита тогда проводил там многие часы, пока плечи не начинало ломить от сумки, набитой купленными книгами. Катерина бранила его за такое мотовство, но на удивление мягко, наверное, думала, что книги, в общем-то, безобидные для семейного спокойствия предметы. Хуже, если бы он пристрастился к рыбалке. А на рыбалке всегда водка, а после водки тянет на подвиги. А подвиги у мужика известно какие – бабы, да снова водка…
Бывало, он садился в Москве на любой автобус или трамвай и ехал, куда глаза глядят, выходил на незнакомой остановке и бродил по улицам; зачем-то ему нужно было окунаться в чужую, незнакомую жизнь. Он не знал, как объяснить это – обычным любопытством, поисками каких-нибудь таинственных, тихих закоулков, скрытых в посторонних городах? Он никогда не мог до конца избавиться от детской уверенности, что есть на свете города, где живут счастливее, чем в его родном Ураьске, где-то под кленами прячутся июльские улицы – со свадьбами, которые, как в кино, играют на всю улицу, где старики стучат на лавочке в домино, а пацаны по вечером готовят удочки, чтобы назавтра утром, еще затемно,

отправиться на рыбалку, где из распахнутых окон радио передает «Театр у микрофона»… Иногда ему казалось, что вот повернет он сейчас под эту кирпичную арку – и откроется ненайденный мир. Но не открывался.
Он осмотрелся – Чистопрудный… Катится трамвай, протискиваясь сквозь дрожащие от нетерпения, скученные машины, через трамвайную линию напротив казахстанского посольства пытается перейти невысокий, лысоватый человек в огромной, нелепой оранжевой куртке – не то альпинист, не то дорожный рабочий. На альпиниста больше похож… И еще на студенческого друга - Толю Галунского, тот тоже был альпинистом, однажды на несколько суток пропал из общежития, причем в разгар зачетов. Все терялись в загадках, куда он мог запропаститься, может, в ментовку замели? Но за что? Толя портвейном особенно не злоупотреблял, в хулиганстве тоже замечен не был: не поджигал газеты в почтовых ящиках, не бесновался на стадионах, да и на стадионе, наверное, никогда не был. Впрочем, чтобы попасть в ментовку, совсем не обязательно иметь какие-то таланты. Наконец, он объявился, обветренный, черный. Вошел в комнату общежития, загадочно улыбаясь, как ни в чем не бывало, спросил, есть ли чай, принялся чаевничать, хрустеть каким-то сухарем.
- Ты где был, чучело? – заорали ребята. – Мы уж собирались в милицию заявлять…
- В горы я ходил, - сказал он, все так же улыбаясь, как будто ему в этих горах открылась какая-то не очень затасканная тайна. Он почти ничего не рассказывал, отделывался короткими «да» или «нет», но все-таки удалось из него вытащить, что он решил проверить себя, хватит ли ему мужества, силы воли, всяких других замечательных качеств, чтобы в одиночку подняться на самую высокую гору под Алма-Атой, кажется пик Талгар, или в крайнем случае на пик Жусанды-Жунгей. Если хватит, то и зачеты ему не страшны, даже по самому мутному предмету - теории и практике советской журналистики. Он и отправился на этот самый Жусанды… Взял одеяло, купил булку хлеба, прихватил столовый нож – отбиваться от ирбисов или медведей, если нападут – покрепче зашнуровал кеды «Дружба» и отправился.
- А воды ты не брал? – спрашивали изумленные однокурсники.
- Воды в горах море, - ответил Толик.
- Не страшно было ночевать одному в горах? – спрашивали восхищенные девушки, впрочем, не все, потому, что та, которую он любил, в результате бросила

его: «Я тут с ума схожу, все думочки передумала, а он в горах прохлаждается… Ушел, не сказав ни слова! Все кончено!..»
- Барсов видел? А медведей? Хлеба хватило? – разузнавали ребята, как будто собирались сами на ледники Заилийского Алатау. Но никто не пошел. Умный в гору… Так и осталось невыясненным – добрался ли он до вершины пика Жусанды-Жунгей. После окончания универа Толик куда-то испарился, говорили, что осел в одном из горных городов, а когда пришли новые времена, ударился в какую-то правозащитную деятельность – отстаивает сирых и обездоленных; на него похоже.
- Толик, ты? – окликнул Никита человека в оранжевой куртке.
- Ага! – откликнулся тот, помахал рукой, как будто и не прошло с их последней встречи двадцати лет. – А тебя я сразу узнал, ты почти не изменился…Здорово, человек-человечище!..
- Ну, что? – взглянули друг на друга, хохотнули и направились в ближайшее кафе. Дешевого портвейна больше не существовало, поэтому принялись сразу за водку под скрипучие американские сосиски.
- Слушай, - сказал Никита после первой. – Так ты тогда добрался до вершины? Помнишь, в горы лазал?..
- Помню, - сказал Галунский. – Дошел… Вернее, до какой-то дошел, ведь у меня ни компаса, ни карты, ни специального снаряжения не было, поэтому точно сказать не могу, куда я вскарабкался…
- Во! Точно! – сказал Никита. – Я всегда говорю, что, нужно, прежде чем карабкаться, знать куда карабкаешься…
Они выпили и по второй, и по третьей, вспомнили, как на семинаре по истории КПСС Машка Веснина свалилась со стула, задремала бедняжка после затяжного свидания – у них это тогда называлось «сходить на махабатт», а Валерка на другом семинаре по этому же интересному предмету спросил препода: «А вот я слышал, что штурма Зимнего и не было… говорят…» Чудо спасло тогда Валерку от вылета из универа…
- Ты слышал, что Галька Гулькина Госпремию отхватила? – спросил Толик. – За какие-то коэнзимы… Не знаешь, что это такое?..
- Знаю, - ответил Никита. – В воде плавают… Что-то типа рыб…Скорее даже пиявки…
- И за них государственную премию дают? – с сомнением сказал Толик.

- Не за них, конечно, - врал Никита. – За их приручение на пользу народному хозяйству…

- Трепач!..

Никите вдруг стало неприятно, что вот Гулькина – зануда курса, тоска факультета - получила премию, а он не получил, и никто не скажет про него: «Слыхали, Никита наш оторвал премию какую-то, кажется Нобелевскую… Отпадный мужик, умница, талант…»

А Толик еще подбавил:

- А помнишь, рядом с нами все ошивались нечесаные личности из политеха? Так вот, чего-то такое революционное изобрели, не то космическое, не то подводное. Я их портреты на обложке «Таймса» видел, совсем не постарели, собаки!..

- Ну а тебе, не обломилась премия за что-нибудь подводное? Или горно-вершинное? – разозлился Никита. – Ты ведь так и лазаешь по скалам?..

Толик пристально взглянул на него – то ли в глаз дать, то ли пожалеть? Решил пожалеть:

- Нет, не обломилась…как и тебе… Не за что…Но причин огорчаться не вижу… Мы – герои иного рода… Герои гумуса…

- Чего? – нахмурился Никита. - Навоза что ли?..

- Гумус – первооснова, питательный слой земли, если хочешь - это основа жизненной энергии… Благодаря ему поднимаются гиганты… По сути дела, любуясь дивным цветком, ты отдаешь должное гумусу, на котором он возрос… Конечно, ты думаешь тогда о чудесном аромате, нежной форме, сочном цвете, но ведь в конечном итоге – тебя восхищает навоз, как ты говоришь.

- Значит, мы с тобой удобрение? Да?.. Подкормка для лауреатов?.. – не хотел мириться Никита. – Да я…я…

- Ничего в этом оскорбительного нет. И гордая пальма, и навоз – равноправные части единого процесса…

- Да пошел ты знаешь куда?..

- Знаю…Нам пора на встречу однокурсников. Там и гумус будет, и несколько пальм. Не знаешь, Люська приедет?.. Степанова?

- А-а-а-а-а! – восторжествовал Никита. – Ты всегда к ней неровно дышал, стихи ей писал, я знаю!.. Гумус, говоришь? Как мы все любим врать! Изображать из себя невесть что! Интересничать! Ах, мы собой почву удобряем!.. Подкатись сегодня к Люське, может, выгорит в этот раз?..

- Ну и язык у тебя! – не то возмутился, не то восхитился Галунский.

И они отправились в ресторан.

У сияющего огнями подъезда они встретили не менее сияющую незнакомку – Катерину.

- Ты ли это? – спросил изумленный Никита. – Глаза не твои, прическа не твоя, походка не твоя… Как тебе удалось скинуть лягушечью кожу, и скажи, куда ты ее спрятала?.. Я бы сжег ее…

Катерина обиделась:

- Еще и не то можешь увидеть…Если глаза раскроешь пошире…В них-то, вижу, уже рюмок семь поместилось…

- Да я в том смысле, что ты царевна,- стал он оправдываться, но она не стала его слушать, потому, что появилась Галька Гулькина – туфли на шпильках, шубка, черный нейлон, в руках одинокая роза.

- Ой-ой-ой! Оюшки! Какая ты! Просто удар по мужичью! – запричитали женщины. – Как идет! Глаз не оторвать! Ничего лишнего! Красотка!..

Из лакированной машины высадилась еще одно небесное создание.

- Нинка Иванова!

Не успели поахать над ее легкой, как пух, дубленкой, сапогами, подчеркивающими стройность ног, эксклюзивными французскими духами, как подкатил еще один экипаж, и высадилась Лидка Иванова – кашемир, кашемир, кашемир и тончайшая замша.

- Ты в своей альпинистской куртке можешь сойти здесь за спасателя, - сказал Никита Толику.

- Кого и от чего спасать? – спросил тот.

- Всех от всех…и от всего… Наверное, в этот фэшн-прорыв были брошены последние семейные запасы…

Из микроавтобуса высадилось сразу четверо, и Никита сразу узнал нечесаных личностей из политеха. Правда, буйные кудри остались только у одного, да и то не очень буйные.

- Мы не однокурсники, но приехали…

С ними была и гитара, и тут же она вспомнила: «А где-то бабы живут на свете…»

Догалака узнали по долговязой фигуре: седой, костистый, в зеленой штормовке, он как будто только что выбрался из какого-то северного сугроба. Потом оказалось, что он на самом деле живет где-то под Тюменью. Антон Горохов

приехал на своем «Мерседесе»: не пью, не пью – за рулем. Да и выпито все свое…

Народ все прибывал и прибывал, оказалось, что приехало значительно больше, чем числилось на их курсе, Никита не всех сумел узнать.

- Мужья, родственники и просто желающие выпить с хорошими людьми, - объяснил Толик.

- А вот и я, - сказала Люська Степанова, подходя к ресторану. Конечно же, у нее давно была другая фамилия. Люська была в чем-то белом, переливающемся, невообразимом; над ней плотное, как грозовая туча, стояло облако духов, пудры, других лакокрасочных материалов. Она бросилась со всеми целоваться, и Никите тоже досталось из этого источника.

- Ты сегодня без чемодана? – вспомнила она ту давнюю историю. – Думаю, опять найдутся желающие приютить…

Чувствовалось, что какое-то давнишнее беспокойство или боль не давали ей покоя, и, может быть, она старалась избавиться от этого беспокойства все двадцать прошедших лет, да, видать, не получилось.

Тут всех стали приглашать в ресторан, быстрее забегали официанты, и растроганные однокрусники потянулись за стол. Никита краем глаза заметил, что Катерину повел под локоток один из бывших нечесаных, тот у которого еще оставалось что расчесывать. Она обернулась, помахала ему рукой: догоняй! И больше не оборачивалась.

А он почему-то остался, сам не мог объяснить – почему? Тут как раз посыпал не то дождь, не то снег – что-то холодное и колючее, и прямо за шиворот. Самое время нырнуть под крышу. Но что-то его удерживало. Тут заурчала еще одна машина, и вышла Машка Веснина. Мария… Как ее по отчеству?.. Да и вообще, как тут всех по отчеству?

- Здравствуй! – сказал он ей.

- Не меня ли ты ждешь? – спросила она.

- Получается, что так, - ответил он. И добавил:

- А как тебя по отчеству?

- Ивановна, а что?

- Вашу руку, Мария Ивановна!.. Ты прибыла вместе с дождем…

- Постой, постой! – засмеялась она. – Ты что, приударить за мной хочешь? В студенчестве не вышло, так сейчас старое решил вспомнить?

Он не помнил, чтобы когда-нибудь хотя бы даже смотрел в сторону Машки, но сейчас посмотрел. Увиденное ему понравилось. Дорогая стильная одежда, волосы, рассыпанные по плечам, как у девчонки, стройные ноги, устойчиво держащиеся на шпильках – в общем, ничего особенного, все из стандартного конструктора преуспевающей женщины – и сорок, изо всех сил прикидывающиеся тридцатью, и плавательный бассейн три раза в неделю, и ничего мучного, и фруктовые маски на ночь, и муж, начинающий день не…конечно, не этим, и даже не кофе, а биржевыми сводками. Но в придачу к этому была дерзкая улыбка, взгляд, в котором не только вызов, но и непонятная в этом наборе грустинка. «Легкая нейлоновая печаль», - так определил для себя Никита. Почему именно – нейлоновая?..

Они вошли в зал: семга, смех, салаты из крабов, возбужденные голоса, радуги, переломленные в хрустале, тосты…

- Друзья, друзья, друзья… прошу внимания! - кричал Вовка Макаров, вечный активист. Двадцать лет назад на заседаниях студсовета он почти также требовал внимания:

- Товарищи, товарищи, товарищи!..

- Как это здорово, что мы сумели собраться! – продолжал он. – Не помешали теперешние бесконечные наши заботы…

- Давайте просто выпьем! – закричал тот из нечесаных личностей, которому еще могла пригодиться расческа, и который сидел рядом с Катериной. – Вздрогнем, вмажем, бухнем, дерябнем, кирнем!.. Речи погодят!..

И все выпили, быстро повторили, кое-кто закусил, и пьянка сорвалась с места и покатилась, как нетрезвый колобок, и никакого сладу с колобком этим не было. Тосты произносили одновременно по пять человек. Вино кровью заливало белоснежные рубашки. Сложные прически распадались, как вавилонские башни. Всем казалось, что брошен вызов времени – не меньше, что все молоды, и молодыми останутся навсегда.

- Встретимся через десять, через двадцать лет!.. На будущий год обязательно!

Кто-то закричал:

- Давайте не расставаться никогда!..

- Конечно! – подхватили все и еще выпили.

- Мы тоже не расстанемся? – спросил Никита у Весниной. Марии Ивановны.

- Зачем нам это? – рассмеялась она.

- Что зачем? – принялся он допытываться. – Расставаться или не расставаться?.. Для него это было важно. Очень.
- Я – пьяна, понимаешь? – сказала она.
- А я как стеклышко – трезв. Знаешь, сколько мне надо выпить, чтобы окриветь? Знаешь?..
- Пойдем танцевать! – потащила она его к надрывающимся саксофонам оркестра, где танцевала только одна пара – нечесаный и Катерина.
- Ну, вы даете! – сказал весело Никита. – А ведь он из политеха… Хоть и лауреат, но не наш человек…
Катерина звонко хохотала, когда нечесаный что-то шептал ей на ушко.
«Вот собака!» - сказал про себя Никита и подумал: «Катерина – собака, или нечесаный из политеха?» Он не успел решить этого, потому, что оркестр завел новый блюз, под который так хорошо обниматься. Он обнял Веснину, она тоже прижалась к нему; нужно было что-то сказать ей, и он шепнул куда-то в прическу:
- Как ты жила все эти годы?
- А ты? – ответила она.
И он, вдруг, принялся горячо шептать в мариину прическу о нелепой своей жизни, о нелепом городе, в котором он живет, о нелепых отношениях с Катериной. О том, что восемь лет не был на рыбалке, о том, что она купила ему кожаную куртку, а он хотел брезентовую; о том, что дни проходят бездарно – и летят они как реактивные - не успеешь утром глаза продрать, а уже смеркается; о том, что, строго между ними говоря, у них с Катериной и секс бывает раз в году по обещанию. А главное – чувствуешь, что есть еще силы все переменить, сделать нечто такое, что вывернет всю жизнь шиворот на выворот, так что корреспонденты будут выстраиваться в очередь, чтобы взять у него, у Никиты, интервью… Дело, конечно, не в интервью, а в том, что жизнь не должна проходить сквозь пальцы, проливаться, как вино из бокала в нетрезвой руке… А на какую любовь он способен!.. Эта любовь могла бы выжечь дотла окружающее пространство!.. Но все убивает рутина повседневности… Она покрыла ржавчиной, мохнатой коррозией все лучшие душевные порывы…
- Бедный ты, бедный! – вздохнула Веснина. – Не всем же государственные премии получать…
- Да разве дело в премиях! – возмутился он тем, что так приземлили его устремления. – Если бы я захотел, у меня их пять штук было бы… Даже десять!..

- Конечно, - легко согласилась с этим Веснина. Мужики пялили на нее глаза и у нее было хорошее настроение.
- Помнишь, ты мне записку написал? – спросила она. – На семинаре по диамату? Диалектическому материализму?..
Он попытался вспомнить, но в этом месте в его памяти был очевидный провал. Он мотнул головой:
- Материализм не помню…
И не удержался, соврал:
- А записка в памяти, как живая…Как такое забыть… За это нужно выпить…
Они вернулись за стол, а Катерина с нечесаным остались на танцевальной площадке, как будто уже ничего не могло разъединить их.
- Белый танец! Дамы приглашают…, - пробубнили в микрофон. Надо полагать, что Катерина опять пригласила того неразъединяемого, потому, что они ни на секунду так и не разомкнули объятий.
- Ты не ревнуешь? – спросила Веснина. Мария Ивановна.
- Я? Никогда!.. Мы современные люди, живем в двадцать первом веке! Я, безусловно, доверяю Катерине, - сказал он, но ему показалось, что прозвучало не очень убедительно, во всяком случае, Веснина хитро улыбнулась, дескать, знаем мы этих тайных Отелло.
- Мы с ней вообще сквозь пальцы смотрим на интрижки друг друга, - продолжил он.
Мария Ивановна засмеялась.
- Не веришь? – разгорячился он.
- Не верю,- сказала она. – Врешь ты все… Все вы мужики такие – надо, не надо, а брешете…
- Извини, - сказал он, - странный у тебя лексикон. Как будто ты доярка колхоза «Заветы Ильича»…
- Не знаю никакого Ильича, я в Москве давно живу, а знаю, что сейчас покрутишься возле меня, выпьешь еще пару рюмок, где-нибудь в раздевалке полезешь тискать меня, да и побежишь Катерине своей сцену ревности закатывать… Сквозь пальцы он на интрижки смотрит, надо же!
И такими обидными, искажающими саму суть его широкой, свободолюбивой натуры, показались ему слова Весниной, что требовалось немедленно доказать этой ничего не понимающей Машке, что она имеет дело не с каким-то дремучим

ревнивым купчиком (почему именно купчиком?), а с тонко организованным, с огромным диапазоном приемлемости, человеком, художественной натурой.
- Много ты понимаешь! – только это и выговорилось у него. – Вот сейчас подойду к Катерине и скажу, что у нас с тобой затевается роман… и она не скажет ни слова…
- Ага, - сказала Веснина. – Ты уже думаешь, что затевается?..
- А тебе так не кажется?..
Она не ответила, засмеялась. Вечер встречи однокурсников ревущим бомбардировщиком пикировал в полночь, и за полночь. К ним подсел Галунский, трезвый, скучный. Уперся локтями в стол, поковырялся вилкой в разворошенном салате, сказал:
- Напиться что ли?
- Само собой, - поддержал его Никита. – А чего ты тянул с этим?..
- Нельзя мне, - сказал Толик.
- А кому можно? – спросила Мария Ивановна. – Здесь собрался набор невеселых эпикризов. Диабеты, язвы, камни в почках, уставшие сердца… Но ведь пьют, собаки!..
- Подкатывался к Люсе? – спросил у него Никита.
- В том-то и дело…
- Ну и что?.., - и, вдруг, он подумал, что ему глубоко безразлично, что у Толика случилось с Люсей, и ему наплевать на все, что происходит сегодня, и что будет происходить завтра, и что происходило всегда.
- Она просто отшила меня! – рассказывал удрученный Толик. – Поделом мне, дуралею…Сказала, что любит своего мужа…только его…
- Это тоже эпикриз, - проговорила Мария Ивановна.
- А кто ее муж? – спросил Никита.
- Ты его знаешь, - откликнулась Веснина, и засмеялась.
Пришла пора полуночных речей. С удивлением рассмотрел Никита у микрофона Катерину. Эхо донесло до него отдельные слова: «…нельзя забывать нашу юность…», «…будем всегда верны идеалам…», «…сколько бы не прошло…», «…все было не напрасно…», «…встретимся еще через двадцать лет».
- Точно сказала, как точно, - прошептал Никита, - даже жалко, что этот нечесаный от нее не отходит…
- Нет, не стану пить! – решил Галунский. – Буду ждать следующей встречи…

И он ушел, нетвердо ступая. Значит, все-таки выпил.
- Скучновато как-то, - сказала Веснина. – Самое веселье наступит завтра утром, нет, уже сегодня…
- А ты чего ожидала? – спросил он у нее?.. Начнется новая жизнь? Как на новый год наступит новое счастье – с хлопушками, бенгальскими огнями, снегурочкой, у которой сапоги на икрах не сходятся, а на новые сапоги денег нет?..
- Циник ты, да? А ведь тоже боишься…
- Боюсь? Чего? – удивился он.
- Ты зачем сюда приехал? – горячо зашептала ему на ухо Веснина. – Убедиться, что не ты один засыпан перхотью, не тебе только выпало сидеть в заштатном городишке, не только ты натужно целый год копишь деньги на поездку в Сочи?..
- У меня нет перхоти, - успел он молвить слово.
- Это я для экспрессии вставила, - сказала она и продолжила:
- Ничего тебе не интересно, кроме этого… И ты понял, что как раз пришла пора сознаться, что ты – пустяк, или доказать обратное. Ты трясешься от страха, чтобы кто-то прямо не сказал тебе: неудачник! Нет, даже не это слово! Правильнее – «никакой!..» Все мы тут никакие и приехали сюда в надежде, что найдется хоть один никакее нас…
– Ты пьяна? – он даже не огорчился ее словам.
- Да! – захохотала она. – А почему ты своей ногой прижимаешься к моей? Почему? Молчишь?..
Она поразмышляла с минуту, сделала серьезное лицо, сказала:
- В общем, жду тебя через полчаса… Или жена не пустит?..
Он поднялся, огляделся, приложив руку козырьком к голове. Вылитый адмирал Нахимов. Катерины не было видно. Гулянка давно развалилась на островки, на каждом пили с поцелуями, горячими клятвами, записями адресов и телефонов. Было что-то вагонное в этом обмене адресами. Куда-то все ехали.
- Если хочешь найти Катерину, закажи в оркестре «Журавли» какие-нибудь, она с кавалером и вынырнет, - подсказала Веснина.
- Она что, утонула, чего ей выныривать? – спросил он.
- Может, и утонула, - ответила она.
И вдруг заныло в груди Никиты, несильно, как иногда болят давнишние ссадины – поболят, потянут, словно напомнят о чем-то, и успокоятся. Вообще-то глупо, наверное, когда муж с женой сидят на гулянке в разных местах. Вроде как

демонстрируют то, чего на самом деле не имеют. Как будто игра в свободу. И все понимают, что это игра… И усмехаются, и сами играют…

- Выпьем, Мария Ивановна! – предложил он.

- А как же! – улыбнулась она. – Для этого мы и приехали…Вон видишь дверь полированную?.. Там что-то вроде курилки дамской… Туда и приходи через полчаса…

Никита пробился к оркестру:

Можете журавли?..

- Мы все можем!..

И лабухи завели: «Здесь под небом чужим я как гость нежеланный, слышу крик журавлей, улетающих вдаль… Из какого же вы неприветного края прилетели сюда на ночлег, журавли?.. Ах, как больно в груди, как мне хочется плакать! Перестаньте рыдать надо мной, журавли…»

Веснина дернула Никиту за рукав:

- Вон твоя появилась!..

Катерина почему-то была в плаще, в глазах ее отражались все ресторанные люстры, она осматривалась вокруг, как будто не могла найти выход.

- Катерина! – хотел он ее позвать, но получилось непривычно:

- Катя!..

Но она расслышала сквозь журавлиные стоны его призыв, кивнула согласно головой и стала пробиваться к нему.

«Да она же пьяна, – подумал он. – Просто в драбадан!..»

Катерина нетвердо лавировала между столиками, кому-то кричала приветствия, махала рукой, и все время казалось, что она собьется с курса и уйдет куда-нибудь в сторону от Никиты, но она все-таки вырулила правильно.

- Никит, будь другом! – жарко прошептала на ухо, да так громко, что за соседними столиками внимательно примолкли.

- Нет, ты можешь быть другом хоть раз в жизни?..

- Безусловно, - сказал он, - и даже чаще одного раза, а в чем дело?

- Да у нас там компашка бывших консерваторских образовалась…так получилось…понаехали…

- Ну и хорошо! – не понимал он.

- Так я их в наш номер пригласила, ничего?

- Ничего…, - по-прежнему не доходило до него.

- Ты только не обижайся!
- Почему я должен обижаться? – вдруг он начал трезветь, еще не понимая от чего.
- Понимаешь, ребята при тебе будут комплексовать, получится не вечер воспоминаний, а разговор с оглядкой…
- Так ты хочешь, чтобы я не пошел сейчас с вами? – начало проясняться ее предложение…
- Ну, в общем-то, да…
Она помолчала чуток, словно набираясь воздуху, и, наконец, решилась:
- Переночуй у ребят в номере… Вон Анатолий один в номере на двоих, а?
- То есть, ты выставляешь меня за дверь? – спросил он.
- Ну, не надо драматизировать, что тут особенного, если однокурсники хотят посидеть вместе, погорланить свои песни, предаться дурацким, но своим, воспоминаниям?..
И он вдруг вспомнил, что искал ее именно для того, чтобы смело, по-современному заявить ей, что у него с Весниной затеялся флирт, что все они здесь люди широкие, ужасно интеллигентные и толерантные…да-да, именно толерантные… Терпимые то есть.
Его охватил ужас: неужели он собирался сказать ей эту галиматью? Эту небывалую ахинею?..
- Нет, - сказал он, - нет…
Она поняла по своему:
- Не хочешь у Галунского, переночуй у Догалака, вы ведь друзья были не разлей вода…Ну, будь другом!..
Что-то угрожающее прозвучало в ее голосе, и он боялся угадать что именно. «Лучше не доводи меня,- грозил ее голос. Не заставляй меня произносить это вслух!..»
Она прильнула к его уху:
- Ну, да – танцы-обжиманцы, поцелуи луи-луи…что из этого? Мы дети разве? Думаешь, я не знаю о твоих приключениях? И в Сочи была у тебя лярва, и прошлом году в Боровом сучку подцепил – все знаю. Но молчу. Потому, что умная! А такая ночь, как сегодня, раз в двадцать лет бывает… А такое настроение, может, вообще раз в жизни… Не бойся, не сотрется у меня ничего…а немного перчика в наших отношениях совсем не помешает… Договорились, да? Ты умница у меня… Я думаю, ты тоже не растеряешься…

Она поцеловала его в щеку и бросилась в обратное плаванье между столиками. Через минуту она растворилась в кабацком мельтешении, сверкании люстр, журавлиной тоске.

«Вот это да, только что у меня спросили согласие наставить мне рога!», - подумал он без особой горечи, и удивился тому, что без горечи, наверное, вся горечь была щедро растворена в водке и шампанском.

Он повернулся и пошел искать лакированную дверь, за которой должно находиться нечто вроде женской курилки. Веснина сидела там с сигаретой наперевес, укутанная табачным дымом, даже из ее затейливой прически шел сизый слоистый дым.

- Ты как Ключевская сопка куришься, - сказал он.

Она засмеялась:

- Не знаешь, что говорить в таких случаях, да?

- Не знаю, - мотнул он головой.

- Пойдем ко мне… Я недалеко живу…Чаю выпьем…

- Чаю можно, - согласился Никита.

Мария Ивановна обитала в крошечной двухкомнатной квартирке; на тесной, как лифт, кухне они разместились пить чай.

- Я переоденусь, не возражаешь? – спросила Веснина. Он не возражал. Она улыбнулась и прикрыла за собой дверь, наверное, в спальную. Он огляделся. Пузатый советский телевизор, радио с электронными часами, синтетический ковер. На стенах картинки в деревянных полированных рамочках – сирень, розы, гладиолусы. Репродукции. В одной рамочке был заключен карандашный рисунок – нагая Веснина. В пространстве другой рамочки боролся с черными волнами черный парусник, и было почему-то ясно, что скоро ему идти на дно – тоже черное. Но на лицах мореходов угадывалось не отчаянье, а безумная надежда. Их взгляды были обращены куда-то назад, как будто оттуда вот-вот последует спасение.

- Загадочная картина, - сказала Веснина. – На что моряки надеются?.. Позади корабля только прошлое, оно не спасает, правда ведь?

- Ага, - сказал он и подумал: «Уж больно красиво говорит Мария Ивановна, что же будет дальше? Во вполне обозримом будущем?»

На ней был тонкий шуршащий халат, затканный драконами, в поясе перетянутый золотым витым шнуром; драконы грозно раскрывали свои кроваво-красные пасти,

перепончатые крылья со свистом рассекали двухкомнатное пространство.
- Какой агрессивный халат! – сказал Никита. – Эти твари надежно тебя охраняют… Ты замужем?..
- Какой своевременный вопрос, - засмеялась она. – Не бойся, среди этих драконов моего мужа нет…
- Да я не в том смысле, - принялся он оправдываться, но она прервала его, поцеловав губы.
- Потяни вот за этот шнурок, теремок и откроется, - прошептала она и вложила ему в руку золотой шнур. Он потянул и драконы, последний раз взмахнув крыльями, улетели куда-то к ногам хозяйки. Нагая Веснина на рисунке потупила взор перед нагим оригиналом.
- Давай, раздевайся. Снимай пиджак…
И он, вдруг, вспомнил, как вместе с Катериной они выбирали этот костюм с атласной жилеткой, и Катерина вогнала в испарину продавцов: то подкладка ей не нравилась, слишком светлая и маркая, то пуговицы не подходили чрезмерной, по ее мнению, насыщенностью перламутра, то лацканы были шире, чем допускали современные модные стандарты, то заделка швов была недостаточно тщательна. Одна из продавщиц шепнула ему: «Как она вас любит! С голода вы с ней никогда не помрете!..» Почему она ввернула про голод, он тогда не понял, и сейчас, вспомнив, тоже не понял.
Пиджак никак не хотел сниматься, где-то в рукавах что-то перекрутилось, застряли завернутые назад руки, и Никита оказался в нелепой позе, так, наверное, выглядят спеленатые смирительной рубашкой.
- Ну что же ты замер? – нетерпеливые нотки прозвучали в голосе Весниной.
- Прости…, - выговорил он, ненавидя себя.
- Да чего уж там прощать, не мучайся, - сказала она и нагнулась за драконами, накинула шуршащий халат. – Кофе хочешь?..
- Хочу, - сказал он, чтобы хоть что-то сказать.
Он выпутался из сторожевого пиджака, она протянула ему чашку. Он опустился на какой-то пуфик и почему-то почувствовал себя рыхлым старым грибом на пеньке. А грибы на пеньках бывают?
Он посмотрел на часы, пятый час – утро.
- Тебе пора? – спросила она.
- Наверное…

- Ты меня все-таки прости, - принялся он опять извиняться, она замахала руками, ну что за дурак такой! И не удержалась, всхлипнула – раз, другой и заплакала горько, но негромко, как-то даже устало, должно быть, именно так плачут на излете долгой ночи, которая поманила неясной надеждой, но как всегда обманула.
- Иди, иди!.. – проводила она Никиту, ткнулась носом в его щеку. Спросила вдогон:
- Ты правда был в меня влюблен?..
- Нет, - повернулся у него язык.
- Я тоже… Не была в тебя влюблена… Ты мне никогда не нравился…И Катерина не нравилась… Я и сама себе не нравилась. И сейчас не нравлюсь… Пока…
Он двинулся вдоль черной громады какого-то здания, нашел глазами табличку – «Зубовский бульвар» - вот куда его занесло. Он поскользнулся и чуть не растянулся на тротуаре, но устоял на ногах. Москва просыпалась, и машины уже начинали выползать на Садовое кольцо, малиновые огоньки стоп-сигналов затопляли привычной тревогой столичное пространство. Он подумал:
- Катерина…
В витрине книжного магазина он увидел томик «Загадки и магия Лили Брик», усмехнулся: какая уж магия!.. И опять вспомнил:
- Катерина…
Потянуло прохладным ветерком, наверное, с близкой реки. Он внезапно заторопился, прибавил шагу, рассмотрел шашечки и остановил такси. Скорее в гостиницу!
Гостиницы встают рано, и в вестибюле в креслах уже скучали какие-то посидельцы, то ли ожидали своей очереди на заселение, то ли вообще провели в этих кожаных холодных креслах всю ночь. В одном из таких кресел утопала Люська Степанова, впрочем, фамилия у нее теперь другая, пепельница перед ней была полна; на Люську с явной укоризной посматривала гостиничная пехота - мальчики и девочки в форменных фартучках и пилоточках.
- Ты чего здесь? – спросил он у нее. – Не спится?..
- Ага, бессонница. Но, вижу, не у меня одной…А вот причина, боюсь, у этой бессонницы одна…
- Не понимаю…
- Еще как понимаешь!..
- Нет, правда…
- Ладно, мне пора, - поднялась она. – Я дождалась…

По широкой лестнице, застланной мягкой ярко-красной дорожкой, как подиум, спускался нечесаный, более нечесаный из всех нечесаных, в общем, тот самый. В руках у него постанывала полуразбитая гитара – хорошо, видать, погуляли.
- Это мой муж…, - сказала Люська. – Вас знакомить или обойдетесь?..
- Думаю, что обойдемся… Да мы и знакомы давно…Только вот не запомнил, как его зовут…
Нечесаный хмуро и опасливо кивнул Никите, бросил Люське:
- Опять выслеживаешь?.. Посидеть с ребятами нельзя!..
- Свинтус! – беззлобно сказала она.
Негромко переругиваясь, они вышли на улицу.
Никита двинулся к лестнице, но, вдруг, ему показалось неприличным шагать по этому подиуму, по красному ворсистому ристалищу. Он вызвал лифт и через минуту был в номере.
Он открыл дверь своим ключом, в нос ударил запах портвейна и табака, и еще чего-то – он не разобрался. Кажется, селедки. И где только нынче можно найти портвейн, знают же люди места!
В прихожей на вешалке висело новое пальто Катерины, из кармана торчало что-то белое. Он потянул за край – ее кружевные трусы.
Он заглянул в спальную, Катерина сладко спала, накрывшись с головой – такая у нее была привычка. Ноги до самых бедер голые, а голова под одеялом. Он стянул башмаки и лег рядом, подтянул ноги к груди. Прикрыл ресницы и тут же потянулись перед глазами тревожные стоп-сигналы с Садового кольца. Катерина что-то пробормотала во сне, похожее на «Москва, Москва…» - и затихла.
За окном разгорался день, кажется вторник…

Астана. 7 декабря 2008 г.

Открытие

Я люблю ее. Она меня – нет. Ничего особенного, так чаще всего в жизни и бывает. Один из двух всегда только позволяет любить. Мое положение кажется мне предпочтительнее, чем ее. Какая, наверное, мука каждую секунду ожидать, что вот сейчас на тебя обрушится надоевшее, как овсянка по утрам, «Клава, ягодка моя! Цветочек мой! Маленькая моя!».

Мою жену звать не Клавой, это я для примера так сказал. Ее зовут – Петрова. Просто Петрова. Не потому, что имени ее я не помню, а потому, что всегда и везде ее называют – Петрова. Петрова там, Петрова здесь, Петрова не подведет, Петрова горы свернет… Когда я делал ей предложение, то тоже сказал: «Выходи за меня Петрова?» - и она, к удивлению, согласилась. А имя у нее обычное – Елена.

Мы родились с ней в одном дворе – квартиры были через стенку, нас водили в один детский садик, где она нещадно дралась с мальчишками, мы учились с ней в одном классе, сидели за одной партой, и я обречен был передавать ей записочки от Вадьки, Кольки, даже от лопоухого Пушкина. (На самом деле у него была фамилия Селиверстов, но он уродился кудрявым, а в нашей школе все кудрявые и кудреватые были Пушкиными, и чтобы хоть как-то отличать их друг от друга, бедняг называли лопоухим, курносым, толстым Пушкиными. Был даже доходяга-Пушкин, прозванный так за необыкновенную длину и костлявость). Лопоухий Пушкин был короток, толст, но и он любил Петрову.

Никто не смог устоять перед ее красотой. Она еще училась в седьмом классе, а мужики при ней уже становились слюнявыми телятами. Не буду расписывать ее прелести, поверьте, что все оборачивались, когда она проходила. Даже первый секретарь обкома партии. Директор школы – Николай Иванович, когда произносил ее фамилию, то всегда глубоко вздыхал, чуть не всхлипывал. И тогда на него строго смотрела учительница астрономии – Инна Филипповна, которая учила нас,

что Солнце вращается вокруг Земли, а галактика вокруг Солнца; чтобы выяснить столь непонятный феномен, некоторые ее ученики подались в астрономические институты, защитились, написали гору книжек, доказывая, что Инна Филипповна не права. Впрочем, это другая история – не про Петрову.

Астрономичка очень не любила Петрову, как только сутулая, морщинистая старуха может не любить пятнадцатилетнюю красавицу. «Она даже не знает массу Земли», - может быть, говорила она вздыхающему директору, но он, наверное, молчал, вроде как соглашался, но когда говорил «Петрова» все равно почти всхлипывал. Говорили, что до войны он любил Инну Филипповну, тогда еще молодую и без морщин, и она была самой красивой, такой как Петрова, даже красивее, но вскоре директора, который был тогда учителем черчения, забрали на войну, и он там воевал смело и побеждал, и дошел до самого Берлина, но Инна Филипповна его не дождалась, даже и не обещала ждать, а вышла замуж за историка. Директор вернулся с войны, а его красавица живет с другим, только улыбается издалека. Даже в другую школу перевелась, вот так вот! Тогда он запил, как многие фронтовики, у которых только после Победы все заболело – и души, и старые раны, а лечить все это они умели только водкой. Пил он долго, основательно. Даже на пьяного, девушки на него гроздьями вешались, а он их видеть не хотел.

Так и остался один. Постепенно разочаровался в водке, нельзя ведь жить все время на анестезии. Пошел учиться – фронтовикам послабления были. Астрономичка тем временем лишилась своего историка, которого однажды ночью увели куда-то трое вежливых мужчин, и он больше не вернулся. Куда не обращалась потом Инна Филипповна, везде ей говорили: «Не знаем, не числится, не поступал…». Потом, правда, дали какую-то справку, но сам он исчез. Она не долго была одной, пригрелась около редактора городской газеты. Тот был счастлив, но женат, и имел двоих детей. Вскоре жена его откуда-то приехала, и пришлось астрономичке перебираться к фотографу, у которого даже угла своего не было, и стали они жить в фотолаборатории – и проявитель, и закрепитель зеленью плескались в бутылках, и она все опасалась – не выпить бы отраву вместо вина. Но зато какие фотографии любимой сделал фотограф!. Жанр этих фотографий он определял так: «Нюшки», но Инна Филипповна знала, что это называется «ню». И без лифчика, и без трусов смело фотографировалась она, пока не заметила, что фигура ее уже давно не та, что была на любительских

карточках довоенного времени, хоть и облачена тогда была в сатиновую юбку, клетчатую трикотажную кофту.

Недолго длилась эта счастливая фотосессия, фотограф, а что возьмешь с людей искусства, стал охотнее наводить объектив на учительниц помоложе. Она терпела, понимала, что, может быть, именно так подогревается фотографическое вдохновение, но тут по линии профсоюзов была устроена его выставка. Как раз шумели шестидесятые годы, и он выставил свои «Нюшки», и художественная общественность, а самое главное – руководители народного образования узнали, как выглядит астрономичка без лифчика и даже без трусов. Скандалище мог разгореться небывалый, но не разгорелся, потому, что даже в народном образовании нашлись работницы, которые говорили: «Подумаешь, моя попка не хуже… Даже лучше…Васька меня своей «Сменой» снимал – так зубами от хотения скрипел, да не далась! Подумаешь!» Но Инна Филипповна все равно перевелась в другую школу, вообще в другой район – ей не привыкать было переводиться. И туда вскоре назначили нового директора – Николая Ивановича, и они встретились спустя долгие годы.

И так случилось, что астрономичка, увидев директора, постаревшего, поседевшего, влюбилась в него без памяти. И стала сохнуть по нему не по дням, а по часам. И так подкатывалась, и эдак. А он словно гранит замерзший. Как скала. Четырехкилометровый ледник Перито-Морено.

Инна Филипповна в активистки подалась – семейные вечера устраивать, вылазки на природу, доставать путевки в дом отдыха. А Николай Иванович с вечеров уходил раньше всех – сразу после торжественной части и доклада; на природу с коллективом выезжал, но не пил, собирать грибы не ходил, как астрономичка ни звала его, а дома отдыха терпеть не мог, - и ничего у Инны Филипповны не вышло. Так и состарились они, и он стал почему-то вздыхать, когда называли фамилию Петровой, а Инна Филипповна с укоризной смотрела при этом на него.

Петрову любили буквально все. Даже редко трезвый школьный дворник. Он говорил: «Ты – Петрова, я – Петрович – доченька ты моя!» - и одаривал куском сахара, обсыпанного крошками табака. Петрова сначала, когда вокруг была послевоенная бедность, отдавала эти куски мне, а потом, когда жизнь стала налаживаться, стала просто выбрасывать их. Я говорил ей:

- Лучше Шарику отдавай, ему сладкого не хватает…

Она отвечала:

- Собаки мясо должны есть, нечего приучать их к сахару. Привыкнут к сладкому и шпионов ловить перестанут.
- Каких шпионов? – спрашивал я.
- Всяких… Вражеских шпионов…
Нет, она не верила ни в каких шпионов, просто говорила первое, что придет в голову. Она давно узнала, что какую бы глупость не скажет, всех тут же это приводит в умиление. Никому в голову не приходило назвать ее дурой. Любых девчонок с удовольствием называли дурами, только ни ее.
В четвертом классе она сказала мне:
- Замуж я выйду за тебя, ты честный. И рост у тебя хороший, да еще подрастешь маленько…Но мама правильно говорит, что ты не приспособленный…
- Сама ты такая! - обиделся я.
Она объяснила:
- К жизненным трудностям не приспособленный. Тобою руководить надо, сам ты заплутаешься.
- Что, в лесу живем, плутать я стану?
Она рассмеялась, спросила:
- Ты хоть знаешь, как муж с женой спят?.. Ночью в кровати?..
Я знал, примерно знал, но объяснить не мог. Мне недавно это объяснил Дылда с заднего двора, но я ему не поверил. Дылда даже писать и читать не умел, так откуда же он мог знать про то, что делают ночью мужчина и женщина? Поэтому я сказал Петровой:
- Эти глупости всем известны…
Она так и закатилась:
- Если б не эти глупости, то и тебя на свете не было…Дундук ты…
Летом наши родители чуть не каждый день вытаскивали во двор оцинкованные корыта, тазы, а потом начинали наполнять их водой из колодца. Значит, намечалась грандиозная помывка – едучее «хозяйственное» мыло, кусачая мочалка, причитания «…почему у тебя чернила даже на голове?». Вода в этих емкостях была поначалу просто ледяной и всегда оживала надежда, что за день на солнце она не сумеет нагреться, и «банный день» будет отложен. Напрасно оживала, я помню день, когда с утра и до вечера моросил дождь, но меня все равно загнали в оцинкованную лохань – так, должно быть, черен я был.
В ненавистном этом купании была только одна положительная сторона –

возможность увидеть девчонок нашего двора голыми. Тазы и корыта стояли все рядом, и мы – Вадька, Колька, я и лопоухий Пушкин - с интересом рассматривали необычное, по нашим тогдашним понятиям, строение девчоночьих тел. В них, по мнению лопоухого Пушкина, явно чего-то не хватало. Класса до второго – третьего продолжались эти дворовые моционы, так что, Петрову и других девчонок я голыми видел много раз, и вполне можно было предположить, что в вопросах пола я был дока. Но она сказала «дундук»…

Первая любовь случилась у нее еще в первом классе. Она уступила домогательствам Кольки, его приставаниям и ухаживаниям, и пошла с ним в темные заросли акации и сирени на заднем дворе, и он типографской краской (ведь достал где-то!) нарисовал ей черный треугольник именно там, где такой треугольник должен был у девушки находиться, если верить Рубенсу, Тициану, Ренуару и другим великим художникам, рисовавшим на картонках для календарей. Когда обнаружился этот живописный шедевр, то Колька отведал отцовского ремня, а истошно орущую Петрову отмывали в лохани посреди двора, - так что ее несчастная первая любовь завершилась как бы у всех на виду.

Потом она долго не влюблялась, до самого третьего класса, когда втюрилась в графа Монте Кристо из пятого класса. Граф был троечник, хулиган и его в школе боялись, и ей очень нравилось, когда он после уроков провожал ее до дома. Эта любовь продолжалась до самых летних каникул, когда выяснилось, что граф Монте Кристо оставлен на второй год. Второгодник был тут же отставлен; троечника, которого все боялись, она еще могла полюбить, но второгодника, над которым смеялись, – никогда.

В седьмом классе я на восьмое марта подарил ей тюльпаны, она поблагодарила, вздохнула с некоторым сожалением, и я понял: лучше бы цветы подарил кто-нибудь другой - таинственный незнакомец или, в крайнем случае, мотоциклист в потертой кожаной куртке с площади имени Фоменко, который каждый вечер с ревом носился на своем «Иж-49» по асфальтовым просторам площади, и его не мог поймать даже самый злобный в городе усатый автоинспектор - дядя Наган, у которого – все в городе знали – револьверная кобура пуста. Ко мне она всегда относилась с легкой иронией, как к давнишней некрасивой подружке, про которую все известно, и самой этой известностью она не интересна, но и расстаться с ней не хочется, потому, что она привычна, как выключатель в квартире, который легко находишь рукой в кромешной темноте, и потому, что та смотрит на тебя с

затаенным обожанием, и всегда готова выслушивать многочисленные тайны и секреты, и знает кому их потом поведать; иначе для чего секреты, если о них никто не узнает? И вообще невозможно избавиться от той, которая навек смирилась с тем, что она всегда вторая, что она всегда только фон.

Когда она перешла в десятый класс, мотоциклист с площади Фоменко все-таки заметил Петрову, и она прочно обосновалась на заднем сидении «Иж-49». Там, на сидении, была специальная ручка, но Петрова при езде всегда обнимала мотоциклиста за кожаные плечи. Этому моторизованному всаднику завидовала вся мужская половина города. Я сказал ей:

- Ты вся пропахла бензином, как карбюратор какой-то…

- Да ты ревнуешь? – спросила она.

Я ревновал. Я ревновал ее всегда. И она всегда знала об этом. Как-то, когда мы учились в девятом классе, вечером к ней пришел какой-то пижон в черном костюме, белой поплиновой рубашке, с галстуком-шнурком. Черные лакированные штиблеты его сверкали, и как только он сумел сохранить это сверкание, пробираясь к нашему двору по вечно грязным и засыпанным мусором тротуарам? Петрова перед этим два дня не ходила в школу, жаловалась на ангину, но к пижону вышла в коротеньком цветастом халатике, (тогда была как раз очередная эпоха «мини»), и они вышли со двора, но далеко уходить не стали – все-таки ангина, и встали у покосившегося забора в тени вязов, которыми заросла наша улица. Пижон что-то рассказывал Петровой, и та хохотала, забыв про ангину. В нашем дворе стоял старый, весь проржавевший «Студебеккер», неизвестно как очутившийся и оставшийся здесь. Я любил забираться в кабину грузовика и читать в этом изолированном и душном, пропахшем солидолом пространстве. Однажды я, практически за сутки, прочитал в «студере» «Трех мушкетеров». Кузов машины был покрыт выцветшим брезентовым тентом, и здесь дворничиха Матвеевна хранила метлы, лопаты, грабли, корзины. Я забрался в кузов, откуда мне прекрасно было видно Петрову и пижона. Хотел написать, что очутился там помимо своей воли, сам не знаю как, затащила меня туда неизвестная сила, но это неправда. Я хотел их видеть, еще как хотел! Со мной она никогда не гуляла, иногда только ходила на танцы, а там пропадала для меня, заверченная в водоворот друзей, кавалеров. Со мной она никогда не стояла у забора, не хохотала над моими шутками, да у меня слова при ней застревали в глотке. Она только однажды целовалась со мной, когда мы все вместе затеяли игру в фантики

– «тому фанту прочитать стихотворение, тому – правой рукой схватиться за левое ухо, этому – стоять на одной ноге и считать до ста…». Когда дошла очередь до Петровой, ей досталось поцеловать меня. Она поцеловала в щеку, но все закричали, что это нечестно, надо целовать в губы. Она фыркнула и поцеловала меня в губы. Несмотря на фырканье, поцелуй получился нежным, и я его не забыл. Мы учились тогда в шестом или седьмом классе.

В кузове грузовика под тентом было пыльно, сумрачно, да вдобавок ко всему я наступил на грабли, заработав приличную шишку, но зато я видел их, а они меня нет. Петрова перестала смеяться над рассказами пижона, и принялась отнимать у него сиреневую веточку, а он не отдавал, и у них затеялась шуточная потасовка. Петрова раскраснелась, глаза ее блестели, пижон во всю лапал ее, а она как будто и не замечала. А я сидел в кузове и потирал шишку на лбу.

Часа два, нет – два века – простояли они у забора. Стемнело. Я ничего бы больше не увидел, но спасла положение загоревшаяся на столбе лампочка. Пижон перешел на шепот и Петрова придвинулась к нему почти вплотную. Я подумал, вот была бы у меня любимая рогатка, замечательное оружие из тонкой черной резины и вязового обрезка, которую отнял у меня года три назад школьный физрук, то я бы точно влепил пижону по заднице!.. Нет, лучше Петровой по…по… Нет, лучше все-таки пижону…

Наверное, у Петровой с пижоном время летело незаметно, не то, что у меня среди лопат и корзин. Но я живо забыл обо всех неудобствах, когда, вдруг заметил, что у них началась новая игра: пижон обрывал со своей веточки крошечные сиреневые цветочки и кидал их в Петрову. Они попадали ей на шею и скатывались в широкий вырез халатика. Та шутливо отмахивалась, но видно было, что ей это приятно. Меня озноб пробил, когда я попытался представить, куда же попадают эти цветочки. Я готов был провалиться на месте; и надо было вылезти из кузова, громыхая лопатами, сказать что-нибудь презрительное, типа «голубки» или «воркуете, молодежь!», или даже «надо же, ангина не мешает!», сплюнуть и отправиться восвояси, гордо насвистывая «Чу-чу», но я сидел, боясь пошевелиться, придавленный стыдом и отчаяньем… Впрочем, стыда никакого не было – только боязнь, что меня могут застукать, и еще было нечто, придавившее меня к полу грязного кузова. Какое-то сладкое и болезненное чувство, которому и по сей день я не могу дать названия. Помню только, что я не мог пошевелиться, как замороженный, не мог даже моргнуть – смотрел во все глаза, и ненавидел

пижона, ее, а больше всего себя, но если бы я тогда умел спросить у себя и честно ответить на этот вопрос, то я, может быть, и не хотел бы чтобы тогда игра эта прекратилась… Я сидел на полу кузова и твердил про себя: «Так мне и надо, так и надо!..» Но объяснить себе, почему же мне «так и надо» я не мог.
Наконец, «больную» позвали домой:
- Петрова, уже поздно! Совесть имей, завтра мне в первую смену!
Даже мать называла ее по фамилии.
Она отлепилась от пижона, помахала ему рукой: «Завтра в Фурмачах эстрадный играет» - и легкой своей походочкой поплыла к дому. Потом, вдруг, резко повернула к «студеру», поскребла рукой по брезенту, сказала негромко:
- Ну что ты с лопатками обнялся, дундук!.. Лучше скажи домашнее задание.
Пришлось, полыхая ушами, как первомайскими стягами, вылезать из кузова, тащиться домой, переписывать для нее задание, а она все усмехалась, пофыркивала. Потом, спустя много лет, она спросила у меня:
- Ты ведь тогда не очень разозлился, в кузове?..
Я не нашелся, что ответить.
Первый раз она вышла замуж еще на втором курсе. Как-то она пришла ко мне за конспектами – вечно она пользовалась чужими записями, опаздывала на лекции, прогуливала семинары, но выходила с экзамена и показывала зачетку – «отл», и редко «хор». Она заметно нервничала. Попросила сигарету, закурила, помолчала с минуту, а потом сказала:
- Поздравь меня, замуж выхожу. Не отговаривай, все решено…Если тебе интересно, скажу – он летчик… Военный…
- Он что – образец честности и намного выше меня ростом? – спросил я.
- Ну, при чем тут это?! – закричала она.
- Просто однажды ты сказала, что замуж выйдешь за меня, потому, что я честный и высок ростом. И еще подрасту…
- Вечно ты все в шутку сводишь! – попыталась обидеться она, но я понял, что и она не забыла эти свои давнишние слова.
Этого летчика я никогда не видел, он то летал под облаками, то уезжал в командировки, то на рыбалку и охоту. А когда он был дома, то подвозил Петрову до института на своем морковном «Москвиче», но всегда не доезжал целый квартал, так что я видел только его силуэт, профиль так сказать. Не орлиный.
Я не знаю, как они жили – дружно, с любовью или дрались-царапались с утра до

утра, но она не пропускала ни одной студенческой вечеринки, притягивая к себе восторженные взгляды. Приходила она и на все вечера, танцульки, концерты и никогда не уходила с них одна, всегда находился провожатый. Несколько раз это был я, мы шли по ночным улицам и говорить, почему-то, нам было не о чем. Я тогда увлекался археологией, даже попал в экспедицию на раскопки кургана, и готов был часами говорить о старинных находках, удивительных открытиях, но рядом с ней все казалось мелким и неважным, и нужно говорить как-то особо, находить специальные слова, а они, слова эти, как раз и выходили неуклюжими, тяжелыми, неумными.

- Мы обнаружили парные захоронения, - сказал я. – Мужчин и женщин…Наши ученые ищут этому объяснения…То ли они умирали одновременно от каких-то неведомых болезней, то ли их умерщвляли вместе…

- Чего уж мудреного! – фыркнула она. – Если воин погибал, то вместе с ним в царство мертвых отправляли и какую-нибудь заложницу, чтобы ему там не очень одиноко было…

- А, может, все-таки жену?..

- Это вряд ли, - быстро откликнулась она, - жена должна воспитывать детей, продолжать дело мужа…

- А вдруг это добровольное решение?

- Ага, конечно! - засмеялась она. – В могилу по доброй воле…

- Это сейчас кажется невероятным, - сказал я, - а в прошлые времена, наверное, никто не удивлялся, если жена следовала за мужем…

- Это археологические понятия, - сказала она, помолчала с минуту и, вдруг, добавила:

- Впрочем, за любимым можно и в ад…Но где он – любимый? А вот ад - на каждом шагу.

После окончания института она уехала в Восточный Казахстан, мы переписывались – не регулярно. Она писала, что скучает по нашему городу, нашему дому, что в жизни у нее все хорошо, успехи на работе замечательные, купила цветной телевизор и даже машину подержанную взяла, ходит на водительские курсы. Про летчика не писала ничего, но кто-то из однокурсников написал мне, что он улетел в неизвестном направлении. История там была не очень понятная – то ли она его с кем-то застала, то ли он ее застукал, но они расстались.

Она тут же вышла за какого-то лесного инженера, и пропала в лесах. Несколько лет я о ней ничего не слышал. Потом я получил от нее письмо, в котором она сообщила, что опять одна, и в этом повинен какой-то Медведь. Я сначала подумал, что этот самый медведь задрал ее инженера, но выяснилось, что это фамилия другого лесного инженера, в которого она влюбилась и ради которого оставила первого инженера, но Медведь не решился оставить свою жену, - и у Петровой опять все в жизни сломалось.

Я купил билет на поезд и поехал к ней. Жила она в темной комнатушке похожего на барак дома. Она не ждала меня, но не удивилась. Спросила:

- Думаешь, теперь твой выход?..

- Выходи за меня, Петрова, - предложил я. И она согласилась. Мы вернулись с ней в родной город, и на вокзале все оглядывались нам вслед, и у меня душа замирала:

- Неужели эта красавица принадлежит мне?..

Нет, она не принадлежала мне.

Особенно отчетливо я понял это на каком-то торжестве, разыгравшемся вскоре после того, как мы поженились. Вполне допускаю, что это было как раз торжество, посвященное нашему бракосочетанию. Проходило оно в каком-то кафе. Гостей было приглашено много, почти все они были мне незнакомы. Я давно знал, что она любит бывать на людях, от них она как будто загорается, глаза ее начинают искриться больше, чем обычно, она вся тогда преображается, становится еще притягательнее, я сказал бы даже – обворожительнее.

На торжестве оказался один тип, которого она представила, как старого школьного товарища. Я не очень удивился этому – чего человек не говорит на пьянках, может, он на самом деле школьный товарищ, но мы одиннадцать лет просидели с ней за одной партой, и он мне как-то не припоминался. Петрова все время танцевала с этим типом, хотя он был с женой; в перерывах между танцами рассказывала жене обо всяких забавных школьных случаях, которые происходили с нею и этим типом. Я слушал и пытался припомнить эти случаи, но они тоже не вспоминались. Потом она затеяла игру – меряться носами: все по очереди должны прижиматься друг к другу щеками, так что сразу становилось ясно, чей нос длиннее. Обладатель самого длинного носа получает возможность поцеловать любую даму на торжестве. И затеялась веселая возня: дамы, обсыпая пудрой кавалеров, прижимались к ним с хохотом и визгом и в итоге, конечно же, самый

большой нос оказался у того типа, и он, естественно, выбрал для поцелуя мою жену. А что, я бы тоже выбрал, но у меня не было такого примечательного носа, как у ее старого школьного товарища. Они вышли в центр зала и окруженные гостями, стали целоваться, а окружившие их зачем-то принялись считать: «один, два…четыре…семь», – как на свадьбе. Петрова, заметив мое недоумение, весело подмигнула мне, махнула рукой, дескать, все это игра, флирт, понимать надо – не напрягайся, дундук.

Я расслабился и отправился курить на улицу. Было темно, тихо и сыро после дождя. Музыка из кафе сюда почти не доносилась, только окна заведения ярко светились, и все происходившее внутри было как на ладони. Стояла поздняя осень, но деревья пока не расстались со своим пожелтевшим нарядом. Я сорвал один листок, и дерево окатило меня целым водопадом брызг. Я подошел ближе к окну, закурил. Был один из тех моментов жизни, которые запоминаются. Так иногда бывает, что понимаешь – вот это обязательно запомнится, и не знаешь, почему. Забываются долгожданные события – получение двухкомнатной квартиры с протекающими батареями отопления или покупка машины – какого-нибудь горбатого «Запора», но никак не идет из памяти, что, когда я учился во втором классе, мне купили настоящие маленькие кирзовые сапоги – черные, как ночь, остро пахнущие ваксой и скрипящие. Долго поносить их не пришлось. Чуть не на второй день после покупки, я забрался в лужу – проверить, насколько водонепроницаема моя новая обувка – и зацепился голенищем за кусок стальной и острой, как нож, проволоки – и разодрал голенище. Я ревел тогда в голос, так нравились мне мои сапоги, и откуда-то знал, что запомню это на всю жизнь. Сапоги потом починили, но я их разлюбил, старался почти не надевать, а вскоре и вырос из них.

Отлично запомнился мне день приема в пионеры, когда в пионерской комнате мне повязали красный галстук, и я очень гордился этим, даже дома не снимал его. Но запомнился день не столько галстуком – новеньким, шелковым, необычайно приятным на ощупь, - а огнем в печи, который развела к моему приходу из школы бабушка Саша. Я заледенел на ноябрьском ветру, пока шагал домой с распахнутыми полами пальто, чтобы все видели на мне этот замечательный алый кусочек ткани. Я ворвался домой как раз в тот момент, когда бабушка открыла чугунную дверцу печки и орудовала кочергой. Огонь трещал в печи среди сосновых и березовых поленьев, и казалось, что готов выпрыгнуть из тесного

своего обиталища, чтобы согреть меня. Я снял пальто и присел на крошечную табуретку у открытой дверцы – и мне стало тепло. Я сидел и смотрел на языки огня, и мне становилось все теплее.

- Скажи, галстук у меня зашибись? – спросил я у бабушки. И тогда она погладила меня по голове, вздохнула и сказала:

- Лишь бы войны не было…

Тогда я не знал, что революция, гражданская война подрубили под корень почти весь наш род, так что, бабушке не было причин радоваться моему красному галстуку.

Помню, как я плакал, стоя у красной старинной стены, в которую на века было вделано чугунное кольцо. Шел-шел вдоль старинной стены какого-то полуразрушенного дома в Уральске, и было весело, легко – день был чудесен, жизнь чудесна, но, вдруг, увидел это кольцо. Когда-то к нему привязывал коня лихой казак. В доме в тот день, должно быть, творили тесто, разогревали противни, резали осетрину, готовили вязигу, в комнатах наверху и подклете царила суета, приподнятое настроение. Сегодня праздник, пожаловали дорогие сваты, значит, скоро уралке в дорогу…

Просватали ее, или не успели – и казака убила беспощадная пули из большевистского маузера?.. Никто уже не ответит…

А, может, здесь оставлял двуколку молодой купец, отмечавший выгодную сделку в шикарном ресторане неподалеку?..

Обо всем этом я подумал только через много лет, вспоминая тот день. А тогда только увидел кольцо, и слезы брызнули из глаз. Я стоял и как ненормальный лил слезы, и плакалось сладко и хотелось плакать еще. Проходящая мимо женщина сказала тогда:

- Не плачь, мальчик. Кто обидел тебя?..

Я замотал головой.

- Взгрустнулось, да?..

Я не ответил. Да, взгрустнулось… И запомнилось.

Да, бывают такие дни…

Я взглянул через стекло в кафе. Вдоль окна там стояла длинная скамья, и на ней спинами ко мне сидели утомившиеся танцоры. Рядом с тем типом сидела его жена, а с другой стороны - Петрова. Они о чем-то весело разговаривали. Жена поправляла прическу, какие-то там заколки. Петрова ничего не поправляла,

потому, что ее рука гладила того типа по спине, а его жене это совершенно не было видно, а мне через стекло видно наоборот очень хорошо. Тип просунул руку за спину, нашел ладонь Петровой, и так они сидели, не подозревая, что я смотрю на них с улицы – до тех самых пор, пока не грянула опять музыка, и все пошли танцевать… Больше в тот день я курить не выходил.

Прошло много лет, и много чего выпало на мою долю. Все менялось, но не проходила моя ревность, и поводов для нее было, хоть отбавляй!

Она приходила с работы навеселе, и тут же прибегала к уловке старых пьяниц: «Не выпить ли нам с устатку?»

Она без меня ходила на корпоративные вечеринки, и возвращалась заполночь, поддатая, с размазанной помадой на губах.

Она легко уезжала в командировки, звонила, озабоченная: «Варишь ли ты, дорогой, пельмени?.. Сначала давай воде закипеть, а пельмени засыпай потом…»

На фотографиях, привезенных из командировки, рядом с ней присутствовали мужики без пиджаков: «Конечно же, после семинара мы ужинали в кафе! А что такое?..»

Однажды он уехала в другой город встречать новый год в компании коллег; веселье, по ее словам, удалось. Вообще, всякие дни рождения, юбилеи, пьянки с поводом всегда лучше проходили, когда меня на них не было. Что поделаешь, скучный и неинтересный я человек.

Как-то ее пригласил танцевать совсем мальчишка. Это тоже происходило на каком-то торжестве. Кажется, на чьей-то свадьбе. Как много в жизни, все-таки, всяких торжеств!..

Развязно, не вынимая жвачки изо рта, он подошел, тронул ее за голое плечо, не обращая на меня никакого внимания, и она пошла с ним в центр пьяного зала, он положил ей руки на талию, ниже талии, почти на бедра, и принялся что-то шептать ей на ухо, и она слушала, изредка отстраняясь от него, наверное, чтобы ему была лучше видна ее улыбка, готовность и дальше слушать его шепот. Мальчишка был красив – туманные глаза, черные брови вразлет, молодое нахальство на тонких губах, и она прижалась к нему, и меня поразило не это объятие, а скорость, с которой оно наступило. Как будто она ждала его, как будто истосковалась по этим танцам-обжиманцам, что не могла удержаться – жадно прижалась к этому мальчишке. Лицо ее зажглось – загорелись щеки, изнутри странным матово-зеленым цветом вспыхнули глаза, смягчились черты лица - мне почти не

удавалось вызвать в ней этот огонь, но я знал его…
Перед этим она заказала у дорогой портнихи платье, с десяток раз ездила к ней – примеряла, уточняла, исправляла. Казалось, что в пошив этого наряда она вкладывала какой-то неведомый смысл, она словно брала какую-то высоту, преодолевала что-то в себе. Я не вполне разобрался в этом, даже когда она привезла платье домой, натянула его на себя: «Каково? Оцени!». Платье на самом деле было замечательное – из полупрозрачной ткани, с огромным вырезом, открывавшим прозрачный кружевной лифчик. Грудь у нее на самом деле красивая, крепкая, для ее возраста – просто идеальная, с небольшими выпуклыми соками, такая грудь должна нравиться мужчинам, мне так точно нравится, я без ума от нее. Но зачем выставлять ее на обозрение – этого я не понимал. Она обиделась.
- Неужели, дундук, ты не понимаешь, что каждой женщине хочется быть привлекательной? – сказала она. – Для тебя это одежда, тряпка, для меня – доступный способ самовыражения…
- Чего? – переспросил я.
- Того самого!.. Каждая золушка мечтает о хрустальных башмачках…Мое платье, оно словно новая кожа, новое сознание… Но разве тебе понять?..
- Это ты – золушка? – спросил я.
Она только махнула рукой.
В день свадьбы я убедился, что она еще углубила вырез…
Нигде, чаще, чем на свадьбах, не говорят о счастье. Бесконечно пьют за счастье, беспощадно бьют специально припасенные бокалы, как будто боятся, что если не накликать на себя счастье, то накличется совсем другое… Еще на свадьбах много и громко орут о любви, и все нетрезво понимают, что речь идет в основном о жаркой сегодняшней постели, которая мерещится за тостами, поздравлениями и пожеланиями, вручениями подарков. Свадьба и постель. Постель и свадьба. Постель!..
Свадьба – не только пьянка под приличную закуску. Жены вспоминают с тоской: «я тебе всю молодость отдала, а ты, сволочь...». На свадьбах все бабы становятся невестами, у них еще шире открываются глаза на старых, засыпанных перхотью козлов, которые изредка по ночам, сопя и причмокивая, лезут к ним между ног потными руками, и ничего, кроме омерзения, эти ласки разбудить не могут, но приходится заваливаться на затекшую за день спину, раскорячивать тяжелые вечерние ноги и терпеть эти постылые тыканья, и даже постанывать, дескать,

правильно стараешься, муженек, постылый.
Вот главная отрава свадеб, которая сводит баб с ума – чужую молодость жалко, как свою.
И эта свадьба кружила головы.
Молодой красавец не отлипался от Петровой, или она не отлипалась от него.
Музыка добавляла действию патоки. Я сидел за столом в окружении таких же, как я, стареющих мужиков, которые давно выпили свою цистерну, и мечтал напиться, как в молодости. Но у меня были почки, давление и еще что-то неприятное, и напиться я не мог.
Но все-таки напился. Каким-то красным противным вином без закуски. Пошел в туалет, и меня вырвало в раковину. Я умылся и вернулся в зал. Петрова сидела за столом рядом с мальчишкой, и они пили брудершафт. Какая-то из многочисленных тетушек закричала, увидев меня?
- Тут кое-кто целуется! Пока ты блюешь!..
Я и сам видел, что целуются.
Петрова вскочила и побежала навстречу мне, должно быть, я был страшен – всклокочен, бледен, пьян:
- Да вот, женщины надавали мне своих сумочек, сижу, охраняю их…
Я взял бутылку, налил в стакан.
- Может, пойдешь, приляжешь, здесь есть специальная комната для отдыха? – проявила она заботу.
Я понял: спроваживает меня. Я не сдержался тогда, жалею об этом. Что-то принялся кричать, махать руками – жалко и унизительно. Свадьба смотрела на меня широко открытыми глазами.
- Дундук, - сказала она, - ты мужик, ты меня и охраняй от других. Если хочешь – иди и дерись с ним, если кишка не тонка.
Она была спокойна, и она была права. Я был неправ.
- Что ты терзаешься, что? – сказала она несколько дней спустя. – Изводишь меня и себя подозрениями. Что, ты застал меня в постели с чужим мужиком? Застал? Невинный флирт в твоих глазах вырастает до страшной измены… А ведь доказательств никаких!..
Меня словно молнией ударило.
А тут как раз подвернулась эта дача. Можно просто сказать - удача. А на этой латифундии подвернулся Глеб – на самом деле, глыба – цельный, не

сомневающийся, сильный. Стена.

Петрова давно хотела дачу – ей мнилось небываемое: гости на джипах, шашлыки, плетеные кресла, походы за грибами, тучные розы, малина в ведрах, закатные чаепития, дорогой коньяк и сигареты с золотым фильтром… Я говорил ей, что дача – добровольное рабство: ковыряние в грядках, где в итоге вырастет пяток кривых огурцов, да расплодится ползучий горох; бесконечная нервотрепка «нет воды - есть вода - мало воды»; злобные комары, чьи очертания подозрительно напоминают «Мессершмидт-109»; распутица, преодолевать которую лучше всего в сорокоградусный мороз в декабре и оставаться там до нового сезона, потому, что приехать туда весной можно будет только на танке; протекающая крыша, каждый очередной ремонт которой делает ее еще дырявее; электричество, которое выключается чаще, чем включается, так что кажется, что план «ГОЭРЛО» до сих пор не выполнен…

И так бы мы, наверное, долго препирались, если бы она однажды не открыла пудовую рекламную газету и не прочитала: «Недорого продается дачный участок с домиком и баней. Проезд автобусом до остановки «вторая дачная», очень удобно». Таких объявлений она видела уже миллион, но ее совершенно покорила приписка «очень удобно». Она тут же начала звонить, и так появился Глеб.

В самом деле, он просил за участок совсем недорого. Эта дача досталась ему в наследство не то от упокоившейся тети, не то сестры, в общем, он эту дачу, как палкой сшиб с дерева. А у него уже была дача, большая, заросшая, стоявшая впритык к полученной по наследству, - и чего ему, спрашивается, делать на двух участках?.. Даже такой, как он надорвется один на такой площади.

Конечно, поехали смотреть дачу, и она понравилась Петровой. Дача требовала еще плотников, кровельщиков, штукатуров, но была неподалеку от речки и березовой рощи. А Глеб обещал всяческую помощь в обустройстве, у него и знакомые строители были, и сам он был не то прораб, не то рыболов.

- Надо брать! Дешевле и лучше не найдешь! – загорячилась Петрова.

И я согласился. На всякий случай покочевряжился, дескать, теперь сам смысл жизни изменится, будем служить даче. Но в душе понимал: все складывается правильно, я сам бы так придумать не смог.

И закипели дачные работы. То завозят доски, то черепицу, то нужно ждать электриков, то готовить денежки для сантехников.

Однажды позвонили: продаются водопроводные трубы какого-то особенно

замечательного качества, без них никак не обойтись при сооружении бани, а как на даче без бани?.. Нужно срочно быть на участке. А на дворе – ноябрь, снежок моросит, дороги раскисли. Я на своем диковинном «Запорожце», железном таракане семейной жизни, конечно же, туда не проеду.

Я позвонил Глебу:

- Выручай, дорогой! Трубы надо встретить, иначе без бани остаемся!.. Давай на своей «Тойоте» смотайся, да Петрову прихвати… До вечера обернетесь…Зато дело какое свалим!..

Глеб согласился, заехал за Петровой. Я подумал, что к вечеру непогода еще усилится, черные тучи наваливались на город, казалось, что готовы расплющить хлипкие дома. Если к ночи еще и подморозит, то «Тойота» ни за что не выберется с участка.

Так и получилось. Туда они проехали, встретили грузовик с трубами, закрыли трубы в сарае на участке Глеба. А потом Петрова позвонила:

- Такой гололед на дороге, ты не представляешь!.. Даже не знаю, что делать!.. Еще и темнота кромешная!..

- Милая! - сказал я. – Я же говорил, что человек постепенно попадает в зависимость к собственности, почти наркотическую…Но раз уж так вышло, то вам ничего не остается, как заночевать на даче. В домике у Глеба хорошая печка… Думаю, он не съест тебя…Можешь, конечно, растопить и нашу печку, если не хочешь быть в компании Глеба. А завтра утром распогодится, приедете…

 - Ага, знаю я тебя! – сказала она. – Потом навоображаешь себе невесть что, ведь навоображаешь?..

- Не рисковать же, в самом деле, жизнью, - сказал я.

И она согласилась. Правда, сказала, что я веду себя необычно, даже подозрительно.

- Смотри, я могу внезапно приехать, - засмеялась она. – Посмотрю, не с девушкой ли ты…

В эту ночь я не сомкнул глаз.

Потом они рассказывали мне, как растапливали печку, как не хотели разгораться дрова, как пришел строгий дачный сторож и потребовал с них документы, и пришлось ему налить водки.

«Водка была, этот славный помощник всему на свете», - отметил я.

- Проговорили почти до рассвета, - сказала Петрова. – Оказывается, сестра Глеба

училась в нашем институте, представляешь?.. А его жена собиралась поступить, но потом передумала и пошла в педагогический…

- А трубы взяли хорошие, - вспомнил Глеб, - хотя и темные…

- То есть, ворованные? – спросил я.

- Может и не ворованные, а какие-нибудь контрабандные…но хорошие…

- В общем, Петрова тебя не обижала? – спросил я у него с улыбкой…

- Нет, не обижала, - смутился глыба.

А весной я выпросил у начальства командировку, собирался уехать на две недели в самый разгар посевной компании. Петрова ползала по земле и сажала не то бегонии, не то бижутерию. Глеб ходил по своему участку в одних трусах, с лопатой в руках, рельефные мышцы красиво перекатывались у него под успевшей загореть кожей – на него даже смотреть было приятно.

- Уезжаешь, а тут могут привезти кирпич, - сказала она. Но я почувствовал, что сожалений по этому поводу она не испытывает.

- Что, Глеб не поможет? – сказал я.

- Глеб, поможешь ей, если что, пока меня не будет? – крикнул я на соседний участок

- Конечно! – успокоил он меня.

Когда я вернулся, уже отцвела сирень. Отличная пора, когда нет еще изнуряющей жары, не донимают комары и мошки. В общем, время долгих вечерних чаепитий, разговоров. Глебова жена – крошечная, быстрая, миленькая, с блестящими глазами, короче, мышка-норушка, у нее и имя подходящее – Милица – и где только имя такое нашли? - все время норовила шутить. Она любила похохотать. Пила чай из крошечной чашечки, все время просила подливать ей, как будто нельзя было пить из большого бокала, и старалась развеселить нас. Но нам и так не было скучно. Мне так точно. Я сидел над блюдцем и думал: «Где он ее трахает – на нашей даче, или на своей?»

- Знаете ли вы, что такое мышь? – спросила, лучезарно улыбаясь, Милица. – Это животное, путь которого усеян упавшими в обморок женщинами… Ха-ха-ха…

«Про себя рассказывает», - подумал я, и в ответ рассказал самый бородатый из известных мне анекдотов:

- А любовь – это болезнь…

- …которая требует постельного режима, - хором подхватили мои дачники.

И все расхохотались.

- Завтра надо картошку полить обязательно, - сказал Глеб. – На неделе обещали приехать, обработать от колорадского жука…
- У меня лично отчет, - сказал я. И на самом деле, я был очень занят.
- Вечно все падает на мои хрупкие плечи, - засмеялась Петрова. – Но это мои саночки, буду их возить…
- Я только до обеда могу, - сказала мышка-норушка.
- Да без тебя управимся! – махнул рукой Глеб, глыба, прораб жизни.
«Вот оно! – подумал я. – Завтра…». И, вдруг, мне вспомнилось, как в средневековье испытывали жен – раскаленным железом. Попала под подозрение – бери в наманикюренные и надушенные ручки (хотя, какой там маникюр в восьмом или девятом веке) красную шипящую сталь, - и если не обожглась – значит, верна. А если задымились ладошки – в башню ее на хлеб и воду, на вечное сидение…
«Ни к чему нам мучить женщин, - мелькнуло у меня в голове, - я сам за нее это раскаленное железо в руки возьму…»
На утро я проснулся раньше обычного. Петрова что-то промычала с кровати, не раскрывая глаз, типа:
- Чайник включи, колбаса в холодильнике…
Я плотно позавтракал, сделал бутерброд с колбасой, завернул его в газету, положил в портфель – бутерброд не бывает лишним в такой ответственный день. Когда я подошел к остановке, там было почти пусто, так что, никаких знакомых не попалось, и я благополучно добрался до «второй дачной».
Предутренний туман висел над речкой, в ней плескалась рыбешка, соскучившаяся по солнцу. В березовой роще надрывались пичуги. Тепло, уютно было на рассветной земле.
Я обошел дачный домик, и там, где к нему примыкала баня, забрался на ее крышу. Подумал: «Только бы не провалилась!», но вспомнил, что Глеб со своими товарищами делали все на совесть, и успокоился. Потом осторожно прошел по карнизу и толкнул створки окна на втором этаже. Еще вчера открытый шпингалет не помешал мне проникнуть вовнутрь. Здесь была спальня, здесь стояла наша огромная кровать… Правда, я забыл, когда спал в последний раз на ней. Кажется, зимой, когда случайно надрался: встретил школьного друга, вспоминали, естественно, Петрову, как тут не надраться?
- Школьный друг спрашивал:

- Не знаешь, где сейчас Петрова?
- Знаю, но не скажу…
- Врешь ты все! Ты сам был по уши в нее влюблен, но тебе не досталось…
- Может, тебе досталось? – спросил я.
- Мне как раз и досталось, - сказал школьный друг.
- Врешь, собака!..
- Вру, - легко согласился он. – Но так хотелось… Жалко, что не знаешь, где она обретается…
- Жалко, - не стал спорить я. А дальше не помню, кажется, еще пили, пытались разыскать Петрову, названивая одноклассникам. Проснулся на даче, на этой широченной кровати.
Я присел на краешек кровати, взял со столика какой-то журнал, попалась интересная статья про женщин Берия – с этими женщинами приятнее будет коротать время.
Часа через полтора подъехала «Тойота», послышались веселые голоса Глеба, Петровой. Щелкнул замок на входной двери:
- Я сейчас переоденусь и выйду! – закричала она. Я на всякий случай нырнул в небольшую комнатку, примыкавшую к спальне – гардеробную, хотя в ней хранились и всякие инструменты – рубанки, лопаты, корзины (опять лопаты и корзины!)
Но Петрова наверх не стала подниматься. Я подкрался к лестнице, осторожно выглянул: она надевала трикотажные брючки, балансируя на одной ноге.
- Скоро ты? – спросил нетерпеливый Глеб снаружи, и тут же вошел в комнату.
Петрова быстро прикрыла голые груди руками, но тут же опустила их. Глеб подошел к ней, наклонился и поцеловал ее соски – сначала один, потом другой.
Она прошептала:
- Погоди, не торопись…
Они вышли из домика, начали протягивать шланги, включили колодезный насос и долго поливали картофельные рядки, хохоча и брызгаясь водой. Извозились с головы до пят, настоящие дети!
- Рано поливаем все-таки! – кричала Петрова.
- Ничего, картошке влага не повредит. Весна-то какая ранняя была!..
Я подумал, что зимой не останемся без картошки, а картошка в наших краях отменная. Рассыпчатая. Вкусная.

Перед самым поливом Глеб растопил баню, запах горячего дерева, пара доходил даже до меня. Хорошая все-таки баня получилась, золотые у Глеба руки.
Они собрали шланги, выключили насос, немного постояли под деревьями – не то отдыхая, не то наслаждаясь близостью друг друга.
- Все, теперь в баню! – закричала Петрова. – Грязь смывать!..
Она взяла купальный халат и нырнула в баню. Глеб, не спеша, последовал за ней. Дверь за собой они закрыть не удосужились, да и зачем – посторонних не было. Высунувшись из окна и рискуя быть обнаруженным, мне удалось только увидеть, как они обнимались в предбаннике, как она гладила его спину. Потом они зашли в баню…
Я достал из портфеля бутерброд с колбасой. Времени уже прошло достаточно и я проголодался. Да так, что подобрал все крошки с бумаги, в которую был завернут бутерброд.
Мылись они долго, тщательно. В общем-то, и вывозились порядочно.
Наконец Петрова вышла, распаренная, розовая. Купальный халат был накинут на голое тело. Мне показалось, что розовым светится ее живот, грудь – вся она светится. Вслед за ней показался и Глеб – в одних плавках, с полотенцем на плечах.
Распаренные, они остановились у большой деревянной кадки. Она тихо засмеялась, зачерпнула пригоршню дождевой воды и плеснула ему в лицо. Он даже зарычал от удовольствия.
Много раз мне доводилось читать в книжках, что в сжатых кулаках от напряжения ногти пальцев могут впиваться в ладони до крови. Никогда не верил этой брехне, но вот кое-как разжал кулаки – крови нет, но болят ладони, как от порезов. А больше ничего не болит, все тело стало похожим на старый лохматый тулуп.
- Вот твой сейчас бы нас увидел! – засмеялся Глеб. Провидец.
- Не удивляюсь, если он сейчас смотрит откуда-нибудь, - ответила она. – Из какой-нибудь кладовки… Пусть смотрит…Пошли в дом, чего зазря светиться!..
Они зашли в дом и медленно стали подниматься по лестнице. Я успел нырнуть в гардеробную.
Жалобно застонали пружины матраца. Давно Петрова собиралась купить новую кровать, да руки вот не дошли…
- Как я утомилась, милый!..
- Иди ко мне, - сказал он.

В просвет между дверью и косяком мне было видно все.
Он целовал ее груди, живот, бедра… Она обнимала его, постанывая. Потом присосалась к его губам.
Я осознал, что меня трясет в такт этих поцелуев.
Он ласкал ее неистово…
Вдруг, я ощутил на своих щеках влагу. В бане не был, а мокрый. Неужели, слезы?..
Он норовил исследовать жадными руками каждую частичку ее тела…
Меня окружали, как в далеком детстве, лопаты, метлы, корзины, и казалось, что вот сейчас она встанет, поскребет по пыльному брезенту «Студебеккера» и скажет: «Выходи, дундук!..»
Она начала тихонько кричать. Он делал с нею… Это тоже… И это…
Ее крик перешел в тонкий животный вой…
Я думал, что сейчас упаду и стану кричать так же, как она – призывно, страстно…
Она начала биться, казалось, это агония…Внезапно она коротко вскрикнула и откинулась на подушки, закрыла глаза. Глеб также отвалился, тяжело дыша…
Свершилось!
Мне показалось, что я устал не меньше любовников. Я осторожно откинулся на стену комнатки, закрыл глаза. Так прошло минут десять – пятнадцать.
- Надо идти, - наконец, сказала она. – Небось, заждались…
- Ага, - без выражения сказал он, глыба.
И они собрались, и уехали… Перед отъездом она тщательно застелила постель, осмотрела комнату. Я заледенел, когда она обнаружила бумажку, в которую был завернут бутерброд. Но она что-то хмыкнула, наподобие «сколько ни убирай, а груды мусора повсюду!» - и на даче стало тихо. Очень тихо.
Я выбрался из своего укрытия и, не спеша, пошел к автобусной остановке. День выдался нелегким.
Но зато я теперь все знал. Все! Я шел и потихонечку говорил себе:
- Не бывает тайн, которые нельзя открыть… Это точно! Но больше об этом я никому не расскажу…
Приехал автобус, и со «второй дачной» привез меня в город. Я вышел и пошел домой. Казалось, что я никак не могу проснуться.
И вдруг я увидел ту самую старую стену, с вделанным в нее чугунным кольцом, возле которой давным-давно я стоял и плакал без всякой причины. Я остановился, прикоснулся к холодному чугуну – не из глубины ли заледеневших времен

поднимается к нам этот холод?.. Даже яркое солнечное лето не в силах растопить его?..
Ноги понесли меня дальше по улице, а в голове кружился вопрос: а чего ради я проливал здесь тогда слезы? Ведь все на свете хорошо. Все на свете чудесно!..

31 октября 2007 года

День любви

Что-то человеческое, жуткое есть в железных дорогах. Рельсы, сцепившись друг с другом шпалами, никогда не сходятся вместе, но и разойтись не могут - так и тянутся вместе через бесчисленные километры, вынужденные повторять друг за другом каждый поворот. Тоска. Но еще тошнее, что дороги не могут без кривых, залитых дождями, полустанков, без унылых пустынных деревень, без заплеванных, издерганных городов. Дороги так и норовят прилепиться к вокзалам, в которых напряженно сидят железнодорожные скитальцы, ожидающие сигнала тащить свои мешки и торбы в зеленые тряские вагоны и рассказывать осовелым пассажирам свои бесконечные жизни, набитые женами, болезнями и неблагодарными детьми.

Железные дороги - свалки слов. Исповедальными миазмами отравлен воздух, этот яд крепче спирта, от него не протрезвишься, он союзник железнодорожного ига - не надейся избавиться от него. Рельсы намагничены, притягивают души; кислый дух бродяжничества сильнее любви, слаще водки - в вагонах таскаются по свету многодетные, бесконечно жующие семьи, гнилозубые

холостяки, просветленные онанизмом, загадочные курящие женщины - желтые и грустные, как использованные горчичники, прыщавые солдаты, пьющие без закуски, некрупные начальники, соль земли нашей - все, все, все.

А кто сегодня не едет, тот под ватным одеялом, придавленный рыхлой ляжкой подруги, слушает далекие паровозные гудки и знает: завтра его очередь…

А машинисты паровозов, вглядываясь в несущееся навстречу двуединство рельсов, ненавидят кажущуюся бесконечность стального полотна, она представляется им хитрой тюрьмой, из которой ни им самим, ни локомотивам выхода нет.

В душе я был согласен с машинистами, в сущности любая железная дорога только соединяет два тупика; близки мне были и их размышления о безысходности, но вслух этого мне произнести не удавалось, для этого пришлось бы пересилить разговор о любви, да и вино бы выдохлось в пиалах, дребезжащих на пластиковом столике в купе.

-…вот я и врезал этой бляди промеж глаз, а она хохочет - живучие они, как кошки, - вел рассказ заскорузлый какой-то мужик, с заскорузлым, как пятка, лицом, с ржавой бородой.

- Случай был, баба из самолета выпала, - перебил его другой, фиолетовый от бормотухи. - Высота - жуть, километров тридцать!..

- Не баба, а летчик выпал, - поправил его третий, мужик без всяких примет. - а у него парашют был, но он не раскрылся… За подвиг ему орден дали и сто тыщ…

- Так он уцелел? - спросил я.

- Само собой, для этого запасной парашют имелся…

- А самолет?

- Какой самолет?

- Из которого он выпал…

- Американцы его поймали специальной сеткой, секретный был самолет. Теперь не отдают, гады.

- Наши самолеты самые быстрые…

- А получка самая медленная, - сказал заскорузлый. - Ждешь ее, ждешь…

- Зато быстро кончается, - добавил мужик без примет.

- За эту скорость надо выпить, - предложил я.

Мы выпили, и я стал размышлять, как попал я на этот поезд. Может быть,

кто-то командировал меня в далекий город? Но кому я нужен?

- Слушай, земляк! - обратился я к фиолетовому. - Как называется потеря памяти?

- С утра? - уточнил он.

- С позапрошлого года, - сказал я.

- Амнезия…

А может, я был пьян? Наверное… Скорее всего, но кто платил за питье? В моих карманах уже давно не было ничего похожего на деньги.

- Поезд на юг идет? - спросил я у компании.

Мужики вгляделись в меня получше и заскорузлый ответил:

- Ага, а мы перелетные птицы… Ты что, трахнутый?..

- Не знаю, - признался я, - а Тамбов уже проехали?..

- Ты в окно посмотри, дурик, - тихо сказал фиолетовый, - какой тут тебе Тамбов?..

Я прилепился лбом к грязному стеклу: под мелким нудным дождем мокла желтая холодная равнина, и поезд, казалось, катался по кругу, как по цирковой арене, и ничего не менялось за окном - то буксовал у самых рельсов в вязкой желтой глине обшарпанный грузовик, то проплывало мимо понурое степное дерево - и опять буксовал грузовик.

- Да, непохоже на Тамбов, - сказал я. - Говно какое-то вокруг…

- А что, в Тамбове говна нет?..

- Не знаю, не был там…

- Везде одинаково, - сказал заскорузлый и добавил, ткнув мне в плечо:

-Ты куда едешь-то?..

- Я?..

- Ты… Про себя я знаю…

Врать не хотелось на пьяную голову, и я сказал:

- Не знаю…

- Во, точно! И я не знаю… Корешок один сшиб меня с понта, да уж давно сшиб, и я все катаюсь… И в Солехарде жил, и в Кзыл-Орде, в Тюмени пять лет ишачил, в Чимкенте с одной дурой три года маялся… Болтаюсь, как дерьмо в проруби, везде у меня родина…

- Верно сказано, братан! - перебил его фиолетовый - Вот дадут завтра мне

коленом под зад в моем Бешкеке - куда подамся? У нас, у русских, где родина - в Москве что ли? В Питере? - не похоже там на родину… Ты как думаешь?

- Я?.. Я - не русский, - ответил я.

- Хохол что ли?..

- Нет. У меня нет национальности.

- Так не бывает…

Я промолчал. За окном проплыл еще один буксующий в глине грузовик, в кузове сутулилась баба в зеленом промокшем плаще. Сколько таких грузовиков вдоль железной дороги? Сколько баб и мужиков закрываются от ветра и дождя брезентовыми плащами? Почему они не откажутся от этой собачей промозглой жизни, не уведут свои грузовики от этой глины, от этих ветров и дождей?

Может быть, выведена такая порода людей - глиняная?

Теперь, наверное, и моя жизнь пересеклась как-то с жизнью этого поезда, этой желтизны - и ничего не поделаешь, и не причем здесь водка, командировка… Не уйти мне от этого поезда…Промелькнул заброшенный станционный домик с полустертыми буквами по фасаду: «Полустанок Марии…»

- Ты кто по специальности будешь? - спросил меня фиолетовый мужик.

- Борец, - сказал я. - Боец невидимого фронта…

- Не похож ты на борца, - заметил заскорузлый. - Больно уж облезлый. А какого ты стиля: классического или вольного?

- Я вольного стиля, но борец классический, - сказал я. - А насчет прочего - сам ты облезлый. У меня костюм, посмотри, немецкий. Шевиотовый… А ботинки - подошвы звенят!..

- Звенят, звенят, - не стал он спорить. - Только вот носков нет. Но это ерунда, давай еще выпьем.

Мы выпили, и фиолетовый залез на верхнюю полку, будто умер.

- Я тоже упаду, - сказал мужик без примет. - Клонит меня… А все-таки ты, борец, кого-нибудь победил?

- Ага, - ответил я, - самого себя… А остальных-то и подавно разметаю!..

- Ты борец с дерьмом, - сказал мужик и захрапел.

- Точно! - сказал я. - А самое большое дерьмо - одиночество…

За окном проплывало еще одно дерево и виднелся вдалеке очередной барахтающийся в грязи грузовик с зеленой ссутулившейся фигурой в кузове.

Я привалился к стенке купе и зажмурил глаза, но равнина с грузовиками не

исчезла, а дождь даже усилился, и, засыпая, я подумал, что непогода теперь надолго, а иначе и быть не может: откуда возьмется среди этой пустоты и неуюта теплое солнце, откуда придут сюда хоть маленькая радость, хоть пустячное счастье?

Но я ошибся. Солнце обнаружилось и в этих местах. Яркие его лучи пробились через мутное от грязи стекло и разбудили меня.

Я открыл глаза. В солнечном ореоле стоял надо мной проводник.

- Все! - сказал он. - Приехали… Конечная станция…

- Да? - я встал и босыми ногами ощутил сырой холод линолеума. Поезд стоял у перрона приземистого, опирающегося на толстые лапы колонн, вокзала. Что-то знакомое было в этих колоннах, самом вокзале.

Я поискал взглядом ботинки. Их не было. Как не было на мне брюк, а на вешалке моего шевиотового пиджака.

- Что, обчистили? Попутчики?.. Они давно-о-о сошли, - обрадовано сказал проводник. - В одних трусах оставили?

- Нет, еще рубашка осталась.

- Будешь знать - с кем пить!..

- Мужик, ты как сварливая жена, - сказал я проводнику. - Ты мне опостылел!

- Тогда выкатывайся отсюда!..

- Ага! - сказал я. - Без штанов, без ботинок… В твоем вагоне меня обворовали - здесь и жить останусь навсегда. Кстати, у меня в пиджаке три пачки денег было…

Растерянность промелькнула в сторожевых глазах проводника. Я повалился назад на кочковатый железнодорожный тюфяк, натянул на голову одеяло:

- Жизнь на колесах - мечта!

- Выматывайся, пьянь!..

Проводник выматерился и ушел. Его грузные матросские шаги протопали по коридору и смолкли. Я принялся ждать. Ожидание уже давно давалось мне легко, не знаю почему. Чего я только не пытался дождаться, даже коммунизма. Всерьез подсчитывал, сколько лет мне исполнится, когда он, наконец, наступит, и сумею ли я им насладиться в здравии, или разбитым стариком буду смотреть через хрустальные оконца образцовой богадельни, как резвится счастливый коммунистический народ, без денег получающий колбасу, картошку, выпивку и курево. А еще ждал окончания института, демобилизации из армии, получения

квартиры… Ждал шестнадцатых и первых чисел каждого месяца, ждал сантехников, телевизионных мастеров… А разве не ждал я вдохновения? А как я ждал баб!.. Ждал ее… В конце концов я просто привык. Занятие простое.

Дверь в купе распахнулась, и проводник швырнул мне сверток:

- Вот, прикрой задницу!..

В свертке оказалось драное, заляпанное белилами хлопчатобумажное трико, разбитые циклопические кеды.

- Благодетель!.. - я влез в трико. Одна штанина была короче другой, через прорехи в ткани были видны мои желтые коленки и зеленые сатиновые трусы. В кеды я нырнул, как в пропасть.

- Ты что, на помойке это нашел? - спросил я у проводника.

- Вот, держи! - он сунул мне в руку несколько измятых бумажек, - на телеграмму хватит, порадуй родственников, опиши им, как ты вещички профукал…

И он хохотнул:

- На клоуна похож, один к одному… Проваливай, наконец!..

Зажав в кулаке деньги, я выбрался из вагона.

На перроне кружился кочевой народ, мечтающий о лучшей доле на новых местах. Из динамиков непрерывно раздавались гортанные команды, регулирующие прибои и отливы от поездов и к поездам. Тюки, баулы, младенцы и собаки плавали над головами простаков, попавших в железнодорожный капкан. Только командированные в этой суматошной толпе выглядели холодными мудрецами, они неспешно несли в своих портфелях постановления и коммюнике, между которыми в ярких фантиках прятались проверенные электроникой презервативы.

…Любовь из века в век становится все опаснее, дождемся ли, когда за поцелуй будут вручать почетный знак, за объятие - орден, а за ночь с бабой - устанавливать бюст на родине героя?…

Я пошел к вокзалу, сопровождаемый насмешливыми взглядами, а вокзал двинулся навстречу мне, перебирая, как слон, серыми лапами колонн. Я пригляделся к нему и ахнул: точно, старый дружище! А с первого взгляда я его не признал. Все такой же ободранный, обвешанный тряпками государственных увещеваний, с разбитыми стеклами, воробьями и дикими голубями, изгадившими многотонную люстру… Давненько не видались.

Мои кеды шлепали по щербатому асфальту, как ласты, сентябрьская прохлада проникала в прорехи штанов, голуби пикировали на меня, целя дерьмом прямо в голову, вслед мне хохотали мальчишки и злобно шипели ветераны. А мне, вдруг, вспомнился другой сентябрь: тогда внезапно повалил снег, а я стоял возле крайней слева колонны, пытаясь через снежную пелену рассмотреть троллейбусную остановку. Но троллейбусы приезжали и уезжали, а Марии не было. Так она и не пришла в этот день. Осенний снег ее напугал.

А сегодня было тепло. Я сел в троллейбус и он, осыпанный искрами и желтыми листьями, потащил меня по почти забытым улицам. Пассажиры таращили на меня глаза, один мужичонка, вылитый Троцкий, подмигнул мне и покрутил пальцем у виска. Я протолкался к нему и сказал:

- Мудак ты, а еще революционер!..

- Сам ты революционер, морда гегемонская! - шепнул Троцкий.

Я ударил его поддых, он ойкнул и сложился пополам. Пассажиры отвернулись к окнам. И, действительно, там было интереснее: по улице шла колонны военных в касках, похожих на мотоциклетные шлемы, с длинными черными дубинками и прозрачными пластиковыми щитами.

- Удобны эти щиты, не мешают ориентироваться, - сказал кто-то позади меня.

Я обернулся и в это время Троцкий съездил мне по шее, потом в скулу, а потом по зубам, да так, что кровь брызнула из разбитых губ - на рубашку, на руки.

Я не люблю, когда меня бьют. Хотя в принципе побои помогают не утратить ощущение реальности, даже способствуют усилению чувства юмора, но каждый раз это больно.

Мы сцепились с Львом Давидовичем. Он был явно сильнее, наверное, занимался утренней физзарядкой, обливался холодной водой, жрал сардельки, по вечерам качал мускулы гантелями, а спать ложился точно по сигналу телевизора об окончании передач.

Последние пуговицы с моей рубашки посыпались, как перламутровые градины, сама рубаха затрещала по швам и лопнула у меня на спине - ну что за день такой?..

Троллейбусные пассажиры оторвались от окон и стали сочувствовать сильному - Троцкому.

- Дай по рогам этому бичу!..

- Выкинь эту падаль!..

Но я был злее. Нетопленые развалюхи, ночные задворки, зубная боль, безденежье, кислятина начальства - наверное, все говно этой части света кипело во мне. Для Троцкого троллейбусная потасовка - спорт, разогрев ветчинной крови, развлечение, для меня - дело всей жизни. Я изловчился и зубами цапнул его за нос. Он дико заорал. Зубов у меня немного, но видимо эти осколки как раз удобно расположены для откусывания носов. Сразу во рту стало солоно от крови и соплей. Я оттолкнул врага и сплюнул:

- Карбонарий хренов!..

Троллейбус остановился, и я вышел под листопад. Вслед за мной вывалился окровавленный, стонущий противник.

- Стой!..

Мне драться больше не хотелось. Минута прошла и настала другая жизнь.

- Мужик, у меня деньги есть, - сказал я ему и показал смятые бумажки, которыми снабдил меня проводник.

- Откупиться хочешь, гад? - все еще бурлил знаменитый революционер. - Или в штаны навалил?..

- Навалил, ага, - сказал я. Мне было понятно, что жизнь у него длинная, с незабываемым прошлым, славным настоящим, многообещающим будущим, - и он удобно размещен во всех временах - он был вчера, он есть сегодня, он будет всегда. И ему трудно останавливаться, прощаться с тем, что было не так давно, минуту назад. Он не понимал, что времен огромное множество, каждую минуту может начаться совсем другое, в котором мы будем друзьями. Я не винил его за это непонимание. Многие не ориентируются во временах.

- Добавляй, вина купим, - предложил я.

- Сука! - сказал он, но уже затихая. - Только с такими я не пил!..

- А с какими ты пил?

- Да уж с порядочными.

- Конечно, русский интеллигент тебе не пара…

- Ты? Интеллигент?..

- А что?.. Наша дорога - пепел…

- Лоханкин ты!..

- Меня обворовали…

- Оторвать бы тебе башку!..

- Успокойся, рана небольшая… Боевой знак …

- А ты дурак, точно дурак, - уже совсем спокойно, даже с некоторым удивлением - сделал открытие! - сказал он.

- Спорить не стану, - ответил я.

Он вытащил потертый кожаный кошелечек с кальсонной пуговичкой вместо застежки, покопался в нем, добыл новенькую купюрку.

- Смотри, если у меня заражение будет, я тебя на дне моря найду!.. А пока держи… За то, что Троцкого помнишь, выдающийся человек был…

- Ты тоже молодец, не отступаешь под натиском… И кровь у тебя хорошо сворачивается, не капает уже…

- Пошел ты, шутник! - махнул он рукой. - И я пойду, не пью я, а ты выпей…

Прижимая к носу окровавленный платок, он побежал через улицу, но, вдруг, вернулся:

- Слушай, оборванец, а ты мне понравился!..

И он ударил меня по уху, сволочь. На минуту я оглох. Он бросился опять через улицу, с другой стороны махнул мне рукой - и исчез. Я подождал пока улица вновь наполнится визгом тормозов, радиорассказами о нашей счастливой жизни, звяканьем пустых бутылок в грязном мешке за спиной нечесаной бабы, - и только тогда двинулся дальше, куда?

Улица была малолюдна, застроена какими-то белыми, будто ватными, домами - и эти здания, призраки в саванах, редкие прохожие, цепляющие меня недоуменными взглядами, мокрая листва под ногами, пахнущая кладбищем, не позволяли ошибиться: город умирал, или уже умер.

Ему бы еще жить: выкопать метро и выставить напоказ дюжину небоскребов, заманить в гранитные дворцы, удрученное заботами о народе, башковитое правительство и объявить всеобщее равенство и братство, совсем чуть-чуть приструнив коварных инородцев, ему бы орать тысячами глоток на стадионах и форумах, и твердо ступать в ровных колоннах под лучистыми взглядами вождей, но, видать, чего-то он проморгал, может, сытая отрыжка в мраморных залах помешала расслышать, как скулила в бетонном микрорайоне раскрашенная дура, измордованная сутенером, а может, всего-навсего незамеченным пил всю жизнь и воровал ханурик из жаркого бункера теплотрассы?.. За такими стоит только не доглядеть - и пойдет!.. Затопят все понурые взгляды, штопанные юбки, никогда не утюженные брюки - и над всем этим поднимется мат-перемат, великий и могучий.

А, может, слишком много бюстов, конных статуй поставил город по улицам и площадям, - и теперь суровые философы, лихие рубаки, меткие стрелки и задумчивые сочинители - вся бронзовая мертвечина - притягивают живое?

Или тени великих, придавленные постаментами, успокоились, а по улицам города таскаются души тех, кто свален в номерные могилы или втихую засыпан под речными ярами и в глухих карьерах - и они-то и убивают, убили город?..

Низко над улицей прогрохотал медленный пузатый самолет, я разглядел в его круглых окошечках головы отважных воздухоплавателей и показал им кукиш, чтобы не зазнавались там наверху.

- Самолет, самолет, ты возьми меня в полет. А в полете пусто, выросла капуста!.. - пробормотал я.

- Ага, только там она и выросла! - ответила мне басом из амбразуры овощной палатки краснощекая голова. - А на грядке шиш с малом растет!.. Сучье - эти фермеры и колхозники, всю рассаду весной поморозили… Дуромялы!..

- Дуромялы? - подивился я филологической подкованности овощной головы.

- Они самые!.. Куропеки, саможралы, землегубы!..

- Ты кто, мужик или баба? - поинтересовался я у головы.

- Это ты мужик стебанутый, а я - женчина! - с достоинством ответила она.

- Поздравляю! - сказал я. - Ты - украшение этого отряда…

- Сам дурак! - сказала она. - Вали отсюда, засранец, пока я не вышла…

Я прошел мимо палатки; на грязном прилавке лежали арбузы, как отрубленные головы, и в их жидкой крови барахтались и погибали мухи.

- Эй, рванина! - окликнула меня голова. - Арбуз хочешь?..

- Мне врач запретил сладкое…

- Без денег возьми… Они почти все треснутые, все равно пропадают…

- Ладно, мочегонное мне полезно, - я вернулся и взял арбуз; трещина в нем была похожа на сабельный шрам.

- Ты по разговору-то вроде образованный, - сказала продавщица, - а в таком виде себя содержишь! С круга что ль сбился… Бормоглот!..

Я не ответил. За мной погнались неутонувшие мухи и сопровождаемый их голодным гудением я вышел на берег мазутной городской речушки, раздавленной бетонными мостами. На берегу, привалившись спиной к постаменту подъехавшего к водопою бронзового конника, сидел понурый рыболов и читал «Литературную газету».

- Спички есть? - спросил он, не поднимая головы.

- Нет, меня ограбили…

- Да? Интересно! - продолжил он читать. - Я могу понять грабителей. У них хороший вкус. Хватит уже воровать машины, угонять самолеты, опустошать банки!.. Спички - вот то, что должно интересовать современного интеллигентного грабителя. Если вдуматься - спички самое замечательное изобретение со времен Адама. Сколько городов ими подожжено, сколько запалено бикфордовых шнуров, сколько сигарет прикурено!.. Ах, как хочется курить! И много у вас похищено спичек?

- Не знаю. Полкоробки, может быть…

- Зажигалки тоже нет?

- Я же сказал…

Он, наконец, взглянул на меня поверх газеты, глаза цвета речной воды были полны тоски.

- Клюет? - спросил я.

- Очень хорошо. Такого клева я не помню с тыща девятьсот тринадцатого года. Аж руки все вывернуло… Надо бы перекурить, да спичек нет. Хотя скажу тебе по секрету: в прошлом месяце, как его поставили, так и стало клевать здесь, жуть!.. И откуда только рыба взялась, прет на голый крючок!..

- Прет? - спросил я с сомнением.

- Да ты сам в мешке посмотри, там за постаментом.

В тени бронзового конника кренился огромный брезентовый мешок, в нем что-то вздрагивало и шлепало. Я открыл мешок: к ногам упал крупный судак. Метрвым перламутром отливали его глаза, растопыренный колючий плавник, похожий на драконово крыло, еще был жив, трепетал, будто судак собирался в полет.

- Вчера жерех брал - не рыба, а одни кости, а сегодня вот эти крокодилы, - сказал рыболов. - Не иначе, как заколдованный памятник этот…

- Кому памятник-то?

- Хрен его знает… Освободителю какому-то…А раньше, говорят, на этом месте поработитель, гадина, стоял. У нас всегда так: поработителей к чертовой бабушке, освободителей на их места… И вот, хоть рыба стала ловиться…

Рыболов схватил удилище, тонкий бамбук согнулся в дугу.

- Опять на голый крючок! - закричал он. - Просто фантастика!..

- Просто реальность, - сказал я.

Рыболов вытащил судака, взвесил его на руке:

- Килограмма четыре. Ну, не меньше двух…Хочешь, отдам его тебе?..

- У меня нет даже спичек…

- Даром отдам, ты мне понравился… Тебе идет с арбузом ходить, ходи с судаком тоже. Да и уха хороша будет.

- Из арбуза?..

- Ага, из него…

- Интересный день сегодня, - сказал я. - Что-то всем я нравлюсь. Просто день любви…

Я взял судака под жабры, арбуз подмышку - арбузная липкая кровь смешалась в ладонях с рыбьей - чудный коктейль - и я, шлепая кедами, пошел по набережной.

- Приходи завтра! - закричал вслед рыболов. - Может вобла будет клевать?..

- Ну да, - сказал я, - если опять памятник не поменяют…

По речушке прополз ржавый катерок и что-то нарушил. Над мазутной водой раскрутился ветер и набросился на город, потащил - быстрее, быстрее - растрепанные листы «Литературной газеты». Я оглянулся: рыбак пытался поймать улетающую газету, но проворная бумага - страница за страницей - разбегалась по асфальту и даже поднималась над улицей. Я задрал голову и успел прочитать: «Назад, в 2005! Пора, дура!..»

«В самом деле, пора», - подумал я.

Вслед за газетами в небо взмыли афишки заезжего американского проповедника с обещаниями точной даты второго пришествия. А за афишами тронулся в путь фанерный щит с намалеванной на нем рекламной девицей.

«Пора, дура…»

Я с опаской посмотрел на беззащитный крупнопанельный дом, мимо которого проходил - устоит ли он под натиском неведомого ветра? Дом устоял, но, вдруг, ожила валявшаяся у обочины дороги огромная мусорная бочка с дымящимися внутренностями - покатилась, набирая обороты, загремела, подпрыгивая на кочках - прямо на меня.

Я побежал от нее, но силы были неравны: мусорный каток толкала речная мазутная ярость, а подстегивали мутной тоской ненайденные утопленники - вес тлен и гниение реки, воздуха, мертвого города был на стороне грохочущей урны;

за меня же мог встать только страх, проверенный, надежный товарищ. Вот-вот должен был сбить меня с ног коммунальный снаряд, и я уже выдохся, а тем временем тяжелый арбуз норовил грохнуться оземь, вот уж действительно не рожден летать, а судак хлестал меня шершавым хвостом - и я отчаялся спастись, но – чудо! - перерезал дорогу глубокий окоп с высоким бруствером и залегшими в нем зелеными фигурами бойцов - я спрыгнул, задохнувшись в окоп, поддержанный добрыми руками, - мусорная бочка бессильно врезалась в бруствер, и ветер затих, опустились сверху на окоп газета, афиша, спланировал плавно рекламный щит.

«Пора, дура…»

- Солдатики, часто ли здесь мусорные бачки на прохожих нападают? - спросил я, отдышавшись.

- Сам ты солдатик, а мы кабель телефонный тащим, - обиделся один из зеленых, предводитель. - А ураганы теперь часто случаются, климат такой… Ледниковый период возвращается, слышал?..

- Земля с каждым днем холоднее, это точно! - подал голос второй землекоп. - Мы пузом этот холод чуем!..

- Зачем пузом-то?.. - спросил я.

- Земля всегда так - сначала на пузе, а потом в пузе, - неопределенно ответил тот. - А у тебя арбуз гавкнулся, жалко…

Я взглянул на арбуз: действительно, он раскололся на две половинки и они обе истекали последней кровью у меня подмышкой.

- Не гавкнулся, а пал в бою, - поправил я окопного работника.

- Веселый ты человек, - сказал предводитель, - поэтому и штаны у тебя в лоскутах… Но все равно арбуз надо сожрать, иначе пропадет…

- Вы хотите сожрать моего боевого друга, с которым вместе отступали под огнем? - возмутился я. - Я похороню его с почестями. Дайте лопату!..

Я взял штыковую лопату и вылез из траншеи.

- А ты мудозвон! - почти с восхищением сказал мне вслед предводитель. - Мудила!..

Место для погребения я выбрал на небольшой клумбе, где засохшие цветы торчали, как обглоданные селедочные хвосты. Земля была податлива и, набив две кровавых мозоли, я выкопал глубокую могилу.

- Кончай дурить! - дружно закричали землекопы. - В глотке пересохло, давай

сожрем!..

- Каннибалы! - я бережно опустил обе половинки арбуза на дно могилы, забросал останки землей. - Пусть здесь вырастет сладкое арбузное дерево нашей надежды!..

- Чего? - крикнул из-за бруствера предводитель.

- Надежда, говорю, нам нужна!..

- Ага, нужна, особенно если ее с сальцом намять…

- Ладно, мужики, тащите свой кабель!.. А чего слыхать по нему, по телефонному?

- Да, глупости болтают. Про конец света, про астероид… Говорят, ожидается демократия и неразбавленная водка… А деньги будем пудами получать.

- Хорошо, - сказал я, - а неразбавленной свободы не ожидается?

- Не разбавляли бы водяру, а уж эту траханную свободу… Хотя, как их различишь - водку со свободой?..- сказали трудяги. - Да тебе и так не хуже, вон какой у тебя судак! На букву «м». А дерево арбузное не вырастет, не полито.

- Сейчас польем, - сказал я, - вылезайте!..

Помогая друг другу, землекопы выбрались из траншеи, расстегнули штаны над клумбой. Я присоединился к ним.

- Моча большую пользу приносит, - сказал предводитель. - Ни одна болезнь перед ней не устоит… Даже наука специальная есть… Урино…логия или…хрен ее знает.

- Вот именно, - сказал я. – Ну, пока, мне пора.

- Может, с нами останешься? - предложил предводитель. - Человек ты, видать, жизненный, с понятием, нам такие в телефонном деле нужны… Спецодежду получишь, жопу от атмосферы прикроешь…

- Спасибо, друзья, - поблагодарил я, - но мне нельзя с вами. У вас здоровый почвенный коллектив, а я человек зараженный…

- Ну? - насторожились мои новые товарищи. - Триппер?..

- Страшнее, - ответил я, - но вы не унывайте, может встретимся… Тяните вашу связь, нам без нее никак нельзя…Хорошо бы с Марсом или Сатурном связаться, может, там не все вымерли?.. Узнать бы, что они о нас думают? Скучно все время самим о себе думать, хочется, чтобы хоть иногда кто-то другой о нас думал…

Вдруг, стало смеркаться. Солнце распухло, потускнело и растеклось на

горизонте, как прокисший помидор.

- Атас! - закричали телефонисты и бросились врассыпную. - Шабаш! Конец рабочего дня!..

Я побрел дальше и улица вывела меня к стеклянной коробке магазина. Магазин сиял, как хирургическая лампа, и люди, толпившиеся в нем, казались пятнами на солнце. Мария стояла в очереди за морковью, серый плащ, который мы с ней покупали вместе пятнадцать лет назад, был ей еще впору, только рукава стали коротки, может, руки вытянулись от сумок?

Маша взглянула в мою сторону, но, наверное, увидела только темное зеркальное стекло, а за ним неясную тень. Но эта темнота встревожила ее, она выбралась из очереди и медленно пошла к прозрачной стене - в мою сторону. Кто-то окликнул ее, она остановилась, посмотрела через плечо, минуту постояла, должно быть, пытаясь понять, что вытащило ее из очереди, потянуло к сумеречному стеклу.

Она для чего-то оглядела себя, свои сумки с солеными огурцами, блеклой бараниной, крапчатыми коврижками; в ее взгляде мне показалось недоумение, как будто она не могла узнать саму себя.

Я отвернулся и пошел дальше, мне ли помогать ей в этом?

Я услышал, как хлопнула тяжелая дверь, Мария вышла из магазина и, торопливо шагая, обогнала меня.

Я уселся на ящик из-под бутылок, рядом положил судака. В мертвом судачьем глазу закрутилась магазинная неоновая реклама. От этого зябкого света стало холодно. Мария вдруг повернула ко мне:

- Гражданин, продаете рыбу?

- Меняю…

- На что? - она пристально посмотрела на меня.

- На водку…

Она поразмышляла секунду:

- Это можно. Я живу неподалеку отсюда, дома найдется у меня бутылка… Я купила бы вам в магазине, но деньги кончились…

Она пошла чуть впереди, я отставал от нее на шаг, и она все время оборачивалась, спрашивала:

- Где вы поймали такую рыбу?.. На спиннинг или сетью?.. Она поймана сегодня?..

Я не отвечал. Она сутулилась над своими сумками и почему-то шагала все быстрее и быстрее, будто убегала от меня - и говорила, говорила без умолку, и тоже все ускоряя и ускоряя речь.

- Скоро вкус рыбы позабудем, мне недавно сосед принес двух лещей, так я не сразу вспомнила, как они называются, а ведь я родилась на берегу реки, в детстве сама рыбачила, да еще как добычливо, а теперь все кувырком… Вся природа задыхается… жуть, леса горят, реки высыхают, сплошная сажа вокруг, белье невозможно на балкон повесить - чернеет за минуту…

Мы подошли к едва освещенному подъезду какого-то серого, сгорбатившегося в темноте дома. Мария умолкла, развернулась ко мне:

- Это ты?..

Вскрикнула. Отшатнулась. Узнала.

- Боже мой! Боже!.. Что с тобой стало?.. Откуда ты?..

Мне нечего было ответить ей.

- Я еще в магазине почувствовала неладное. Даже в висках заломило!..

Я молчал.

- Сволочь ты! - сказала она. - Сволочь!..

- Так ты будешь судака брать? - спросил я.

- Уходи! Уходи! Прошу тебя!.. - она бросилась в подъезд, сумки за ней; она зацепилась ими за дверь и мне под ноги выкатился бублик, обручальное кольцо из сильных сортов пшеницы. Я подобрал бублик, жратва всегда пригодится. Не помешала бы и какая-нибудь телогрейка или тряпка. Холодная осенняя ночь уже загнала под лестницы и подвалы, в подвалы и на чердаки бродячих собак и кошек.

Осенний ночлег страшнее зимнего. Зимой легко отогреться в любом подъезде у батареи, ничего не стоит и нырнуть в люк теплотрассы, а если повезет можно роскошно устроиться в кочегарке - там и тепло обеспечено, и беседа с кочегаром, философом, закаленным огнем. Осенью рассчитывай только на собственное тепло.

Я заглянул в подъезд: прямо у двери стояла детская коляска, а в ней лежало зеленое шерстяное одеяло. Удача!

Я взял одеяло, на его место положил судака: натуральному обмену не страшна инфляция.

Мне повезло и дальше: дверь в подвал была не заперта, а в самом подвале

пахло прелой картошкой, укропом и вишневым вареньем. В подвальный коридор выходило полсотни дверей с крепкими замками, как в тюрьме, и за ними в клетях и содержались в строгом режиме несметные квартирные запасы. Я подергал за ручку одну из дверей - прочнее бетона.

Я обошел весь подвал и постелил одеяло у двери, из-за которой пахло укропом. Я лег, закрыл глаза и вокруг меня раскинулся огород. Неподалеку едва слышно плескала ленивой волной речка Ревунок, позвякивали ведра на коромысле бабушки Александры Львовны, поливавшей помидоры, где-то высоко звенела невидимая птица, а на козырьке моей фуражечки-восьмиклинки сидела стрекоза и внимательно смотрела на меня, и я тоже смотрел на себя из ее выпуклых зеркальных глаз, и думал? А видит ли стрекоза свое отражение в моих зрачках?..

Мне иногда казалось, что я родился на этом огороде; и ходить учился здесь, падая лицом в укропные заросли, и первые книжки читал в шалаше на берегу Ревунка, и до икоты объедался степным лакомством - вороняшкой, которую бабушка называла пасленом. Бабушка говорила, что от этого паслена можно умереть, но страшные рассказы тогда никого не пугали, вороняшку собирали целыми ведрами - доступнее лакомства не было. Слаще был только мед огромных желтых цветов тыквы, но цветы эти зорко охранялись бабушкой… А название «паслен» мне всегда мнилось графским или княжеским титулом. Граф паслен, хорошо звучит… Где теперь эта речка, где этот огород?..

- Вставай, не лежи на самом пекле, - говорила бабушка. - Солнечный удар будет!..

Жаркое тогда было солнце…

- Вставай, ты с ума сошел! - почти прокричала надо мной Мария. - С ног сбилась тебя искать!.. Пойдем в дом…

Я поднялся и пошел за ней. В тесной кабине лифта она вжалась в стенку, чтобы хоть на сантиметр быть подальше от меня.

- Ты замечала, что лифты похожи на сортиры с зеркалами? - спросил я.

Она пожала плечами, сказала:

- Поживи у нас дня два-три, может что-то придумаем… В общагу тебя что ли устроить?..

- Меня обворовали, - сказал я. - В поезде…

- Куда ты ехал, горемыка?.. - стало ей жалко меня.

- Кажется, в Бузулук, - сказал я, - но точно не скажу - у меня амнезия, я помню только тебя, бабушкин огород, запах укропа…

- Слушай, не бреши, а?.. Сколько уж можно юродствовать?..

Лифт остановился, и она подвела меня к двери с медной начищенной табличкой «Профессор такой-то»

- Прошу тебя, - сказала она, - пощади Вадима, не переходи границы… Не трепись лишнего… Ладно?..

- Из такой меди, - постучал я по дощечке, - хорошие ошейники выходят… Собаку не завела?..

Мария вздохнула и открыла дверь. Я ступил через порог и навстречу мне из глубины комнат шагнул дружелюбный вельветовый хозяин.

- Вадим! - отрекомендовался он. - Проходите, располагайтесь… Не стесняйтесь…

Он излучал радушие, искрился застенчивой, располагающей улыбкой, благоухал заморской туалетной водой и совершенно не замечал моих рваных штанов, грязных рук, небритых щек. Интеллигент!..

- Сейчас будем ужинать, - сообщил он, - вы как раз вовремя…

- Я старался не запоздать, - сказал я, - семейный порядок для меня - святыня. В противном случае ужин мог остыть, а разогретая жратва, согласись, это как объедки.

Он заулыбался, но уже менее радушно, чем вначале.

- Снимай кеды, - сказала Мария, - вот тебе домашние туфли, очень удобные - на меху.

- Да нет, - сказал я, - эти кеды - подарок дорогого человека, даже на минуту тяжело с ними расставаться. Да и время сейчас такое, свои вещи лучше всего иметь перед глазами… Стоит расслабиться и потеряешь вместе с кедами веру в человека…

- Мы тебя не обворуем, успокойся, - сказала Мария.

Вадим перестал улыбаться, профессор кислых щей.

- Я тоже так думаю, - не стал я с ней спорить, - но жизнь научила меня не доверять даже близким людям…

Мария только махнула курой, ушла на кухню, загремела посудой.

Профессору тоже захотелось скрыться от меня. Я видел, что глаза его мечтали об уютной ночной книжке, о сладком сне под атласным одеялом в

обнимку с податливой женой. В глазах его была тоска по ласке и доверию.

Он завел со мной какой-то специальный научный разговор, нервно шагая от дивана до негромко врущего телевизора.

- Будущее за шестидесятичетырехразрядными процессорами! - уговаривал он меня. - Придет время, когда все мы будем удивляться: как же мы могли обходиться без этих приборов!..

- В самом деле! - сказал я.

Он ободрился:

- Быстродействие просто поразительное! Возможности открываются беспредельные!..

- Хочешь сказать, что компьютер умнее человека?

- В каком-то смысле - да.

- Врешь ты, профессор, - сказал я. - Может быть, делить и умножать твой счетчик может, а все остальное - фиг!.. Потом, скажи, чего мне делить и чего умножать?.. Твою квартиру делить, твой город и твою страну несчастную?.. Умножать говнюков на засранцев?.. Нищету множить?..

Вадим потух, еще сильнее захотел под одеяло.

- А может твой транзисторный набор придумать такое слово, как «дуромялы» или «сырожралы»?

- У компьютеров есть иные задачи, - сказал он совсем сухо, прошелестел, как песок в пустыне.

Он подошел к телевизору, добавил вранью громкости и уселся в кресло, погрузился в правительственные сообщения. Так он сидел минут двадцать, и в нем боролись желания: выгнать меня к чертовой матери или все-таки притворяться до конца терпеливым, рефлексирующим интеллигентом? Наверное, он ничего не решил, принялся переключать программы, как будто говорящие головы могли помочь ему сделать выбор.

- Что ты ищешь в этом ящике, - сказал я ему, - если интересуешься чем, спроси у меня - я все знаю…

Он уставился на меня стеклянными телевизионными глазами и в это время Мария позвала нас ужинать.

- Извини, приготовила все на скорую руку, - сказала она, обращаясь к холодильнику, но я решил, что все-таки она сказала это мне.

- Ничего, я не привередлив, - поощрил я ее.

И в самом деле, привередничать не стоило. На столе в тарелках с золотым ободком дымилась уха, ощеренная судачья варка с побелевшими глазами, увенчанная лаврами, покоилась на блюде, как голова Олоферна. А еще в блюдечках, тарелочках, розетках были разложены салаты, закуски, какие-то травы и злаки. Ломти хлеба, наверное, были нарезаны компьютером, так одинакова была их толщина. Глядя на эти ломти, сразу мерещились зеленые галифе, строевой шаг, устав караульной службы.

- Уха из судачьей головы вышла отменная, - сказала Мария. - Еще чуть-чуть и уехала бы рыба кататься вместо младенца, да я успела произвести обратный обмен - одеяло в коляску, а судака в нашу кастрюлю…

- Правильно, - сказал я. - Нельзя обижать детей. Одеяло - почти недвижимость, а рыба приходит и уходит…

- Я костюм тебе нашла, - опять сказала Мария холодильнику. - Правда, он поношенный, но вполне приличный… Думаю, что впору будет… Не отказывайся, пойми правильно…

- Я правильно понимаю… С профессорского плеча даже почетно…

Я видел - ей трудно давались слова, а Вадиму ее слова - еще труднее. Они оба страдали, шершавые деревянные их языки не могли размягчить ни уха, ни салаты, ни злаки. Глаза их старательно обходили меня, а особенно дыры в штанах.

- Как рано настает ночь, - сказала она.

- Естественно! - обронил он.

Им хотелось жалеть меня, но они ненавидели.

- Ты какого вида профессор? - спросил я у него. - По компьютерам что-ли?

- По философии…

- Это хорошо. Значит, хоть собак для опытов не режешь… Или нынче философии тоже нужны дрыгающиеся лягушачьи лапки?

Пропел электрический соловей и Вадим бросился открывать дверь, не ответив про лапки.

- Верка пришла, полуночница, - сказала Мария. - Никогда к ужину не успевает…

Длинноногая белобрысая девица ворвалась в кухню, уронила на пол какую-то крышку, чертыхнулась.

Поглазела секунду на меня, рухнула на стул:

- Пируете, ребята?..

Придвинула тарелку, еще взглянула на меня, хмыкнула, принялась за еду.

- Проголодалась? - спросила Мария.

- Ага! - сказала Верка и добавила:

- Между прочим, есть хороший повод выпить вина…

- Интересно! - встревожилась Мария.

- Виктор сегодня кольца купил!.. Я принесла показать вам… Симпатичные!..

Верка вытащила две пластмассовые коробочки, внутри их на синем бархате лежали колечки с привязанными крохотными бирочками, на бирочках строго, с десятыми долями, указан вес и цена с нулями и копейками.

- Ну надо же! Куда вы только торопитесь?! - огорчилась Мария и пожаловалась мне:

- Вот, замуж собирается!.. Как только не отговаривала ее - не слушает. Ведь на первом курсе только. И он, Виктор, тоже зеленый, правда парень неплохой, скромный. Я им сто раз говорила: получите дипломы, встанете на ноги - тогда и свадьбу сыграем!.. Но у них горячка!.. Загорелся в одном месте лед!..

- Как покойники, - сказал я.

- Кто? Что ты городишь? - изумилась Мария.

- Кольца, говорю, как покойники - им, покойникам, тоже бирки привязывают…

- Ну и сравнил! - сказала она. С новорожденными не мог сравнить, у них тоже бирки?..

- Ладно, пусть будут, как новорожденные…

- Вот… Помню, Верку из роддома привезла, а у нее на ногах такие клеенчатые, зеленые лоскутки, - вдруг, ударилась в воспоминания Мария, - а фамилия и номер написаны чернильным карандашом… Но фамилия с ошибкой, вместо «о» там была «а»… Я перепугалась, ну, думаю, подменили!..

- Но тревога была напрасной, мама, - перебила ее Верка. - Ребенка тебе, конечно, подменили - явно не от тебя произошла такая, как я, - но тебе досталась совершенно замечательная девочка - умная, красивая, скромная…

- Особенно скромная…

- Да, и еще - послушная. Поэтому отправляюсь в кроватку… Спокойной всем ночи!..

Она еще раз взглянула на меня, словно подтверждая, что и меня пожелание касается. Отличила.

Я промолчал и она выкатилась из кухни.

Мария принялась убирать посуду и Вадим потащил меня в свой кабинет. Интеллигентскую нору с книжными стеллажами, огромным глобусом, задумчивыми бронзовыми головами, фотографией Марии, с раздольным письменным столом.

Я крутанул глобус, он пошел со скрипом, как старая карусель; поплыли острова и материки, разноцветные страны и конфетти городов.

- Слушай, а как ваш город называется теперь? - спросил я у Вадима.

- А черт его знает! - ответил он, и впервые в его глазах промелькнуло что-то живое, может быть, злость. - В этом году три раза переименовывали…

- Хорошо!.. - сказал я. - Вы как будто путешествуете, не выходя из дома. Просыпаетесь утром в одном городе, засыпаете в другом… Но вот беда, люди не забывают прежних названий… Городам имена не люди дают. Но, думаю, все-таки изобретут такие таблетки, чтобы память отшибало…

- Как тебе отшибло? - протиснулась в кабинет с раскладушкой Мария.

Вадим испугался ее вопроса и снова отключился.

- Если научиться не пользоваться памятью, то каждое утро можно начинать новую жизнь, - я еще раз крутанул глобус и он завертелся волчком, все материки слились в один. - Память хранит столько всякого говна… Вот твои компьютеры каждый день загружают новую память - и наверняка счастливы - они уже не помнят чем ты их вчера мучил, что городил, нагораживал по своей философии…

- А ты? - спросила Мария.

- У меня одна жизнь, память тоже одна…

- Я спросила: ты счастлив?..

- Наверное, нет, - ответил я. - Вот если бы нашлась зубочистка - тогда другое дело. Что ни съем - все в зубах остается… Это жратва такая или зубы, как ты думаешь?..

- Это жизнь такая! - сказала она со злостью.

- Вот видишь, все ясно: какое счастье с гнилыми зубами?..

Рядом с глобусом на столе лежал паспорт. Я раскрыл его и увидел, как замерли руки Марии, застилающие узкий гостевой матрасик скрипучими от крахмала простынями. Из паспорта смотрела на меня Маша давнишних годов, веселая моя девушка.

- Шпионский паспорт, правда? - спросила Мария.

- Конечно, - сказал я. - Подделка. Фотография-то чужая…

«Хорошо, что она поменяла паспорт, поменяла фамилию, а фотографию оставила старую… Смешно жить в городе с постоянно меняющимся именем, в стране, где нет ничего постоянного, на земле, которая крутится и скрипит, как глобус, - и не менять ничего в себе. Теперь ее паспорт похож на новую сторублевку со старым портретом. Она тщательно застилала узенький матрас, нервно оглядывалась на мужа - он слонялся по комнате с сигаретой, ронял на ковер пепел, покашливал, изо всех сил старался выглядеть равнодушным, но, наверное, и он понимал, что ее руки, ласкающие простыни, ничего не забыли. Руки женщин растут прямо из памяти.

- Вам уютно будет здесь, в кабинете? - спросил он у меня. - Читать удобно, включив настольную лампу…

- Да, - ответил я. - Люблю почитать на ночь…

- Спокойной ночи! - сказала Мария. - Мне завтра рано вставать…

Деревянно шагая она отправилась в спальню, плотно прикрыв за собою дверь.

- По рюмочке? - спросил он, помаявшись. - Может быть, любите выпить для сна?..

- Это идея! - сказал я. - У меня бессоница с детсва. А спритное помогает…

Он почти убежал на кухню, затренькал стеклом.

«Интересно устроился, - подумал я, - еще чуть-чуть и они начнут каяться передо мной… Может, взять у них денег, как будто взаймы?.. Они дадут, много…».

Он вернулся из кухни с графинчиком водки и бутылкой вермута, двумя стаканчиками, тарелочкой на которой прилипли почти прозрачные платинки сала.

- Водку или вина?

Идиотский вопрос любят они задавать. Когда есть водка - пью ее, когда вино - пью вино. Лучше, если есть и то, и другое. Кончается водка, принимаемся за вино…В моей жизни нет выбора; выбор предполагает свободу, а для чего она мне? Я ею отравлен.

- Ну, будем? - спросил он, будто разрешения, и выпил рюмку водки. Я за ним. - Будем!..

Он снова налил и выпил.

- С каждым годом водка все слабее, - заметил он, специалист.

- Дерьмо, не водка, - согласился я.

- И вино не лучше…

- Особенно, когда его мало, - сказал я.

- У нас есть еще! - испугался он.

- Хорошо, - поощрил я его.

Мы выпили еще, и он осоловел, смотрел на меня сквозь очки, как лупоглазая золотая рыбка через стекло аквариума. Он тер пальцами виски, словно пытался что-то вспомнить, но, наверное, мешало обручальное кольцо: кольцо, обруч, проволочная петля, любой металл собирает вокруг себя электронные ржавые споры - они рвут живое, питаются живым.

- Еще по одной? - предложил я.

- Конечно, конечно, - стал разливать он водку, но пить больше не мог, но не мог и отказаться.

Я выпил и сказал:

- Из металла на теле признаю только крест…

- Что? - изумился он, и, забыв, сто больше не может, одним глотком опорожнил рюмку.

- Только крест признаю, - повторил я.

- Конечно, конечно, закусывайте, - стал он двигать ко мне тарелку с салом.

Я мотнул головой, поднялся. Он еще больше округлил глаза.

- В сортир пойду, - успокоил я его, когда начинаешь пить, нужно быть уверенным, что горшок рядом… Водка любит не только дружескую беседу, но и горшок…

- Да, - откликнулся он устало.

- Я устал больше, чем ты, сука, - подумал я, - в десять раз, в две тысячи раз… Что ты можешь знать об усталости, очкастый пупс?..

Мне показалось, что я произнес это вслух, но он никак не отреагировал и я двинулся по коридору. Снизу из-под двери спальной выползла и задрожала желтая полоска света, я наступил на нее, как на змею, подождал пока она не сдохнет. Полоска погасла, наверное, Мария услышала мои шаги, насторожилась. В темноте настораживаться удобнее. Я представил, как напряженно лежит она сейчас в постели, может быть, укрывшись с головой ватным одеялом, с ужасом ожидая какой-нибудь моей выходки. Я поскреб ногтями по двери, кашлянул, чтобы не подумала, что ей показалось - и пошел в сортир. Ручка сливного бачка торчала, как рычаг переключателя скоростей, я потянул ее на себя, и унитаз

зарычал, как мотор. «Вот моя машина, - подумал я, - поехали скорее!..»

Когда я вернулся, Вадим сидел на раскладушке с таким видом, будто именно ему предстояло ворочаться на ней всю ночь, а мне там, в спальной, на его месте…

- Что ты пригорюнился, будто завтра понедельник? - сказал я ему. - Топай спать!..

- Завтра и будет понедельник, - ответил он. - Тяжелый день…

- Вторник будет еще тяжелее, - обрадовал его я, - а среда, так до среды даже не все доживут…

- Зачем же так мрачно? Понятно, что не в кущах живем, но каждую минуту сокрушаться по этому поводу, простите меня, - это просто банальность…

- Наконец-то выпустил когти, наконец! - подумал я. - Видать, терпение лопнуло. Сейчас пойдет спать, а завтра выгонит. Или сначала выгонит, а уж потом закатится Марии под бочок?..

- Что? - переспросил я. - Банальность?..

Наверное, моя интонация ему не понравилась, он строго взглянул на меня, взялся за бутылку.

«Неужели по башке двинет? - удивился я. - А что, философ ведь…»

Вадим наполнил рюмки, выпил, вытер губы рукавом. Браво!

- Не дрочись, мужик! - сказал он. - Нравится тебе в подвалах жить - живи! Нравится купаться в блевотине - ныряй в нее, но что ты свои фурункулы все время выставляешь?.. Это же эксгибиционизм, понимаешь?..

- Нет, не понимаю, - ответил я, - а сам ты пробовал дрочить, профессор? Нет, не мозги, это ты умеешь… Другое… Ты попробуй, самостоятельность развивает. И слог у тебя станет лучше, увереннее… И мысли придут свободные… Но я думаю, ты даже жопу ни разу не почесал, хотя и чесалась. По соображениям этики… И морали. Хоть раз в жизни ты делал не то, что в тебя заложили, а то, что самому хотелось?.. А чего тебе хочется, ты знаешь? По глазам вижу, что знаешь… Тебе Верку трахнуть хочется, а ты философской статейкой бумагу мараешь!..

- Что ты позволяешь себе!..

- Заткнись! Ты любишь представлять себе, как ворвешься в ванную, где она моется, и набросишься на нее прямо в воде… А потом ты будешь просить прощения, униженно требовать. Чтобы она ударила тебя… Точно, ты тайный

мазохист.

- Ты с ума сошел! - мне показалось, что он сейчас загорится, так раскалилась его морда. - Ты…

- И еще тебе хочется, чтобы у твоего институтского начальника сгорела дача, а еще лучше, чтобы сам он разбился на машине.

- Ты!..

- А кроме того, ты боишься открывать консервные банки, потому, что тебе все время хочется полосонуть ножом себе по руке, и чтобы кто-то увидел это и бросился бы бинтовать тебе руку, но ты успел бы лизнуть наждачным своим языком кровоточащую ранку… Ведь правда, что тебе нравится вкус собственной крови?.. Ведь ты уже пробовал?..

Вадим был близок к обмороку.

- Но ты всю жизнь закапываешь свои желания от самого себя, вот поэтому ты никогда задницу себе не почешешь, ты боишься выдать себя хоть одним жестом. Такие, как ты, придумали приличия, этику, эстетику… Это вы себе правила создали, а нас заставляете их соблюдать. Уродам так хочется, чтобы вокруг были только уроды.

- Ты чудовище!.. Ты пьян!..

- Успокойся, я никому не расскажу, - ободрил я его, - ты ведь совершенно безопасен, ты не можешь хоть на что-нибудь решиться. Я удивляюсь, как ты жену чужую сумел к себе под одеяло затащить…

- Ага! - закричал он, почуяв слабину. - Вот в чем дело! Тебя грызет ущемленное самолюбие отвергнутого самца, а ты о мировой скорби, о скитаниях вечных, о неземной духовности… Ты просто ревнуешь. Ну надо же, странник, нигилист, бессребреник!.. Чистое сердце, да?.. Под твоей давно немытой шкурой обыкновенное человеческое мясо, не волчье, даже не собачье!.. И амнезии у тебя никакой нет, только лень. Все ты помнишь, каждую минуту своей бесполезной жизни; и каждую каплю вина - с кем пил, кто расплачивался, в какой норе ночевал; скольким бабам под юбку нырял; и кто кого сукой называл, и кто кому должен - все в тебе притворство, грязное кокетство и лень… Тебе нужна наша жалость, ты подглядываешь за чужими жизнями и завидуешь, завидуешь и ненавидишь!.. Ты из тех, кто тщится быть несчастным за чужой счет. Ты давно понял, что грязный, нечесаный, отверженный приметнее благополучного, вот ты и дерешь свои струпья… Не я, а ты любишь вкус собственной крови! Ты - человек

замочной скважины, ты как один огромный глаз, смотрящий из унитаза… Но ты ошибся, решив, что земля - балаган. Нельзя притвориться шутом, даже напялив шапку с бубенцами. Шуты не бывают равнодушными и завистливыми…

Вадим замолчал, засопел тяжело, выкатил на меня обезумевшие глаза. Просто молодец, философ. Владелец глобуса, хозяин земного шара. Муж.

Я снял с полки первый попавшийся том, раскрыл его. Конечно же, на английском, и без картинок. Все-таки плохо пишут эти англичане, ни одного слова не поймешь.

- Что скажешь? - спросил он почти миролюбиво. Я знал, что пауза его успокоит.

- Ты прав, - сказал я.

Он откашлялся и я понял, что раскладушка на эту ночь для меня спасена.

- Извини, если я излишне резко… Но ты и меня пойми…

«Как быстро остывает их гнев, - подумал я, - наверное, потому, что праведный…»

- И Марию ты должен понять! - увещевал он меня, перейдя на драматический шепот. - Сколько лет она ничего о тебе не слышала, не знала - жив ли ты вообще… Я не домостроевец, - и ты мог бы хоть раз в год открытку присылать… Все-таки расстались вы цивилизованно… Разве я виноват, что она полюбила меня?..

Я стянул с себя рваное трико, рубаху и улегся на раскладушку. Я заслужил ее. Раскладушка проскрипела ста пружинами и провалилась в черноту, понеслась в этой черноте с безумной скоростью - ледяной ветер ударил в лицо, раскладушечный брезент затрепетал под тюфяком, как парус - все-таки жутко летать осенними ночами. Я попытался хоть что-то рассмотреть, но напрасно: пустота, холод и ветер были вокруг - ни огня, ни звезды.

«…вьется по ветру веселый Роджер, люди Флинта гимн моря поют…» - прохрипел я простуженной глоткой, раскладушка остановилась, как вкопанная, я свалился с нее, полетел куда-то вниз и растянулся на полосатом комковатом матрасе.

- Тюфяки здесь таганские, - сказал заскорузлый мужик, - полосатые, как роба зековская…

- Это раньше роба такая была, - заметил фиолетовый.

- Мужики, Тамбов проехали? - спросил я у них.

Они промолчали.

- Сплошное говно вокруг, - добавил я.

- Но бабец у тебя славная, тоскливая!.. - мечтательно сказал заскорузлый. - Сиреневый туман над нами проплывает… Если бы меня такая провожала, я бы сроду никуда не уехал… И слезы у нее по щекам, как в картине… Моя-то блядь только по пьяне плачет…

- Где, где я садился в поезд, ребя?

Мужики захохотали, фиолетовый принялся разливать по стаканам вино.

- Как женщину эту зовут, как?..

- На, вздрогни, да костюмчик свой не закапай.

Я взглянул на себя: старенький, но вполне приличный профессорский костюм - шерстяной, серый, в елочку - был мне велик, но я сразу почувствовал себя приверженцем современных компьютеров.

- Мужики, выпьем за умные машины? - предложил я. - Миллион операций в секунду…

- За умных, так, за умных, - сказал заскорузлый, - не за дураков же пить. Будем!.. А бабу свою ты Марией называл, Машей, значит…

- Костюмчик береги от бормотухи, - повторил заскорузлый. - Нынче шерстяная материя в большой цене… Дорога материя…

- Материя первична! - свесился с полки третий мужик.

- Особенно шерсятная, - поддержал фиолетовый. - В пятьдесят девятом году я пинжак купил, так уже к шестидесятому его моль съела - вкусная вещь!..

- Умели раньше делать! - не отстал от остальных заскорузлый. - Хоть материю, хоть сознание! А теперь дерьмо одно…

За вагонным окном проплыло следующее осеннее дерево на желтой равнине, и еще один грузовик, пытающийся выбраться из раскисшей колеи.

- Какая-то чужая планета, - предположил я.

- Точно! - поддержал заскорузлый. - Я и сам заметил - кругом все не наше… И солнца не видать…

- Едем-едем, а будто на месте стоим, - сказал третий мужик.

- Завтра восемь месяцев будет…

- Что? - спросил я.

- Восемь месяцев, как выехали. Ты что, со счету сбился? - засмеялся фиолетовый. - А не мудрено!.. От этой собачьей жизни паровоз - и тот

заблудился…

- В самом деле, куда катим?

- Не катим, а катимся…

- Это ты зря! Живем неплохо, с голода не умираем, начальство меньше звереть стало… А свободы сколько дали!..

- Вот именно, дали, - сказал я, - а может подали?..

- Ну и что!? - взорвался заскорузлый. - А хоть бы и подали!.. Нас не натыкай носом в эту долбанную свободу, как кошку в говно, мы наступим сапожищем в нее и не заметим, пройдем мимо…

- Нужна она тебе. Делакруа на баррикадах, - заметил третий мужик. - У нее только титьки хорошие, сами в руки просятся…

- Тебе, может, и не нужна… А путным людям - и титьки, и свобода всегда пригодятся, - сказал заскорузлый.

- Разговор у нас какой-то непонятный, - сказал я. - С пятого на десятое…

- Жизнь непонятная, вот и разговор такой, - объяснил фиолетовый. - Но, впрочем, может быть, все наоборот - от непонятных слов - жизнь непонятная… Все-таки вначале было слово…

- С этим не поспоришь, - сказал третий мужик. - Любое дело со слов начинается… Слово - сила неоценимая!.. Возьмем твою Марию, ну, которая тебя на вокзале провожала, - толкнул он меня в бок, - так она обняла тебя, что-то сказала, а у тебя аж слезы из глаз!..

- У меня слезы?.. Померещилось тебе!..

- Ага, померещилось… Ей тоже, наверное, померещилось, поэтому она стала своим платком глаза тебе промокать… Ты, бедняга, сиганул от нее в вагон, даже судака своего забыл… Да ты не придуривайся, что ничего не помнишь, это только счастливые не помнят, а ты не похож на такого…

- Судака? - спросил я.

- Ну, конечно, вон на верхней полке лежит…

Я поднял глаза: с полки свешивался влажный свинцовый судачий хвост.

- Восемь месяцев, говоришь, едем, а судака будто только из реки вытащили…

- Ну и что?.. Сам сказал, что на чужую планету попали… Может, тут не рыба гниет на воздухе, а человек?.. Да и потом, разве здесь воздух?..

Он шумно потянул носом:

- Нет, это не воздух. Вонь одна…

Я встал, подтянулся до верхней полки. Так и есть, выше спинного плавника, почти у самой головы, судачье туловище опоясывал свежий, розовый шрам.

- Вот и я смотрел, - сказал снизу заскорузлый, - голова-то приросла, хотя и вареная…

- Приросла?..

- Точно!..

Я опустился на полосатый железнодорожный матрас, посмотрел на попутчиков: скромные, интеллигентные люди, в глазах мудрое спокойствие, на губах тонкие улыбки, в твердых руках алюминиевые кружки - ни капли рубиновой бодрости не прольется на липкий пластик стола.

- А я вам говорю, что здесь другое измерение, - сказал фиолетовый. - Совершенно другое… Четвертое или пятое. Скорее даже шестое…

- Ага, - сказал я, - или седьмое…

- В седьмом я был, - продолжил фиолетовый, - не похоже здесь на седьмое…

- Конечно, - кивнул я.

- И я о том, - отхлебнул он из кружки. - Все зависит от взгляда… Идешь ты по улице имени Гринберга…

- Гринберг? Кто такой?

- Да, никто. Для примера говорю. Пусть будет проспект Цезаря или переулок Батыя…

- Куда ни сунешься - везде инородцы, - проворчал третий мужик.

- Так вот, идешь по переулку Батыя и знаешь, что в этом доме кабак, а напротив Нюрка веселый дом держит. А чуть дальше правительство думу думает, а в сквере сам железный Батый, а под ним нищие сидят… А на стене манифест… И дождь идет третьи сутки, по грязным лужам троллейбусы ползут… В общем, все известно, и ты делаешь только то, что ожидает от тебя эта улица, что она тебе разрешает. Загорается красным светофор - и ты стоишь, а если нет - улица бросит тебя под колеса… Ты покупаешь бутылку вина и пьешь где-нибудь в подворотне, а рядом уже стоит живая душа - ждет пустую бутылку… Короче, в своем измерении мы делаем только то, что положено нам здесь… Мы не летаем, как мыльные пузыри, не жрем карбид, не размножаемся, как инфузории, делением, хотя народ из сорок второго измерения только так и поступает… Ты расскажи тамошнему люду, чем мы питаемся - они умрут от омерзения, а уж если

узнают о нашем способе размножения - обхохочутся…

- А что, неплохой способ, - мечтательно сказал заскорузлый.

- Не перебивай! - одернул его фиолетовый и продолжил:

- Измерений и пространств не счесть. Просто жуть сколько их. И все они одно в другом, как матрешки. Если обделался в одном измерении - воняет во всех сразу. К чему я это говорю?.. Да к тому, что попасть из одного пространства в другое - пустяк. Никаких машин и приборов не нужно для этого…

- Любишь ты фантастику с вермутом, - сказал заскорузлый.

Фиолетовый не сразу удостоил его ответом:

- Ненавижу всякую ученую болтовню. Все эти гиперпереходы и расширяющиеся вселенные, позитроны и контрацептивы для меня, как красная тряпка для быка. Эти осциллографы и калькуляторы придуманы исключительно для того, чтобы мы все глазели на экраны и стрелки, чтобы ушами хлопали и не сомневались в том, что все устроено именно так, как нам вдалбливают…

- Точно! - поддакнул третий. - У нас всех в башках не мозги нормальные. А кино крутится… Сволочь какая-то вправила нам это кино с рождения - и мы смотрим, смотрим. Смотрим!.. Нам бы по сторонам посмотреть и назад обернуться, а мы в одно место таращимся!

- Конечно! - сказал фиолетовый. - Присматриваться нужно. Я не зря говорил о привычных улицах, привычной жизни. Мы смотрим на эту жизнь в четверть глаза и ничего не замечаем. Стоят дома, идут машины, бегут люди… А, может, все вокруг фальшивое? И люди подменены, и машины чужие? И уже давным-давно мы в другом, враждебном измерении?

- Это хороший разговор, - перебил его я, - но слова - как вино натощак - кружит голову, отбивает аппетит, но голода не утоляет. Вредная практика пить натощак…

- Понял, понял упрек, - замахал руками фиолетовый. - Есть сотни способов перебраться из одного измерения в другое… Здесь у нас можно просто внезапно резко оглянуться назад или наоборот - подпрыгнуть вверх и постараться в деталях рассмотреть то, что происходит сейчас впереди… Или взять любую знакомую вещь и рассматривать ее тщательно, не гнушаясь никакой мелочью, никаким пустяком - каждый штрих, каждую точку. Каждую самую крохотную линию - и ты, вдруг, увидишь, что у тебя в руках не совсем то, к чему ты привык… Глядя на себя в зеркало, скосите вдруг глаза, и вам может открыться неведомое, только

не пугайтесь!.. Или вот хороший способ, многие им пользуются - постарайтесь оба глаза скосить на кончик носа - минуты три-четыре удерживайте зрачки в этом положении - и можешь оказаться совсем в другом мире…

Дверь в купе распахнулась и вошел проводник, протянул мне скомканное рваное трико, рубаху прошедших веков, разбитые кеды и несколько смятых купюр.

- Вот, держи! Скоро станция, а ты без всего остался…

Он изумленно уставился на мой костюм, хмыкнул, обвел разочарованным взглядом батарею пустых бутылок на столике, произнес непонятно:

- Ну, летчики! Голытьба хренова! Смотрите мне!..

- Ты сзади, сзади посмотри, что у тебя! - крикнул ему фиолетовый.

Проводник испуганно дернулся, обернулся и, вдруг, покатилась по полу форменная фуражка, повалился пустой китель, звякнув медной бляхой легли к нашим ногам брюки, а плотные холщевые кальсоны простояли дольше брюк, но и они вскоре беззвучно рухнули на остальную одежду - сам же проводник исчез, растворился в воздухе.

- В шестое, в шестое измерение бросило его! - обрадовался фиолетовый. - Повезло ему, гаду! Там шесть выходных на неделе, а водка дешевле молока…

Я стянул с себя шерстяной поношенный костюм, вполне приличный, более приличный, чем мне полагалось в этом измерении.

- А я боюсь попасть в тринадцатое измерение, - сказал заскорузлый. - Чертова дюжина одни несчастья приносит. Как ты думаешь?

Я надел рваное трико, рубаху, зажал в руке деньги, принесенные исчезнувшим проводником.

- Что ты делаешь? - уставился на меня фиолетовый.

- Я боюсь оказаться в таком измерении, где каждый живет в чужой шкуре, в чужом костюме, - сказал я и скосил глаза к переносице. Стены купе подернула пелена, за окном сгустился мрак, замигала и погасла люминесцентная лампа под потолком - и все исчезло - только темнота, тикающая, как мина замедленного действия, осталась со мной. Я зажмурил глаза: где я? И тут же неподалеку хрипло заорала кукушка: ку-ку… Сколько жить в этом лесу?

Ку-ку, ку-ку, ку-ку… Три раза прокричала дивная птица и захлебнулась. Я открыл глаза: прямо над раскладушкой в пятне заблудившегося света висели часы, притаившись внутри них, напрягала пружинную глотку для следующего

куплета пунктуальная птаха.

- Что ты заткнулась, певунья? - спросил я у нее и поднялся с раскладушки. Кукушка не ответила, и я огляделся. Ламп никаких не светилось, но по корешкам книг, забитых в стеллажи, по зелени недопитых бутылок, по материкам и океанам картонной земли, по сонным фотографическим мордам, развешанным по стенам, бродили разноцветные блики, может быть, отсветы далеких космических битв. В открытую форточку заглядывала крупная зеленая звезда. Звезда жужжала, как электробритва, наверное, к морозам - есть такая народная примета. На подоконнике светилась полированная деревянная указка, увесистая педагогическая дубинка.

- Сучий профессор! - сказал кто-то, может быть, глобус.

- Что? - спросил я.

Никто не ответил.

Я крутанул глобус и жуткая сила сбила меня с ног, швырнула к стене, придавила невыносимой тяжестью. Грудную клетку сдавило так, что я закричал. Но мое хрипенье - «а-а-а-а-ааа…» - не протащилось и метра от меня, плюхнулось на пол лопнувшим воздушным шаром. Воздух со свистом потек в форточку и сразу перехватило дыхание. Что ж, придется жить в безвоздушном пространстве, нам не привыкать. За окном посыпались выстрелы, ухнул взрыв, второй. Я едва поднялся на ноги, все вокруг ходило ходуном, сыпались со стеллажей книги, статуэтки, все профессорские безделушки. Только водочная и винная бутылки стояли, как сфинксы. С неимоверным усилием переставляя чугунные ноги, я двинулся к сумасшедшему глобусу. На его поверхности красными прыщами наливались очаги напряженности, разрастались мерцающие пятна радиоактивных полей, синюшными отеками расползались наводнения. Что-то взрывалось и вспыхивало на раскрашенном картоне. Я уцепился за подоконник, перевел дух. Небо за окном поблекло, и зеленая звезда понеслась вниз. На ее место выкатилось солнце, недолго побалансировало и умчалось на запад, но мгновенно вынырнуло на востоке - промелькнуло и опять закатилось. Ураганный ветер протащил мимо окна громыхающий трамвай, причем, задом наперед: вагоновожатый, покрытый форменной фуражкой, как генерал, неулыбчиво смотрел через стекло трамвая, осуждая мир за нестабильность. Кукушка принялась орать тонко и пронзительно, как на ускоренной грампластинке: ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку… Я досчитал с ней до сотни и сбился. Кому кукуешь, тварь?..

Из-за угла на улице выкатился танк, поводил хоботом орудия по сторонам и ахнул, окутавшись дымом и пылью. Над крышей исторического музея поднялось чадящее масляное пламя, наверное, занялись святыни. Из подворотен высыпали воины, народная армия, и принялись строчить из автоматов, метать гранаты. Врага не было видно, но потери получались обильные, и это вселяло уверенность в справедливость правого дела, обильно политого кровью. Убитых красиво накрывали национальными флагами и отправляли на торжественные похороны под светлые слезы невест. Гремел оркестр.

Совсем низко над крышами проревела реактивная эскадрилья, ударила из пушек, и рухнул музей, рухнуло здание аптеки и похоронило под собой танк, воинов с автоматами, смолк оркестр. Но раскатилось громовое «ура» и улицу заполнили солдаты противника.

Я добрался до глобуса и остановил эту картонную вертушку. Тут же зеленая звезда вернулась на место, но стрелять на улице не перестали, революция, должно быть.

Кукушка прокричала шесть. Я взял бутылку водки и вышел в коридор. Дверь супружеской спальни была закрыта плотно, я толкнул ее рукой, и она пропустила меня. Надсадно сопел на Марии профессор, она тоже легонько постанывала, вцепившись руками в его рассветную спину.

- Доброе утро! - поприветствовал я их, и они, завизжав, принялись закапываться в одеяла.

- Ты что?! Ты с ума?! - закричали они одним голосом, полным оргазма.

- Наверное, ничего так не освежает, как раннее половое сношение, - сказал я. - И рюмка водки к нему… Я как раз принес бутылку…

- Вон! Вон отсюда! Мерзавец! Паразит! - их голоса опять слились. - Убирайся!..

- Не могу понять, какие слова твои, - сказал я Марии. - Это обиднее всего… Вы с ним одно целое… Я ведь тоже люблю тебя, ищу тебя шестьсот шестьдесят пять лет, но разве могу я позволить говорить тебе чужим голосом?.. Зачем жить без своего голоса? - это же бессмысленно… Зачем горбатиться, вытягивать продовольственными сумками руки до колен, если все твои слова - не твои?..

- Ненавижу! Мне кажется, что вся мразь и чернота на земле - от тебя! - сказала Мария.

- А от тебя - свет…

Я поставил бутылку у их кровати - и вышел, плотно прикрыл дверь.

Верка спала в своей, совсем крохотной, спаленке на узенькой жесткой кушеточке, на такой кушетке и снятся все верыпавловнины сны. Она лежала, свернувшись калачиком, как все одинокие, слабые люди. На лице ее было ожидание и надежда, губы чуть-чуть шевелились, может молитва? Бедная, напрасная жизнь…

У изголовья на столике светились два золотых колечка с бирочками. Металл любви… Я взял кольца, сунул их в карман и вышел из комнаты, из квартиры, из дома.

Ледяной утренний ветер тащил запахи пороха и пожара. Суровый патруль протопал кованными сапогами и оценил мою благонадежность тремя парами настороженных глаз. Рваное трико и разбитые кеды ничем не грозили стране.

Не торопясь, я пошел по пустынной улице. Спешка - удел голодных, а я сыт всем по горло. Ударил где-то выстрел, и пуля провизжала у меня над головой.

«Неужели сыт? Неужели, наконец, нажрался, нахлебался, насосался?.. Все?.. День любви кончился?.. Нечего больше искать, незачем болтаться по железным дорогам, незачем заглядывать в глаза прохожим - все найдено, все понято?..

Я вышел на берег вчерашней реки. Рыболов радостно помахал мне рукой:

- Стреляют, а?! Во всех подряд! Снайперы на крыше театра засели, в «очко» режутся… А ставка - сам знаешь, какая ставка, на это всегда играют…

- Клюет?

- Не знаю, еще удочки не разматывал, жду… Тут подводные лодки воду взбаламутили… Вот уляжется эта муть - и все пойдет…

- Не скоро уляжется, - сказал я.

- Наверное, - согласился он. - Но надо ждать.

Я достал из кармана трико золотые колечки, взвесил их на ладони - легонькие, бесполезные ледышки.

- Чего это? - спросил рыболов.

- Кольца обручальные… Хорошей пробы… Дочь замуж собралась, а меня не спросила. Не спросила… Я, может, не против, но все-таки…

Я размахнулся и швырнул кольца в реку. И сейчас же из воды вылетели две свинцовых торпеды - метровые судаки - и колечки с бирочками исчезли в их зубастых пастях.

Рыболов бросился разматывать удочки. Ловись рыбка!

- Эй! - окликнул я его.

Он не услышал, занятый.

- Эй!..

- Что? - наконец, повернулся он.

- Здесь у вас какое измерение?

- Шутник! Такое же, как везде… Метр - сто сантиметров, килограмм - тысяча грамм…

- Ага, понятно, - сказал я. - Ширина, высота, длина… Короче, пространство и время…

- Нет, - перебил меня он, - вот этого, последнего, у нас нет. Времени… Ширина есть, килограммы тоже иногда бывают, а времени нет. Нет… Не слышали о таком, извини…

- Ничего, - успокоил его я. - Просто я нездешний…

Я скосил глаза к носу, все раздвоилось, поплыло: желтая равнина, буксующий грузовик, согнутая фигура в брезентовом плаще, мужик с заскорузлым, как пятка, лицом - все завертелось и понеслось сквозь меня, и я, вдруг, понял: как легко прощаться с любым измерением, как невозможно проститься…

ДНЕВНИК

Утро.

Ни одной ночи без снов. Если все их записать – готова мировая книга кошмаров. То маршируют до рассвета нарумяненные старухи в милицейской форме – целый взвод, то гоняется за мной огромная, как зеленый танк, тоже зеленая, бронированная буква «О», как будто она знает, что я в пьяной студенческой, немного затянувшейся, юности орал где попало «…я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Буква не норовила раздавить, хотя громыхала по пятам многотонной сталью, она как будто устрашала, мне чудился в самом ее овале жуткий оскал…

Но чаще всего притаскивается в сон сосед с двенадцатого этажа – жирный, как боров, вечно поддатый…Сосед и наяву каждый день приходил, признал за друга, притаскивал анашу, которую называл дурью. Я попробовал – никакого эффекта, головная боль, тошнота. Сегодня под утро пожаловал, мне казалось, что я уже и не спал, протянул какой-то чудной предмет, посверкивающий в предрассветной мгле не то медью, не то бронзой. Я отшатнулся, пригляделся – не кинжал ли жалящий? Оказалось - огромный ключ, похожий на причудливую букву «Ф». Опять буква… Может, я провинился перед мстительным русским алфавитом, не угодил ему капризному, ошибался часто и писал вместо «ненавижу» - «люблю»? Или «ча»-«ща» упрямо выводил через «я» и плутал в сложных подчинениях, упрямясь в заблуждениях: «как слышится так и пишется»?

Я для чего-то взял ключ в руку, как топорик – тяжелый, холодный – будет чем защищаться от алфавитного нашествия. Сосед сказал что-то похожее на «сие

тайна великая есть» - и я проснулся.

Рассвет только начинал пробиваться через пожелтевшие, ломкие газеты, давно заменяющие занавески. Я, конечно, купил бы занавески, но газеты мне нравились больше – я читал их часто по утрам, как исторический роман, и чем дольше висели газеты, тем интереснее роман становился. Я даже немного гордился тем, что, скорее всего, он существует в одном экземпляре, вряд ли еще у кого-нибудь на окнах те же самые номера. У меня про улучшающуюся жизнь народа, большие свершения в литературе, успешные, покорившие мир, оперные и балетные постановки, и немного о зарвавшихся нелегальных иммигрантах, а у кого-нибудь – о катастрофах, глобальном потеплении, роботах, которые готовятся поработить человечество.

Я выбрался из-под одеяла, с опаской посмотрел на чугунную, похожую на дредноут времен русско-японской войны, батарею центрального отопления. Интересно, почему его называют «центральным», может оно центр всего нашего мироздания, управляет и жизнью, и смертью, особенно в такие студеные времена? С неделю - другую назад – тоже перед самым рассветом – я увидел огромную, седую от старости, крысу. Она догрызала в полуметре от моего раскладного кресла плотную серую бумажку. Я присмотрелся: это был похвальный лист, врученный мне за успешную учебу во втором классе тридцать четвертой начальной школы города Уральска. С тех пор я не получал больше никаких наград, и эта серенькая, с большой расплывчатой сиреневой печатью, неразборчивой подписью директора, была мне, наверное, дорога. Я не выработал до конца своего отношения к ней, не понимая, чем отличается похвальный лист от грамоты, а та в свою очередь от почетной грамоты, а ведь еще, кажется, на свете были благодарственные письма, фотографии у развернутого знамени части, благодарности с занесением в трудовую книжку… Ничего этого у меня не было, и я очень дорожил своим похвальным листом. Да, точно дорожил. Поэтому я повернулся на бок и с размаху ударил ногой крысу, и взвыл наяву, попав в баратею. Кажется, я сломал большой палец, потому, что с тех пор он болит и болит, и наступать на него почти невозможно. Я туго прибинтовываю его к другим пальцам, как к шине, и тогда можно терпеть. Также стихает боль, если надеть на ногу зимний ботинок, и я по цельным дням и вечерам не снимаю его, а первые дни даже спал в нем, опасаясь, что сон с крысой повторится, и я нанесу себе увечья и на другой ноге. С тех пор,

просыпаясь, я первым делом смотрю на батарею, как на несокрушимую твердыню. Конечно, можно отодвинуть кресло подальше от теплого чугуна, но место у батареи - единственное в комнате, где не очень зябко.

Я не люблю холод, но зима, зная мою к ней ненависть, заковала навек наши пространства, уступая лету жалкие крохи времени. Град в июле я воспринимаю, как трагедию лета, в сентябрьских, еще не ледяных дождях, мне уже мерещится снегопад, утренние октябрьские заморозки не дают мне забыть, что на земле есть Антарктида. Однажды мне пришлось жить в беседке, обшитой черным ломким толем, а на дворе стоял мягкий февраль – мороз в тот год не опускался ниже пятнадцати, и у меня было два ватных одеяла, и электрический обогреватель – толстенная спираль, намотанная на огнеупорный кирпич, но хозяин, сдававший мне это жилье, хотя и воровал электричество, но опасался за пожарную безопасность, ему было бы жалко сгоревшей беседки; он и меня, конечно бы, тогда пожалел, ведь часть платы за жилье я вносил рубкой дров, а, кроме того, выгребал золу из двух хозяйских печей, а также помогал хозяйскому отроку в одолении английского; считалось, что если я студент, то обязан хоть как-то знать английский – я и не отказывался, ведь понимаю же, хоть и не без труда, «to be or not to be». Поэтому еще до полуночи хозяин отключал электричество, а мне ночью снилась Сахара. Тогда я схлопотал двухстороннее воспаление, и отогревался в больнице почти месяц…

Довелось мне как-то в тридцатиградусный мороз с несколькими друзьями провести дня три в степном заброшенном селе. Его жители отступили в панике перед каким-то нашествием, кажется итальянского пруса, побросали незапертые глинобитные дома, оставив в них всякую всячину – сапоги на левую ногу, копилки с деньгами, погубленными еще реформой 1961 года, граммофонные пластинки с голосом Есенина: «Проведите меня к нему, проведите…», целебные травы в мешочках – от всех недугов, кроме одиночества и страха, - только дров не было запасено, да и где их взять в голой, воющей ветрами степи? Нас застигли в этом печальном месте декабрьские вьюги, перегородили непролазными сугробами и снежными завесами все пути и дороги, хорошо еще, что итальянский прус дремал под землей и снегом, и не угрожал мирным путникам, и пришлось нам забиваться в какой-то дом в надежде найти в нем хотя бы остатки былого тепла. Но напрасно. Печи были давно засыпаны песком и снегом, окна выбиты, все, что могло гореть, было сожжено задолго до нас. Во всем мертвом селе мы нашли

пару табуреток, пару стульев, пару еще не снятых дверей, да пару окованных жестью старинных сундуков, набитых книгами. Мы выбрали дом, в потолке которого зияло отверстие дымохода разрушенной печи, и развели костер прямо в доме, рискуя сгореть заживо, но мороз казался тогда страшнее пламени. В первый же день сгорели и табуретки, и стулья, и двери, а потом и сундуки. Мы чуть-чуть отогрелись и даже поверили, что спасение возможно. Ночью холод стал возвращаться, тянуться к нам сосульками с низкого потолка, протягивать ледяным сквозняком, и тогда пришла пора книг. Мы бросали их в огонь без всякого сожаления, смотрели безучастно, как жар сворачивает страницы, и протягивали к ним закоченевшие ладони. Иногда огонь как будто выделял напечатанные слова, делал их выпуклыми, объемными; мы и не думали искать в них пророческий смысл: «…Кто стать звенящими поможет Еще не сказанным словам», «Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза», «Знай, что от сердца – голова есть, И есть топор – от головы». Книги не сгорали полностью, после них оставались головешки, казалось, что это останки поэтов. Книги горели долго, но тепла давали мало, мы стали замерзать все больше и больше, и кто-то сказал:

- Холод от ума…

Книг хватило на всю ночь, наутро мы стали выламывать дверные косяки, оконные рамы, где они еще остались, но и этого топлива хватило ненадолго, тем более, что здесь до нас уже замерзали люди, и вырубили и сожгли все, что могли, и, может, их заиндевелые останки мы еще обнаружим в одном из обледеневших домов? А спустя многие годы найдут и нас рядом с обгорелыми книгами, и непременно осудят: «Члены тайной секты книгоненавистников…».

Вторую ночь мы не надеялись пережить. Собрались в одной крохотной комнатке, притащили все, что казалось нам горючим, даже обтрепанный и потерявший узор и цвет туркменский ковер. Костер сыпал искрами, чадил и должен был умереть еще до полуночи. Мы сидели вокруг него так тесно, как могли, и чем меньше становилось пламя, тем еще теснее делался наш круг.

Был среди нас старик, безымянный и неприкаянный, как все старики. Когда-то он был молод, и никак не мог забыть об этом, рассказывал длинные истории, приключившиеся с ним когда-то, как будто согревался ими. Когда мы обнаружили еще одну еще не сожженную дверь, которая могла продлить нам жизнь еще на полчаса, старик завел новую историю: «Много лет назад потребовалось выкопать

погреб, холодильников тогда не было и продукты хранили под землей… Земля много чего хранит… Было это в Уральске в самом начале пятидесятых годов. Землекопы дружно взялись за дело, их старание было бы вознаграждено не только уговоренной денежной суммой, но и четвертью первача. Работа пошла дружно, специалисты попались отменные, хотя городской грунт был пополам с камнями, битым кирпичом, щебенкой. Город старинный, много в нем чего строилось, а когда строилось, то думалось, что на века. Не все думки, конечно, сбылись, так уж водится, а мусора строительного накопилось за века много. Однако попадались землекопам – чем глубже, тем больше – и всякие занятные вещицы. Например, запечатанный сургучом штоф, в котором плескалась зеленоватая жидкость. Распечатали, понюхали, кажись, водка, но пить не решились. Хозяйка будущего погреба забрала штоф – «пригодится» - а жидкость выплеснула – «отрава она и есть отрава». Денег старинных нашли с пригоршню – все больше медных, чуток было серебряных, а золотые не попались. Тоже хозяйке отдали, а чего на них купишь-то, вот если бы червонцы царские в земле обнаружились! Нашли в земле и саблю, в рукоятке три голубых камешка вделаны, должно быть, бирюза, а по ржавому клинку словесная вязь, но не разобрать чего там – мысль какая выточена или пожелание заветное. Попытались оттереть ржавчину, но клинок сломался – уж больно стар был, и опять же его хозяйка забрала. А еще извлекли из земли на свет Божий кубатки из-под каймака, подковы и страшные цепи, с которыми ржавчина не смогла справиться.

А потом началось непонятное. С одной стороны выкопанного погреба показалась как будто каменная кладка. Расчистили – так и есть, кирпичная стена выложена. Кирпич крепкий, красный, как будто только что из печи. Подивились землекопы, не приходилось видеть, чтобы под землей стена стояла. Стали гадать за какой надобностью она построена. Вспомнили, что поговаривали старые люди, будто в давние времена под Яицким городком, который по нынешнему Уральском называется, понастроено было множество подземных ходов, тайных подземных комнат – не одну версту ходы и лазы эти тянулись. Сооружены они были на случай осады – и не только для внезапного для врага перемещения войска, но и для сохранения ценностей. Ходили слухи, что и злата, и каменьев драгоценных полным-полно в этих подземельях. Яицкие казаки – народ основательный, запасливый, из походов много добра привозили, берегли его.

Разгорелись глаза у землекопов, вот ведь какое дело выходит, может в метре от них клад бессчетный лежит? Опять взялись за лопаты, и тут же показалась в земле дверь – железная, с чугунным кольцом вместо ручки. Взялись за кольцо, но хотя силушки в мужиках много было – дверь не сумели открыть. Потом разглядели: на двери-то прорезь для ключа, да странная какая-то – в форме латинской буквы «Z». Ключа этого, конечно, никто им не припас. Побежали за ломами, ножовками, кувалдами – и колотили, и били, и пилили, но не поддалась старинная дверь. Тогда решили стальным тросом попробовать – один конец его к чугунному кольцу, а другой к заплутавшемуся после войны «Студебеккеру» - машине американской, надежной. Хозяйка погреба сильно возражала, говорила, дескать, пусть эта дверь у нее в подземелье останется, глядишь, и откроется когда-нибудь сама по себе. Но ее уже никто не слушал. Когда богатство идет в руки – не до антимоний!

Зарычал «Студебеккер», натянулся, как струна, стальной плетеный трос. Все затаили дыхание – победит американский прогресс или дедовская старина? Грузовик рыл колесами землю, но не трогался с места, мотор чадил, и слышались в его визге панические нотки. И неизвестно чем бы кончилась затея, но оборвался трос, хлестанул по свежеотрытому погребу, и произошло непредвиденное – погреб обрушился, землей завалило и стену, и дверь… А время было уже к вечеру, решили перенести восстановительные работы на завтра. А завтра был выходной, а послезавтра землекопов пригласили в другое место, а послепослезавтра хозяйка принимала гостей по случаю своего юбилея, а послепослепослезавтра руки не дошли. А потом Сталин помер, расстреляли Берия, наступили новые времена и эскимо, которое стоило рубль десять, стало стоить одиннадцать копеек, и про обвалившийся погреб забыли, он превратился в свалку золы, да и зачем погреба в мире холодильников? Хозяйка всего год отмечалась в очереди за белоснежным «ЗИЛом», и ей домой привезли почти бесшумную холодильную машину. Поэтому со временем стал незаметным даже шрам от погреба, он затянулся, как старый окоп… Так и остались ненайденными несметные сокровища яицких казаков…»

К тому времени, когда старик закончил свою историю, холод сбил нас в один окоченевший, засыпающий, и в то же время скулящий, дрожащий организм, мы тесно сгрудились вокруг потухающего костра, который, в общем-то, не согревал, а наоборот словно показывал, как немощен его огонь против стужи. Костер казался

едва теплящейся звездочкой в бесконечной заснеженной, замороженной вселенной.

- Когда мы замерзнем, до нас доберутся волки…или лисы – через дымоход, - сказал кто-то равнодушно.

- Что им зайцев, что ли, не хватает? – возразил другой. – Зачем им падаль?..

- Зато падаль свежемороженая…

И в это время мы услышали гул мотора; по улице мертвого села шел трактор, а мы за поучительными разговорами чуть его не прозевали. Мы выскочили из дома, крича, махая руками…

В общем, все остались живы, а обмороженные пальцы, щеки и уши не в счет. Но холод я не люблю…

В комнате стало совсем светло, золотое пятнышко солнечного зайчика легло на заголовок «Дорога созидания», другой лучик почему-то побежал по стене, добрался до потолка, хорошо рассмотрел прищурившегося сытого клопа, перебрался на другую стену, преодолел винное пятно, скользнул на табуретку с джинсами, давно не работающим будильником, фотографией в поломанной рамочке. Он не остановился на фотографии, а дополз медленно к предмету, сверкнувшему на солнце не то медью, не то бронзой. Я пригляделся – на джинсах лежал огромный ключ, похожий на букву «Ф». Внутренне похолодев - что еще за фокус? - я осторожно взял тяжелую, прохладную вещицу. Присмотрелся. Так и есть: бородка ключа напоминала латинскую букву «Z». Что ж, может, и в самом деле пришла пора кошмаров наяву? Ну, где нарумяненные старухи, бронированные буквы?..

Я натянул джинсы, нашел куртку и потащился к жирному соседу на его двенадцатый этаж. Мысленно разделил путь на четыре этапа – по три этажа в каждом. Преодолевая первый этап восхождения, я размышлял над вопросом: почему толстяки забираются для жизни в такие высокие дупла, может быть, таким образом они исполняют свою заветную мечту быть подальше от придавившего их земного притяжения? Может, на высоте им, как орлам, легче? Наверное, в душе они - воздушные, легкокрылые существа, и очень страдают от того, что это не сразу становится заметно. Сначала лезут в глаза их отвислые животы, огромные ляжки, сальные щеки, и только потом тонкая душевная организация? Но, вдруг, все гораздо сложнее: в мире есть влиятельная тайная организация ненавистников толстяков, какая-нибудь «АнтиЖир-7» (цифра «7» для красоты) и

она интригами, угрозами и даже похищениями загоняет их на высоту, откуда они не всегда решаются выбираться, опасаясь уже никогда не вернуться в свои поднебесные дома, не преодолеть тех сотен ступенек, которыми остальной мир отгородился от них, отверженных по весовому принципу. Наверное, они не смеют пользоваться лифтами, рассчитанными на астеников, а многие из них, вполне возможно, уже долгие годы заточены в лифтовых кабинах, застрявших и забытых на тридцатых – сороковых этажах, как на высоких широтах. Если бы мы все были милосерднее, то иногда замечали бы, сколько вокруг нас изгнанных, застрявших, отверженных.

Второй этап подъема подарил мне вернисаж. На этих этажах жили любители эротики, которой украсили все стены подъезда. Графику эту я не назвал бы революционной, но зато ей было не занимать непосредственности, ярких чувств, раскрепощенности. Обнаженные тела переплетались, словно старались поглотить друг друга, а, может быть, это и было их подлинной целью? Мне даже послышались хрипение, стоны, причмоки… Неизвестные художники были так верны выбранному жанру, что сумели изобразить соития даже на потолке; на потолке – особенно талантливо. Над головой бились в оргазме те самые нарумяненные старухи с остатками милицейской формы на дряблых, наверное, от служебного рвения, бедрах; их ласкали мальчики с кокаиновыми глазами; за оргией жадно наблюдали морщинистые старики, не вынимая рук из карманов. А в центре этого граффити стояла прелестная девчушка с белокурыми кудрями, огромными зачарованными очами, и грозила пальчиком, должно быть, каждому, кто на нее смотрел. Вторым пальчиком она самозабвенно ласкала себя. Я попытался прикрыть глаза рукой, но пальцы сами собой раздвинулись и зрачок сфокусировался на напряженных сосках девушки, животе «Вот он порнографический реализм, - подумал я, - или все-таки романтизм?..»

Третий этап штурма лестницы проходил под явственный хруст стекла под башмаками. Я догадался, что здесь находят практическое подтверждение идеи, выраженные графически на предыдущем этапе. Очевидно, этому мешают электрические лампочки, освещающие подъезд, и с ними любовники безжалостно расправляются. Какие любовные драмы здесь разворачиваются, какие психологические и философские сюжеты остаются во всех смыслах без освещения, какие удивительные судьбы ждет зачатых на этих ступенях?

Последний этап – кипельно белые, стерильные стены - дался мне нелегко.

На этой высоте, наверное, уже давало о себе знать кислородное голодание, да и сказывалось волнение: что за хреновина с этим ключом, что за фокусы и проникновения в сны? Я думал, переводя дух, перед дверьми квартиры, в которой обитал жирный сосед: «Сны в нас – исковерканное сознанием отражение яви или прорывающиеся обрывки того, чего не должно быть на белом свете, но оно есть?» Не найдя ответа, я нажал на кнопку звонка, который закатился трелью где-то далеко-далеко. Видимо, огромная квартира была у жирного, или двери тройные.

Громыхнули засовы, щелкнули замки, звякнули цепочки, и девичий голосок спросил:

- Кто?

Я ответил:

- Я!

То ли меня, в самом деле, опознали, но откуда? – я звонил в эту дверь впервые, то ли голосок обознался, но одна за одной стали открываться двери – их и на самом деле оказалось три – и в проеме двери появилось знакомое существо – девчушка с белокурыми кудрями и зачарованными очами.

- Ты кто? – спросила она. – Связист?..

- Нет…

- Жалко, а то телефон неделю назад заткнулся, никакой связи нет…

- Мне бы узнать…

- Так ты маляр? Наконец-то… Эту пакость на шестом этаже забелить надо… Я вот встречу этого Рафаэля – глаза ему выцарапаю…

- Санти? Рафаэль? – спросил я для чего-то.

- Не, Рафаэль Загидуллин из пятого дома. Ты видел, как он меня накорябал?..

- Сходство большое…

- Вот именно, что большое. Теперь прохода не дают, спрашивают: участвовала ли я в такой оргии?

- Участвовала? – против воли повернулся язык.

- Любопытный какой маляр! – захохотала она.

- Не маляр я, сосед. Мне, наверное, брата твоего нужно…

- Жиртреста?

- Кажется, его Дмитрием зовут.

- Ну, я и говорю – Жиртрест. Жирбургер. Его нет. Недели две назад уехал. Сказал, что в Уральск… Недавно и письмо прислал, не в самом он городе, а в каком-то поселке…название странное…

- Зачем? – ошарашенно спросил я.

- А фиг его знает!.. Может, клад искать?..

- Он что, кладоискатель?

- Он – придурок! – сказала она гневно. – Верит всякой чепухе… Как-то чердачные люди рассказали ему…

- Чердачные…кто?

- Люди чердачные… Ты что, никогда о них не слышал?..

Я мотнул головой – нет, не доводилось.

Она пожала плечами, дескать, бывают случаи и еще более запущенные, и принялась терпеливо объяснять. С ее слов выходило, что город, а, может быть, и весь мир населен многими народами, о которых никто ничего толком не знает. Некоторые из этих цивилизаций весьма древние, другие только развиваются, а живут они часто в полуметре от нас, но мы даже и не подозреваем об их существовании. Скажем, на крышах обитает народ крыш, эти свободолюбивые люди начали заселять черепично-жестяные пространства еще во времена Анны Иоанновны, спасаясь от страшного «государева слова и дела»; однако, не только смерти они опасались – чужд им был суконно-казарменный порядок послепетровской Руси. Люди крыш незаметны и всегда трезвы, и необыкновенно осторожны – жизнь всегда висит над пропастью, оступись - и внизу долго будут гадать: из какого самолета выпал человек без паспорта или очередного зомби послало одно из обширных кладбищ? Обитатели крыш склонны к философии, у них развита литература, особенно поэзия – до луны-то рукой подать. Они живут на чердаках, в лифтовых помещениях, заброшенных трубах и дымоходах, многие из них ночуют под открытым небом, не боясь ни снега, ни дождей, ни жары. На крышах много помещений, не заметных с земли; не заметен с земли и народ крыш. Дружественная им нация – чердачные люди. Они очень похожи – эти народы, но люди чердаков почти никогда не поднимаются на крыши; этого не одобряет их наука, утверждающая, что каждый живущий под открытым небом находится под колпаком спецслужб, развесивших повсюду свои спутники, космические станции и телескопы. Спецслужбы на каждого заводят досье, в котором отмечают все сильные и слабые стороны людей крыш, чтобы потом

использовать их в своих секретных целях, и может прийти время, когда сюда пожалуют незваные гости, и это может означать конец цивилизации крыш. Но люди, не боящиеся высоты, только усмехались: никому не дано отнять свободу у гордого, высокого народа, умеющего не только растворяться на поднебесных просторах, но и поднявшего на эту высоту науку. Они давно изобрели способ перемещения не только в пространстве, но и времени. Правда, оказалось, что перемещения на длительный срок невозможны, но и путешествия на минуту в будущее или прошлое позволяют им, при желании, быть всегда на минуту впереди противника…

Самый древний народ – люди помоек и свалок; почтенно и племя подвальных людей. Иногда показывается нам старинный род подворотен, отчаянные сыны империи канализаций, но есть и такие, о которых даже на крыше неизвестно почти ничего. Доходят только смутные слухи о людях пустырей, обитателях болот, таинственных существах, живущих в трансформаторных будках и умеющих будто бы передвигаться с устрашающей скоростью по линиям высоковольтных передач, и даже о ночном народе, который появляется только после полуночи, и никому неизвестно, где он живет днем, да и живет ли он днем вообще. А еще доходят глухие слухи о жестоком царстве подземелий, будто бы под нашими городами существуют тысячи километров подземных ходов, и там, в кромешной темноте развивается цивилизация Черных людей…

- Человек – гений мимикрии, тем более, что история цивилизации это… история того, как одни люди прятались от других, - сказала девчушка с белокурыми кудрями. – Типа, «кто не спрятался – я не виноват, получай палицей по башке!»

- Ну и что чердачные люди сказали Жир…Дмитрию? – спросил я.

- Наплели что-то о необыкновенном кладе, который находится в подземном хранилище в Уральске… Даже дали ему клочок какой-то пожелтевшей бумаги – не то карта, не то план…

- А что ж они сами не ищут клад, если у них карта есть?..

- Они ведь не живут на земле, а тут вообще куда-то под землю лезть надо… Да и от карты кусок оторван… Да и не верят чердачные жители в клады…

- А можно мне встретиться с кем-нибудь из них? – спросил я.

- Не знаю…Но я могу узнать… Дня через два, ага?

- Ага…

Среда

У соседа за стеной водились мыши, одна или две семьи, но многочисленные. Ко мне они почти не заглядывали, поживиться было нечем, но одна мышка повадилась, может, ей приглянулась моя одинокая жизнь и надоела своя собственная коллективная – среди мышиных золовок, зятьев, кумов и сватов. Она приходила почти каждый вечер, бесстрашно забиралась на диван, а с него на стол – и смотрела на меня внимательными черными бусинками, не скрывала зависти – как же хорошо, что я живу без людского окружения! Привыкшая к жизни с многочисленной родней, она мечтала об одиночестве - сосредоточенности, самопознании, углублении в себя, которые плохо даются при жизни ноздрю в ноздрю, дыхание в дыхание. Я разговаривал с ней.

- Привет! – здоровалась она.

- Что нового? – спрашивал я.

- Рыжий кот Васька помер… Какой котище был!.. Достойный враг. Сколько горя через него мышиная диаспора приняла, но сейчас без него как-то пусто сделалось. В такие моменты начинаешь понимать, что жизнь без врагов также пуста, как и без друзей…

- Лишь бы она не была вообще пустой, - говорил я, и она грустно соглашалась. Вообще, она была прилично образована, как можно быть образованным, не покидая стен дома; она рассказывала, что у хозяина сороковой квартиры на десятом этаже хорошая библиотека, и в молодости она часто наведывалась к книгам, и в отличие от многочисленных своих родственников, ценящих в книгах только крахмал и клей, она прежде, чем полакомиться, пробегала страницу за страницей, если шрифт не был особенно крупным. Так она одолела и Майн Рида, и Карла Маркса, и Велимира Хлебникова, и Карла Каутского, и даже книжку под названием «Остров» какого-то Виктора Иванова… Она так полюбила чтение, что когда хозяин сороковой квартиры встал на защиту наполовину съеденной библиотеки и завел двух свирепых и огромных, как бегемоты, котов, она, рискуя жизнью, продолжала пробираться к книгам – все читала, читала и читала, и даже когда на ее глазах был пойман и зверски замучен ее двоюродный дядя, она не отказалась от чтения, только решила сменить библиотеку. Она долго искала подходящее собрание – и в квартирах, и в

подпольях, где часто ей приходилось натыкаться на старинные сундуки с забытыми книгами. Однажды в своих путешествиях она наткнулась на темный и сырой лаз – наклонный колодец с кирпичными сводами, который вел куда-то в черную глубину. Лаз был впору и человеку, но кто бы решился опуститься в душную и беспросветную неизвестность? Местами в стенах лаза устроены были ниши, а в их каменные стены вделаны чугунные кольца, и мнилось, что некогда к ним кого-то привязывали, и жутко становилось даже предположить, что кто-то мог томиться в этой подземной сырой мгле. Преодолевая ужас, она принялась исследовать лаз; в первый же день добралась до некоего подобия подземной залы, заваленной рухлядью – истлевшей одеждою, разбитой мебелью,ржавым оружием, рассыпавшимся от одного прикосновения к нему, грязным битым стеклом, глиняными кувшинами. Из залы шло в разные стороны три лаза, но она не решилась двинуться хотя бы по одному из них. Так сумрачно, так страшно было в них!

Несколько дней после этого она не покидала дома, после сумрака подземелья многочисленное шумное семейство казалось роднее и милее. Она даже подумала, что никогда больше не решится спуститься в поземную залу, да и что там можно найти, кроме мертвечины, тлена, леденящего душу ужаса? Но прошла неделя, и она снова оказалась в лазе. Знакомой дорогой добралась до залы, и сразу юркнула в один из трех лазов, ведущих из залы. Лаз привел в другую залу, совершенно пустую, гулкую, показавшуюся ей огромной. Из этой залы в разные стороны расходилось четыре лаза. Чуточку посомневавшись, она двинулась по одному из них, почему-то думая, что он приведет в новое помещение. Так и получилось. Мышка попала в совершенно круглую залу. Трудно было охватить взглядом эту пропадающую в черноте комнату, похожую на арену. Даже мышиного ночного зрения не хватало, чтобы охватить все пространство подземелья. «Для чего и кем все это выкопано и устроено? – думала она. – Ведь ничего не бывает просто так. Ничего не бывает случайно… Кто от кого прятался, кто кого искал?»

По всему периметру огромной залы виднелись новые лазы, она насчитала их двенадцать. «Что же это, что?» - спрашивала она себя, но ответа не было, да и откуда ему взяться, и тогда она выбрала ближайший лаз и двинулась по нему. С потолка время от времени сыпалась влажная земля, со всех сторон доносились какие-то шорохи, казалось, что вот сейчас рухнет невысокий свод, и никогда уже

не вернуться ей в свое родное - теплое и сухое - подполье. Мысль эта повергла ее в панику: она и без всякого обвала может не найти обратной дороги, ведь она не позаботилась о том, чтобы хоть как-то помечать лазы, через которые она пробиралась! Мышь в ужасе бросилась назад. Но страх – плохой помощник в деле спасения. Она вылетела в огромную залу с двенадцатью лазами и закружилась по ней, пытаясь определить необходимый ей проход. Они все были одинаковыми – черными, страшными, холодными. «Только бы не сойти с ума!» - твердила она, мечась по сумрачной зале, но чувствовала – еще немного и разум откажет ей. Тогда она решила поочередно побывать во всех проходах – по часовой стрелке, хотя понимала, что сил на это может не хватить. На стене первого лаза она накорябала крестик, и пустилась в путь. И даже не удивилась, когда попала еще в одну круглую залу с двенадцатью ходами, ведущими во все стороны. Ей, вдруг, пришло в голову, что это чудовищное по своей запутанности подземное сооружение не что иное, как чья-то игрушка, забава – подземный лабиринт, по которому катаются живые шарики, попавшие сюда кому-то на потеху.

Она вернулась в первую круглую залу, пометила крестиком следующий лаз, и отправилась по нему. И тут же в одной из ниш наткнулась на прикованный к стене скелет с остатками кожаной одежды. Первой ее мыслью было скорее бежать из этого устрашающего места, но она заметила лежавшую рядом со скелетом старинную книгу, которую, видимо, узник держал в руках до самой своей печальной кончины, и тут же поняла, что фолиант этот вполне может послужить источником продовольствия, если поиски выхода на поверхность затянутся. Она знала, что в давние времена в изготовлении книг использовали только экологически чистые материалы, не подрывающие мышиное здоровье. Нужно было преодолеть естественный страх перед ужасным узником, и подкрепиться, но она была уверена, что голод могущественнее страха, и не ошиблась. И десяти минут ей хватило, чтобы освоиться и добраться до вкуснейшего переплета.

- По привычке я стала пробегать глазами написанное, - рассказывала мне мышка. – И нужно сказать, что странное содержание было в этой книге. Нелегко было разбирать вязь старинного письма, но смысл изложенного витиеватыми выражениями понять было можно… В книге описывалось какое-то чудо, даже «чудо из чудес», тайна мироздания, «секрет, на котором сущее держится», «сокровище мира»… И находится это чудо на берегах Урала… В старинном городке, где из века в век бунтовали, уходили на поиски Беловодского царства…

Ключ от этого чуда найти невозможно, он однажды появится как бы сам по себе. Материализуется в тот момент, когда мир будет способен принять это сокровище…

- Вот отсюда немного подробнее, - попросил я мышку, и меня охватило непонятное волнение… Я достал странный ключ, появившийся у меня недавно, похожий на букву «Ф» с бородкой, напоминающей латинскую букву «Z», и мышка узнала этот странный ключ.

- Написано было в книге, что формой напоминает ключ этот благородную букву «ферт», или на «глаголице суть «фита», - сказала мышка. – Как сложно по-русски выражаться… Там и рисунок был с этим ключом, точно с этим…

- А как городок то старинный называется, где клад-то этот зарыт? – спросил я у нее.

- Прежде по-разному назывался он, а пока Уральском именуется…где-то в нем и схоронено сокровище…

- А точнее? – спросил я, но уже горела во мне догадка, и не выходил из головы давнишний рассказ безымянного и неприкаянного старика про выкопанный и обрушившийся погреб с таинственной стеной и стальной дверью.

- А точнее не помню, в книге все так мутно и запутано…

- А книга-то где? – стал горячиться я.

- Две недели плутала я в подземных лабиринтах, и чтобы не умереть с голоду, все время наведывалась к прикованному скелету, к его фолианту. В итоге…

- Понятно, - огорченно сказал я. – Документ эпохи сожран…

Она обиделась:

- Я только боролась за свою жизнь, в принципе ничего против книг не имею, даже наоборот. Если бы я не выжила в том страшном лабиринте, то кто бы тебе поведал об этом?..

- Извини, погорячился, - сказал я. - Уральск не такой большой город, найти то место будет несложно… В конце-концов существуют современные приборы всякие…электронные…

- Думаешь, что все-таки нужно искать?.. – спросила мышка, и в ее голосе мне почудилась если не издевка, то уж самое малое - насмешка.

- Уверен, что надо! – сказал я. – Хоть раз в жизни необходимо поискать клад, или закопать свой – пусть потомки ищут!

Я подарил мышке Монтеня и Ларошфуко, хорошо проклеенные, питательные книги; она тут же вычитала, что «…иногда ложь так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу».

- К чему это? – спросил я у нее.

- Откуда я знаю, - сказала хитрая грызунья.

В конце нашей беседы она озадачила меня.

- Некоторые из подземных зал были обитаемыми, - сказала она. – Это совершенно точно. Обитателей этих черных подземелий я не видела, но слышала гул голосов, натыкалась на непотушенные окурки… И еще: я нашла-таки книги, огромные сундуки старинных книг, но вряд ли решусь пойти в эти жуткие глубины хоть еще раз…

Лето

Дожди шли всю жизнь, и утром и в обед, и в день рождения от них спаса не было, а с начала мая принялись греметь грозы – страшные, беспрерывные, почти без дождей. Когтистые молнии обжигали деревья, целились в железные крыши и трубы; люди еще больше стали бояться выходить на улицы, только иногда в зеленом мерцании молний можно было заметить одинокие фигуры смельчаков, короткими перебежками добирающихся до водочных магазинов. Электрическое светопреставление не закончилось к июню, в июле только усилилось, и ученые задумались над созданием индивидуальных молниезащитных скафандров. И где-то на островах уже прошли первые дефиле, на подиуме был представлен широкий спектр моделей – от электробикини, до громоотводящих фетровых валенок.

В один из дней, когда плотность молний в окружающей атмосфере достигла семидесяти трех процентов, и к электроударам добавился ливень, а потом и жестокий бронебойный град, в дверь ко мне забарабанили. С силой, перекрывающий атмосферный грохот.

- Кто там? – закричал я.

- Я! – отозвался девичий голосок. – И он!..

Я открыл дверь, и в комнату вошла девчушка с белокурыми кудрями и зачарованными очами – сестра Жиртреста, которого называли и по-другому – Дмитрием. Вслед за ней в квартиру вдвинулся небольшой человек, закутанный в

огромную мокрую бороду и выцветший от времени брезентовый плащ. В руках его был крючковатый посох, через плечо перекинута холщовая обтрепанная сума – дервиш, скиталец, бессребреник... Дивно выглядел пришедший, но почему-то хотелось смотреть не на него, а на девчушку, промокшая насквозь беленькая кофточка которой, не скрывала ее груди с темными горошинками сосков.

- Я привела его, знакомьтесь! - сказала девчушка таким тоном, как будто привела кентавра, а не старика, побитого градом.

- Гурий, - сказал старик, и добавил:

- Иванович… Гурий Иванович, а что?..

- Нет, ничего, - ответил я.

- Конечно, ничего, - добавила девчушка, - меня вот тоже зовут Ириной… Ириной Николаевной – и ничего, терплю…

Гурий Иванович улыбнулся в мокрую бороду, занятная была эта Ирина Николаевна.

- Вы хотели встретиться со мной, - сказал дервиш. – Я решил, что мне проще найти вас, чем вам меня…

- Да, да, конечно, - вспоминал я под уханье грозы за окном. И вспомнил.

- Вы оттуда, с крыш? – спросил я.

- Не совсем, - ответил он. – Мы живем на чердаках…

- Извините, само собой, понятно, - сказал я, хотя было не совсем понятно. Но вдруг мне пришло в голову, что и не хочу всего понимать, да и не могу, слава Богу! И другим это ни к чему.

- Наверное, шумно сейчас у вас? – спросил я. – Жесть на крышах громыхает, гром гремит…

- У нас сейчас очень спокойно, - возразил он. – В такие непогодные времена мы как будто передышку получаем от житейских треволнений, любопытных глаз, вездесущих шпионов… Не каждый в такую канонаду решится подниматься наверх…

- За вами шпионят?.. Кто? Военные, госбезопасность?..

- Если бы знать точно, кто?.. Государственные сексоты о нас только догадываются, но вообще они всегда лезут со своими перископами туда, где им непонятно. Но это не они… Желающих влезть с ушами в чужую жизнь всегда сколько угодно, кстати, это не до конца объясненный феномен: почему чужое так манит, так обжигает?.. Наши философы уже много десятилетий бьются над этой

проблемой, обещают скоро решить. В чердачном обществе особенно актуально не высовываться лишний раз, быть незаметным и осторожным, - мы не любим, когда чужаки суют нос в наши дела…

- Вы имеете в виду меня? – спросил я.

- Нет, что вы!.. Мы сами искали вас, мы ждали вас…

- Ждали?..

Он полез в сумку, достал какой-то свиток, такие не раз попадались мне на глаза в псевдоиндийских лавках:

- Наши старинные предания говорят, что, - и он начал читать: «В месяц гроз придет тот, кому откроется великая тайна бытия. Это будет Человек Ключа, и Ключ выберет его! И он спустится на Девятый круг, откроет Путь Надежды, и вернется невредимым, и проведет его через круги Страха и Печали та, перед которой открываются теснины гор и подземелий, имя ее – олицетворение мира и покоя. Огненный шлейф придет им на помощь, а потом направит по нужному пути Волшебное Око, и, в конце концов, Тайна перестанет быть Тайной…»

- Ты – Человек Ключа! – возвестил дервиш и показал на меня крючковатым пальцем. – Тебе открылся древний знак, а на дворе – гроза…

- Так зачем же вы послали Жиртреста…Дмитрия? – вспомнил и строго спросил я. - У вас что, любой подвернувшийся – Человек Ключа, да?.. Что за делишки собираетесь с моей помощью провернуть?.. Хотите, чтобы я клад вам какой-то выкопал, да? Чужими руками, так сказать, жар заграбастать, да?

Гурий Иванович опустил руку, улыбнулся в спутанную кошму бороды, пояснил терпеливо:

- Брат ее – только предвестник… По преданию он должен появиться незадолго до того, когда придет Человек, которому явится Ключ, и предвестнику суждено пройти только часть пути, а всю дорогу удастся преодолеть только ему, победившему мрак… Так что, Дмитрий - первый, кто отважился на эти поиски…

- Постойте, постойте, а почему я? – перебил я его. – И для чего вам это надо? Разбогатеть хотите?

Дервиш пожал плечами и потупился: дескать, сие ему не ведомо.

- И потом, чего искать-то? Золото, драгоценные камни, может, «Мерседес» там новенький закопан?..

- Там высшее знание…

Высшее знание интересовало меня не в первую очередь:

- Только-то и всего?..

Дервиш полыхнул взглядом, вот кому выпадает сокровенное, но сказал негромко:

- Богатство там огромное…

- Ну, если богатство…, - колебался я, - и если в купейном вагоне поедем, и если портвейна вволю…

На самом деле, в тот самый миг, когда из предрассветных снов или бреда вывалился этот дивный ключ, я понял: предстоит нескучное приключение, и я за ним отправлюсь хоть в купейном, хоть в плацкартном, хоть пешком.

- Между прочим, - подала голос сестра Жирбургера, - вы тут сейчас про олицетворение мира и покоя что-то говорили… Так вот, Ирина – древнегреческое имя, обозначающее именно мир и покой… И если что, я готова к этому…к тому… провести через страхи и печали… Чего тут киснуть под дождем, может, там, куда поедем, хоть иногда солнце всходит?..

- Ты знаешь, куда ехать?..

- В Уральск, это всем уже, наверное, понятно…

- Но сначала нужно открыть Путь Надежды, - подал голос Гурий Иванович. – Скорее всего, это карта какая-то, за которой надо спуститься на девятый круг…

- Ну, наворотили! – сказала Ирина Николаевна. – Как в тупых сериалах… Пожалуй, я не все-таки не очень хочу нарезать эти самые круги…Хотя все равно никому не известно, где они находятся…

- Очень даже известно, - прозвенел со стола тонюсенький голосок. Там на открытом томе уважаемого Сергея Тимофеевича Аксакова, как раз на строчках «Стихия рыбы – вода; назначение – плавать в ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушенным хвостом. Для погружения себя в воду и стояния на всех ее глубинах имеет она во внутренности своей пузырь, лежащий вдоль спинного хребта…» сидела моя старая знакомая – мышь.

- Да, известно! - повторила она, - Именно там и нашла я старинную книгу… В тех подземельях, уверена, и карта хранится… Этот самый «Путь Надежды»…

Она замолчала, должно быть, наслаждаясь изумленной тишиной, которая повисла в комнате после ее вступления в беседу.

- Это что, мышь говорящая? – наконец, нарушила молчание девчушка Ирина Николаевна.

- В первый раз вижу подобное, - сказал Гурий Иванович, - если это не

галлюцинация… Примем этот чудесный знак, как указание на то, что мы вступаем на верный путь…

- И еще, - пропищала мышь, - меня зовут Мирра… Не думайте, что это сокращение от «мировая революция»… Имя старинное, образовано от миртовой ветви… А ветвь эта была символом мира… Так что, мне вести вас в подземелье… Не знаю, для чего мне это нужно, но сделаю это для вас…, да и себя тоже… Все-таки, мы – мыши – авантюристы.

Дервиш Гурий Иванович задумался, то ли сомнения его одолели, то ли вспоминал указания из древних книг – есть ли там чего-нибудь о говорящей мыши. Колебалась и девчушка. Я полез под кровать, где хранился у меня заветный рыбацкий рюкзак, а в нем все самые ценные вещи: складное удилище, спиннинговая катушка, топорик, крючки, блесны, электрический фонарик, спички, блокнот в непромокаемом конверте, в который я собирался заносить умные мысли и выражения, приходящие в голову на рыбалке (записал уже двадцать три мысли), нож из нержавеющей стали, алюминиевая кружка, банки с тушенкой еще из запасов военного времени - и много чего другого.

Избранные мысли и выражения (из блокнота, десять штук)

Прогноз породы

Изумроды

Предатель всего

Пей козленочек, все равно козлом станешь

Крыша Мирры

Живьем один раз

Противосглаз

Гадливая корова

Поэта можешь ты не бить

Не руби сук, на которых сидишь

- Так, отправляемся? – спросил я.

- Конечно! – сказала Мирра, и ее дружно поддержали.

- Сегодня в полночь! – установила время отправления боевая мышь. – У всех

должны быть фонарики, спички… Спичек как можно больше…

- А почему именно в полночь? – решился спросить у нее я.

- Как! Ты не знаешь! – ужаснулась она. – В этот миг кончается старый день, начинается новый, это перелом, это точка старта, это чистый лист… Даже донос принято начинать на чистом листе, а уж тем более поиски тайн бытия…

- Понятно! – сказал я, хотя думал, что, выспавшись, искать сокровища легче и приятнее. Но с другой стороны: тому, кто не спит, кошмары не снятся… Ни нарумяненные старухи, не бронированные буквы.

- Тебе хотя бы шестнадцать исполнилось? – спросил я у Ирины Николаевны.

- Мне скоро будет девятнадцать, - ответила она. – А что, на поиски сокровищ существует возрастной ценз?..

Середина года

Ровно в двенадцать ночи дождь стих. Но молнии щедро расплескивали небесный огонь. Мирра строго оглядела собравшуюся компанию, с явным неодобрением отнеслась к коротенькой обтягивающей маечке Ирины Николаевны:

- На пикник собралась? – спросила она у девчушки.

- У меня еще куртка есть, - ответила та с вызовом. Экспедиция обещала быть нескучной

- Если ни у кого нет возражений, то я займу место в кармане твоей рубашки, - сказала Мирра и легко по моей руке пробралась в нагрудный карман. Вообще-то я всю жизнь панически боялся мышей, но Мирра не вызвала во мне страха; теплый комочек на груди, вдруг, вызволил откуда-то из глубины, казалось, засохшей давно души какое-то непонятное чувство – острое, обжигающее, такое, что захотелось заплакать.

- Вперед! – скомандовала Мирра, и мы дружно вышли под яростную грозу и зашагали к заброшенной водокачке; каждому известно, что именно в полуразрушенных, одичалых зданиях – водокачках, мельницах, лабазах – скрыты входы в тайные комнаты, катакомбы, подземелья. Вообще, в мире существуют строения заведомо временные; если в замке можно жить и спустя пятнадцать веков после его постройки, то кому нужной становится водокачка после изобретения мощных насосов? А какова судьба кочегарок после того, как в них

навсегда тушат огонь? В кочегарках стараются почему-то устраивать спортзалы, какие-то детские игровые площадки, но там навсегда поселяется запах золы, и сгоревшая тоска; в них всегда скучно и печально. Кажется даже, что сама временность этих грустных сооружений должна таить в себе некую трагедию.

Мирра высунула свою мордочку из кармана и закричала:

- Нам не сюда, не сюда, а в парк культуры и отдыха!

«Конечно же, - подумал я, - где еще и начинаться приключениям, как не среди потешных аттракционов?»

На устрашающих размеров железных воротах парка висел циклопический ржавый замок; должно быть в последний раз ворота выдержали штурм в 1812 году, а с тех пор их больше и не открывали. В 1917 году матросы штурмовали винные лавки; в парке их не было.

- Ну вот, как же мы попадем внутрь? – спросила Ирина Николаевна.

- Очень просто, потому, что вокруг этих ворот никакого забора нет. Это как триумфальная арка, которая ставится для славы, а не для сторожевого дела, - сказал дервиш Гурий Иванович.

Действительно, присмотрелись, ворота легко можно было обойти. Обошли и углубились в черную аллею, освещаемую только всполохами бесконечных молний.

- Конечно же, в подземелье можно проникнуть из подвала нашего дома, - пропищала мне на ухо Мирра, - но там проход теснее, чем здесь, да и идти там неудобно. Кроме того, тут как-то торжественнее получается – с громом, воротами, поездом…

- Каким поездом? – спросил я, но тут же увидел этот поезд, стоящий у перрона фанерного, весело разрисованного, вокзальчика – десяток темно-зеленых вагончиков, прицепленных к какому-то потешному паровозу с трубой, похоже, снятой столетие назад с колесного парохода на Миссисипи. Мне показалось, что я даже рассмотрел на трубе накорябанные перочинным ножиком слова «Том + Ребекка», и удивился: почему написано по-русски?

В вагонах не светилось ни одного оконца, никто, очевидно, не предполагал, что найдутся охотники покататься на детской железной дороге в полночь. Да еще в такую грозу.

- Сейчас! – сказала Мирра. – Опусти меня на землю, я пойду договариваться…

И она шмыгнула в темноту вокзала. Минуты две – три мы ждали ее под начинавшимся опять дождем.

- Мы что, в этом поезде поедем? – спросила любопытная Ирина Николаевна. – Так я на нем каталась, он за десять минут делает круг и возвращается сюда же. На нем никуда уехать нельзя…

Но тут электрическим светом ярко вспыхнули окна вокзала, в сияющем подъезде появилась Мирра.

- Договорилась! – сказала она торжественно. – За три банки тушенки. Но у них условие: банки должны быть открыты… Они открывать не умеют…

- С кем ты договорилась, кто эти полуночники? – спросил Гурий Иванович.

И тут рядом с Миррой в проеме двери возникла огромная крыса, за ней другая, третья… Крысы были серые, как жизнь, хвостатые, как китайские змеи, а глаза их горели неугасимым голодным огнем.

- Чтоб банки открытые были! – сказали они в голос. – Иначе не сладится дело!..

Мышка подбежала ко мне:

- Мне они тоже не по душе, но в этот час они самые лучшие железнодорожники во всем парке. Не жалей консервы!..

Я достал из бездонного рюкзака три банки и в минуту открыл их своим рыбацким ножом. Протянул крысам:

- Приятного аппетита!

Крысы облизнулись и сказали, опять в голос:

- Занимайте места в вагонах, только не толпитесь в тамбурах…

Тут же засветились окна вагонов, открылись двери, металлический голос прогремел над перроном:

- Провожающих просим покинуть вагоны, поезд отправляется, будьте осторожны!

Паровоз зашипел, окутался паром, тонко свистнул и состав мягко тронулся, покатил по рельсам, набирая скорость.

Внутри вагонов оказалось довольно просторно, мы разместились все в одном купе.

- А чай тут будут разносить? – спросил негромко Гурий Иванович. – Тридцать лет, признаюсь, не ездил в поездах, но с детства мне полюбилась эта церемония вагонного чаепития, когда одновременно к ней приступают все пассажиры, и

проводник разносит чай в сверкающих подстаканниках сразу по десять – двенадцать стаканов, - и таким, казалось мне, покоем и миром наполнены были эти минуты…

- Какой чай? – перебила его Ирина Николаевна. – Ехать-то всего десять минут, сейчас уже вылезать будем!..

- Жалко, что так быстро, - сказал дервиш. – Здесь пахнет апельсинами и вафельным тортом…

За окнами поезда продолжали полыхать молнии, колеса вагонов стучали на стыках все чаще и чаще, как бессонные сердца, и почему-то казалось, что не десять минут займет эта поездка.

- Мчится-то как! – сказала Мирра.

- Железные дороги опутали весь мир, - сказал Гурий Иванович. - Это не просто транспорт, это нервная система. Самолеты, ракеты в сто раз быстрее, в них красавицы стюардессы разносят королевские креветки и Пино Нуар, но настоящий путешественник все равно стремится в поезд. Когда пожар или наводнение - стучат тогда в кусок подвешенного рельса; звук чугуна тревожен, глубок, его далеко слышно. Он, наверное, созвучен человеческой душе? Если заедает тоска, душит одиночество, не затихает больная совесть, стоит придти на вокзал, и там, в вечной незатихающей сутолоке, среди полных тревоги и надежды людей, которые разделены на приехавших и отъезжающих – вечных антагонистов, одинаково завидующих друг другу, постараться почувствовать, что вокзалы это самые надежные посты, охраняющие нашу всеобщую рельсовую систему; и утешиться единством с теми, кто мучается на другом конце этих рельсов. Может быть, на рельсах мы яснее понимаем нашу сопричастность всему миру?.. Самолет стремителен, но на нем не прилетишь в Переметное, Шипово, Семиглавый Мар, Озинки…

Дервиш умолк, нахмурился, глядя в окно. Потом спросил:

- Не слишком я разболтался, нет? Там, где я живу, поездов нет…

А между тем за окном стало, как будто, светлеть. Скорее даже желтеть. И, вдруг, открылась бескрайняя пустынная равнина.

- Откуда здесь пустыня? – спросила тревожно Ирина Николаевна. – В парке нет пустыни!..

- Здесь, видимо, есть все, - сказал Гурий Иванович. – Это глиняное плато… Забыл как называется, кажется «Долгий покой»… еще в школе по географии

учили… Здесь на сто километров вокруг одна скользкая и мокрая глина, если люди попадают сюда, то не могут выбраться вовеки. Вон, посмотрите!..

За окном в желтой глине барахтался грузовик, в кузове которого сидели под дождем люди в серых промокших плащах, и даже из поезда можно было различить горе и отчаянье, написанное на их лицах.

- По всей равнине круглый год буксуют машины, падают в глину люди, - сказал дервиш, - и ничего поделать нельзя. С глиной не справишься…

- Вон еще одна машина, - сказала Ирина Николаевна. И мимо окна проплыл еще один буксующий в глине грузовик, в кузове сутулилась баба в какой-то зеленой накидке.

- Какой тихий край! – произнесла из нагрудного кармана Мирра. – Может быть, даже счастливый, в нем ничего и никогда не меняется…

- Что-то в сон меня клонит, - сказала сестра Жиртреста и принялась прикрывать ручкой ротик, терзаемый позевотой, внезапно, навалившейся на девушку.

И тут же все почувствовали, что сон буквально слипает им веки, тяжелая усталость заполняет все их странствующие организмы, сами собой подкашиваются ноги. Путешественники попадали на лавки, и через минуту в купе бодрствовала только мышка у меня в кармане. Она блестящими глазами смотрела на спящих, на глиняные просторы за окном, и тихо вздыхала, жалела всех нас.

Так пролетела ночь, настало утро, а за ним и полдень. Путешественники стали просыпаться, первым делом смотреть в окно, радостно изумляться: за промытым дождем стеклом сияло солнце, под солнцем зеленел лес, в просветах между деревьями виднелась голубая гладь – таинственное, бездонное озеро.

- Мы едем уже двенадцать часов! – Едва успев протереть глаза, воскликнула девчушка. – Этого не может быть! Детская дорога – это крошечное кольцо в парке, узкоколейка на десять минут пути! Мистика!..

- А сейчас мы проезжаем над рекой… Очень большая река…, - подал голос дервиш. – Наверное, это Волга…

- Волга от наших мест в двух днях пути на поезде, - сказал я. – С таким же успехом это может быть Амазонка.

- Да, да! - раздался звонкий голосок Мирры. – Я, кажется, заметила крокодилов, точно-точно – зеленых и очень голодных.

- Не уверена насчет крокодилов, но я бы не отказалась от хорошего бутерброда, или куска мяса, или краюхи хлеба…, сказала Ирина Николаевна. - Пожалуй, хлеб лучше всего! Если посыпать его солью, если капнуть несколько капель подсолнечного масла!..

Пришлось доставать свой рыбацкий рюкзак, вытаскивать тушенку, хлеб. Пир был подкреплен каплей чистого спирта, что обнаружился в моей старой фляжке.

- Спирт – это жизнь! – сказала мгновенно захмелевшая Ирина Николаевна. – Когда найдем сокровище, куплю себе фляжку из чистого серебра, и в ней у меня всегда будет плескаться самый чистый в мире огонь девяностошестиградусного спирта.

Даже Мирра приложилась к источнику, а дервиш не стал пить, сказал, что ему всегда нужно незамутненное сознание, строгое равновесие. На крышах и чердаках вестибулярный аппарат должен быть безупречным.

Не стал, его личное дело…

На третьи сутки, когда и хлеб, и тушенка стали подходить к концу, поезд замедлил ход, загромыхали на стрелках вагоны, принялись где-то далеко аукаться радиоголоса: «…на втором, втором, говорю, стоит десятка, готовь сцепку…», «…воды нет, скорее с водой», «тройка, семерка…Катя, не морочь голову!»

В купе стал мигать свет, как в ресторане за полчаса до закрытия, дескать, закругляйтесь! Зашипели тормоза, а, может, и не тормоза, а какие-то специальные шипелки, и поезд вкатился сначала под лесную сень, а потом и на почти игрушечный перрон почти игрушечного вокзала. Парк культуры и отдыха, приехали!

- Дааа! - произнесла Ирина Николаевна. – Именно отсюда мы отправились три дня назад…

- Точно, мировой фокус! – сказал я. – Тот же самый вокзальчик…

- Тот, да не тот! – возразила Мирра. – Смотрите лучше!..

- Может быть, это тот же вокзал, но из параллельного мира? – высказал догадку Гурий Иванович.

И тут я заметил на стене фанерного и раскрашенного, как конфетный фантик, вокзальчика плохо различимую надпись. Три дня назад ее не было, точно не было.

- Что там написано? – спросил я у мышки, известной грамотейки. Она

высунула мордочку из кармана, прочитала: «Путь Надежды».

- Странное название, - сказала неугомонная девчушка. – Никогда не слышала…

- Мы приехали! – возвестила Мирра. – Давайте не мешкать!.. Через минуту-другую поезд отправляется назад. Может быть, кто-то хочет вернуться?

Путешественники переглянулись, но никто не признался в желании прервать приключение.

- Вперед! – скомандовала мышка. И мы отправились к видневшейся невдалеке старой, заброшенной водокачке. Всем известно, что в таких местах…, впрочем, об этом я уже писал в своем дневнике.

Конец века

Невзрачная деревянная дверца, на которой было мелом написано «Вовчик дебил» прикрывала вход в подземный ход. Честно скажу, что я почему-то всегда именно такими и представлял себе всякие подземные лазы, лабиринты, тайники – грязными, тесными, темными… Вся вонь и грязь мира концентрируется в этих подземельях.

- Но здесь и все тайны…, - словно расслышала мои мысли Мирра. – Мы спускаемся первыми…остальные за нами.

Спорить никто не стал.

За дверцей оказался узкий, освещенный тусклыми лампочками коридорчик. Мы все довольно резво двинулись по нему. С потолка свисали какие-то провода, на стенах кривились жестяные таблички: «Не входить!», «Предъяви пропуск в развернутом виде», «Храни государственную тайну!»…

- Здесь когда-то подземная ракетная база была, - поведала мне на ухо мышка. – Очень секретная!

- Так что ж, они под водокачкой сидели? – спросил я.

- Водокачка для отвода глаз поставлена, люди ходили и не знали, что у них под ногами. Сумасшедшая мощь! В каждой боеголовке сто мегатонн, даже больше!..

- А сейчас?..

- Все заброшено, - равнодушно сказала Мирра. – Гонка вооружений пошла другим путем.

- Как заброшено? И ракеты здесь?..

- А куда же они денутся? Их вывезти отсюда невозможно, такие колоссальные затраты! Да и режим секретности нарушать нельзя еще сто пятнадцать лет… Взрыватели с боеголовок сняли, важные провода перерезали, кое-какие компьютеры разбили… и все… Ракеты так в шахтах и стоят. Да вон сам посмотри! Только будь осторожен!..

Коридорчик стал шире, но пошел под наклон, как бы подгоняя путешественников. И вдруг впереди открылся взгляду темный провал, как бы бездонная пропасть, и над пропастью этой висели шаткие деревянные мостки. Подойдя к ним, я с опаской заглянул вниз. Метрах в десяти от меня смотрел вверх темно-зеленый конус боеголовки, а сама громада баллистической ракеты только угадывалась в темноте далеко внизу.

- Так, если мы сюда попали, значит и любой другой может, - принялась размышлять вслух Ирина Николаевна. – Ну, хорошо, мы люди благонадежные, а если террористы какие или люди с хулиганскими наклонностями?..

- Вряд ли таких пропустят люди недр, - сказал Гурий Иванович.

- Люди недр?..

- Да, это очень древняя цивилизация, суровая, таинственная…

- Не хотите ли вы сказать, - спросил у него я, - что мы здесь с их ведома?

- Безусловно, - улыбнулся дервиш. – Мы на их территории, и каждый наш шаг им известен. Но мы, скорее всего, не представляем для них опасности, иначе они давно могли бы устроить небольшой обвал… Легко может, например, рухнуть и этот мостик, по которому предстоит идти сейчас…

- Как-то не вяжутся ракеты и хлипкие мостки, - сказал я.

- Может быть, мостки эти старше ракет веков на десять? – ответил дервиш. – Ступай смелее!

Я шагнул, и тысячелетнее сооружение отозвалось протяжным скрипом. Кроме того, оно начало вполне ощутимо раскачиваться. Маятник над бездной. Я сделал еще шаг – другой, мостик принялся раскачиваться еще сильнее. Я оглянулся: мои спутники напряженно смотрели мне вслед, а в глазах Ирины Николаевны, как молнии, полыхали ужас и неверие: занесла же нас нелегкая! И ради чего? Вот сорвется сейчас вниз этот дурик, отвечай за него! Не вернуться ли?..

Дервиш сказал:

- Смелее! – и прозвучало это как «скорее».

- Давай, давай! – шепнула мышка из нагрудного кармана, и я прибавил шагу, почти побежал. И вот удивительно, мост тут же перестал качаться, убавилось и скрипа. Через пять минут я оказался на другой стороне ракетного провала.

Сестра Жиртреста тронулась в путь мелкими шажками, как канатоходец, так же расставив руки в стороны. Кажется, она даже глаза закрыла. Вслед за ней вступил на деревянный настил дервиш, его ровные осторожные шаги придали нам всем уверенности.

- Еще далеко идти? – спросила Ирина Николаевна.

- Путь не близок, - кратко ответила Мирра. – Впереди подземная река…

И тотчас послышался шум большой воды, плеск волн, почудился крик чаек. Здешний мир как бы откликался на зов, я заметил, что стоило о чем-то сказать или только подумать, как тут же что-то давало тебе знать – прав ты или ошибаешься. Например, я подумал, что, наверное, здесь существует какая-то система вентиляции, иначе мы давно бы все задохнулись в этих подземных теснинах, и в ту же минуту почувствовал легкое, осторожное дуновение – нет, это был не ветер, не ветерок, а едва уловимое движение воздуха, даже просто обозначение этого движения для того, чтобы мне стало понятно: да, вентиляция есть…

- Здесь водятся совершенно неизвестные людям породы чаек, - сказала мышка. – У них совершенное зрение, оно обладает лазерной точностью и силой, поэтому чайки в полной темноте находят себе пропитание, успешно охотятся не только на рыбу, но и на другую речную живность…

Подземный ход, по которому мы пробирались, стал еще уже, приходилось буквально протискиваться, рискуя застрять в проходе, но все ощутимее становились речные запахи, громче раздавались вопли чаек.

И вдруг вширь и вверх раздался тесный лаз, и электрические пятна фонарей отразились от черной поверхности воды. До другой стороны реки свет фонарей не доставал.

- Широка, даже очень… Говорят, глубина тоже немереная, - сказала мышка.

- Кто говорит, кто? – поинтересовалась Ирина Николаевна, но мышка промолчала.

- Интересно, а рыба здесь водится? – спросил я и тут же услышал мощный всплеск, потом другой, третий – во всю на реке играла рыба. Рыбацкая душа моя

встрепенулась, а что если попробовать поймать что-нибудь в этом черном потоке?

Дервиш тут же предложил:

- Может, забросите здесь свои снасти, рыба нам теперь не помешает?

И откуда они на своих чердаках знают это?

В самом деле, запас продовольствия, существенно подорванный железнодорожным соглашением с крысами, требовал пополнения – кто мог знать, сколько продлится наше путешествие – день, неделю, десять лет?..

Я развязал свой многофункциональный рюкзак, достал спиннинг, коробку с блеснами, в теплом свете фонарика привязал к леске самую соблазнительную – из чистого серебра – блесну. Дервиш вызвался помогать мне, направил свет фонарика перпендикулярно берегу и на воду легла оранжевая дорожка.

Я сделал заброс, блесна серебряной искоркой сверкнула в черноте подземелья и плеснулась где-то далеко от меня. И тут же два ярких сиреневых луча прорезали темноту - откуда-то сверху и до самой воды, и послышалось хлопанье и свист крыльев. И тут же в высоте как будто включилось множество сиреневых лазеров, их лучи, пересекаясь, перемещаясь, разбиваясь на воде в сиреневые брызги, принялись обшаривать поверхность подземной реки.

- Чайки! – со страхом сказала Мирра. – Они совершенно черного цвета, огромные, как грифы, кровожадные, как летающие крокодилы. Думаю, что они и на людей могут нападать, но пока им и в реке добычи хватает…

Словно в подтверждение ее слов над нашими головами промелькнула черная тень, раздался мощный всплеск. Мы направили в сторону всплеска фонарики, но сумели рассмотреть только трепещущую рыбину, увлекаемую невидимой птицей в высоту.

В ту же самую секунду я почувствовал мощный рывок – удилище спиннинга согнулось дугой, видимо крупная рыба соблазнилась серебряной блесной.

- Нужно быстрее вытаскивать, иначе чайки просто-напросто разорвут нашу добычу на куски, - сказал Гурий Иванович.

Я принялся быстрее вращать рукоятку катушки, но это было не так просто – неизвестная рыбина была сильна, она сама буквально норовила вырвать удилище из рук. С большим трудом я подтянул ее к берегу, и дервиш ловко сумел подхватить ее под жабры.

- Судак, - сказал он, - но странный, с кошачьими глазами.

Я посмотрел: на самом деле, глаза судака светились желтым кошачьим огнем, казалось, что вот-вот и судак примется мяукать.

- В мешок его, - сказала Мирра, - чтобы не раздражать чаек…

В судаке было килограммов пять – шесть, и он с трудом поместился в моем рюкзаке, только свинцовый холодный хвост остался снаружи. Ужин обещал быть сытным. Даже Ирина Николаевна приободрилась.

- Люблю отварного судака! – сказала она.

Я забросил спиннинг еще раз, но ожидаемого всплеска на месте падения блесны не услышал, только невнятные, глухой звук, как будто блесна ударилась по дереву.

- Коряга! – мелькнуло в голове, но откуда в этой реке деревья? Я потянул снасть на себя, но леска натянулась, завибрировала, наверняка зацеп. Пропадет теперь блесна, которую я сам сделал из рублевой монеты с бородатым ликом последнего царя. Я потянул удилище на себя еще раз, потом другой – и, вдруг, леска как будто чуть-чуть провисла, подалась. И еще немного, и еще… Я стал вращать катушку - сначала медленно, потом быстрее и быстрее – блесна зацепила и тащила за собой нечто очень тяжелое.

Дервиш и Ирина Николаевна направили свои фонарики в сторону реки и через минуту – другую в световые пятна медленно вдвинулся какой-то темный короб, тускло сверкнувший позолотой.

- Это сундук старинный! – закричала сестра предвестника, и звонкий ее голос, усиленный гулким подземным эхо, заполнил все невидимое пространство.

- Здесь может найтись все, что угодно, - сказал дервиш. – Рано или поздно, но все уходит под землю; она все хранит, и если отдает, то не случайно…

Я кое-как подтянул сундук к берегу, и общими усилиями мы вытащили его на сушу. Бока его были побиты в неизвестных крушениях и катастрофах, покрыты мокрым осклизлым илом, на крышке плетью зацепилась черная лиана водоросли, но сквозь черноту времени пробивалась благородная позолота, зеленела вековая медь, а может и старинная бронза, открывалась часть затейливого вензеля – нет, не сундук, в котором хранились муслиновые платья, ветхие лоскутные одеяла, капор и горжетка – бабушкино приданое, не дававшее некогда покоя внукам, принесла река, а тайну, но какую?

- Интереснааа!.. – протянула Ирина Николаевна. – Сокровище?.. Но для золота сундучок-то легковат…

- Бывает нечто дороже золота, - произнесла пассажирка нагрудного кармана.

- Ой-ой-ой! – скривилась девушка. – Я и не знала…

- А пора бы это и знать, - оставила мышка за собой последнее слово.

Навесного замка на сундуке не было, дервиш провел рукой по его крышке, бокам, произнес задумчиво:

- Скорее всего, где-то внутри спрятана потайная пружина, замыкающая сундук, но где кнопка или механизм, приводящий ее в движение?.. Можно всю жизнь искать и не найти. Раньше такие мастера были, не чета нынешним! Хоть диковинки какие, хоть замки потайные, хоть лабиринты подземные – все умели…

- Ну, насчет лабиринтов подземных я, пожалуй, не соглашусь, - сказал я, - не очень здесь уютно, правда.

И сейчас же откуда-то сверху посыпалась влажная земля, неподалеку обрушилась часть берега, подмытого течением.

- Может, того, топором сундук этот? – предложила Ирина Николаевна.

Гурий Иванович выразительно посмотрел на нее. Она промолчала, принялась исследовать сундук. Потом сказала:

- А знаете ли вы, который час? В это время я уже обычно бывала в постели…

- Почему-то никто не подумал, как переправляться через реку, - произнесла Мирра.

«В самом деле, - подумал я, - не на плавучем же сундуке?»

Но мысли мои переключились с переправы на сундук. «Ведь его кто-то закрыл, значит, его можно и открыть» - такая оригинальная мысль пришла первой, а второй о том, что все здесь до этой поры откликалось на наш зов, почему бы и сундуку не последовать этому примеру?

Я взглянул на сундук, около которого колдовала Ирина Николаевна, и в тот же миг послышался тонкий серебряный звон, он рассыпался на сотни колокольчиков, как будто далеко-далеко пронеслись, одна за одной, свадебные тройки. А может, и не свадебные, может быть, и не тройки совсем… Что-то щелкнуло внутри сундука, и крышка открылась, распахнулась, как дверь в комнату, в которую в детстве никогда не разрешалось заходить. А что там, за этой дверью? Под этой крышкой?..

Ирина Николаевна осторожно заглянула в сундук, словно в пропасть с крутого обрыва, и не сдержала возгласа разочарования:

- Вряд ли здесь сокровища!.. - и она вытащила из сундука бумажный сверток,

перевязанный простой серой бичевой. Может быть, та самая карта?.. Ну, этот самый «Путь надежды» - так, кажется?

Гурий Иванович взял сверток, надорвал кусок серой пыльной бумаги, сказал:

- Какие-то письма… На привале посмотрим…

Послышался мерный плеск воды. Мы дружно повернули фонарики в сторону плеска: с противоположного берега к нам приближалась лодка. Узкая, длинная, черная – видимо, обильно смоленая – она легко рассекала воду. На веслах сидел такой же черный человек – узкий, высокий, заросший едва не до бровей смоляной бородой. Мощными гребками он подогнал лодку к берегу, выпрыгнул на мокрый песок, буркнул:

- Доброго здоровья!

Мы тоже поздоровались с прибывшим:

- Драсти! Приветствуем!..

- До того берега не подбросите? – спросила Ирина Николаевна, практичная девушка.

- Отчего же не подбросить, - откликнулся бородатый. – Пайда нынче прямо в руки идет. Много не потребую с вас, да и чего с вас требовать, а вот, пожалуй, письма и возьму за перевоз…

- Какие-такие письма? – подала голос Ирина Николаевна.

Но перевозчик знал, о каких письмах говорил:

- Сундук-то с дуба упал, а вы его, значит, и выловили… А в нем письма… Вот за них и перевезу вас…

- Так и быть, все равно письма не наши, - согласился я, поразмышляв немного для приличия: тоже мне ценность, пожелтевшие слова на ломкой бумаге! Кому нужны признания и откровения тех, кого давно уже нет? – Можно в лодку садиться?..

- Не в лодку, а в будару, - поправил меня бородатый. – Размещайтесь, да смотрите, чтоб все в аккурате было!..

Гурий Иванович и Ирина Николаевна разместились на корме узкой будары, я занял место на носу.

- Может, вам помочь на веслах? – предложил я бородатому.

- Он усмехнулся в самую глубину своей дикой бороды:

- Эх, музланы!.. Весла от уключины не отличаете, а туды же еще…

Он оттолкнул будару от берега, и она неожиданно ходко пошла поперек реки.

Над нашими головами захлопали крылья невидимых чаек, их лазерные глаза, как прицелы, следили за нами. Всего этого не могло существовать на свете, и, может быть, не существовало.

- Вы здесь давно? - спросила перевозчика Ирина Николаевна, общительная девушка.

- Угу, - ответил он.

- Вы живете здесь, у вас, наверное, дом на берегу? – не отставала она.

- Угу, - сказал он.

Она замолчала, опустила руку в воду, прохладные брызги веером полетели за лодкой.

- Осторожнее с этим! – сказал перевозчик. – Там всякое водится, может руку-то отхряпать в момент!..

Ирина Николаевна опасливо вытащила руку из воды, и всем в лодке показалось, что в черной глубине промелькнуло стремительное светлое веретено – может, трехметровый судак? До самого берега никто не проронил ни слова. Молча дервиш отдал сверток с письмами бородатому, молча нашли лаз, и медленно двинулись дальше по бесконечному проходу. Местами стены лаза были выложены кирпичом, местами в них были воткнуты давно погасшие факелы. Около часа пробирались в полной тишине, можно было даже расслышать как где-то падают капли воды, шуршит под ногами каменное крошево.

- Надо было спросить про письма, - сказал я. – Кто их написал, кому?..

- Я спросил, - откликнулся Гурий Иванович. – Это письма Натальи Николаевны первому мужу… Эти письма все разыскивают, спорят о них, а они здесь… в сундуке на дубе…

- Какой Натальи Николаевны? – спросила Ирина Николаевна.

- В самом деле, какой? – спросил я. – Фамилия у нее есть?..

- Перевозчик этого не сказал, не назвал фамилию, - ответил дервиш. – Да, может, и нет у не фамилии?..

И мы двинулись дальше. И часа через полтора добрались до первой залы, из которой брали свое начало еще три лаза, расходящихся в разные стороны.

Здесь мы решили заночевать. Зала, как и рассказывала мышка, была завалена рухлядью, так что мы легко разожгли костер из остатков старых секретеров, кресел и табльдотов.

- Старина горит хорошо, - заметил Гурий Иванович, - может быть, это лучший

горючий материал в мире…

- Точно! – подтвердила Ирина Николаевна. – В молодости я была влюблена в одного пожилого человека, почти старика…

- В молодости? – переспросила Мирра.

- Ну, да, давно это было… Так вот ему исполнилось тридцать лет… Когда мы расставались, он кричал, что не сможет без меня прожить ни дня – так пылает его любовь, я тоже рыдала, как сумасшедшая – ведра три слез пролила, а через неделю он женился, теперь проходит мимо – не здоровается. Так быстро все старое сгорает!..

- А почему расстались? – спросил я.

Ирина Николаевна вздохнула, подбросила в костер гнутую ножку давно не существующего кресла, сказала, не отводя глаз от пламени:

- Я другого полюбила… Вообще, я влюбчивая очень, но быстро у меня это проходит… Быстро приходит, и быстро проходит…

Она примолкла, и в глазах ее, казалось, отражалось не пламя костра, а какой-то неведомый нам огонь. Вслед за ней и все остальные замолчали, наверное, подошла такая минутка – молчальная, когда слова ни к чему, без них все понятно… Но признаюсь, мне в тот миг ничего не было понятно. Совершенно ничего!..

В котелке над костром забулькала уха, темнота плотно окружила наш стан, и стало немного похоже на тихую беззвездную ночь.

- Зато дождя можно не опасаться, - сказала мышка.

Мы поужинали и принялись укладываться на ночлег. Я забрался в свой рыбацкий, брезентовый, тысячу лет мне служивший спальный мешок, закрыл глаза, надеясь, что нынешней ночью меня не будут преследовать бронированные буквы. Ирина Николаевна принялась гнездиться с правого бока, чуть поодаль залег дервиш. Мышка шепнула мне:

- Сейчас начнет приставать… Эта - в мини…

Действительно, девушка толкнула меня в бок, сказала:

- Мне страшно!..

- Мне тоже, - ответил я.

- А по виду - не боязливый.

- Я притворяюсь, - честно сказал я. – Поджилки трясутся, а я стараюсь улыбаться… Сердце в пятки проваливается, а я делаю вид, что не боюсь…

- В детстве, помню, у нас в ходу были всякие страшилки, - сказала она, - особенно в летнем лагере. Перед тем, как заснуть в палатках мы рассказывали друг другу леденящие душу истории про кровожадных летучих мышей, вылезающих из могил покойников. А чаще всего про украденную руку, где в самом конце рассказа нужно орать жутким голосом «где моя отрубленная рука?» и хватать за горло ближайшего к тебе слушателя, развесившего уши и раскрывшего рот. Как правило, это приводило в восторг всех, кроме того бедолаги, в которого рассказчик внезапно вцеплялся с нечеловеческими воплями. Каждый по очереди рассказывал свой «ужастик», которые чаще всего походили друг на друга, как близнецы-братья. И однажды я решила немного изменить схему страшилки. Даже не знаю, почему это пришло мне в голову. Я повела рассказ об ужасном злодее, который когда-то давным-давно совершенно случайно получил волшебный дар становиться по своему желанию невидимым. Может, ему фея подвернулась, которой он помог корзинку с картошкой донести, может, подряд совершил десять хороших поступков и был награжден за это Дедом Морозом, - это осталось неизвестным, но свой дар он сумел обратить только во зло другим людям, да и себе, конечно. Зря зло изображают иногда, как болезнь, от него не вылечишься, оно всегда возвращается к тому, от кого исходило… Пользуясь своей безнаказанностью, он совершил тысячи кровавых преступлений, таких немыслимо жестоких, что его покинула любившая его женщина, от него отказались его собственные дети, вся родня бежала от него. Он только презрительно усмехнулся им вслед. Но прошло много лет, злодей состарился, ощутил пустыню вокруг себя, захотел вернуть детей, но не тут-то было! Дети растворились в миллионах, миллиардах других детей, повзрослели, у них родились свои дети, а потом и внуки, и не было им никакого дела до какого-то гнусного невидимки. Но не привык невидимый злодей отступать от своей цели, и вот на протяжении долгих лет каждую ночь ищет он своих потомков, чтобы научить их быть такими же, как он сам… Как только стемнеет, как начинает он бродить по темным улицам, очень любит летние детские лагеря, кемпинги, и все ищет, ищет, ищет…

Ирина Николаевна замолчала на минуту, переживая изобретенную ею историю, спросила:

- Слушаешь?

- Слушаю, - ответил дервиш.

- А ты? – толкнула она меня.

- Конечно, - сказал я; на самом деле мне интересна была эта история, и я думал: «А повези мне встретить в лесу фею и чем-то помочь ей – дров наколоть или воды натаскать, - и награди она меня каким-нибудь даром, скажем, неуязвимостью и огромной силой, то, как бы я использовал его? Принялся бы всем помогать, таскать воду во все дома, чиновникам давать зуботычины за то, что изводят народ, застарываться за слабых, или наворовал бы миллиарды, обездолил народы и надругался над целыми странами – и пользовался бы незаработанным, незаслуженным, принадлежащим чужим? Не легкий совсем вопрос!.. А уж какой соблазн был бы вернуть Марию…

- Так вот, - продолжила Ирина Николаевна, - в конце своей истории, я сказала: «А сейчас злодей стоит у нашей палатки… Кто не верит, может вылезти сам посмотреть…» Почему-то никто не захотел вылезать из палатки, и все притихли… Тогда я предложила: «давайте, все вылезем, что он нам всем сделает?» А в нашей палатке было десять девчонок. Восприняли без энтузиазма, но зашевелились, никому не хотелось оставаться одной в темной палатке, никому не хотелось испытать на себе яд насмешек. И вот мы выбрались из палатки. Стоим и озираемся вокруг. Лес чуть-чуть шумит, где-то неподалеку дышит река, поют сверчки, на небе узкий серп луны. А звезды так и сыпятся на деревья, в реку, на палатки. И вдруг как будто кто-то заслонил полнеба, промелькнула черная тень, холодное дуновение коснулось наших лиц, - и такой темной тоской, злым одиночеством, ледяным отчаяньем повеяло на нас, что невольно мы попятились. Может, низкая тучка пролетела, может, обрывок ночного тумана проскользнул между звездами и землей, кто знает? Только все мы быстро вернулись в палатку, молча забрались в спальные мешки, и с этой ночи в нашей палатке страшилок почему-то не рассказывали. И с этих же пор я боюсь ночей…

- Мне кажется, что в аду тоже темно, там вечная ночь, - сказал я, почти засыпая.

- В подземелье всегда темно, - шепнула она. – Страшно… А перевозчика как зовут, никто не поинтересовался?..

- Думаешь, Харон?

Она придвинулась ближе, обняла меня руками, прошептала:

- Я почти влюбилась в тебя, но мне надо еще подумать…

- Подумай-подумай, - сказал я. – Никто тебя не торопит.

- Осторожно, не раздавите меня между собой! – пропищала Мирра, и все уснули, и мне приснился населенный пункт под названием Ростоши, и там была весна, цвели вишни, а в центре села кривился деревянный столб, на котором висело железное радио и все время играло полонез Огиньского. Кто-то мне рассказал, что полонезом местные жители изгоняли излишнюю горечь из вишен. Я обрадовался сну, все-таки не кошмар. Почти не кошмар…

Три недели или три месяца пробирались мы по подземным лабиринтам: из залы, где открывались три новых прохода, мы попали в залу, из которой вело двенадцать лазов, а потом еще в одну, из которой тоже было двенадцать новых путей – и плутали мы, и отчаивались, и попадали под осыпи и обвалы, но окончательно заблудиться и сгинуть не давала нам мышка-норушка, верный товарищ, живой компас подземелий. Она указывала дорогу, берегла нас, проводя такими путями, чтобы мы случайно не столкнулись лицом к лицу с хозяевами этих мест – людьми подземелий, отважными воинами, суровыми стражами недр. Однажды лаз, по которому мы пробирались, раздвоился. Налево пошел просторный, облицованный камнем проход, направо – узкая щель. Мы остановились и услышали, как слева идет тяжелый гул. «Это дорога в южный подземный мегаполис, - сказала Мирра. – А всего пять огромных подземных городов есть в мире, но нам туда не надо. Нам там не выжить…»

Мы еще дважды переправлялись через реку – скорее всего, ту же самую, причем, и перевозчики были удивительно похожими на того, с кем расплатились пачкой неизвестных писем, с такой же дремучей бородой. Каждый раз на берегу реки мы ловили огромного судака, пополняя запасы продовольствия, и каждый раз при втором забросе нам попадался старинный сундук, но писем в сундуках этих больше не было, зато находились деньги, которыми мы расплачивались за перевоз. Причем, деньги были в ассигнациях – старинные, с портретами декольтированных дам, коронованных бородачей. Деньги были иностранные, на каком языке – не поймешь, но перевозчики охотно брали их.

И вот в один прекрасный день добрались мы до мрачной пещеры. Те три тысячи семьсот одиннадцать пещер, которые мы преодолели, тоже не были веселыми залами или комнатами смеха, но эта была особенно темна, страшна, эхо в ней по три раза повторяло каждое слово. Девчушка Ирина Николаевна говорила мне:

- Все-таки люблю! – а эхо разносило:

- Таки-таки-таки…

Я отвечал ей, что она ошиблась, что столько холода и горечи накопилось в моем сердце, что я вряд ли сумею ответить на ее юное чувство, что вообще я груб и неучен, да что там - даже летом ношу зимние ботинки, потому, что палец на ноге, кажется, сломан, а если честно – она почему-то стала дорога мне, и я не хочу ее обманывать, а предательское эхо вопило под сводами пещеры:

- Обманывать-обманывать-обманывать…

- Я отогрею тебя, у меня руки, знаешь, какие горячие? – она вложила свою ладонь в мою; на самом деле, она как будто держала свои руки перед этим на жарком июльском солнце.

- Я зимой никогда варежки не надеваю, - сказала она. – Все удивляются… А температура тела – нормальная. Говорят – феномен такой, редкий случай, значит, – огонь-руки…

- Огонь-огонь-огонь…, - подхватило эхо.

- Ну, вот, мы на месте, - прервала наши излияния Мирра. – Здесь находится то, что нам нужно, ради чего мы так долго пробирались по этим катакомбам…

Гурий Иванович вышел вперед, ударил оземь своим крючковатым посохом, расправил плечи, его видавший виды брезентовый плащ в колеблющемся свете фонариков вдруг стал выглядеть стальными латами. Мы все повернулись к нему и ахнули: померещилось, что его огромная борода светится в темноте. Он достал из сумки свиток, произнес:

- Все должно сбыться, и сбывается: в месяц гроз пришел ты, - и он показал посохом на меня.

- И Ключ выбрал тебя, - продолжил он торжественно, как на партийном собрании. – А теперь мы спустились на Девятый круг, и кто-то должен открыть Путь Надежды…

- Не вижу я никакого Пути, - сказал я, оглядевшись: мрачные своды нависали над нами, каменные стены сумрачными очертаниями угадывались во тьме – и ничего…

- Направьте свои фонарики прямо! – скомандовала Мирра. Мы повиновались.

- Идите осторожно вперед, пока не упретесь в стену, - продолжила мышка.

Вытянув руки вперед, мы осторожно пошли в указанном направлении, пока руки не уперлись в глыбу льда.

- Как будто здесь сорок градусов мороза, – почему-то шепотом произнесла Ирина Николаевна. Мы отдернули руки – лед на северном полюсе был, наверное, теплее, чем здесь.

- Лед как гранит, - сказала Ирина Николаевна, - он даже шершавый, как камень. В общем, гранитный лед… Никогда такого не встречала. Но что нам с ним делать?..

- Присмотритесь лучше, - сказала Мирра, и мы тут же принялись светить фонариками на глыбу.

- Есть! Нашел! – закричал дервиш, и эхо много раз отразило от сводов пещеры:

- Шел-шел-шел!..

Тогда и мы увидели то, что нашел Гурий Иванович: глубоко во льду был вморожен свиток пергамента или бумаги, по виду совершенно такой же, как был в сумке у обитателя чердаков.

- И вот за этим мы шли? – спросил я. – Это и есть ваш Путь Надежды?.. Полгода плутать в подземельях, чтобы найти какую-то бумажку?..

- Это не бумажка, - сказал Гурий Иванович. – Здесь скрыта тайна из тайн, может быть, дорога к смыслу бытия…

- Ох уж мне эти поиски смысла жизни! – не сдержался я. – Все мои собутыльники его ищут, все дворники, как будто надеются найти его на тротуарах, которые подметают, все бабушки с вязаньем и телевизионными сагами тщатся разглядеть его - все-все ищут, может быть, только кроме тех, кто совершенно вменяем, а таких, как зеленых дубов в январском лесу… Ищут этот самый смысл, как растраченную юность, но никогда не задумываются; а зачем он им? Зачем?.. Ну, когда-нибудь откроется он, и что они с ним будут делать? Что?..

- Напрасно вы стараетесь выглядеть бывалым матросом, - сказал Гурий Иванович, - единственным спасшимся после того, как ваш корабль, перевозивший тысячу бочек рома, пошел ко дну, и вы не устаете повторять, что вам очень жалко пропавшего рома, не друзей… Может быть, вам больше других нужно обрести этот так смущающий вас смысл?..

Мышка завозилась у меня в нагрудном кармане, выказывая нетерпение:

- Теперь нечего спорить, - сказала она, – нужно доставать свиток.

- Хорошо бы иметь ломик или еще лучше – пешню, - сказал я, - но ни того, ни другого у нас нет. Попробую ножом…

Я извлек из рюкзака верный рыбацкий нож с теплой ясеневой рукояткой, сделанный в далекие отроческие годы в школьной слесарной мастерской из грубого драчевого напильника. Сколько судаков было выпотрошено им, сколько банок с тушенкой открыто, сколько срезано легких надежных вязовых удилищ! Но от поверхности дивного льда лезвие отлетело, как от несокрушимой брони. Нашла коса на волшебный лед. Я ударил несколько раз по поверхности глыбы, голубые колючие искры посыпались веером, а на поверхности не осталось и следа. Бывший напильник не мог справиться с тем, что должно быть самым хрупким и самым ненадежным на земле, и тем более под землей. Не одолел льда и мой старый топорик.

- Вот это лед! – сказала мышка.

- Вообще-то предание гласит, что не силой будет побеждена последняя преграда, - сказал Гурий Иванович.

- А чем же? – спросила Ирина Николаевна, но в голосе ее как будто дрогнула догадка.

- Чем же? – повторила она.

- Огнем души и сердца…

- Так я и знала, - сказала она. – Вот и я пригодилась! А то думаю, для чего я отправилась с вами, а оказывается… Оказывается и без меня не обойтись…

Я непонимающе уставился на нее. Она сбросила курточку, засучила рукава кофточки, сказала:

- Ты еще не забыл, какие у меня руки горячие?..

И не успел я даже подумать, о том, что, конечно же, не забыл, и теперь уже не забуду никогда, как она раскрытыми ладонями прикоснулась к ледяной глыбе; и лед сразу убавил морозной голубизны, затуманилась прозрачная поверхность, появились в ней даже розовые мраморные прожилки, из-под ладоней Ирины Николаевны выступила влага, раздалось легкое шипение и мы, завороженные увиденным, молча наблюдали, как руки ее медленно погружались в глубину глыбы.

- Как холодно! – шептала девчушка с зачарованными очами, но продолжала руками растапливать лед, как двумя электродами. И эхо тоже шептало:

- Холодно-дно-дно…

И так жалобно звучал этот шепот, что, наверное, нужно было броситься ей на помощь, прибавить к энергии ее ладоней и свою, Гурия Ивановича, мышки-

норушки, но я не бросился, и они не бросились, и вот уже по плечи погрузила она свои руки в глыбу гранитного льда. И как будто заледенела, прижавшись к ней. Кое-как преодолев странное оцепенение, я кинулся к Ирине Николаевне и услышал, как она едва вымолвила посиневшими губами:

- Не отпускает камень, не отпускает…

Я обнял ее, как будто сосульку:

- Милая, дорогая девочка!.. Держись, я с тобой!..

Она улыбнулась:

- Все хорошо, все будет хорошо…

И почему-то я не поверил этому. Она резко подалась назад, и мы увидели в ее руках освобожденный свиток, долгожданную находку и совсем небольшой круглый предмет, блеснувший в лучах фонарика – не то увеличительное стеклышко, не то окуляр какой-то.

- Вот! – сказала она.

- Вот! – повторила Мирра.

- Вот! – не сговариваясь в унисон произнесли мы с дервишем.

Я взял свиток, развернул его: россыпь непонятных знаков – кружочки, треугольники, квадратики, закорючки – как перевести эту старинную шифровку? Повертел я в руках и стеклышко, и сунул в карман – и что с ним делать?

- Ну а теперь моя очередь, - сказал Гурий Иванович. – Я знал, что когда-нибудь понадобится тайный язык, которому настойчиво учила меня бабушка; нам на крышах, чердаках, в подземельях не обойтись без тайн и секретов. Вся наша жизнь – секрет для большинства людей, и нам совершенно ни к чему посторонние глаза и чужие уши… Мы шифруем речь, прячем свои открытия, даже наша литература закодирована и ждет еще своих исследователей…

- Назовите мне литературу, которая не закодирована, - сказал я, обнимая дрожащую всем телом Ирину Николаевну, - а про чужие уши хорошо сказано!..

- Так вы сможете прочитать, что там написано? – спросила она.

- Попробую, - ответил он. – Нужно попробовать…

Он взял свиток, нацепил на нос очки – и откуда они взялись, эти очки? И сразу он стал похож на большого гнома, если, конечно, гномы носят очки.

- Так-так… на восток…на юг и назад…, - бормотал он. – Понимаю, понимаю…нет, не понимаю…Какое-то волшебное зрение…

- Все вокруг волшебное, все вокруг мое, - для чего-то сказал я.

Минут двадцать, а, может, и больше колдовал над свитком дервиш, произносил какие-то, не совсем членораздельные, слова. Иногда он закатывал глаза, как будто что-то подсчитывал в уме, иногда как будто даже напевал что-то. Но, наконец, молвил:

- Здесь сказано, что путь наш лежит теперь на восток, там найдем предвестника, он вооружит нас волшебным зрением…И только зрение это поможет отыскать единственную правду, правильную правду…

- К Димке что ль поедем? – спросила Ирина Николаевна. – К Жирбургеру?..

- Найти его нелегко, - продолжил дервиш, - координаты трудно понятны…

- Да в каком-то поселке он осел, на самом берегу Урала, - перебила его девчушка с зачарованными глазами, - сейчас вспомню – в Ко-ло-врат…, нет – в Коловертном – точно, он еще письмо мне оттуда присылал!..

- Точно, здесь так и написано – Коловертное, а я никак понять не мог – к чему это слово, - сказал Гурий Иванович.

- Может, волшебное зрение – вот это самое стеклышко? – вытащил я из кармана неприметную стекляшку, посмотрел сквозь нее на мышку-норушку – стекло как стекло, совсем чуть-чуть увеличивает.

- Не, не может быть, - не поверила Ирина Николаевна, тоже покрутив в руках стекло, - но на всякий случай не выбрасывай, пригодится. В нашем кладоискательном деле не всегда ясно, что может через минуту понадобиться позарез, а чего нам и совсем не нужно…

- Ну что, не будем останавливаться на полпути? Вперед, в Коловертное?.. – спросила Мирра и указала наверх. И только тогда мы увидели почти сливающуюся со стеной ржавую чугунную лестницу, которая вела куда-то под самый свод пещеры. Нижний конец лестницы находился почти у самой ледяной глыбы – и как мы его до сих пор не замечали?

Мышка еще раз скомандовала «Вперед!» - и я первый ступил на лестницу, за мной Ирина Николаевна, за ней Гурий Иванович. Через минуту мы оказались в подвале моего дома, а еще через минуту – вышли на улицу и щурились на сверкающий на солнце снег, вдыхали жадно морозный воздух, и смотрели друг на друга – при свете мы выглядели совсем не такими, как в подземелье. Наверное, тусклыми, как едва различимые оранжевые лампочки наших фонариков. Не потускнели только зачарованные глаза Ирины Николаевны.

- А что, сразу через этот подвал нельзя было - вниз – и за десять минут

достать эту бумагу и стеклышко? – спросила она у мышки.

- Не знаю, наверное, можно, - ответила та равнодушно. – Но тогда не было бы приключений… И потом, помнишь, что в предании сказано – спуститься через девять кругов…ну и все прочее… Вот со всем прочим мы и шли. Понятно теперь?

- Теперь да, - сказала Ирина Николаевна. – Зима уже вовсю, новый год на носу…

- Сегодня как раз и новый год, - сказал Гурий Иванович, - да не простой…

Миллениум

Мы шли по нарядной предновогодней улице, и повсюду на нас смотрело неизвестное слово «миллениум». Что это такое, и почему так называется – мы не очень понимали, но радовались возможности перевести дух, посмотреть на изменившийся за время нашего отсутствия на поверхности мир. Мы озирались вокруг и спрашивали сами у себя: нам кажется, или люди стали добрее, улыбчивей, даже красивее? К нам подбежала какая-то морозная девушка, разрумянившаяся, веселая.

- Ряженые? – закричала она. – Класс! Никогда не видела, только в кино… Вы настоящие?.. А фонарики вам зачем?.. Какой чудесный праздник!..

Она просто захлебывалась восторгом.

- Вы из управления культуры, да? Феликса Баюканского знаете?.. Такой мужик отличный!..

- Знаем! – сурово ответила Ирина Николаевна. – Передадим ему привет от… кого?

- Кларой меня зовут, Кларой… Ну знаете, Карл у Клары украл кораллы?.. Мне эта скороговорка очень удается, хотя она из сложных: Карл у Клары… Когда произносишь ее быстро, то надо акцентировать внимание не на скорости произношения а на раскатистость звука «рррр»… Каррррл у Кларррры укррррал коррррраллы… Ну и также точно про кларнет… кларррррнет…

- Мы все поняли, - злобно прошипела Мирра, - мы будем акцентировать…

- Ой! – завопила Клара. – У вас говорящая мышь!.. Круто! Я, конечно, понимаю, что говорящих грызунов не бывает, но здорово, что вы так чревовещаете за нее.

- Что я делаю? – спросил я.

- Как что? – Чревовещаете. Говорите вместо нее, а она только рот открывает…

- Рот он тоже вместо меня открывает, - сказала мышка.

- Здорово! Как это здорово! – не останавливалась привязчивая девушка. – Вы на городской бал идете? Тогда нам по пути. Мне говорили, что будет просто сногсшибательный бал, а я не верила. У нас ведь как – раструбят, наобещают воз и маленькую тележку, а как до дела доходит, то пшик вместо дела оказывается… Ну, там выстрелят в небо дешевыми китайскими ракетами на полтинник, а скажут на миллион, вместо пломбира подадут молочное пополам со льдом, вместо шампанского шипучки копеечной нальют… Но сегодня, я вижу, все по серьезному…

- Сегодня пломбир будет пломбиром! – пообещала Ирина Николаевна.

- Знаете, если бы не миллениум, я могла бы принять вас за какую-нибудь средневековую группу, - сказала Клара.

- Средневековую? – спросила Мирра.

- Ну да, за какой-нибудь отряд искателей сокровищ, вы так таинственно выглядите…, - обратилась к дервишу Клара. - А у вас борода настоящая?..

- Мы и на самом деле ищем…

- Вот мы и пришли! – закричала Клара, останавливаясь у сверкающего огнями здания. – Давайте, я вас через артистический подъезд проведу…

- А что, заодно и подкрепимся, - сказала девчушка с зачарованными глазами. – Дадут подкрепиться?

- Вы еще спрашиваете! – радостно засмеялась Клара. – Лучшие повара готовили нынешнее угощение, меню утверждали на самом верху…

- Наверное, на чердаке или на крыше, - проворчал Гурий Иванович, и мы вступили в царство миллениума.

Едва ли не все пространство огромного помещения было заполнено светящимися, сияющими, блестящими предметами – лампами, шарами, гирляндами, звездами – всех мыслимых и немыслимых цветов. С потолка свисали целые гроздья шаров, из них складывались гигантские буквы – М-И-Л-Л-Е-Н-И-У-М. Под гроздьями стояли десятки, может быть, сотни столов, заваленных всевозможными яствами. Ирина Николаевна сразу заметила груды королевских креветок, любимых ею, и фазаньи хвосты ананасов, которые она никогда не пробовала.

- Эх! – в радостном предвкушении вздохнула она.

- Не выгонят нас? – осторожно спросил гурий Иванович, пришелец из других миров.

Между столами перетекала, волновалась, хохотала человеческая масса – черные костюмы, открытые платья, загорелые плечи, безупречные металлокерамические улыбки; после гулкой пустоты девятого круга подземелий здесь было несколько многолюдно.

- Дамы и господа! – прогремело в динамиках. – Продолжается наша концертная программа…

- Вы будете гриммироваться? – спросила Клара, тоже слегка подавленная великолепием бала.

- Мы уже в гриме, - отрезала мышка-норушка.

Клара восторженно хлопнула меня по плечу, дескать, здорово чревовещаешь!

Мы подошли к одному из столов, дамы с господами старательно насыщались, бдительно следя за официантами, беспрерывно подносившими новые подносы с семгой, буженины, мюнхенскими колбасками, и казалось, что нам ни за что не пробиться к провизии, но круг легко разомкнулся – наверное, давно уже начался бал, голод немного отпустил свою костлявую хватку – и мы примкнули к шеренгам жующих. Девчушка с зачарованными глазами навалилась на дары моря; наверное, она принципиально была против использования хитрых столовых инструментов, потому, что и креветок, и лангустов, и еще внутренности каких-то коричневых ракушек она пригоршнями отправляла в рот, не забывая сдабривать эту морскую фауну вином, которое пила прямо из бутылки. Гурий Иванович отдал должное бараньей лопатке, причем большую ее часть он сумел про запас запихнуть во внутренний карман своего выцветшего плаща. Мышка-норушка прямо-таки завизжала, увидев россыпи панировочных сухарей. Клара принялась поедать куриные котлетки с крошечными помидорками – «черри». Я выбрал себе кусок холодной говядины, отваренной с чесноком, намазал кусок черного хлеба протертым хреном, - мне нравится самая простая еда. Осмотрелся и обнаружил пучок зеленого лука - люблю заедать мясо луком, макая его в солонку…

- Человечество много чего нагородило о гармонии, - сказал дервиш, - а гармония – это сытость… Сытый человек находится в гармонии с миром и самим

собой, он презирает революции, он мечтает о здоровом сне, а потом о здоровом сексе…или наоборот, кто как…

- Сытому человеку наплевать и на поиски подозрительных сокровищ, - вставил я. – Налейте-ка мне вон того черного вина!..

Он налил, и в это время в динамиках господам и дамам сказали, что выступает виртуоз игры на двуручной пиле Гурий.

- Гурию рукоплескал Вашингтон! – говорили динамики. – Ему бисировали в Лондоне, Париже, Коловертном, Мадриде, Уральске, Круглоозерном. Он лауреат международного конкурса в Семиглавом Маре…

- Это я, - скромно сказал Гурий Иванович и стал пробиваться на сцену, где уже две молодицы, почти без юбок, вытащили инструмент; видно было, что пила свеже наточена, зубья разведены, хоть играть на ней, хоть валить лес – все сподручно. Гурий Иванович под гром аплодисментов поднялся на сцену, поклонился. Поднял полы плаща, заткнул их за пояс, роговым гребнем расчесал бороду на две части, чтоб не мешала.

- Откуда они в этом миллениуме узнали о его способностях? – спросила с набитым ртом Ирина Николаевна.

Я пожал плечами, а мышка сказала:

- Слава впереди человека бежит…

- Абсурд! – сказала Ирина Николаевна. – Все здесь сейчас неправильно, одно с другим не сходится, как в испорченном телефоне.

- А разве, девушка, все на свете должно сходиться? – подлетел к ней некто в черной маске над густо накрахмаленной грудью. – Разве так в жизни задумано? Не успел человек родиться, а где-то уже и невесту ему замышляют?.. И троих деток, и гипертонию, и локальный конфликт, и пехотную мину?..

- Есть высший смысл, и высший план, и без них ничего не бывает! – уперлась девчушка с зачарованными очами. – Вот когда крутишь ручку швейной машины, то знаешь, что рано или поздно нитки кончатся, и это запланировано, и по другому быть не может… Не бывает бесконечных катушек, бывают большие, бывают маленькие, но бесконечных еще никто не видел… И так в жизни всегда…

- Это не аксиома. Если этого никто не видел, то не значит, что этого не бывает, - принялся уговаривать ее некто в черной маске, склоняясь к ее плечу. – Если вам представить бесконечную нить, то это и станет доказательством случайности, абсурдности мира, так?

- Ну, принесите мне шпулю с такой нитью, принесите! – принялась кокетничать Ирина Николаевна с маской. При этом она старательно не смотрела в мою сторону.

В это время на сцене дервиш взялся за смычок, выгнул пилу, как лук перед стрельбой, и заиграл что-то пронзительно знакомое. Гимн родной чердачной страны?.. Реквием по прошлому?.. Сюиту несбывшихся надежд?..

В зале все притихли, повернулись к Гурию Ивановичу. Что за музыка, что за музыкант! Дамы принялись вытирать слезы, мужчины тоже достали из нагрудных карманов кипельные платочки – пробрало публику.

- Браво! Брависсимо! – закричала Мирра, успевшая приложиться к черному вину. – Какой талантище!.. А композитор-то кто? Моцарт? Второй концерт для пилы с оркестром? Колоссально!.. Александр Водолазов – сочинение номер тринадцать си бемоль?

Гурий Иванович принялся играть на бис, раскраснелся, оказывается, и тайному посланцу чердачной цивилизации приятен неожиданный публичный успех.

Черная маска не отходил от девчушки с зачарованными глазами, которые, показалось мне, стали еще зачарованнее – от креветок ли, от вина ли, от слов маски?..

- Так, где же нескончаемая шпуля? – говорила она.

- Обещайте, если я вам преподнесу такую, вы публично признаетесь в своих заблуждениях? – отвечал он.

- Обещаю, охотно! – легкомысленно клялась она.

Маска хлопнул в ладоши, затянутые белоснежными перчатками, к нему подлетела другая маска – вся в новогодних блесках, они пошептались, и вторая исчезла. Впрочем, тут же появилась с подносом в руках, в центре которого лежала обыкновенная шпуля с белыми нитками – хоть подворотничок подшивать, хоть укреплять пуговицы на кальсонах, хоть подвенечное платье шить – на все годятся такие нитки.

Маска в новогодних блестках поклонилась и протянула шпулю Ирине Николаевне. Та осторожно, как взрыватель, взяла ее, покрутила перед глазами, потянула за конец нитки – нитка побежала к ее ногам, как тонюсенький вьющийся белый лучик, заблудившийся в миллениуме. Ирина Николаевна стала быстрее сматывать нить и через пять минут она стояла уже в центре белого пятна –

нитяной паутины, и паутина эта все увеличивалась. И вот диво – дивное – ниток на шпуле меньше не становилось…

- Вы просто фокусник! – сказала черной маске Ирина Николаевна. – Это, наверное, обман зрения, отвод глаз, а на самом деле нитка давно кончилась…

Маска только покачал головой, развел руками, дескать, никаких фокусов, все без обмана.

Она еще ускорила сматывание, белая паутина под ее ногами выросла, но ниток на шпуле не убавилось. Тогда она оборвала нитку, сунула шпулю в карманчик куртки, и захохотала:

- Даже, если она и бесконечная, убедиться в этом невозможно… Можно всю жизнь посвятить ее разматыванию, но и это не будет доказательством: может, в ней ниток на две жизни, а то и на десять жизней? Так что, с полным основанием заявляю, что ничего бесконечного не бывает…

- А как же быть с бесконечностью вселенной? – спросил я.

Она даже не взглянула в мою сторону:

- Просто пока не могут измерить…

Со сцены спустился сияющий дервиш:

- Если бы наши видели мой триумф! Если бы они могли видеть!..

- Да, это было замечательно, - похвалил его я.

- У меня школа самого Юнга-младшего! – сказал он гордо, а я не решился спросить, а кто это такой. Мне также стыдно было, что я не знаю и Юнга-старшего. Нет, ни фига мы еще не знаем нашей великой культуры!

- Юнг-старший был основателем школы игры на бутылках, ножовках, двуручных пилах и напильниках, - просветил меня Гурий Иванович. – А как он играл на фуганке!.. Это надо было слышать!

- На фуганке – фуги? – оторвалась от панировочных сухарей Мирра. – Я что-то такое слышала. Или читала?..

- Нет, фуги другие играли, - пояснил дервиш. – Этот прославился Тринадцатой симфонией. Кстати, соло на пилах и долотах при первом исполнении симфонии исполнял сам Юри Фоменко.

- Само собой! – кивнул я, не имея понятия об этом эксклюзивном мастере игры на долотах и стамесках. – Но сегодня это для нас не очень актуально, не так ли?..

- Безусловно! – согласился он. – Я никогда не забываю нашей главной

цели…

- Вот именно! – сказала мышка-норушка.

- Значит, пора? – спросил я у дружной компании.- Отдохнули, насытились, погуляли на миллениуме, запаслись хорошей едой – теперь в путь?

- Да! - ответила компания.

- Нет, - сказала девчушка с зачарованными глазами. - Я без Семена не поеду… Без Семена Фаридовича… Кстати, знакомьтесь, это Семен…

Некто в маске вышел вперед, поклонился, как конферансье, стал обходить нас с рукопожатиями, как генерал после победы. Не знаю, как остальным, а мне он сразу не понравился. Ирина Николаевна с такой нежностью смотрела на этого Фаридовича, что у меня тревожно заныло сердце.

Маска откашлялся и произнес небольшую речь:

- Если честно, так вам без меня никак нельзя. Вам надо найти человека, а я как раз специалист по поиску человеков. У меня на каждого человека припасена своя ниточка на своей катушечке…

Так я и думал, девчушка с зачарованными глазами разболтала ему все наши секреты.

- Подумаешь, человека найти, - сказал я. – Мы и так знаем, где он, без ниточек на катушечках…

- Вы думаете, что предвестник в Коловертном? – выказал некто в маске полную осведомленность в наших делах.

- А где же еще?.. – спросил дервиш.

– Ага, сидит у всех на виду, всем он известен, школьники на него пальцами показывают: вот он, вот он – ждет кладоискателей!.. А вы хоть знаете, на каком уровне жизни он сейчас находится?..

- На каком-таком уровне? – переспросила мышка. – На обыкновенном…

- Не думал я, что вам неизвестно о существовании жизненных слоев, уровней существования. Они настолько наглядны, что приходится только удивляться, как долго люди не подозревали о их существовании…Вот, скажем, приезжает человек в какой-то город на поезде, и ему нужно найти такой-то дом. И улица ему известна, и номер дома, но кружит человек без толку по улицам – и тридцатый дом есть, и двадцать восьмой вот стоит рядом, а двадцать девятого нет. У кого ни спросишь, все только пожимают плечами: не знаем, не слышали, никогда такого не видели, может, и не было этого дома никогда? Но вы-то знаете,

что дом этот есть, и вам приходили из него письма, и там живет ваша давнишняя однокурсница и воспитывает вашего сына. Вы отчаиваетесь, торопитесь к полицейскому на перекрестке, но и он ничего не знает, звонит куда-то по телефону, потом разводит руками. А все дело в том, что дом этот находится в ином жизненном слое, который открывается, например, если прилететь в город на самолете, или придти туда пешком, или приплыть на плоту, или спрыгнуть с парашютом с дирижабля…А на поезде туда как раз нельзя. Высаживайтесь с плота, и тогда двадцать девятый дом оказывается рядом с двадцать восьмым и тридцатым, и старая однокурсница открывает дверь и говорит, что сын уехал в кругосветное путешествие, а потом наливает чаю, рассказывает, рассказывает, рассказывает, и вы не успеваете даже подумать о том, как она постарела… Вообще, очень важен способ передвижения для проникновения в разные уровни жизни. Попробуйте приехать на стареньком «Москвиче» в любой из тысяч наших маленьких городков. В какой-нибудь Ущучинск, Переплюйск, Дремучинск, Безбородинск… Вам откроется столько такого, чего вы никогда бы не увидели, приехав туда на поезде. Есть места, куда нужно добираться только пешком, есть и такие, которые требуют не просто пешего хода, но и обязательно босиком. Хотя никто не знает точно, почему открываются или наоборот закрываются разные уровни жизни. Иногда достаточно только остановиться, перевести дыхание – и вот ты среди дорогих тебе людей, а иногда неделями, годами бродишь среди совершенно чужих. Вы заметили, как часто пропадают из поля зрения некоторые люди – на годы, на десятилетия. И никуда они не уезжают, живут в соседнем с вами подъезде, ваши дети учатся в одной школы. И каждое утро вы с одной автобусной остановки отправляетесь на службу, но вы на пятнадцать минут раньше, потому, что ваше рекламное бюро на две остановки дальше. И вот эти непреодолимые пятнадцать минут разделяют вас на десятилетия. Вы, сами не зная того, оказались в разных жизненных слоях…

Или выходите вы каждым вечером постучать в домино, скоротать длинные июльские часы перед отходом ко сну – выкурить приятную и полезную для здоровья сигарету с ментолом, освободиться от анекдота про тещу, в общем, достойно провести досуг. Кроме вас, приходили Колька, Володька и Анвар, отличные ребята, свои в доску. А в один из вечеров Анвар не пришел, и никто не знает почему. Может, грипп, может, запой, может, на сверхурочную остался в своем водоканале? Без него домино не домино, и вот вы тащитесь в дом через

дорогу, спросить: рассчитывать на Анварку или как? И открывает вам дверь старший сержант санитарной службы Наталья Антиповна, та самая, за которой вы обещали тридцать лет назад вернуться в артиллерийскую часть, но так и не вернулись. Теперь она уже не сержант, давно демобилизовалась, поседела, но удивительным образом не изменилась; улыбка, глаза – ну, точно, как тридцать лет назад. И как ни в чем не бывало, говорит «Здравствуй, Петя! Анвар уехал на дачу – мотыги повез, через часок вернется». Тогда, дескать, и забьете козла. А вы думали о ней тридцать лет, разговаривали с ней бессонными ночами, объясняли как же так получилось, что на гражданке закружилась голова, встретилась старая однокурсница… Но с ней не сложилось… А потом вы искали ее, своего дорогого сержанта, но не нашли… А она спокойно отвечает вам: «Петя, милый мой! Не горюй! Видимо, выпало нам с тобой находиться в разных жизненных пластах… На протяжении тридцати лет я каждый вечер прохожу мимо столика, за которым ты сражаешься в козла, и ни разу за это время ты не поднял на меня глаза… «Пусто – пусто» выпало нам с тобой…Эх, Петя!..»

- Ты так рассказываешь, будто сам настрадался от этих уровней, - сказал я Семену Фаридовичу.

- Это моя специальность, - ответил он. – И еще одно хочу сказать – жизненные пласты не привязаны к месту или времени, это нечто неуловимое, труднообъяснимое, а, скорее всего, – совершенно необъяснимое. Один ходит по улице всю жизнь, и за всю жизнь не разу не спотыкнется, не наступит даже в собачье дерьмо, а другой на той же самой улице чуть не каждый день попадает в медвежьи капканы, весь изуродован, не верит в добро… Нет, это не судьба такая, у судьбы ставки крупнее. Не путайте и с другими измерениями… В общем, без меня вам не обойтись…

Специалист по уровням замолчал, уставился на меня. Наверное, лицо у меня было подстать ананасу – красивое и очень умное.

- Ладно! – сказал я. – Собирайся…

- Все мое – при мне! – радостно сказал он, и снял с лица черную маску. Но как будто ничего не изменилось у него на лице.

Ирина Николаевна подошла ко мне, откашлялась.

- Ты прости меня, - произнесла драматическим шепотом.

- Ничего, - ответил я. – У тебя же все быстро, да?..

- Ну, разве я виновата, что полюбила Семена? Виновата?

- Нет, - сказал я. – Ты виновата, что разлюбила…

- Прости!.. – она прикоснулась к моей руке, и я почувствовал ледяной холод ее ладоней.

- Хватит шептаться! – пропищала мышка-норушка. – Пора в дорогу!..

Ночь.

Всю ночь бронированная буква «О» гонялась за мной по желтой, раскисшей от дождей равнине, а когда она настигала меня, я в ужасе просыпался и слышал, как на верхней полке счастливо вздыхает возлюбленная парочка. И как посапывает на боковой лежанке увязавшаяся за нами Клара. Я с усилием смыкал веки, и тотчас начинала наступление ужасная буква. На пластмассе столика дребезжали бутылки, стаканы, ложечки в стаканах. Кажется, восемь суток назад сели мы в этот поезд, и все восемь суток была ночь. Я протянул руку и нащупал бутылку, кажется, не пустую. Глоток водки нежданной сладостью разошелся по гортани; как хороша бывает водка ранним утром, еще до света, как освежает она, как обостряет чувства, пробуждает память.

…Двадцать два года назад меня занимала проблема свободного полета. Если человек летает во сне, думал я, то он обязательно должен уметь это наяву. Сон – только отраженная уставшим за день мозгом реальность. Может быть, когда-то давно мы все умели летать, но потом разучились, забыли? – мучался я. Наверное, нужен только толчок, отправная точка для полета – и развернутся за спиной легкие крылья, и наполнятся легкие встречным ветром. Самый эффективный и быстрый способ научить плавать – выбросить из лодки дрожащего от страха ученика на самой середине глубокой реки; он обязательно поплывет. Если не утонет или не умрет от разрыва сердца. Разве этот способ не подойдет и для тех, кто учится летать? Многие до меня терпели неудачу, падали с колоколен, отвесных стен и разбивались; я объяснял это тем, что они пытались подправить природу, привязывая к рукам самодельные крылья, а достаточно только расправить те, что тебе даны от рождения – невидимые, но самые надежные.

Город, где я жил тогда, прижимался горячими летними щеками прямо к подножью гор. Когда было особенно жарко, я поднимал глаза на заснеженные вершины, и это помогало, как глоток воды из горной речки. Там-то я решил

проверить свою незамысловатую теорию.

Однажды, нагрузившись рюкзаками с провизией, не забыв гитару, мы с приятелями и подружками отправились в горы. Расположились неподалеку от скал, расписанных туристами. Огромные эти скалы казались неприступными, но многочисленные надписи говорили об обратном. Я выпил стакан вина и начал карабкаться на каменную стену.

- Ты что, свихнулся? – закричали вслед подружки. – Ой, ой, скалолазик наш понарошечный…

«…непролившиеся дожди, притаившиеся лавины», - пропела гитара

Я понял, что путь к отступлению закрыт. И, наверное, вот в эту секунду кончился полет. Не начавшись.

Я поднимался все выше и выше. Каменное крошево летело из-под подошв, и не тотчас откликалось снизу. Не сразу заметил я, что в кровь ободраны вальцы, промелькнула дурацкая мысль, что вино сегодня будут допивать без меня. Внизу среди подружек осталась и та, чьи насмешки особенно ранили меня, теперь, скорее всего, она не будет смеяться.

Я знал, конечно, что нельзя смотреть вниз, но посмотрел. И прилип животом к нагретому на солнце камню. Я сумел рассмотреть, как внизу вдоль голубой ниточки горной речушки ползут две красных мыльницы – автобусы, и подумал, что они уедут сегодня без меня. До вершины скалы оставалось совсем немного, мне прекрасно было видна крошечная березка, каким-то сумасшедшим образом сумевшая вырасти там почти на голом камне, но сдвинуться с места меня не могла никакая сила в мире, даже сила трусости, даже боязнь насмешек моей веселой подружки.

- Ну что ты прилип, - едва-едва услышал я снизу ее голос. – Автобусы пришли, надо собираться… Чего ты так обнимаешь этот камень?.. Мне даже немного завидно…

Я молчал, чувствуя каменное напряжение, которым наливаются мышцы. Нет, человек не создан для свободного парения! Как я мог думать иначе?.. Глупо, как глупо разбиться в воскресный день на глазах у праздной публики. Глупо изобретать никчемные теории – они, может, и хороши для беллетристики, но как жалки в жизни, разогретой июлем, хрустящей молодым апортом, сверкающей загорелыми девичьими коленками!..

- Слезай, хватит уже! – потеряли терпение друзья. – Не так уж и много ты

выпил!..

- Может, случилось что? – наконец, тревожная нотка послышалась и в голосе подружки. – Эээээййй! На горе! У тебя все в порядке?

Я молчал. Тогда только друзья принялись карабкаться ко мне, вместе с ними и подружка-насмешница. Когда они добрались до меня, я превратился в самую раскаленную часть скалы, такую же неживую.

- Ну, ты что, старик? Голова закружилась? – подбросили они мне спасительное объяснение.

- Испугался!.. – не решился я соврать, да и не для чего было.

Они аккуратно обвязали меня веревкой и, как тюфяк, спустили к подножью скалы. Мы собрали рюкзаки, допили вино и успели к автобусам. Друзья травили анекдоты, подружки дружно хохотали, тремя минорными аккордами была совершенно истерзана гитара. Я громче всех пел «К синеглазым своим горам, не пора ли нам возвращаться?..» Насмешница обнимала меня за плечи, просила обязательно позвонить ей вечером.

Но я не позвонил ей. На другой день уехал на хлебоуборку, там работал все лето на славном комбайне СК – 4 с трубонаддувом и заработал двести девяносто рублей денег и семь центнеров зерна. В степи мне очень понравилось. Там не было гор, даже холмов – желтая равнина и все. Насмешница прислала мне на целину посылку с сигаретами и шоколадом. И записку: «Жду». С тех пор я не видел ее. Как-то так случилось, что мне пришлось переехать в другой город, она, кажется, тоже куда-то уехала; и, наверное, мы все-таки должны были увидеться, но к тому времени мной завладела иная идея – невидимости. И здесь я преуспел не только в теории, но и на практике.

Нет, я не разрабатывал микстур невидимости, таблеток прозрачности, не ломал голову над скафандром, который бы делал меня совершенно незаметным, не изобретал специальные лучи, в свете которых пропадало бы все. Я понимал, что состояние невидимости правило, а не исключение. В нем умудрились счастливо оставаться миллиарды безвестных обитателей Земли. Никто на них никогда не обращал внимания, и похоже они прекрасно без этого обходились. Им это было совершенно не нужно. Больше того, я думал, что эта их невидимость была залогом счастья. Они не изобретали порох, но им и не сносили головы на лобном месте, они не получали орденских лент за победы в великих сражениях, но зато спали по ночам без кошмаров и гордились не количеством убитых врагов,

а числом рожденных ребятишек…

Мне хотелось быть невидимым, я надеялся хотя бы так перебить горечь катастрофы на скале. Для этого, считал я, важно убедить себя в своей невидимости – и все произойдет как бы само по себе. Я часами твердил себе: «Меня никто не видит, никто не замечает!.. Никто-никто-никто…» И однажды вечером зашел старый друг, постучал в мою дверь. Я не ответил, сам не знаю почему. Промолчал – и все. Он еще постучал, потом толкнул дверь, вошел в комнату, позвал меня по имени. Я сидел перед ним на табуретке, а он меня не видел. И лампочка под потолком сияла во всю силу, а он меня не видел. Я стал невидимым. Друг походил по комнате, посидел на второй табуретке, написал записку и ушел. С тех пор я научился пропадать – для друзей, для Марии, а иногда кажется – и для себя самого тоже.

И еще. Почему-то с тех пор я живу с ощущением того, что ночей стало больше, чем дней. Может, я просто не успеваю их замечать?..

Я открыл глаза, поезд стоял на темном ветреном полустанке.

- Может, нам выходить уже? – свесилась с верхней полки Ирина Николаевна. Но не рассмотрела меня. Легко спрыгнула, растормошила Гурия Ивановича, Клару:

- Какая-то странная остановка, в расписании ее нет.

- Наверное, расписание старое, - предположил дервиш. – Сейчас часто так бывает. Наверное, чтобы люди не пугались нового, его прикрывают старым. Нужно у проводника спросить…

- Не нужен нам проводник! – спустился вниз и Семен Фаридович. – Если именно здесь открывается проход в нужный нам уровень жизни, то поезд будет стоять до тех пор, пока мы не сойдем с него… Если, конечно, проход открыт именно для нас… Чтобы убедиться в этом, достаточно сойти с поезда. Но шестое чувство специалиста по уровням подсказывает мне, что именно нас дожидается поезд.

- Тогда нечего тянуть! – сказал я, и девчушка с зачарованными глазами с удивлением уставилась на меня: только что рассмотрела.

- А я уж подумала, что ты бросил нас, сошел в Мокроусе, - сказала она. – А ты здесь, как я тебя не заметила?

- Не мудрено было не заметить, - сказала Мирра. – Вы там наверху всю ночь вообще никого не замечали…

- Нет, просто он невидимым умеет быть, - ответила Ирина Николаевна. – И это немного тревожит…

Собрав свои нехитрые пожитки, мы вылезли из поезда, и вагоны тотчас покатили по рельсам, оставив нас в тяжелой, вязкой темноте. Где-то невообразимо далеко мерцал оранжевый огонек, и мы пошли на это мерцание, включив свои фонарики, как в подземелье.

- Не кажется ли вам, друзья, что в нашей жизни случился как бы перебор темноты? - спросила Ирина Николаевна. – По времени давно уже должно быть утро, одиннадцать часов, а здесь кромешный мрак…

- Число ночей все увеличивается, - сказал я, но меня не расслышали.

- Вот найдем сокровище, разбогатеем, - мечтательно произнесла мышка-норушка, - я куплю себе сенбернара.

- Зачем тебе такого огромного пса? – удивился Семен Фаридович. – Знаешь, сколько он жрет?.. Барана целиком проглатывает!..

- Вот и хорошо! – обрадовалась мышка. – А уж котов он будет, как семечки щелкать! И еще куплю себе подвал самого большого магазина в городе… Представляете, сколько там крошек! Или куплю подполье в библиотеке…

- Что, там тоже крошки? – спросила Ирина Николаевна.

- Там - богатства самые-самые!.. Наверху в парадных залах стоят книги, которые никто не читает, а внизу томятся самые интересные и правдивые. Чем правдивее книжка, тем глубже она запрятана.

- Так мы, оказывается, сокровище ищем! – восторженно закричала увязавшаяся за нами Клара. – Как интересно!.. Мне деньги как раз очень нужны!..

Наконец, забрезжил рассвет, ближе к полудню. Оказалось, что оранжевый огонек, к которому мы пробивались, - лампочка на столбе перед крошечной железнодорожной лачугой, будкой, сложенной из старых шпал. А вокруг простиралась все та же бесконечная желтая равнина.

Дощатая дверь была не заперта, в ней оказались стол, несколько деревянных ящиков, служивших табуретками, на столе лежала географическая карта. Я присмотрелся, знакомые названия: Первые Чижи, Вторые Чижи, Семиглавый Мар, Переметный, Ростоши, Большой Чаган, Коловертное…

- Вот, Коловертное! – указал пальцем на карту Семен Фаридович. – Это подтверждение моей правоты… Теперь пришла пора той катушки с белыми нитками… Она еще цела?

- Я случайно прихватила ее с собой, - сказала Ирина Николаевна.

- Ничего случайного не бывает, - глубокомысленно заметил Семен Фаридович. – Давайте ее сюда…

Он взял шпулю, нашел конец нитки, намотал ее на пальцы правой руки, вышел из железнодорожного домика и бросил ее далеко перед собой, она белой точкой сверкнула в первых рассветных лучах, стала подать вниз, но, вдруг, зависла над землей, как ранний жаворонок, и как будто потянула за собой Семена Фаридовича. Во всяком случае, он подался за ней, крикнул:

- За мной! Теперь не отставайте!

- Может, здесь полтыщи верст? – спросил я, но тоже прибавил хода.

- Может, и больше! – ответил специалист по уровням жизни. – Но дорога быстро подходит к концу…

И на самом деле, хотя ноги скользили по желтой глине, нитка быстро тянула нас за собой и, вдруг, показался большой поселок, он надвигался на нас глинобитными домами, некрашеными заборами, выцветшими флагами нaI кривыми крышами, и уже были видны на улицах буксующие грузовики, люди в брезентовых плащах, резиновых сапогах, и мы приготовились разговаривать с ними, узнавать об их жизнях, но нитка потянула куда-то в сторону, и мелькнула табличка с затертым названием «…чижи», и поселок принялся, как будто, отползать в сторону, но тут же нас вынесло на яр степной речки, вдоль которого мы пронеслись за минуту, и показался другой поселок.

- Выходим на нужный уровень, точно! – закричал Семен Фаридович. – Чувствую, что до предвестника рукой подать.

- Это уже Коловертное? – спросила Ирина Николаевна.

- Быстрая ты какая! – пробурчал Гурий Иванович. – Не реактивные же мы!..

Этот поселок мы пересекли по главной улице, успев купить у приветливых местных жителей соленых огурцов и пирог с капустой.

- Что это за населенный пункт? – спросила Клара.

- А вы не в Коловертное путь держите? – ответили вопросом на вопрос.

- Туда, туда! – закричала Ирина Николаевна. – А далеко еще?..

- Не знаем! – ответили селяне. – Кабы, ведали туда дорогу, давно бы ушли отсюда. Надоели эти огурцы, да капуста, а больше тут ничего нет…

- А в Коловертном лучше жизнь? – спросила нуждавшаяся в деньгах Клара.

- Насчет того – лучше или хуже – не знаем, но слыхали, что храм там стоит,

и вокруг храма люди бывают…Там всегда старались по вере жить…

- Получилось? – спросил я.

Ответа я не услышал, потому, что нитка потянула нас в сторону от огуречно-капустного поселка, и сразу же на горизонте показался деревянный городок – деревянные крыши, деревянные сараи, деревянные палисады. А вокруг ни одного деревца, только старые замшелые пни. Наверное, вывели весь лес на дома и сараи. Навстречу нам выслана была депутация знатных горожан, которые принялись было благодарить нас за счастье, которое мы доставили им своим прибытием, и зазывать нас на банкет по этому случаю, но быстро выяснилось, что нас перепутали с отважными космонавтами, которые родились и выросли в этом городке, а потом оперились и улетели на Луну или еще дальше. Депутация быстро отступила, за ней пропал и городок, а перед нами развернулся степной простор, на горизонте которого горбатилась чугунными конструкциями ржавчина космодрома, где время от времени воплощались в жизнь дерзновенные мечты человечества.

- Как бы я хотела полететь в космос! – мечтательно протянула Ирина Николаевна. – Чтобы парить птицей над далекой Землей, и видеть все-все…

- Зачем тебе видеть все? – спросил я. – Тем более все-все?..

- Злой ты! – сказала она. – Не знала я…

- Я сам не знал…

Нитка потянула нас к стартовой площадке, на которой устанавливали на пусковой стол огромную ракету. Люди хлопотали, подключая к ракете какие-то провода и шланги, приборы со стрелками и без стрелок.

- Как дела, ребята? – закричал Семен Фаридович. – Куда собираетесь?.. Может, подбросите до Коловертного.

Ребята дружно засмеялись:

- Так вот оно, Коловертное, сразу за космодромом. Туда и пешком десять минут неспешного хода…

- А мы и не заметили! – сокрушился Гурий Иванович. – Голова кругом от этого космоса идет…

- Может, вы и не заметили, - сказал торжественно Семен Фаридович, - может, у вас и голова кругом идет… Но есть люди, которые ничего не упускают из вида и не страдают головокружениями… Мы у цели!..

- Так, где же предвестник? – пропищала мышка-норушка.

- Где он, где? – произнес дервиш.

- Что-то не вижу я своего братишку, Жирбургера, - подтвердила Ирина Николаевна.

- Внимательнее следите за ниткой! – сказал Семен Фаридович.

Белая нитяная линия добралась до ракеты и, вдруг, стала подниматься вверх, до самой капсулы, в которую готовился забраться космонавт в серебристом скафандре.

Одного взгляда на его нескладную фигуру хватило, чтобы понять: именно он нам и нужен.

- Димка, слезь на минутку! – закричала Ирина Николаевна. – Мы тебя ищем, а ты куда намылился?

- Ирка?! – узнал сестру космонавт. – Не могу спуститься, уже отсчет предстартовый идет… По предсказанью мы в ракете должны встретиться. «Огненное зерно станет местом встречи Предвестника и Человека Ключа…» - процитировал он по памяти, и добавил:

- Заправлены в планшеты космические карты… Если что, давайте по быстрому вы ко мне!.. У нас еще в запасе четырнадцать минут… Там внизу в каптерке скафандры в углу свалены.

- Быстро, быстро! – принялся подгонять нас специалист по жизненным уровням, и мы бросились в каптерку – тесную комнатку – где каждому из нас досталось по добротному скафандру, даже мышке-норушке нашелся крошечный комический костюмчик.

- Как будто для нас припасено! – восхитилась Ирина Николаевна. Она была необыкновенно хороша в сверкающем серебряном скафандре.

- Для нас и припасено! – буркнул Гурий Иванович.

- Класс! – восхитилась Клара.

Лифт неспешно поднял нас на вершину стартовой башни. Вокруг нее простиралась все та же желтая равнина, неподалеку буксовали грузовики, в кузовах которых сидели люди в брезентовых плащах. «Наверное, где-то неподалеку есть завод, который производит специальные буксующие грузовики», - подумал я.

- Забирайтесь, забирайтесь! – стал приглашать нас в капсулу Дмитрий. – Я знал, что вы успеете, знал!.. Располагайтесь, время еще есть. Осторожно, не нажмите вон ту красную кнопку…

И, конечно же, Ирина Николаевна тут же нажала на эту кнопку.

Загрохотало все вокруг, завибрировали стенки капсулы, щелкнул замок люка, а через секунду нас придавило к полу гравитацией.

- Что ты наделала! – закричал Дмитрий. – Мы стартовали!..

- Сбылась твоя мечта! – крикнул я побледневшей Ирине Николаевне. – Ты паришь…Все ли тебе видно?..

- Дурак! – сказала она.

- Ой, а парашюта здесь нет? – спросила Клара.

- Только один, - ответил Жирбургер. – Кому его отдать?..

- Мне! – закричала Клара.

Он достал из-под сиденья парашют, передал его испуганной девушке, потом помог ей не запутаться в лямках и ремнях, показал кольцо, за которое нужно было дергать после прыжка.

- Простите меня! Простите, пожалуйста…– стала она прощаться с нами. – Я буду помнить вас… С вами так интересно было…

- Где здесь люк, куда прыгать? – спросила она у предвестника. Он показал ей люк, обнял Клару.

- Только люк снаружи задраен, - сказал он. – Его нельзя изнутри открыть…

- Нельзя?.. – завопила Клара. – Как нельзя?.. Зачем же вы дали мне этот мешок тяжеленный?..

От отчаянья она дернула за парашютное кольцо, парашют раскрылся, и мы оказались в огромном ворохе шелка.

- Что теперь будет с нами? – пропищала Мирра. – Мы погибнем?..

- Шутишь? – сказал Жиртрест. – Это лучшая ракета в мире…Сейчас повернем куда нужно…И ведь в предсказании сказано, что «Огненный шлейф придет им на помощь…» Помните?..

- Ой, меня, кажется, укачивает! – сказала мышка-норушка.

- Потерпи! – сказал предвестник. – Дорога наша недлинная.

Он взял у Гурия Ивановича свиток, добытый в глыбе льда, сверил его с какой-то своей бумажкой, а потом сверил с показаниями приборов, покрутил многочисленные регуляторы, ручки и маховики двинул кулаком по какому-то манометру, выглянул в иллюминатор и добавил:

- Уральск, приземляемся. Все рассчитано точно!

Клара сидела на полу на раскрывшемся парашюте и улыбалась непонятно

чему. Может быть, радовалась окончанию космического полета.

Ракета еще немного погрохотала, но вскоре стихла, приземлилась почти без крена. Мы приникли к иллюминаторам: ракета стояла в центре города, у кинотеатра имени Чапаева. Люди проходили мимо, не обращая никакого внимания на огромный космический челн. У одного из стабилизаторов ракеты расположилась мороженщица, продавала эскимо на палочках. Певица в громкоговорителе, укрепленном на стене кинотеатра, выводила: «Ты сегодня мне принес не букет из алых роз, не тюльпаны и не лилии, протянул мне скромно ты эти белые цветы, а они такие милые! Ландыши, ландыши…». С другой стороны кинотеатра расположился пивной ларек, у которого с десяток небритых личностей пили пиво из пузатых кружек, сдувая пену. По улицам, заросшим бурьяном, бродили куры, меченные разноцветной краской, время от времени неспешно проезжали, поднимая пыль, велосипедисты; бельевые прищепки предохраняли штанины велосипедистов от попадания их в цепь. На тротуаре, мощенном жженым кирпичом, мальчишки играли в «орлянку», «натяжку», звенели монетами. Напротив кинотеатра гарцевал казачий разъезд – малиновые лампасы, малиновые околыши, окладистые бороды, устрашающие пики. Посереди улицы две молодухи в синих сарафанах несли на узорных коромыслах ведра с водой; чтобы вода не расплескивалась, в ведра на поверхность воды были положены чистые плоские дощечки… А еще дальше – в переулках и улицах - были видны другие космические ракеты, на них тоже не обращали внимания.

- Какой-то странный город! – сказала Клара.

- Это населенный пункт, опередивший время, - сказал Семен Фаридович. – Здесь еще двести тридцать два года тому назад была изобретена и построена машина времени. Целый временной агрегат, мощный, безотказный. Сначала жители города бросились посещать далекое будущее, натащили оттуда груды неизносимых колготок, тонны искусственного золота, кубометры синтезированных алмазов, отряды искусственных женщин, но быстро разочаровались в этих ценностях, стали наведываться в темное прошлое – посмотреть на гибель Атлантиды, поучаствовать в Троянской войне, познакомиться с Рамзесом Вторым, но история оказалась не такой красочной, чем в учебниках и романах, и желающих посмотреть на грубое воинство Чингис-хана, сфотографироваться с Клеопатрой, оказавшейся не такой уж красавицей, взять автограф у желчного Шекспира становилось все меньше… И, конечно, была бы поломана и

заброшена, как не оправдавшая надежд, эта временная машина, но пришло в голову горожанам перенести весь город в какое-нибудь далекое-далекое время, до которого не доберутся радетели народные и всякие революционеры и полководцы, и установить там такое время, когда была спокойная, счастливая жизнь. Стали выбирать. Одни захотели, чтобы вернулись шестидесятые годы, другие – предвоенные, третьи вообще хотели на два века назад. Долго не могли решить, но выход был найден. Каждый выбрал себе время по душе. Теперь на одной улице здесь купеческий разгульный трактир, на другой - молодежное кафе со спорами о физиках и лириках, на третьей – казачьи курени… Здесь, порою, на одной улице сходятся два разных времени. Вон посмотрите, через две улицы отсюда, горожане готовятся к посещению города цесаревичем Александром, а наискосок от них расклеены афиши мюзикла «Чаган – XXII век». И никто никому не мешает. Наша ракета села на улице, где установлен пятьдесят шестой год…

- Я слышал, что есть такие города, но никогда не бывал в них, - сказал Гурий Иванович.

Мы выбрались из ракеты, вдохнули воздуха разных эпох.

- Интересно, а есть ли здесь улица, на которой 1833 год установлен? – спросила мышка-норушка. – Так хочется Пушкина увидеть, ведь он именно в этом году сюда приезжал…

- Конечно, есть, - сказал Гурий Иванович. – И совсем отсюда недалеко, да вон и крыша атаманского дома виднеется…Но нам нужно в противоположную сторону, туда, где пятьдесят третий год…

- Ну, хоть одним глазком, а? Хоть издалека? – стала умолять Мирра.

- Может, правда подойдем поближе? – предложил я. – Что могут решить пять – десять минут?..

- Даже секунды иногда многое решают, - тонко подметил предвестник, но сам первым сделал шаг по направлению к дому наказного атамана. Мы все за ним.

И тут же подернулись осенней позолотой кроны деревьев, потянуло сентябрьской прохладой.

- Двадцать первое сентября, - вспомнил Семен Фаридович. – С минуты на минуту он подъедет…

И сейчас же показалась коляска, запыленная, на заднике сундук; подлетела к парадному крыльцу. Часовой из полосатой будки кинулся докладывать начальству о знатном петербургском госте. И вот уже сбегают по лестнице

казачьи офицеры – сияют эполеты, на бородатых старообрядческих лицах почтение к прибывшему. Как же, столичная птица! С царем каждый день ручкается. Обласкан властью, а жена – первая придворная красавица. Но как посмотреть. Наши уралки-то не хуже будут! Одна Аграфена Абрамовна чего стоит!..

- Это Василий Осипович Покатилов, Федот Григорьевич Бизянов, Стахей Дмитриевич Мизинов, - прошептал Семен Фаридович. – Герои! В каких только сражениях не участвовали, в каких только землях не бывали!

И откуда он их всех знает?

И раскрывают казаки объятья навстречу странному человеку – низкорослому, подвижному, чернявому, - почти мальчишке. А тот улыбается, сбрасывает дорожную шинель с бархатными обшлагами, остается в сюртуке. Такой путь проделал – от самого Оренбурга, а как будто и не устал. Глаза блестят, вокруг огладывается – все интересно ему. Городок невелик, а домов каменных немало, купола старинных церквей видны. А вот по улице шествует верблюд… Какое странное смешение Европы и Азии!..

- Так у него маникюр! – заметила Клара, глазастая. – А ногти, ногти длиннющие!..

- А борода какая! А у нас в учебнике его портрет был, так без бороды, - сказала Ирина Николаевна.

- Барин!.. – прошептала Клара. – Сразу видать!..

- Пушкин! Живой! – пропищала из нагрудного кармана Мирра. – Вот бы автограф взять!..

И тут же сорвалась с места Клара, полетела к поэту:

- Александр Сергеевич! – закричала она. – Александр… Не уничтожайте десятую главу «Онегина», пожалуйста!.. И самое главное – в тридцать шестом году уезжайте за границу годика на три… Развейтесь!.. Уезжайте!..

Пушкин улыбнулся, помахал ей рукой. Ничего не расслышал. Повернулся и, окруженный офицерами, скрылся в атаманском доме.

- Может, он вечер поэтический будет здесь проводить? – спросила с надеждой Клара. – Надо как-то предупредить его о Дантесе…

- Не будет никакого вечера, - сказал Гурий Иванович. – И предупреждать его не нужно… Пушкин погиб в тридцать седьмом, а тот, который остался жить – не Пушкин…

- Может, пора уже вспомнить о том, зачем мы сюда пожаловали? – спросил предвестник. – Пришел, наконец, черед нашей тайне… Долго мне еще носить с собой этот калейдоскоп?.. Я нашел его в Коловертном, и что-то подсказало мне, что это и есть Волшебное Око…

Он вытащил из кармана картонный цилиндр детского калейдоскопа, протянул его мне. Я заглянул в игрушку, но ничего не увидел – на ней отсутствовал окуляр.

И тут я вспомнил о стекляшке, которую мы нашли в подземелье. Не выпала ли она из кармана?

Стекло оказалось на месте, и точно подошло к калейдоскопу. Как тут и было!

Я пальцами протер окуляр и посмотрел через него на свет. Узор из стекляшек походил на букет разноцветных гвоздик. Я встряхнул игрушку, и внезапно стекляшки исчезли, осыпались куда-то вниз, и я увидел, как в бинокль, длинное приземистое одноэтажное здание с двумя псевдопортиками, с обшарпанными колоннами. Изображение на секунду затуманилось, но тут же прояснилось, двинулось на меня, хотя я стоял на месте.

- Просто кино какое-то, - пробормотал я. А тем временем здание в волшебном калейдоскопе проплыло мимо меня, и я как бы оказался в обширном дворе, в глубине которого находилось огромное помещение без окон – лабаз, на огромных дверях которого висел ржавый замок. Лабаз был явно заброшен, крыша его местами обвалилась вовнутрь, на трухлявых бревнах перекрытий утробно урчали дикие голуби. Изображение в калейдоскопе удивительным образом проникло за двери лабаза и вот возникла огромная куча битого кирпича, драного рубероида, мотков проволоки…, - всего, что не нужно человеку, но что всегда можно найти там, где человек живет.

- Ну что, что там видно? – спросила нетерпеливая Ирина Николаевна.

- Мы добрались, наконец, до места? – не удержалась мышка-норушка.

- Не томи, скажи что видно? – сказал Семен Фаридович.

- Там виден клад, - сказал я и опустил калейдоскоп. И ахнул. Мы стояли около того самого здания, которое только показывал калейдоскоп. Как мы прежде его не заметили?

Наша эра

- За мной! – сказал я, и мы направились к зданию, прошли мимо обшарпанных колонн, мимо покосившегося забора, зашли в распахнутые ворота и увидели в глубине двора старый разбитый лабаз. Казалось, что запустение и тоска смотрели на нас из каждой щели.

- Здесь!.. – сказал я, хотел добавить «Здесь сокровище», но промолчал.

Мы осторожно, словно боясь подорваться на пехотной мине, подошли к дверям лабаза. Замок давно уже ничего не охранял. Дмитрий толкнул рукой дверь, и она с грохотом, подняв тучу пыли, упала внутрь на огромную кучу мусора.

- Надеюсь, уже сегодня мы выйдем отсюда богатыми, - сказала девчушка с зачарованными глазами - Ирина Николаевна. – А лучше очень богатыми! Скажи, Сема?..

- Неплохо бы! – подтвердил Семен Фаридович – черная маска.

- Сокровище – терпеливым и усердным! – не удержалась от лозунга Мирра – мышка-норушка.

- Ой, мамочки! – только и сказала Клара – похитительница кораллов у Карла.

- Все драгоценности всегда у нас под ногами, - произнес непонятно Жирбургер – предвестник.

- Главное – не разочароваться, - сказал Гурий Иванович – дервиш.

Не буду рассказывать, как мы разбирали эту кучу мусора, как копали и долбили землю, как ведрами, тачками и даже в пригоршнях вытаскивали золу, грязь, кирпичное крошево, битое стекло…, - всю дрянь, которая скрывает тайну, как показался сначала угол кирпичной кладки, как открылась таинственная стена, у которой, показалось, нет ни конца, ни края.

И, наконец, мы откопали железную дверь с кольцом вместо ручки…

- Теперь время Человека Ключа! – торжественно объявил Гурий Иванович.

Я достал ключ, вставил его в прорезь двери – ключ подошел точно.

- Ой, сейчас сердце выскочит! – прошептала Клара.

Я повернул ключ, выстрелом раздался щелчок замка, и дверь медленно, сама по себе, начала открываться. Минута, и мы оказались перед огромным зеркалом, и тут же принялись щуриться, закрываться ладонями от слепящих солнечных зайчиков.

- Где же золото? – спросил кто-то. – Где?.. Золото…Тут ничего нет…

- Вы посмотрите только! – закричала мышка-норушка. – На зеркало!..

Мы вгляделись в сияющую поверхность, стекло, как стекло…

- Может, его разбить надо, за ним богатство? – спросила Ирина Николаевна. Но ей никто не ответил. Мы смотрели в зеркало, и ужас заползал в наши души. Зеркало это не отражало нас. В нем были видны куски рубероида, зеленая бутылка с разбитым горлышком, смятая консервная банка, противоположная стена лабаза, а нас не было в глубине этого странного зеркала. Мы смотрели во все глаза, но напрасно.

И тогда Мирра прошептала:

- А, может быть, нас нет?.. И никогда не было?.. Может, вообще ничего нет?..

Мы испуганно взглянули друг на друга и стали выбираться из лабаза. И тут же, не прощаясь, разошлись по сторонам и смешались с обитателями города, где на каждой улице разные, но такие счастливые времена. И никто не обратил на нас никакого внимания…

Вторник

Февраль – последний месяц зимы, Урал впадает в Каспийское море, утром

жить тяжелее, чем вечером, кнопку унитаза нужно нажимать плавно, как педаль газа в автомобиле, когда трогаешься. Антонида Петровна строго посмотрела на мужа и спросила:

- Помнишь старый анекдот про стаю журавлей?.. Из серии абстрактных? В студенчестве их травили почем зря…

И она заранее хохотнула.

Старик не помнил анекдота про стаю. Дундук.

- Ну, летит стая несколько дней без отдыха. Все журавли выбились из сил. И еще летят день, и еще два. Самый молодой журавль не выдержал, подлетел к вожаку стаи и спрашивает: «Долго еще лететь?». А вожак отвечает: «Тебе не все равно, ведь сегодня вторник…»

Она еще хохотнула, посмотрела с некоторым осуждением на его неулыбающееся лицо – не смешно ему с утра. Пива надо пить меньше, тогда и рассветы радостнее будут.

- Так вот, сегодня как раз вторник, - сообщила она ему на всякий случай.

- Ну и что? – не понял он.

- Абстрактный анекдот-то, - сказала она. – Воображение развитое нужно иметь… Парадоксалинку такую…чтобы дошло. Доперло. Доехало. Дозвонилось до мозгов, плавающих во вчерашнем прокисшем пиве…

- Да ладно! – махнул он рукой. – Не каждый день ведь… Витьку Иванова встретил, давно не виделись…

- Вообще-то мне все равно. По барабану. Типа фиолетово. Хоть упейся…

Старик подумал: может, обидеться? Но как ей это показать? Уходя на работу хлопнуть дверью? Обозвать стельной коровой? Отказаться от денег на обед? Или перестать разговаривать с ней, вздыхать и отводить глаза? Перестать по утрам нырять к ней под одеяло?.. А вообще, когда это было в последний раз? Кажется, осенью… В октябре. Почти пять месяцев назад. Тогда еще воду горячую отключили. И холодную тоже. Точно. Но сначала горячую. Она забралась под душ, полупрозрачные искривляющие стекла почему-то рисовали два силуэта, причем каждый в два раза тоньше ее нынешней фигуры. «Разделилась Антонида надвое, как инфузория», - прошептал он, и в это время послышался ее душераздирающий вопль – это как раз выключили горячую воду. «Ой, гаааадыыы, заморозили!» – кричала она, но тут пропала и холодная вода, и осталась Антонида с намыленной головой, вся в пене, Афродита

Кооперативная. Она когда-то в кооперативе каких-то культурных работников состояла, ошибки вычитывала в рукописях знакомых классиков.

Она закричала ему из ванной, чтобы он согрел в чайнике воды и принес бы ей. Воды в чайнике почти не было, поэтому он сказал, что сбегает к колонке с ведром, а она пусть ждет. Он взял ведро и отправился по воду. Колонка была недалеко, но народу к ней уже набежало порядочно. Он попытался рассказать очереди, что у него жена в ванной намыленная сидит, но никто не вник в его положение и положение Антониды Петровны. А кто-то даже крикнул: «У меня теща сидит, засыхает, как герань не политая, так я же не лезу без очереди!»

В общем, простоял он за водой с полчаса, набрал полное ведро и бегом домой. Приходит, а жена в кухне на табуретке сидит, в голове у нее, как паутина, пена засохшая, а волосы на лобке как будто поседели – тоже от пены.

- Тебя только за смертью посылать! – сказала она, но беззлобно, и посмотрела на него почему-то с нежностью. А он ожидал ругани. Тогда он налил воду в чайник, поставил его на газ, а сам подошел к ней и положил руку на ее прохладную грудь. И сразу почувствовал, как сосок, напрягшись, отреагировал на эту ласку.

- Пойдем на диван, - сказала она хрипло. И они пошли на диван. Потом он в ванной поливал ее теплой водой из чайника, она жмурилась, пофыркивала и молчала. Ничего не сказала за весь тогдашний вечер. Но прошло уже почти пять месяцев.

Он так и не решил – обижаться ему или нет, взял деньги на обед, про себя обозвал ее коровой – не стельной, обычной – и вышел из дома. А там его ждал февраль, но не хотелось ни чернил доставать, ни плакать. Не нужны ни чернила, ни слезы. Он забросил свой роман, - а о чем он писал, о чем? - лет десять назад, рукопись его не попадалась на глаза уже года три, а слезы не приходили к нему еще дольше. Все было хорошо.

Два удивительно бодрых утренних дворника из соседних домов, облаченные в огромные брезентовые плащи и вязаные шапочки, объединили усилия и посыпали тротуары песком, чтобы поступь пешеходов была прямой и уверенной. Глядя на них, спокойно думалось, что никакая опасность вышедшим на улицу сегодня не угрожает, но, увы!

Рядом завизжали тормоза, раздался дребезжащий удар и вслед за этим над головой стал нарастать смертельный грохот. Он поднял глаза вверх: на него

с высоты обрушивался огромный чугунный троллейбусный столб. Он закричал и бросился прочь, и вовремя, – именно в то место, где он стоял секунду назад, ударила многотонная конструкция. Он оцепенело смотрел на рухнувший столб, на врезавшуюся в него машину какого-то зелено-яблочного цвета и в голове крутилось: «Все равно сегодня вторник…»

Утренние дворники ни на миг не прекратили своей песочной деятельности.

Из машины выбралась дама в каракуле, а за ней такая же караракулевая собачонка. Дама закурила длиннющую черную сигаретину и принялась чертыхаться по поводу гололеда на дорогах, узких улиц, сволочных пешеходов, бродящих по проезжей части, где им вздумается. Собачонка подняла ногу над рухнувшим столбом, где хочу – там писаю.

- Мужчина – будете свидетелем, - подошла к нему каракулевая дама. – Что за сволочная жизнь, проезда нет никакого…

Он хотел спросить, а есть ли проход, в отличие от проезда, но не спросил.

Тогда она спросила его фамилию, и он ответил.

- А имя есть? – она вытащила из каракулевого кармана записную книжицу и тонюсенькую, как спичку, ручку.

- Есть, - сказал он. – Старик.

- Очень приятно, - протянула она руку. – Старуха…Мы тезки…

- Меня так в университете называли, и вот приклеилось на всю жизнь, - стал он объяснять, но она его перебила:

- Можно считать, что ты сегодня заново родился, - она показала на рухнувший столб. - Так что не Старик, а Младенец… Ничего что на «ты»?

- Я даже заметил, что если бы не твоя машина, - согласился он общаться на «ты», - то и поводов заново появляться на свет у меня было бы значительно меньше… Или вовсе не было…

- Ну, прости, Старик. Гололед свинский… Песком улицы совершенно не посыпают… Только вон тротуары похожи на пляжи, а ведь пешеходы, за редким исключением, не имеют веса автомобиля, а значит у них нет такой буйной инерции – чего о них так заботиться? И потом – машины много дороже большинства пешеходов, не находишь? Так что, извини…

- Ничего, извиняю с чистым сердцем, по-младенчески…

И тут подала голос пара дворников, энтузиастов метлы.

- Человек – это звучит!.. – сказали они. – Муниципалитет поставил нас

служить людям, а не машинам… Поэтому, песок – тротуарам…

«А мир, конечно, хижинам, а дворцам - война», - подумал Старик

Дворники с еще большим усердием взялись за лопаты.

- Просто гуманисты! – сказала Старуха. – Взглянув на эту парочку, понимаешь, что судьба многострадального человечества наконец-то в надежных руках. Что-то знакомое в двойном чудном облике, только не припомню…

Она присмотрелась к удивительным дворникам, покачала головой и убрала свою книжку, тем более, что к поверженному столбу и разбитой машине полицейские не спешили.

- Рванем отсюда? – предложила Старуха. – Пока не нагрянули блюстители?..

Он хотел сказать, что ему нужно спешить в редакцию, что горит статья о тенденциях добычи углеводородов, но ничего не сказал, только кивнул головой.

Старуха забралась в автомобиль, что-то там понажимала, и мотор зарычал, но не очень уверенно.

- Садись! – пригласила Старуха.

Он протиснулся в машину, за ним каракулевая собачонка – тявкнула, лизнула руку. Сначала чуть не угробили со своей хозяйкой, теперь подлизываются.

Он попытался захлопнуть дверцу, но она, покореженная, не закрывалась.

- Оставь, Старик! – сказала она. – Пусть сегодня будет день открытых дверей. Все равно далеко не уедем на этой калеке.

Машина дернулась раз, другой, третий и тронулась с места – сначала отползла назад от столба, а потом медленно двинулась по дороге, но как бы прихрамывая.

- Ты кто? – спросила Старуха. – Впрочем, не говори, - я и так угадаю… Писатель – неудачник?.. Точно?

- Ну почему же неудачник? – не ожидал он прямого вопроса. – У меня три книжки вышло, в союз писателей меня приняли, критик Бакаушин назвал мое творчество «явлением в новой литературе»…

- Ладно – ладно, не спорь! – закричала Старуха. – Сам знаешь, что неудачник… Книги твои, должно быть, скучны, их не раскупают, а издаешь ты их на деньги, выклянченные у спонсоров… Если ты мужик неглупый, то скоро

бросишь писать, или уже бросил… Как все неудачники, бесконечно женишься, поди уже раз пять женат, и все твои дети тебя по отчеству вряд ли помнят – называют дядей…

- Как ты можешь! Это неправда! Откуда ты взяла! – попытался он отбиться от нее, но она не обращала на это никакого внимания.

- Время от времени бегаешь в залы, где отдаешься во власть одноруких бандитов, - продолжала она. – Впрочем, какая там власть, играешь мелко, ставки делаешь копеечные… Раньше ты любил преферанс в компании друзей, но постепенно стал стесняться своих ничтожных ставок, стал бегать к автоматам…где находишь самые яркие свои ощущения… Небось, на прошлой неделе полтыщи выиграл, купил цветастый китайский галстук…

- Не покупал я никакого галстука! – закричал он. – И вообще, останови машину, нам не по пути!

- По пути! Конечно, по пути! – захохотала она. - С кем же тебе по пути, если не со мной? Попробуй сейчас вернуться домой, отправляйся на свою постылую работу – и потом всю жизнь будешь жалеть…

Он присмотрелся к ней: ну, конечно же, городская, битая, тертая ведьма… Только такие ему и попадаются…

Выжженная, как пустыня, перекисью водорода, не ведающая ни страха, ни любви, Старуха была не стара, на вздернутом носу сидели огромные очки, губы светились яркой помадой; она была даже хороша собой – дорогая косметика, стойкие красители, достаток терпения и времени, – даже каракулевая шуба ее не портила, тем более, что распахнутые полы показывали стройные ноги, обтянутые чулками с кружевными резинками, и не было бы в ней ничего особенного, если бы не зеленоглазая тоска, которую не закрывали даже темные очки. И он сказал:

- Только не гони, столбов еще много…

Она загадочно улыбнулась.

Покалеченная машина проползала мимо темных домов по темным улицам. Он думал: «Когда же, наконец, рассветет? Когда проснутся жильцы этих домов и улиц? Может быть, вчера наступил какой-нибудь, еще неведомый, Новый Очень Старый Новый Год? Или Очень Новый Старый Новый Год?.. Или… И люди радовались всю ночь, и улеглись по своим и чужим постелям только поутру? А он проспал праздник, а мог бы вместе со всеми ликовать на площадях

и улицах?..»

Что-то проворчало в моторных глубинах, и машина остановилась.

- Один мой друг где-то здесь живет, - сказала Старуха. – Фиолетовый…

- Это фамилия такая или прозвище? – спросил он. – Или он цвета такого, может от бормотухи?

- Кто же знает?.. А тебе это важно? – ответила она вопросом на вопрос.

Ему было совершенно безразлично.

- Может быть, он здесь живет? – показала она на кривившийся рядом с ними какой-то поношенный, как старая горжетка, дом. – В полуподвальном этаже?.. Где же ему и жить, как не в подполье?..

Старик пожал плечами.

Старуха взяла его за руку и потащила за собой. Он не пытался сопротивляться. Чувствовалось, что рука у нее уверенная, твердая, но может быть и ласковой, если захочет. За ними, конечно, увязалась и собачонка.

Они вошли в подъезд, и внезапно дорогу им перегородил какой-то мужик, с заскорузлым, как пятка, лицом.

- Вы по делу какому, или в гости? – проявил он любознательность. И добавил, подумав тяжело:

- Консьержем я состою здесь.

- Здесь должен мой друг жить, - сказала Старуха. – Фиолетовый… Человек искусства… Мы к нему.

- И белые есть, и черные, а недавно поселился один красный, собака! Голубых чуть не полдома, - сказал заскорузлый. – Появились и зеленые, в рост пошли, как вьюны. А фиолетовых пока не видел…

- А давно ли сторожишь тут? – спросила Старуха. – Три года, год?.. Всех поименно знаешь?..

- Сторожат, девушка, на бахчах, а я – человек при службе. Сказал же – консьерж. А служу беспорочно третий день… Второго дня шпиена взял, живьем дался, болезный. Свел его в отделение, там ему ребра посчитали.

- Да, шпионов все больше и больше, - сказала Старуха. – В нашем обществе на сто человек приходится тридцать восемь с половиной шпионов. Это официальная статистика. Разнюхивают, разведывают, вычисляют, берут анализы и анализируют неустанно… Проходу от них нет. А еще диверсанты, парашютисты, сексоты, поэты…

- А поэты причем? – спросил Старик.

- Молчи! – сказала она. – Эти всегда виноваты…

- Вот-вот! – одобрил заскорузлый. – И этот выведывал, не подешевела ли в киоске водка с утра. Примета такая заграничная есть, если у нас водка дешевеет – дело к войне идет или к выборам. Но выборы, кажись, недавно были… А водка дорожает – не угонишься! У нас даже дворник пить бросил, второй день, как стеклышко, бедный…

- Да-а-а-а, - протянула Старуха. – Ни с утра, ни с вечера у нас не поймешь о чем люди говорят… И что у них на уме. Стоит спросить про старого друга, как сразу попадаешь на заседание по шпионажу… Спросишь, нет ли дешевой водки, как тебя в кандалах ведут в участок и подвергают пыткам… Какой-то странный у нас мир, не находите?..

- Нахожу, - сказал Старик. – Мне в этом странном мире давно пора на работе быть, строкаж гнать, а я участвую в поимке какого-то Фиолетового. Человека искусства…

- Не, - прервала его Старуха. – У него искусство не такое, как ты думаешь. Он – киллер… Понимаешь – заказной убийца. Тебе никого убить не надо?..

- Не надо, - сказал он, а потом подумал, и уверенности в этом у него не стало.

- Врешь! – опять раскусила его Старуха. – Уж у тебя-то есть, кого заказать… Дюжину бы заказал. А что, говорят услуги эти дешевеют, не то, что квартирная плата… Каждый избавился бы от соседа с дрелью за стенкой, от удачливого друга, сумевшего не жениться на той, которую вы оба любили, даже от насмешливой официантки, которая мерзко ухмыляется, когда вы пересчитываете сдачу, но, может быть, горячее желание это сдерживает опасение, что и от тебя захотели бы многие избавиться?.. Не опасайся мы этого, обезлюдели бы улицы…охота бы пошла нешуточная…

- Это преувеличение, - сказал консьерж. – Мы умеем сдерживать свои животные инстинкты…

- Да? – задумчиво посмотрела на него Старуха. – Впрочем, твоя ответственная служба этого требует. Иначе где были бы все жильцы, задолжавшие за уборку мусора или забывшие выключить воду?.. Но что-то мы заболтались…

В это время раздвинулись дребезжащие дверцы дребезжащего лифта, из

железной скорлупы которого, как из яйца, вылупился мужик. Странный, совершенно без примет. Ну, хоть бы левый глаз косил или брюки драные на коленках, или, в крайнем случае, с похмелюги бы. Ничего подобного! Даже бланша под глазом нет. Впрочем, кажется все-таки после запоя.

Старуха окинула его внимательным взглядом, сказала:

- Несмотря на полное отсутствие примет, и в этом чудится что-то знакомое, если не родное…

Мужик смешался, закашлялся, но справился с приступом.

- Вот случай был, - повел он рассказ, - что девочка одна – Лизавета – из дому ушла… уехала… Как будто ничего особенного – взяла, да уехала, но дело в том, что… А с утра у ней кенар в клетке помер, сдохла птичка… Жалко, конечно, но из-за кенаров дом родной не бросают. А она бросила, отправилась на поиски волшебной страны. Беловодского царства-государства. Так вот, дело-то в том, что девочка прикована к инвалидной коляске … Особенно не разгонишься.

- Известен мне этот сюжет, - сказала Старуха. – Один писатель его придумал, роман пишет… двадцатый год, как пишет… А ты откуда знаешь?

- Нет на свете новых сюжетов, все они в атмосфере, как электричество воздушное, эфир пропитан ими, - ответил мужик без примет. – Оттуда и черпаю…

- Нашла девочка страну ту? – спросил Старик. Сюжет показался ему тоже знакомым.

- Ищет, - ответила Старуха. – В этом весь смысл – искать…

- Найдет?

- В конце романа. Но писатель только-только предисловие осилил… десять страниц написал.

- Не густо, - Старик вспомнил собственные писания. – За двадцать лет мог бы хоть страниц пятнадцать огоревать…

- Постойте, постойте, - продолжил он, - а нет ли в этом романе телеги старьевщика, которая сама по себе, без лошадей, по круглой Земле катается?..

- Кажется, есть, - равнодушно сказала Старуха. – Смотрю, уже все об этом романе знают, даже читать потом неинтересно будет. В лучшем случае, в самый конец загляну – и все…

- Так это мой роман, это я его пишу! - вспомнил потрясенный Старик. –

Роман странствий… Пишу, писал…

- Буду писать…, - перебила его Старуха. – Из тысячи писателей девятьсот девяносто девять о странствиях пишут… Вышел из дома за вазелином в аптеку – вот тебе и путешествие… Да что там говорить, вся жизнь – странствие странное. С чего ты взял, что о твоем творении речь?..

- Так ведь у меня о Лизавете говорится, а еще о кенаре, желтом, как пустыня, кактусе, колючем, как динозавр…

- Ну пусть, пусть - твой роман, - легко согласилась Старуха, - так ведь его еще написать надо… О странствиях, а ты сам в странствие пустился…

- Какое-такое странствие?.. Вернусь вечером домой, найду рукопись и засяду за роман. Вернусь и засяду! Напишу так, что мороз по шкуре драть будет!

- Не вернешься, - обреченно сказала Старуха. – И сам знаешь, что не вернешься… А причину тебе сказать, или сам знаешь?

Он помолчал, вздохнул и произнес твердо:

- Знаю.

Но она все-таки сказала:

- Потому, что нет у тебя никакого дома… Не создан ты для этого тепла, я тебя за секунду утром раскусила, даже по походке заметно… Хозяин не так неуверенно ходит, не так – на краешек – садится. А ты – квартирант… Обитатель каравана… Раб чемодана… И потом, сколько раз ты бросал дома, становившиеся тебе родными, сколько? Но будет, будет, вытри слезы – любой бездомный – счастливчик, каждый день он проживает новую жизнь…

- Вы меня еще не знаете, - сказал он. – Я вернусь…

- Как знаешь, - отвернулась от него Старуха, - но если что, то рукопись твоя у меня – про Елизавету…

- Откуда? Почему? Похищение?..

- Да какое похищение, с неделю назад один старый друг – Кулема - он в бомжах теперь - притащил, нашел в мусорном баке, а человек он ученый, грамотный – нам бы всем так, ну и подумал что-то полезное, в бутылку синьки ее оценил… Не пожалела я поллитру синьки, и теперь уверена – хорошо, что не пожалела. Он иногда притаскивает мне кое-что полезное, вот недавно на свалке ему попался почти новенький телевизор, да такой странный, говорит с каким-то акцентом дивным. Даже бомж не сразу раскусил этот телевизор. А он,

оказывается, из будущего вещает, короче говоря, показывает всю правду завтрашнего дня…

- Такие случаи бывают, - вмешался мужик без примет. – Вот в шестьдесят восьмом годе, помню, как сегодня было, в городе Кзыл-Орде девочка жила, звали ее Света… Умница… Мечтательница…

Мужик погрустнел, замолчал, задумался.

- Ладно, потом доскажешь про девочку, когда вспомнишь, - сказала Старуха. Повернулась к Старику:

– Так вот, из этого телевизора я и узнала про тебя… Искала давно… А ты сам чуть под колеса не бросился… Чудик!..

- Из телевизора? – изумился он.

- Не бывает никакой правды в телевизоре, - подал голос заскорузлый консьерж. – Может, только в передачах про огороды и дачи, где вся правда и сконцентрирована?.. На прошлой неделе показывали, как бедолагу одного схватили, он на даче спиртовый завод воздвиг. Очень рентабельное производство, но не дали расцвести инициативе…

- Так что в телевизоре про меня сказали? – спросил Старик.

- Типа того, что ты – знаменитость, и твоим романом зачитывается весь народ светлого будущего, даже всякие премии твоего имени есть… В телевизоре том артисты всякие, с выражением, с чувством, с расстановкой главы из твоей книжки про Елизавету читают… Я сравнила с рукописью найденной – твоей то есть, так все совпадает – все десять страниц…

Старик подумал, что вся эта байка про телевизор из будущего похожа на розыгрыш, но с другой стороны от бурно развивающейся науки можно ожидать чего угодно. Ведь изобрели же стоэтажные жилые дома, электрические книги, клонированных людей…

- Посмотреть бы самому, - с легким сомнением в голосе сказал он.

- Об этом и речь идет, - сказала она. – Вот найдем фиолетового и отправимся…

- Экран у него цветной? – спросил Старик.

- У фиолетового? – переспросила она.

- У телевизора.

- Не, не разберешь какой цвет – лазоревый что ли… Но четкость очень большая…

- Может, без этого, фиолетового обойдемся? – выказал он нетерпение. – Без него телевизор, что ли, не включается?

- Включается, почему не включается, - почти обиделась она. – Просто общения не хватает. Хороших людей мало осталось. Коммуникабельных…

- Скажи, Дамка? – обратилась она к каракулевой собачке, и та зашлась в мелком визгливом тявканьи.

- Не положено здесь лаять, - сказал заскорузлый, - а хороших людей все-таки много, не шпиенов…

- Точно! – поддержал его мужик без примет. – В семьдесят первом годе, когда один мой друг первый раз женился, теща его, пусть не тем будет помянута, взяла и сожгла в унитазе все его документы, а пепел, естественно, спустила в канализацию. И остался он гражданином мира – ни паспорта, ни членского билета добровольного спортивного общества «Буревестник», ни студенческой зачетной книжки. И оказалось, что никто его не знает, не помнит, даже родня на порог едва пускает. Ни на квартиру встать не мог, ни в гостинице поселиться, ни в кассе взаимопомощи попросить сотню–другую на поправку моих нерадостных обстоятельств. Так и пропал бы он, утоп бы, растворился в океане безвестности, да пришли на выручку те, о ком мы думаем меньше всех: помогли выправить всякие нужные справки нетерпеливые людишки, коим друг денежки всякие должен был; хорошо-то как, что он много в те годы занимал. Сейчас другие времена, взаймы не допросишься… Так что, добро часто вырастает прямо из семечка зла…

- Что за день такой? – подумал Старик. – И день этот не первый, и даже не второй, и не третий. В пятницу Антонида ночевать не приходила, а пришла – набросилась чуть не с кулаками, все кричала, что стоит ей задержаться у подруги, как он начинает предположения всякие дурацкие строить, сволочь! А он никаких предположений не строил, тем более, спросонья. Он и так знает – она ночевала у Левки Косолапого, да и кто этого не знает. А на той неделе вдруг звонят из космического комитета, спрашивают, не приходилось ли сталкиваться с чем-то необычным, таинственным? Он вспомнил, что сталкивался, и много раз, и начал рассказ с того, что как-то ночью видел дворничиху голой, но на другом конце телефонного провода отчетливо произнесли «дурак» и бросили трубку, и он не успел сказать, что она летела на метле. А в позапрошлый вторник подошел к нему человек, в приличном пальто,

шапке дорогой, предложил купить у него замок. Старик отказался, потому, что в дверях их с Антонидой квартиры был врезан благородный английский замок. Тогда человек в пальто и шапке сказал, что он не запоры продает, а старинные замки. Он понизил голос и предложил купить у него просторный остров в Эгейском море. Старик отказался и от острова… Нет, не разберешься в хитросплетеньях этой жизни, да и разбираться боишься, вдруг, там такое, такое, такое!.. Что-нибудь кисло-сладкое или черно-зеленое?.. В общем, все шиворот-навыворот, и удивиться уже нечему… Но, вдруг, логика абсурда – самая логическая логика?..

Пока он размышлял, лифт привозил и увозил каких-то людей, и не было среди них ни одного знакомого человека.

- Нет, фиолетовый должен обитать именно здесь, - твердо сказала Старуха, - ему нравятся густонаселенные места, в обилии людей ему легче не выделяться из массы. Мы должны обследовать помещения. Есть здесь кочегарка, подвалы, каморки для сантехников и электриков?..

- Здесь есть все, что должно быть в приличных домах! – с достоинством ответил заскорузлый консьерж.

- Тогда в путь! – приказала Старуха, и добавила:

- Дамка, ищи!..

Дамка тявкнула и направилась к узкой железной лестничке, которая вела куда-то в подполье, как в трюм. Ступеньки лестницы грянули под ногами, как медные оркестровые тарелки. В подвале пробудились все крысы, пауки и еще кто-то, кто не мешал ни паукам, ни крысам, вел свою тайную, полную приключений жизнь.

- Наверняка, ко мне, - понял он. – Нужно встретить достойно.

Фиолетовой рукой он пригладил растрепавшиеся фиолетовые кудри, посмотрел в угол, где за трубой с вентилем хранилась в полной готовности славная винтовка Сергея Ивановича Мосина, высочайше одобренная Государем еще 28 апреля 1891 года. Винтовкой сподручно было уничтожать живую силу противника огнем, штыком и прикладом. Но сегодня, должно быть, выдался славный день, уничтожать никого было не нужно, потому, что послышались товарищеские голоса Старухи, ее каракулевой Дамки и дружеские восклицания сопровождающих ее лиц. А ее всегда сопровождали надежные лица.

Фиолетовый жил в западном углу давно погашенной по причине

центрального отопления кочегарки. Он вообще с детства любил все западное – хотдоги, гамбургеры, колу, только винтовки предпочитал отечественные, проверенные в славных сражениях. В восточном углу кочегарки до самой зимы ютилась молодая пара, но влюбленные очень боялись крыс, и были вынуждены переселиться на чердак. И он остался один, он умел ценить одиночество: воспоминания молодости вставали перед ним во мгле кочегарки – яркие и никогда не повторяющиеся; в глубине души он считал, что они рождены не памятью, а воображением, но умел подавлять в себе эти разрушительные сомнения. Сегодня утром он вспомнил, как в непредставимой дали детства ходил с одной девочкой купаться на речку со странным названием Чаган. В эту речку упиралась улица, на которой он тогда жил с мамой и бабушкой. Другой конец этой улицы раньше упирался в церковь, а когда ее большевики взорвали, стала упираться в другую речку. А всего в городе было четыре реки.

Девчонка была красивая и знала, что она красивая, и еще за квартал до речки сначала расстегнула все пуговички на цветастом своем ситцевом сарафанчике, а потом сняла его и вовсе, осталась в таких же цветастых трусиках и тесном тоненьком лифчике, и мальчишки на берегу забыли о своих поплавках и закидушках. Плавать он тогда только научился, да и то едва-едва. Потому, что постигал эту науку сам, почти тайком. Все его друзья умели плавать с младенчества, их учили отцы, старшие братья, а его отец жил в другом доме и купаться с ним не ходил. И он всегда боялся признаться мальчишкам, что держится на воде еле-еле, и бегал на Чаган один, и немало выпил мутной воды, пока не стал плавать чуть получше утюга.

А девчонка эта жила в соседнем дворе, в старинном доме с колоннами, говорили, что когда-то давным-давно здесь жил какой-то полковник Мизинов, а у него была родственница – Лика Мизинова, а она какая-то знаменитость, а какая – не помнили. Входить в этот дом нужно было по крутой каменной лестнице, а потом долго тыкаться в темном коридоре в высокие деревянные двери, задевать подвешенные на стены велосипеды, жестяные оцинкованные ванны, пока не откроется одна из дверей и не выглянет эта девчонка и не скажет: «Чего ты как трактор грохочешь?». Он только раз или два, или три, был у нее дома, когда ходил скатать сочинение «Как я провела лето». Конечно, он исправил название на «Как я провел лето», но кроме названия пришлось исправлять и кое-что другое. Девчонка описывала, как она с матерью и отцом

ездила на каникулы в Москву. Он, конечно же, не был в Москве, но дело не в этом – он никак не мог поехать туда с отцом, и учительница по литературе прекрасно знала. Знала лучше других, потому, что его отец как раз и жил у нее. Он вычеркнул отца на всех страницах и получил за сочинение четверку. А девчонка жила в богатой семье – у них в квартире был тяжелый черный телефон, оранжевый шелковый абажур и черное пианино, расположенное у окна. А окно это выходило во двор, где жил фиолетовый, хотя, кажется, тогда он был еще не фиолетовым, не очень фиолетовым. А в их дворе было много акаций, сирени и в начале лета их ветви наперегонки лезли в окно к девчонке, он бы и сам полез к ней, но она уже ходила на танцы с взрослыми парнями, а ему при встрече говорила: «Это ты вчера под окном на акации висел, как обезьяна? Когда я играла?». Он никогда не признавался, но именно он и висел на акации всегда, когда она играла на пианино. И она знала об этом, и играла. Он до сих пор не знает, как называлась эта музыка, но от нее хотелось плакать, не висеть на акации, а плакать лежа в траве, или дома под одеялом – и не знать о чем плачешь, может быть, о чем-то очень хорошем, что никогда не может сбыться?.. Но он в то лето не плакал, а слушал, забравшись на акацию, и смотрел в окно, и видел абажур.

И вот как-то днем, кажется, в июле, когда было жарко и безветренно, и пыль, поднятая прошедшими машинами, висела над городом серой дымкой, девчонка позвала его на Чаган. Он понимал, что должен был отказаться, придумать что сегодня должен закончить выпиливание лобзиком полочки для мыла или накликать на свою голову родственников, которые будто бы должны вот-вот нагрянуть – любую глупость, лишь бы она не увидела, как неумело он барахтается в воде, лишь бы она не узнала, что у него нет плавок и он облачен в необъятные черные сатиновые трусы… Но он не отказался, поплелся за ней, загребая мягкую пыль сбитыми сандалиями.

Конечно же, она не забыла взять с собой полотенце, и легла на него, постелив его на горячий песок. Закрыла глаза, выдохнула:

- Хорошо как…

Он стащил с себя брюки, рубашку и, чувствуя, что его уши пылают ярче солнца, плюхнулся в метре от нее. Она открыла глаза, повернулась в его сторону:

- Что ж ты, кавалер, отодвинулся за километр?.. Я днем не кусаюсь…

Он хотел остроумно спросить: «А ночью?», но не спросил, а стал придвигаться к ней, как солдат под артобстрелом. Она звонко расхохоталась, легко поднялась с полотенца, сказала:

- Поплывем?

И побежала к воде, потом несколько шагов по воде и нырнула, нисколько не боясь, как все девчонки, за свои волосы. Вынырнула, тряхнула головой, закричала ему:

- Ну что же ты? Вода, как парное молоко! Давай скорее!

И он помчался к ней в пузырящихся, как паруса, трусах и бросился головой в воду изо всех сил. Хорошо, что в этом месте было глубоко, иначе свернул бы себе шею. Саженками, красиво и стремительно, как ему показалось, он поплыл в ее сторону, и мимо нее. Вот как замечательно он плавает! Он плохо помнит, как это случилось, но он оказался на середине реки, даже дальше. Оглянулся и понял, что сейчас утонет, потому, что никогда прежде так далеко не заплывал. Голова девчонки была где-то среди других голов купающихся, не различить на таком расстоянии. Но голос ее долетел до него:

- Не заплывай далеко, там родники, ноги сведет!

И тут же он почувствовал, как ледяные струи подземных родников стали обволакивать плохо слушающиеся ноги. Ему показалось, что ноги стали похожи на две огромные тяжелые сосульки, и они тянут его на дно. Ужас заполнил все его сознание, кроме крошечного уголочка, где билось: «Утону, но при ней звать на помощь не стану!».

И вот уже и раз, и другой глотнул он чаганной воды, прощай девочка! Какая короткая жизнь!.. Неужели это происходит с ним? С ним, таким замечательным?

Но тут холодеющие ноги коснулись дна; противоположный берег был отлогим, и была здесь река неглубока – по пояс, чуть больше. Страх еще колотился в нем, а все его существо уже переполнила дикая радость – он не утонет! Не утонет! Будет жить, и слушать по вечерам музыку под окном девчонки.

- Плыви назад! – закричала она ему. – На том берегу колючек много…

Нет, ничего на свете не могло тогда заставить его плыть назад. Он выбрался на берег, и тут же в ногу впилась колючка, за ней другая…

- Давай назад! – кричала ему девчонка. – Мне некогда…

Но речка в этом месте была широкая, и он вполне мог не расслышать, что она кричала. Он вспомнил, что прежде неподалеку была паромная переправа, и пожалел, что ее убрали. Городской мост через Чаган был в полутора километрах от пляжа. Выбора у него не было. Он услышал еще, как кричала девчонка «Ты что там, грибы собираешь?», продрался сквозь заросли колючек, тальника, и, укрывшись в кустах, выжал трусы, и отправился к мосту по тропинке, петляющей в пыльном летнем леске. Встречающиеся ему здесь люди не удивлялись его почти спортивному виду, сами купались и загорали, но когда он перебрался по мосту на другую сторону и оказался чуть не в самом центре города, то прохожие стали оглядываться на полуголого паренька, некоторые красноречиво крутили пальцем у виска.

Почти час добирался он до того места, и девчонка из дома Лики Мизиновой уже ушла.

- Обиделась твоя чувиха, - сказал один из рыбачащих на берегу мальчишек. – Ждала пока ты накувыркаешься в воде, да ждалка у нее кончилась…

Не нашел он на берегу ни своих брюк, ни рубашки, ни сандалий… Неудачный день, кажется тринадцатое число было…

О том, как он добирался домой, фиолетовый не любил вспоминать – ничего интересного в этих воспоминаниях не было, эка невидаль – человек в одних трусах идет по каменным тротуарам раскаленного города, жарко ведь! От матери с бабушкой, конечно, получил он на орехи, потому, что когда девчонка принесла его одежду, они первым делом подумали, что он утонул. Девчонка кое-как успокоила их, сказала, что он не утопленник, а просто дурак, бросил ее среди незнакомых пацанов на берегу, а сам куда-то ушел в одних трусах.

После этого купания он долго ее не видел; по вечерам окно ее было закрыто, молчало пианино. Девчонки с ее двора, сказали, что она заболела, но, наверное, врали, как это водится у девчонок. Потом она появилась, весело, как ни в чем не бывало, помахала ему рукой, сказала «Давно что-то тебя не видать», прошла мимо. В школе они виделись каждый день, но сидели за разными партами – она, как повелось у отличников, на первой, он – троечник – на последней. Он не сводил с нее глаз, но она никогда не оборачивалась, и он не мог понять – почему. Как-то еще раз он приходил к ней под шелковый абажур – у него хромал русский язык, да и геометрия тоже, и химия, а она была

отличница, помогала отстающим. Она дала списать задачку по физике, спросила:

- Хочешь поцеловать меня?..

Он не знал, что нужно говорить и сказал:

- Да…

- Тогда целуй! – сказала она и подошла к нему. Он прижался вмиг высохшими губами к ее щеке и замер. Она погладила его по голове и вдруг чуть слышно всхлипнула, оттолкнула:

- Вот, поцеловались… Теперь иди…

Через несколько дней он узнал, что она уехала жить в другой город. Не попрощавшись, не сказав ни слова. Обычная история… Через год он получил от нее письмо, в котором была ее фотография и подпись на обороте: «Последние каникулы я провела в Сочи, но сочинение об этом не писала. Так что, скатать нечего. Не грусти и не забывай». И он не забывал…

- Так и знала, что ты где-то здесь, старый дружище! – закричала Старуха. – А этот заскорузлый говорил, что у них такие не водятся. Такие везде водятся…

- Не встречал прежде, не приходилось, - принялся оправдываться консьерж, но Старуха его перебила, принялась представлять своих спутников:

- Это будущий знаменитый писатель, - показала на Старика. – Но пока в его великом произведении написано десять страниц.

Старик поклонился.

- А это борец со шпионами, диверсантами и расхитителями государственных секретов, - махнула рукой в сторону заскорузлого. Тот небрежно отдал честь двумя пальцами.

- Спешу рекомендовать и неприметного на первый взгляд рассказчика историй на все случаи жизни, - показала она на мужика без примет, и тот сразу завелся: «В городе Бобруйске жила девушка, этакая кабета провинциального разлива, милая и уютная цвела среди лесов на берегу речки Брожка, загорала среди грядок с редиской и горохом; «кабета тая незвычайна прыгожая» и из вековых дубрав к ней набегали вечерами осанистые лешие, нашептывали в юные ушки дубовые скабрезности, она отмахивалась от них, хохотала, но белорусское болотное солнце уже перегрело ее и без того жаркое тело, и она полюбила – не фигуристого, крепкого лешего, а мальчишку, загоравшего на дачных грядках по соседству. Как-то вместе из одного шланга они поливали

горох, да так весело, что брызги летели во все стороны, а в каждой капле переливалась крошечная радуга. С ног до головы промокли поливальщики и кабета принесла из дачного домика полотенце – этакое жарко-красное, расписное – и провела этим красным жаром по плечам мальчишки, и он загорелся, и она вспыхнула… Хорошо, что ни мамы, ни папы не было тем временем на даче, и кабета с мальчиком оказались в комнатке под крышей, и он оказывается уже умел целовать девичьи соски; она стонала под его ласками, исступленно целовала все его тело, им было в тот июльский день очень хорошо. И она вышла замуж за мальчика, сыграли веселую свадьбу, на которой было все – и белое платье, и белые туфельки-лодочки, и почти настоящее шампанское, и крики «горько, горько, еще горше!»… И она была счастлива, и ночью чуть не задушила мальчика в объятьях. И зажили они в отдельной квартирке, которую помогли купить им родители; и кровать широченную в квартирку купили (огонь, не кровать), диван раскладной завели (гости нагрянут или кто хмельной завалится), разжились буковым комодом с трельяжем, поставили, как положено, слоников, копилку, кабета вышила курочками и цыплятами занавески, в углу поставили неподъемный лакированный ящик с голубым огоньком и ненасытными поджигателями войны. Все как у людей. Так жили и живут и в болотах, и за болотами, и в лесах, и на опушках.

У кабеты, конечно, была подружка. Нет, нет, не разлучница, не завистница, а девка надежная – и пошептаться, и фасон подсказать, и деньгами помочь – всегда пожалуйста. У нее самой мальчишек вагон – и целоваться было с кем, и горох поливать, если что. А жила она тем, что в бобруйские шири привозила из столиц всякие товары – и шубы, и сапоги, и славную китайскую пиротехнику, которая время от времени расцвечивала небеса над темными новогодними лесами. В подарок на свадьбу она привезла кабете чайный сервиз на двадцать четыре персоны – ни у кого такого в округе не было.

И после свадьбы не забывала она кабету, прибегала после работы, радовалась уюту и согласию. А согласия-то как раз становилось все меньше и меньше. Мальчишка носился на старом, рычащем и чадящем мотоцикле, облаченный в тяжелую, скрипящую как хромовые сапоги, куртку, перешитую из дедовского комиссарского пальто, домой возвращался поздно, и от него пахло

бензином высокой очистки. Время от времени к этому головокружительному запаху стали примешиваться ароматы цветочных духов, очень распространенных среди красавиц недалекого села Василевка. Кабета и сама любила «Белую сирень», но от мальчишки все чаще пахло «Нежной акацией». Семейный покой оказался под угрозой.

Подружка как могла ее успокаивала, подарила ей еще один сервиз, поскромнее – на шесть персон, но очень красивый. Говорила кабете «Брось ты его, юбошника, на твою-то красоту мужики, как на мед слетятся!» Но она не бросала, года четыре терпела, заплакала все подушки, пока однажды мальчишка сам не собрал в один узел кожаную куртку, шлем, похожий на тыкву, электрические патроны, которые вкручивались в уши для получения музыки, любимую книжку про мотоциклетные запчасти, и сказал: «Ухожу. Буду теперь жениться на Кате». Катя была даже не из Василевки, а из самих Мачулищ, и ее никто не знал. Кабета в слезы, но он все равно женился на Кате, хоть про нее в Бобруйске никто доброго слова сказать не мог.

Захандрила кабета, с лица спала. Как же так, Катя из Мачулищ оказалась желаннее, чем она, так художественно вышивавшая курочками и цыплятами занавески?

И решила кабета уехать куда глаза глядят – в Минск, в столицу, где асфальта на душу населения в пятнадцать раз больше, чем в Мачулищах. Там театры, концерты, ресторан с волшебным названием «Раковский бровар», там у подножья памятника Якубу Коласу гуляют юноши с поэтическими взорами. Пусть покусает тогда локти мальчишка-мотоциклист!.. Подружка поддержала ее: счастье нужно искать, оно само на голову не свалится.

Продала кабета квартирку с занавесочками, комодом буковым, не пожалела и дивана раскладного. Выручила пачку американских денег – долларами называются – целое богатство. Стала приценяться к квартиркам в столице, недешевые квартирки. Подружка как раз собралась в поездку за шубами, сапогами и китайской пиротехникой. Забежала перед отъездом, выпили по рюмочке горькой, закусили солеными маслятами, обнялись на дорожку. Подружка расчувствовалась и говорит:

- А давай мне свою пачку гринов, - доллары она так называла. – Я пущу их в оборот, и по приезду верну тебе уже не пачку, а полторы пачки – ты и решишь все свои жилищные проблемки…

Задумалась кабета: дело-то какое выгодное, верное, не каждый день такое предлагают! И согласилась.

Уехала подружка, увезла пачку, и больше кабета ее не видела. Ни подружку, ни пачку, и уж тем более полторы пачки. И осталась она без квартирки с занавесочками, без мужа и без денег… Поплакала, погоревала, побежала по кабинетам, где гнездятся блюстители законов, но блюстители заставили ее написать свой печальный рассказ с мельчайшими подробностями, потом чего-то своего дописали в него, поставили печати, росписи, включили компьютеры, постучали по клавишам и развели руками: с раскрываемостью мошенников пока дело обстоит туго, тут заграничные специалисты нужны, а они все как раз за границей и находятся!

Отчаялась кабета и уехала в далекий степной город Темиртау, в места неприютные, колючие – зарабатывать на новую квартирку. Где-то там она и живет, может быть по сей день, мечтает о Минске… А, может и переехала куда, пути кабетам не заповеданы…»

Старуха всхлипнула, отвернулась к прокопченной стене, проговорила сквозь слезы:

- Водки хочу… водки…

- Может, не стоит так расстраиваться над вымыслом? – спросил Старик. – Чего уж там… А от водки и я не откажусь…

Старуха повернула к нему залитое слезами лицо, сказала:

- Никакой это не вымысел, а чистая правда… Вот же носит меня земля!..

- Так ты та самая подружка? – догадался фиолетовый.

- Она самая…

- Как же так, почему?..

«Как я тогда была молода, какие страсти меня терзали, - начала она свой рассказ. – Хотелось любви, богатства, счастья…»

- Ага, вот с этого все истории и начинаются, - вставил слово заскорузлый. – Хоть бы кто-нибудь сказал, что хотел другого…

- А все-таки водка есть? – спросила Старуха, кутаясь в каракулевое пальто.

- Только портвейн, напиток успокоения, чистый, как совесть новорожденного, изготовлен в соседней кочегарке в соответствии с передовыми технологиями портвейно и брагомейкером Василием, - отозвался

фиолетовый.

- Давай сюда это пойло, - сказала старуха.

Фиолетовый открыл заслонку давно погашенной топки, извлек оттуда тускло сверкнувший, как гаубичный снаряд, молочный бидон, оттуда же вытащил кружки, наполнил их темной жидкостью. Благородный эфир кочегарки наполнился запахом жженого сахара. Одну из кружек он протянул Старухе:

- Пей, и заполыхает в груди неистовое пламя, все-таки напиток из самой топки…

- Златоуст! – сказала она. – За это и люблю. И выпила крупными решительными глотками, как полководец на привале с солдатами. Сказала:

- Вот это зелье! Чистый антрацит! Как я люблю эти попойки в заброшенных кочегарках, покинутых полуразрушенных жилищах, черных полуподвалах!.. Разве почувствуешь прелесть портвейна, если он попадает в плен крахмальных скатертей, хрустальных бокалов и мясной закуски!.. Кстати, заметили, что портвейн ныне подвержен гонениям, и постепенно исчезает с прилавков; это потому, что не высоколобые философы, не запрещенная литература, не обнищание масс провоцируют революции, а именно портвейн, который развязывает языки в кочегарках, притонах, ночлежках…И власть это поняла, и власть этого боится… Сколько всего переговорено под незабываемый портвейн номер двенадцать, сколько зажжено умов о портвейн с говорящим номером тринадцать, сколько впитано крамолы вместе с портвейном двадцать шестым!.. А были еще «Солнцедар», «Агдам», «Талас»… Да здравствует вино, да здравствуют кочегарки, виват бездомным, слава бродягам!..

- Так что все-таки произошло с этими деньгами? – напомнил ей заскорузлый.

Она погрустнела, начала рассказ: «Всегда и во всем замешана любовь… Я встретила его… Нет, я угадала его… Был как раз год дракона… В общем, вы знаете, у нас случаются годы всякие – то собаки, то петуха, а тогда случилось быть году дракона… Зимою все сковала стужа, и люди старались жечь все, что горело. Полыхали печи, кромешный ад изрыгали трубы, дышали огнем камины, пламя выло и в топках любимых мною кочегарок… Летом солнце было жарче огня и поджигало леса, степи и жилища, черные раскаленные ветры носились над землей… Я не знала тогда, что это дыхание дракона, который выбрался из своей пещеры на охоту за нами всеми, на охоту за мной… Он не знал, что мы

драконам больше не по зубам…

Драконы мне снились с детства, они летали над крышами, вперемешку с воронами, мальчишки метко били из рогаток и драконов, и ворон; подбитые вороны падали на землю и мне их было жалко, раненые драконы всегда улетали, тяжело маша крыльями, и за ними тянулась кроваво-черная дымная полоса, как от погибающих бомбардировщиков. Драконов было еще жальче, ведь время их давно прошло и они вынуждены жить в обществе ворон и погибать от рогаток. Вообще, я почему-то всегда сочувствовала тем, чье время прошло. Однажды я забралась на крышу и удивилась – так была раскалена черепица, наверняка от присутствия драконов. Один из них тут же подлетел ко мне; он был совсем небольшим, с радужными стрекозиными крыльями. Не помню уж, сколько голов он носил на плечах, но не могу забыть грусти в его многочисленных глазах. Я уселась на какой-то доске, он опустился рядом. У меня в кармашке сарафана был огурец, я отломила половину и дала ему; он аппетитно захрустел. Тогда я протянула ему и вторую половинку огурца, но он отказался, сказал:

- Спасибо… Последнее не берут даже драконы.

Я откусила от огурца и спросила:

- Как дела, настроение, и вообще?

Он подумал, ответил не очень уверенно:

- Вообще ничего, терпимо…

- Тебе сколько лет? – поинтересовалась я, почему-то мне подумалось, что именно об этом я и должна спросить. – Говорят, у вас долго живут?

- Долго, - сказал он. – Но не так долго, чтобы надоедало… А я – молодой совсем, школьного возраста.

- А чего такой печальный? – не отставала я.

- Часто приходится улетать с насиженных мест… Я странствующий дракон, обет на мне – должен найти я девочку одну… Поэтому только обвыкнешь, друзей заведешь, а уже и пора в дорогу… Тяжело…

- Так оставайтесь, чего летать с места на место? Не ищи никого и ничего… Моя мама говорит: везде хорошо, где нас нет.

- Это сложный вопрос… И потом мы можем жить только там, где нужны… где в нас верят. Говорят, что прежде мы не кочевали, как цыгане.

Я тогда подумала, что, наверное, только человек может жить там, где не

нужен, но проснулась.

В другой раз дракон сел на подоконник открытого окна. Спросил:

- Ты стихи пишешь?

Я соврала, что не пишу, тогда он признался:

- Я тоже не пишу, не умею, но очень хочется научиться. Одну строчку уже придумал: «Крылатый день, крылатый год, бескрылый век…». Ничего?

Мне понравилось, и я сказала: «Хорошо!» Тогда он сказал, что посвящает эту строчку мне. Я поблагодарила - «Спасибо» - и поцеловала его в щеку. Он вздохнул печально-печально, и улетел.

Потом драконы снились мне часто, но как бы издалека, будто сообщали мне, что есть еще места, где в них верят, где они нужны. А в тот драконий год они как раз не снились мне – ни разу… А я тогда была так одинока!.. Вообще-то, одиночество – это талант, но я тогда этого не знала, и душа моя разрывалась, потому, что как раз в то время я рассталась с одним красивым мужчиной, а один не очень красивый сам меня бросил.

Когда кабета отдала мне деньги и я села в поезд, то на меня накатила такая волна тоски, что казалось – вот-вот и слезы из меня хлынут рекой. Но не хлынули. Наверное, их тогда у меня уже не было. Я запаслась в дорогу романом, бутылкой белого вермута, я так любила тогда вермут, и поезд тронулся. Обычно по нашим железным дорогам таскаются целые орды путешественников – с грудами чемоданов и баулов, обремененные детьми и женами, но на этот раз вагон был почти пуст; в своем купе я оказалась одна. Я сбросила с себя одежду, облачилась в китайский халат – да, да – с драконами, выпила вина и открыла книгу. В ней, конечно же, было полно любви и страданий, разлук, осенних дождей, пара постельных сцен – скука, которую чуть-чуть скрашивал вермут. К тоске примешалось какое-то предчувствие - у меня так бывает перед крутыми поворотами в жизни… Не умею это объяснить, не знаю, как передать, хотя бы приблизительно, чувство, которое терзало меня… Как будто я понимала, а я совсем не понимала, что до предела натянута пелена, которой задернуто мое тогдашнее существование, и сквозь нее прорывается другая, совсем новая жизнь – и это будет отчаянно больно, но неизбежно и необходимо. Но, может быть, вермут усугублял неясные предчувствия? Я бросила книжку, взяла сигарету и вышла в коридор. Там уже дымили папиросами два – непонятного пола, невнятного возраста – создания, облаченные в огромные брезентовые

плащи, резиновые сапоги, вязаные шапки. Их пол выдавал густой перегар, какой бывает после недельного запоя и когда в ход уже пошли одеколон и жидкость для мытья стекол, а на очереди чудесный клей БФ с разными номерами и даже сапожный крем. Развеяла все сомнения лексика созданий, используя которую они поносили некоего Сашку Ботаника, который обвел их вокруг пальца, бросил посреди лесов и болот, оставил без копейки, в общем, обездолил.

- Попадется, сука! – кричал один.

- Сойдутся тропиночки! – не отставал другой.

- Я его сам скормлю этой сатане! – горячился первый.

- Живьем отдам крокодилу! – подхватывал второй.

И столько неподдельного горя было в этих горячих восклицаниях, столько отчаянья, что я не выдержала, поинтересовалась:

- Что случилось, друзья, чем вы так разочарованы?

Наверное, в моем голосе им померещилось живое участие, и они наперебой принялись рассказывать мне свою удивительную историю, и она, в самом деле, была удивительной, может быть, достойной пера самого Куэльи, но ее чуть-чуть портил перегар. Оказалось, что некоторое время назад в их бобруйских краях появился странный человек, которого сразу прозвали Ботаником, потому, что он все время приглядывался к лесу, кустам, траве – все искал что-то. Ученый человек, он почти ничего не пил, окромя недельной браги, заглядывал, чаще, чем это принято на Бобруйщине, в книжки, чего-то записывал, чего-то выведывал у местных жителей. Поселился он у деревни Домановo, в лесном домике у одной старушки, натащил в жилище всяких лесных тараканов, козявок, наводил на них увеличительное стекло и опять чего-то записывал. Пользы от него в доме не было никакой – ни дров нарубить, ни баню протопить, ни колодец отремонтировать он не умел. Приходили к нему из Казаково, может телевизор сумеет починить? – отказался, не сручен. Домановские тоже обращались – насчет ремонта сепаратора, он тоже не заинтересовался. Подозрительный человек. И вопросы задавал подозрительные. Например, не пропадают ли в деревнях куры или овечки, все ли поросята живы и здоровы? И как на зло и куры, и поросята стали пропадать, беда, да и только! Казаковские всполошились первыми, за ними и домановские: откуда Ботаник заранее знал о возможной пропаже ценного домашнего скота?

Не он ли и замешан в этом деле?..

Когда приперли его мужики, он и признался, дескать, в научном мире прошел слух, что в этих местах объявилась тварь земноводная – не то ящерица гигантских размеров, не то крокодил. И будто бы обладает тварь невиданным аппетитом, жрет кур, свиней, не брезгует и одинокими путниками. Ученые из главной Академии голову ломают над загадкой; хотели бы они не верить слухам, но стоны народа идут из многих деревень: вот так, вкладываешь душу в поросеночка, растишь его и холишь, а тут из болота ящер, зеленый, как болото, хрямпс стозубой челюстью – и нет поросеночка. Караул! Тому, кто поймает и притащит хищника в Академию для изучения и опытов, посулена большая сумма денег, а также пятьдесят цыплят морозоустойчивой голландской породы. Ботаник и вознамерился сорвать этот приз. Раньше он в этой Академии на побегушках числился, а если бы добыл бобруйского крокодила, наверняка, вышел бы в лауреаты. Ботаник убеждал домановских и казаковских:

- Помогите, мужики, поймать тварь, сообща-то легче, а я в случае чего ящик белой ставлю!..

Ящик белой, конечно, аргумент тяжеленный в пользу массовых поисков неизвестной науке рептилии, тщательного прочесывания лесов и болот, но пора стояла неподходящая – и сенокос, и полив, и домашнюю норму в двести банок помидоров и огурцов никто не отменял. А еще нагрянул колорадский жук, прожорливый заокеанский гость – и с ним нужно вести неравную борьбу… Так что, с ящиком водки пришлось погодить. И тогда вызвались двое – Вова и Лева, мужики в брезентовых плащах, сапогах, с неистребимым перегаром. Картошка на их участках давно была пожрана жуком, цыплята еще по весне пали от голода во время апрельского запоя, - оба были свободны и всегда нацелены на приключения. Но Вова и Лева поставили условие: кроме водки потребовали и денег, огромную сумму – по двадцать пять долларов на брата. Даже по пятьдесят. Ботаник легко согласился.

Втроем дело закипело скорее. По утрам собирали информацию о пропавших курах и поросятах, днем готовили силки, капканы и хитроумные ловушки, вечерами сидели в схронах, ожидая, что вот-вот захлопнутся ловушки, затянутся силки, щелкнут капканы. И все это каждый день захлопывалось, затягивалось, щелкало. И попадались вороны, крысы, а большей частью – отбившиеся от жилья куры… Так тянулось долгое болотное

лето. Сначала Ботаник горел азартом, как мальчишка на первой рыбалке, его нетерпение передавалось и помощникам; втроем они неустанно продирались сквозь заросли, мерили сапогами болота, настораживались после каждого шороха – шли по следам чудовища, и если оно существовало, то рано или поздно попало бы к ним в руки.

Следы таинственного существа время от времени попадались им; когтистые лапы четко отпечатывались на влажной лесной земле, на березовой коре, разодранном мхе. Иногда они находили останки растерзанных собак. Хозяева собак рассказывали о страшном зеленом монстре, поселившемся в лесу, но одни говорили, что роста в монстре не меньше, чем у доброго быка, другие, что он – с двухэтажный дом, третьи утверждали, что крокодил совсем небольшой, но отчаянный.

- Откуда он мог здесь взяться? – спрашивали иногда Вова и Лева у Ботаника. – До Нила отсюда далеко…

- А если местного происхождения? – задумывался Ботаник. – Может, жили себе подо мхами, в глубине трясин эти рептилии с доисторических времен, не попадались человеку на глаза, но повернулось не той стороной солнце или набежало на светило лишнее пятно - и стало в болоте суше или наоборот мокрее, и вылезли крокодилы на сушу, озлобились, и понять их можно: все меньше и меньше приютных местечек остается на земле.

Во время одной из ночевок в лесу, когда костер уже прогорал, и браги оставалось в молочном бидончике на самом донышке, они услышали далекий рев, который усилило эхо и заставило их содрогнуться. Сомнений не могло быть – в этих лесах не водилось живых существ, способных издавать такой жуткий крик.

- Оно! – сказал, для чего-то понизив голос, Ботаник.

- Дааа!!! – сдрейфили Вова и Лева.

Спустя минуту рев раздался снова, на этот раз ближе.

- У нас даже ружья нет, - сказал Вова.

- Только ржавый топор, - согласился Лева, но топор этот в руку брать не поспешил, оглянулся на Ботаника, может, все-таки ноги сделаем?

- К нам идет, точно, - отозвался тот. – Готовьте веревки…

Рев раздался еще ближе, в двух шагах. Послышался треск веток, в лесной темноте зажглись изумрудные глаза. Трое друзей замерли.

Чудовище еще рыкнуло, но совсем негромко, как будто даже примирительно, потом тяжело вздохнуло. Совсем, как человек.

- Чего уж там, - сказал Ботаник. – Вот сидим, бражкой балуемся…

Чудовище глухо проворчало.

- Видать намаялось по лесам блукать, - сказал Вова. – Решило на огонек выйти, тощища в лесу одному… Не с кем словом перемолвиться…

- Ага, не с кем, - поддержал Лева. – Вот поболтает чуток, да и поужинает нами…

- Не трясись, если и так, то пострадаешь для науки, - успокоил его Ботаник. – А вообще, мы на пороге открытия… Возможно, величайшего за всю историю науки. Сдается мне, что крокодил этот совсем не крокодил, хотя его не видно. Но само поведение нашего ночного гостя подсказывает мне, что это не простая рептилия…

Чудовище издало негромкий рокочущий звук, как будто соглашалось.

- Предложите ему банку тушенки, только открытую, - сказал Ботаник.

Лева открыл банку и осторожно подвинул ее палкой по направлению к мерцающим в ночи изумрудам. Изумруды помигали, но тут же разгорелись ярче, послышалось чавканье, а вслед за ним и удовлетворенное урчание.

- Чудеса! – сказал Вова.

- Думаю, что оно ищет с нами контакта, - предположил Ботаник. – Сомнений нет, это разумное существо…

- Контакт так контакт, - правильно понял Лева, и плеснул в кружку остатки браги, той же палкой подвинул ее в темноту. Тотчас из мрака показалась когтистая зеленая лапа, осторожно взяла кружку, опять растворилась во мраке. Послышались глотки, потом шумный вздох.

- Точно разумный! – согласился Вова. – Так брагу пить только разумные могут…

Чудовище что-то пробасило, а потом внезапно принялось не то свистеть, не то скулить.

- Поет, собака! – восхитился Лева. – После первой запел!.. Видать, давно не пил, развезло…Одно слово, Пришелец!

Пение внезапно прервалось, чудовище опять вздохнуло и вдруг шумно повалилось на землю.

- Развезло! – сказал негромко Ботаник. – Слабо им нашу брагу жрать, вяжи

его ребята!

Ребята навалились и связали бесчувственное чудовище. Вова и Лева радовались, что заработали и ящик водки, и немалые деньги. На другой день соорудили, с помощью ребят из домановской лесопилки, здоровенный ящик с прорезями для дыхания, затолкали туда пришельца, изумились его крокодильей пупырчатой коже, огромным зеленым глазищам, устрашающим когтям на перепончатых лапах. «Чисто Змей-Горыныч, - сказал Вова, - а пить не научился!» В изумрудных глазах пришельца стояли слезы.

- Теперь пора бы и рассчитаться! – сказали Вова и Лева Ботанику. – И хватит уже брагу глушить, одна изжога от нее, пора и на водочку налечь…с грибочками, с бобруйскими гурками?.. Ну, хотя бы с драниками?

Но оказалось, что денег у Ботаника нет. Может быть, они появятся, когда боевой отряд доберется до главной Академии. Кое-как наскребли мелочи на билеты, а довезти чудовище до вокзала вызвались домановские мужики - на радостях, за обретенную курами безопасность. Поезд уходил утром, а накануне вечером, когда солнце утонуло в Березине, сели пить самогон. Горилку… Ботаник не пил и время от времени повторял:

- Эх, мужики, кажись, не того крокодила поймали. Его не в Академию тащить надо, а, может, в союз писателей… Ну, а если все-таки к ученым мужам, то в Институт общественного алкоголизма или Лабораторию гуманитарно-стратегических и парадоксально-эмпирических проблем…

- Нам все равно, - отвечали мужики, - лишь бы деньги дали.

Наутро проснулись Вова с Левой, а Ботаника и след простыл. Мужики даже протрезвели, бросились в погоню. Но не видать бы им ни чудовища, ни своей удачи, если бы с Ботаником не приключилась неприятность. Ночью, уходя через лес, он попал в свою собственную ловушку, поставленную на чудовище, запутался в силках, и как не бился, не старался – не смог выпутаться. В таком положении и нашли его Вова с Левой. Бить не стали, но и выпутаться не помогли, оставили лежать в лесу под дубом, с которого ему на голову падали желуди, как пули на излете. Забрали у Ботаника деньги, которых и хватило только на два билета до главной Академии.

- Нас в эту Академию и на выстрел не подпустят! – справедливо говорил Вова.

- Еще и в ментовку загребут, - не сомневался Лева.

Они еще долго рассказывали свою историю, дополняли ее подробностями, а я уже понимала, что не случайно попались мне эти попутчики.

- Девушка, - сказали мужики хором, - помогите во имя науки…

- Что вы хотите?..

- Нужно кормить-поить этого крокодила, довезти его до Академии, найти там людей, с которых деньги получить можно за зеленого, а для этого нужны пенензы, и не малые… А за пришельца должны много дать. А иначе подохнет рептилия, прямой урон науке… Не сомневайтесь, получим за него деньгу – сразу все вам вернем.

- Ну, сначала надо посмотреть, во что деньги вкладывать, - сказала я. – Может у вас ящерица с мизинец?

- Не сомневайтесь! – закричали они, и потащили в свое купе. Я зашла, и еще не рассмотрев пришельца, поняла – он. Это он. Те же радужные стрекозьи крылья, чуточку поблекшие, те же грустные глаза.

- Выйдите на минуту, - попросила я Вову и Леву. Те недоуменно переглянулись, но вышли.

- Привет, давно не виделись, - еле выговорил дракон.

- Здравствуй, - сказала я. – Почему-то очень рада тебя увидеть… Никогда не верила, что вы только в снах появляетесь, наяву тоже… Значит, все-таки есть места, где в вас верят?..

- Нет, почти нет, - признался он. – Может быть, я самый последний?..

- Ты так глупо попался…

- Одиночество заело… Лет десять ни с кем не разговаривал, сто дорого прошел, сто путей, все искал, искал, а тут что-то померещилось.

- Стихи за эти годы не проклюнулись, я запомнила ту строчку про бескрылый век?

- Проклюнулись, но в основном без слов… Но еще одна строчка есть… Прочитать?

- Конечно.

- Вот, а говорят, что в неволе не поется, - попытался пошутить он. Я улыбнулась ему. Он откашлялся и прочитал:

- …понедельник, вторник, год; все придет, но все пройдет…

- Ничего? – спросил он, волнуясь.

- Да, но это две строчки, - сказала я.

- Вот, даже две! – обрадовался он нежданной находке, и погрустнел.

- Теперь убьют меня, - сказал он. – Выпотрошат в этой академии, резать там горазды. Ради науки они никого не жалеют. Обзовут каким-нибудь латинским словечком, а потом в стеклянную банку закатают, маринадом ихним зальют, стану наподобие консервированного огурца…

- Пропадет поэт в самом начале творческого пути!.. - он попытался даже улыбнуться, но в глазах стояли слезы.

И так мне стало невыносимо жалко его, ведь, можно сказать, на глазах погибал последний дракон на земле. Такой обаятельный, такой доверчивый!.. Нельзя допустить, чтобы его замариновали толстокожие профессора! Потом будешь всю жизнь каяться, что не встала на защиту бедолаги, рассказывать встречным и поперечным о встретившемся мировом чуде, но никогда не договаривать, что равнодушно проводила глазами грубый деревянный ящик, в котором, согнувшись в три погибели, двигалась навстречу своей страшной кончине живая земная тайна, последняя ниточка, связывающая нас с тем, о чем в детстве перед сном негромко рассказывали нам бабушки – о просыпающихся от жарких поцелуев спящих красавицах, хитроватых Иванах, до поры прикидывающихся дураками, говорящих волках, выходящих из темных лесов на помощь царевичам, жар-птицах, роняющих драгоценные перья в руки тех, кто может знать им цену, ужасных огнедышащих драконах, страшных издалека, но легко, по-ящериному теряющих головы, - в общем, обо всем, что когда-то было-было-было, завораживало своей красотой мужчин, кружило головы женщинам, снилось детям, но теперь проходит, почти прошло, и если не помочь ему сейчас, если отдать эти радужные крылья в безжалостные лапы доцентов и кандидатов, то все это исчезнет, забудется, пропадет без возврата…

Я пошла к Вове и Леве, сказала, что даю им за чудище сто долларов. Сто полновесных американских денежек. Они облизнулись, но решительно отказались.

- Нам в Академии столько дадут, что еще и внукам нашим останется! – сказал Вова.

- Еще и правнукам на опохмел души перепадет! – подтвердил Лева.

- Даю пятьсот! – решила я взять их нахрапом.

Они одервенели, было понятно, что они даже не предполагали, что где-то в мире могут водиться такие деньги. Но видимо звериным своим чутьем они

поняли, что у меня есть больше и я могу расстаться с этим большим.

- Нет!!! – прохрипели они.

- Две тысячи! – сказала я и только в эту секунду поняла, что буду биться за дракона до последней копейки. Мужики в этом уже не сомневались.

- Нет! – жарко прошептали они

- Неужели вы хотите пять тысяч?..

Деревянными губами они кое-как сумели вымолвить:

- Все, что у тебя есть давай!.. Иначе в Академию тащим эту крылатую жабу…»

- Что ты так смотришь на меня, Старик? – сказала Старуха. – Да, я отдала им все свои деньги и деньги кабеты… Отпустила дракона… Дала ему джинсы, правда, они оказались чуть-чуть маловатыми, свой свитерок из тонкой шерсти, и он предстал молодцем, хоть куда, проводница даже принялась строить ему глазки – слабы все-таки наши бабы на передок… Доехали мы до какого-то города, он стал прощаться.

- Куда ты? – спросила я его. – Пожил бы первое время у меня, огляделся, встал на ноги?

Он отказался, заговорила в нем средневековая драконья гордость. Правда, записал мой телефон, обещал звонить. Клялся, что как только разживется – вернет мне сторицей все деньги – мои и кабетины, затраченные на его выкуп.

- Вернул? – быстро спросил заскорузлый.

- Пока нет… Впрочем, давно от него известий нет… Одно время он звонил мне регулярно, как будто все у него налаживалось. Они же долго живут – столетия… Лет пять назад у него в Москве первый сборник стихов вышел, он прислал мне с автографом, неплохая книжка… Тираж небольшой – 100 экземпляров, но расходится неплохо. Значит, у людей еще не пропал интерес к драконьей поэзии…

- Ну а как же ты? Что с кабетой? – спросил фиолетовый.

- А что я?.. Осталась в этом городе, обжилась помаленьку… Сначала совесть терзала, я все вела нескончаемые воображаемые разговоры с кабетой, объясняла, что истратила ее денежки на спасение последнего дракона, а потом свыклась с этим, как свыкаются с неизбежной утратой – скорбят, но понимают – ничего не вернуть… Это перестало со временем болеть, только ноет иногда. И вот еще что… Не знаю почему, но все чаще и чаще я думаю, что дракон был

лучшим другом, который когда-то был у меня, хотя мы и виделись с ним всего ничего…

В кочегарке висела тишина. Старик шепнул на ухо фиолетовому, но услышали все:

- А почему вы стали киллером?.. Дело-то нерядовое…

- Да-да! – интересно знать! – закричал заскорузлый. – Сколько душ на вашем, так сказать, личном счету?

- Работа как работа, - ответил фиолетовый. – Конечно, в любом деле есть свои передовики, свои отстающие…

И он замолчал.

- Да чего уж там, говори, - поощрила его Старуха, - раз пришел такой день, когда ответов больше, чем вопросов… День открытых дверей. Ведь нечасто он приходит, да?..

- Нечасто, - ответил наемный убийца. И продолжил: «Когда внезапно уехала насмешливая девочка, которую я любил, мне показалось, что большей потери в жизни не может приключиться. Девочка снилась мне, я постоянно думал о ней, вспоминал, как под открытым окном, забравшись на акацию, слушал ее игру на пианино. Спустя год, она прислала одно письмо, и болеть стало сильнее. Чтобы хоть как-то отвлечься, я стал заниматься спортом – сначала волейболом, мне казалось, что удар по мячу равен удару по моей тоске, но волейбол быстро наскучил: командная игра была не по мне, выходило, что я делюсь сокровенным и с игроками, и с тренером – с целой толпой… Воспоминания о девочке принадлежали мне. И вот однажды совершенно случайно я попал на соревнования лучников и понял: это мое! Посмотрите, как они стреляют, как исполнены достоинства! Они посылают в мишень не стрелу – частицу себя. Этот спорт трудно назвать простым противоборством – это высокое единоборство. Есть только человек, его воля, твердость мускулов – и цель. В каждый выстрел ты можешь вложить свою ненависть, тоску, любовь!..

Я пришел к стрелкам из лука, и они учили меня своему непростому искусству, и я тоже участвовал в соревнованиях, вполне успешно. И, может быть, из меня получился бы чемпион по этому луковому виду спорта, мастер по поражению мишеней, но, сколько бы ярости я не отправлял вместе со стрелой к цели, девочка не уходила из моих снов. Она, наверное, давным-давно забыла о нескладном мальчишке, а я вот забыть ее не мог. Как-то на соревнованиях я

стрелял особенно исступленно, тренер подошел ко мне, сказал:

- Страстный ты парень, как я посмотрю, тебе бы не в мишени стрелять, а по дичи, по животинке какой-нибудь… Не пробовал из боевого лука на охоте?..

- Я вообще на охоте ни разу не был, - ответил я, - ни из ружья, ни из лука не приходилось убивать…

- Добывать, - поправил он. – Не убивать, а добывать… В мужчине чрезвычайно силен охотничий инстинкт, инстинкт добытчика… Это не против нашего естества, наоборот. И потом, это соревнование кровей, когда одна кровь стремится пролить другую, а та, другая, во что бы то ни стало, старается этого не допустить. А как вкусна свежатинка! К вкусу свежей крови примешивается удовлетворение охотника, ни с чем не сравнимое, разве только с радостью голодного волка, наконец, догнавшего добычу… Мы – волки…

Меня как током ударило: мы – волки! Может быть, именно январского волчьего отчаянья, волчьей обреченности и привкуса крови на зубах не хватало мне, чтобы изгнать девочку из снов?

Тренер пригласил меня на охоту.

- Попробуешь из арбалета? – спросил он.

- Попробую, - согласился я.

Через несколько дней мы отправились. Ехать нужно было куда-то очень далеко. Полдюжины мужчин всю дорогу рассказывали о своих былых охотничьих подвигах, кровь лилась рекой, падали, как подкошенные лоси, кабаны, косули, зайцы десятками, гуси и утки бессчетно. Мужчины были увешаны патронташами, фляжками, устрашающими ножами, какой-то хитрой амуницией из кожи и металла – перед этой вооруженной до зубов команды никакой зверь устоять не мог. Мне вручили диковинный арбалет, который на расстоянии ста метров пробивал короткой стрелой стальной лист.

- Это еще та машинка! – засмеялся тренер. – Будешь доволен. Стрела, когда летит – поет!

Мы остановились в какой-то странной местности. Островки леса были разбросаны в желтой унылой степи и поэтому казались тоже унылыми, рядом возвышались не то холмы, не то горушки с обсыпающимися глиняными обрывами, и тоже поражали своей неприветностью. «Лучшего места для убийства не найдешь», - подумал я. И вдруг я почувствовал, что на самом деле хочу выпустить стрелу – отточенную, поющую, разящую – в трепещущее от

страха и надежды сердце. Я поднял арбалет и в прицеле его оказался тренер.

- Ты что, с ума сошел?! – страшно закричал он. – Нельзя в человека целиться!.. Будь осторожен!..

Я опустил арбалет, но желание выстрелить не проходило… Я не знал, что это желание теперь поселится во мне навсегда, и всю жизнь мне предстоит бороться с ним…

Охотники разбрелись. Мне выпало стоять у самого обрыва, будто бы здесь и проходила звериная тропа, по которой животные направлялись на водопой, и вот-вот они появятся, мучимые жаждой. Я почему-то вспомнил сцену из кинофильма, где осужденному перед казнью дают вина, накрывают роскошный завтрак – с каплуном, сыром, ветчиной. Мы ничего этого предлагать зверям не будем.

Сверху посыпалось глиняное крошево, я поднял глаза – прямо напротив меня, в каких-нибудь пятнадцати метрах, стояла косуля – глубокие влажные глаза, тонкие быстрые ноги, осанка четырнадцатилетней девочки, вдруг осознавшей, что может нравиться.

Я медленно, плавно, почти нежно поднял арбалет. Внимательный взгляд косули возник в прицеле. Она смотрела прямо на меня. Я почувствовал под указательным пальцем спусковой крючок, еще мгновение и… Но я не выстрелил, не могу даже объяснить, что удержало меня. Может быть, мне хотелось, чтобы она напилась перед расстрелом?

Косуля словно поняла мои размышления и почти невесомо, беззвучно двинулась по тропинке – к ручью. Я остался на месте с поднятым арбалетом. Мне хотелось выстрелить, но я этого не сделал. Но мне очень хотелось!

На обрыве, где только что стояла косуля, затеяли возню воробьи, наскакивали друг на друга, дрались, кричали во все свои воробьиные голоса. Я навел оружие на одного из них, и он тут же примолк, сжался в комочек и мгновенно взвился в воздух и пропал. «Они понимают, зачем я здесь!» - дошло до меня, но я не опустил арбалет. Я ждал. Летели секунды, шли минуты, ползло время. Я знал, что она вернется. Но откуда я это знал?

Сверху опять прошелестел тонюсенький ручеек желтой глиняной пыли, и мне пришлось поднять глаза совсем чуть-чуть. Она стояла на том же самом месте, и снова смотрела на меня. Что проносилось в эту секунду в ее быстром мозгу? Может, ей тоже нужно было избавиться от какого-то наваждения? Или

проверить, верно ли говорят о человеке, что кровожаднее его нет? Не знаю… Но не могла ведь она на самом деле желать смерти? Тогда зачем вернулась?..

Я выстрелил и вслед за поющей стрелой моя душа помчалась и ворвалась в горячее нежное тело, и отведала еще живой крови.

Ошеломленный, я вернулся к машине, охотники поздравляли меня, жали руки, хлопали по плечу. Потом мы ели сочные куски мяса, запивали охотничьей настойкой, хохотали, еще и еще раз я рассказывал, как косуля сама вернулась на расстрел, и мы, не замечая сами, становились соучастниками, а это узы надежнее дружбы, крепче любви.

С этого дня девочка почти перестала мне сниться, а вместе с ней и речка, на которую мы ходили купаться, ее окно, распахнутое над цветущими акациями… Но теперь днем и ночью меня преследовали глаза косули, и я не скажу, что это было неприятно. Глаза просили, умоляли, но я опять и опять нажимал на спусковой крючок арбалета. А чаще всего вспоминалось, как вместе со стрелой не то душа моя, не то я сам разорвал податливую плоть, завладел чужой жизнью, прервал ее. Наверное, власть над жизнью, самая страшная, самая сладкая?

Как-то утром раздался телефонный звонок. Спокойный, проникающий, как радиация, голос сказал:

- Предлагаю вам занятие по душе. Знаю ваши наклонности, поэтому думаю, что вы не откажетесь… Давайте встретимся?..

Мы встретились в старом парке, у двухсотлетнего дуба, под которым, утверждали, пел юный Шаляпин. Обладателя проникающего голоса я узнал сразу; он как будто только что спрыгнул со страниц детективов, и имел все, что положено классическому злодею – седину на висках, черные непроницаемые очки, шляпу, надвинутую на глаза, в руках он сжимал тонкую гибкую трость. Я оглянулся: не крадется ли за ним Шерлок Холмс?

Он подошел, кивнул головой, как старому знакомому, сказал негромко:

- Полагаю, что вам известно, что на рынке сейчас весьма востребованы услуги людей, умеющих точно и хладнокровно, без лишнего шума устранять ненужные субъекты. Эта работа хорошо оплачивается…

- Убивать что ли? – спросил я, и почему-то не удивился предложению, но перед глазами все-таки мелькнули глаза косули в прицеле.

- Ну, это грубо!.. Но смысл предложения вы уловили совершенно верно.

Если вы согласитесь, вам предстоит некоторая подготовка, очень специфическая, но не обременительная, так сказать, курс молодого бойца, и только потом последуют задания, сначала довольно простые… Уверен, что с вашей страстью, вашим природным даром, вы скоро станете ведущим специалистом в отрасли… А это значит вы будете иметь много денег, и все, что приносят они в жизнь человека…

- Я слышал, что люди этой профессии долго не живут? – почти согласился я, и он понял это.

- Те, кто съезжает с катушек, а бывают и такие, кто перестает соблюдать цеховые – уверяю вас, очень несложные, правила – да, долго не протягивают. Но вы ведь не такой?..

- Мне кажется, что я давно съехал с этих самых катушек, - сказал я. Он вежливо засмеялся.

- По рукам? – на полную мощность он включил проникающую радиацию своего голоса.

- А на пенсию у вас выходят…по старости? – неуклюже пошутил я. – Нет, серьезно, могу ли я уволиться через некоторое время по собственному желанию?..

- Только через некоторое время…

И я согласился. Мне кажется, я давно ждал этого предложения. Боялся его, но чувствовал – соглашусь. Вот говорят, существует нечто прозываемое призванием. Слышишь: «У него призвание футболиста». Когда оно успело развиться и закрепиться в человеческой натуре, если футбол придумали чуть больше века назад? А призвание летчика, талант аквалангиста?.. А не кажется ли вам, что самый древний, ну почти самый древний, это талант убивать? Наши предки с легкостью хватались за меч, жены подсыпали мужьям в вино отраву, и с ангельскими улыбками подавали им смертельные кубки, мужья по пустяковым подозрениям рубили головы своим дражайшим половинам, брат подбрасывал брату гадюку в постель…

Так я старался оправдать себя, но все доводы казались мне жалкими, нелепыми, и понимая это, я не находил себе места, не мог есть, пить, спать, даже руки стали дрожать, как у неврастеника. Но стоило вспомнить о прицеле, о влажном глазе косули в нем, и руки дрожать переставали. Бред ли это был, наваждение, сон наяву – не знаю…

Через несколько дней мне предложили отправиться в учебный центр. За мной пришла машина, окна салона которой были непроницаемыми, а от водителя салон был отгорожен металлической стенкой, так что я не имел возможности увидеть, куда же меня везут. Ехали долго…Час, другой…Но, наконец, приехали… Не стану описывать эту организацию, сами понимаете почему. Не буду говорить о правилах, которые я узнал там, – это не моя тайна. Начну с того, что обучение я прошел благополучно. Удивил своих педагогов тем, что выбрал себе оружие – винтовку Мосина. Она и до сих пор со мной. Не знаю, почему мне пришлась по душе эта «старушка», может тем, что давным-давно из нее никого не убивали? Застоялась, истосковалась по работе?..

И потянулись дни. Казалось, что меня забыли. Может субъектов для устранения не стало?.. Каждый день с утра я ждал звонка, но мне не звонили. Я в подробностях представлял себе тот день, этот час «В» - выстрела: поступает задание, и я достаю из шкафа винтовку, завернутую в зеленый воинский брезент. Разбираю ее, тщательно проверяю, вытираю лишнее масло, подбираю патроны. Продумываю до мелочей позицию; из такого оружия огонь желательно вести с относительно небольшого расстояния. Еще и еще раз освежаю в памяти пути отхода. Но вот все готово и я жду, когда появится цель. Сердце выпрыгивает из груди. Но волноваться нельзя, может дрогнуть рука. Успокаиваю дыхание, сосредотачиваюсь на оружии – оно в идеальном порядке… Значит, и все остальное будет в порядке. И вот цель, надменный мужик, окруженный охранниками, неторопливо шагает к своему бронированному авто. Но он не дойдет…

Два месяца я ждал звонка, и дождался. Проникающий голос назвал дату, время.

- Задача перед вами на первый раз очень легкая, - сказал он. – Цель будет за рулем открытой спортивной машины без всякой охраны или сопровождения. Остановится у кинотеатра КРАМ, и только здесь у табачного киоска в машину подсядет охранник. Так что, в твоем распоряжении больше минуты. Идеальные условия – и для успешной работы, для эвакуации. Удачи!.. Это как раз тот случай, когда я желаю, чтобы и пух поднялся, и перья полетели…

И время, оставшееся до часа «В», понеслось, завертелось, смешались ночи и дни, сон и бодрствование, я впал в какое-то лихорадочное возбуждение. Я не верил, что сумею нажать на спусковой крючок, но одновременно я знал, что

выстрелю… Тысячу раз в воображении я стрелял, тысячу раз промахивался и тысячу раз попадал точно.

В назначенное время я был на месте, на крыше кинотеатра, столетнего здания с милыми сердцу стрелка архитектурными излишествами – башенками, забытыми трубами недействующего печного отопления, широкими карнизами, слуховыми окнами; мест, чтобы скрытно разместиться с инструментом было больше, чем достаточно. С крыши КРАМАа легко можно было уйти на крыши соседних зданий, а крыши в этом городе тянулись неизученными лабиринтами на многие километры.

Я укрылся за старой кирпичной трубой, табачный киоск отсюда был как на ладони. Включил наушник связи с проникающим голосом.

- Внимание! – сказал он. - Все идет по плану, приготовься. Субъект прибудет через две минуты.

Минуты тут же каким-то непостижимым образом растянулись в часы. У киоска появился амбал в кожаном пиджаке – охранник, понял я. Неторопливо он принялся курить, и, кажется, за две минуты успел высадить две пачки сигарет. Неподалеку от него бросились обниматься сто лет не видевшиеся старые друзья, и каждый поведал другому историю своей жизни, сравнимую со всемирной. Из динамика, установленного на стене кинотеатра, вырвались песни и взялись рифмовать «бровь», «кровь», «любовь» - «скука, разлука, наука» - и нащелкали этих сладких орешков на годы вперед.

В наушнике голос сказал:

- Внимание! Осталась примерно минута…

Что же это за минуты такие?

Амбал распечатал третью пачку сигарет, и тут подъехала спортивная машина, сверкающая, как умытая. Я прицелился!.. Нужно ли вам говорить, что за рулем сидела она?..

Розовенький шарфик трепетал на шее, тонкие пальцы сжимали руль, на губах играла улыбка – никому особо не предназначенная, возникающая от полноты жизни, от молодости, от бесконечности жизни. Она посмотрела по сторонам – где этот нерасторопный охранник, да и нужен ли он ей, разве могут у нее завестись враги?..

- Ну что же ты? – прошептал в наушнике голос. – Стреляй!..

Я опустил винтовку и, пригнувшись, как под обстрелом, побежал по

громыхающей жести – с крыши на крышу, с черепицы на рубероид, с дерева на замшелый камень. В наушнике неслось:

- Что случилось? Почему покинул позицию? Остановись!..

Домой я не вернулся, чего тут объяснять?.. Стал жить на крышах, в подвалах, кочегарках. Однажды целый месяц обитал в кабине сломавшегося лифта. Кстати, народ, живущий на крышах, понравился мне своим умением выживать в обстановке, казалось бы, невыносимой. Кое-что, я перенял у этого народа, всю жизнь ходящего над пропастью…

Время от времени оживал наушник и проникающий голос предлагал обсудить ситуацию, встретиться, покалякать. Я не отвечал…

И каждую минуту я помнил, что над девочкой моей нависла смертельная опасность. Не сразу, но мне удалось выяснить, что она замужем за каким-то купцом, который что-то покупает, или наоборот – что-то продает, но деньги у него водятся большущие. И этими деньгами ему предложили поделиться. Купцу стало жалко нажитого неустанными трудами, тогда пообещали расправиться с его семьей, в общем, обычное дело, когда денежки водятся пудами.

Ночью, крадучись по крышам, я выследил ее, узнал, где ее дом. По вечерам за плотно занавешенными шторами было много света, а иногда кто-то играл на пианино – ту самую мелодию, которая давным-давно сводила меня с ума. Я не сомневался – играла она.

Я узнал ее телефон, но она не поднимала трубку.

Тогда, используя приемы, полученные от народа крыш, я пробрался на крышу особняка, где она жила со своим купцом. Спустился на просторную террасу, двинулся вдоль освещенных окон и замер у приоткрытой двери. Ни звука не доносилось оттуда. Я распахнул дверь и шагнул вовнутрь, готовый ко всему. Она сидела у пианино, рядом стоял охранник - амбал и целовал ее в шею. К этому я не был готов и отступил на балкон. Услышал, как она прошептала.

- Не сейчас, Серж!.. Позднее… Он должен уехать к полуночи, тогда приходи…

- Ладно, - разочарованно протянул охранник. – Пойду, посмотрю что там…

- Не злись,- проводила она его. – У нас все хорошо…

Она открыла крышку пианино, прикоснулась к клавишам. Я позвал ее. Она резко обернулась, вскрикнула, зажала рот рукой – узнала.

- Ты?.. Как? Откуда?..

- Тебя хотят убить, - сказал я. – Будь осторожна!..

- Десять лет не виделись, и ты сразу с таким веселым сообщением? – сказала она, и недоумение уступило место улыбке.

Торопясь, сбиваясь, путаясь в причастиях, я рассказал ей все, что со мной приключилось, и что может приключиться с ней. В ответ она опять улыбнулась:

- Игорь, ну, муж мой, уже развел ситуацию…все решил, обо всем с этими людьми договорился… Бояться нечего…

- Тем более, что у тебя такой бравый охранник, - не удержался я. Действительно, ей бояться больше не нужно, бояться должен я…

Она пристально посмотрела на меня, пожала плечами, и тоже не удержалась:

- Во всяком случае, переплыть речку может в обе стороны…

- Ну да, за себя, и за товарища…

Она нахмурилась, но тут же лицо ее разъяснилось, должно быть, она решила не омрачать встречу ссорой. Не было для этого серьезных причин.

- Я часто вспоминаю нашу странную полудетскую дружбу, - сказала она. - Мне кажется, я была тогда влюблена в тебя, даже не знаю почему. Ты не вписывался ни в какие мои представления о молодом человеке, которого я могла бы полюбить. В моих грезах представлялся сильный, уверенный в себе, вместе с тем нежный и предупредительный, и, конечно, красивый мужчина, а ты был просто мальчишкой – неуклюжим, стеснительным… и таким милым… И вот удивительно, прошло, в общем, не так много времени, а мы так разительно изменились: ты попал в киллеры, я стала той, за которой охотятся люди твоей профессии. Из мальчишки в пузырящихся трусах ты превратился в мужчину с винтовкой в руках… Этакий человек с ружьем… Даже цвет твоей кожи изменился, стал не то красным, не то фиолетовым…Это от выпавших на твою долю испытаний?..

- Нет, - сказал я. – Оттого, что мне теперь все фиолетово…

И я направился к балконной двери, она за мной.

- Слушай, может, встретимся? – спросила она. – Не уходи просто так…

- А как же охранник? – спросил я.

Она как будто не услышала:

- Хочешь, я завтра приеду к тебе?..

- Ты забыла, что меня теперь разыскивают люди, с которыми твой муж сумел договориться полюбовно. Мне договориться вряд ли удастся…

- В любом случае, постарайся не пропасть.

- Постараюсь, - пообещал я…

Больше я не видел ее никогда… Ее как будто не стало…»

Фиолетовый умолк, достал любимую винтовку, стал протирать ее ветошью, щелкать затвором, как будто оружие передавало ему свою уверенность, а он ему – свою тоску.

- Вы так никого и не убили? – спросил Старик.

- Нет, - ответил фиолетовый. – Кроме той косули.

- Так почему же вас называют киллером?

- Можно ответить по-разному. Вот вы, к примеру, вчера окончили факультет журналистики, и еще ничего не успели написать, но в дипломе у вас уже написано «журналист» - и никто этому не удивляется. Но разве киллеру непременно нужно лишить кого-то жизни, чтобы его признали таковым? Вы напрочь отметаете призвание, состояние души, профессиональные знания! Справедливо ли это?.. Тем более, что наши профессии имеют немало общего…

- Дааа, - протянула Старуха и собачонка Дамка, примолкшая во время рассказа, согласилась с ней: «Вау, вау, вау…»

- Почему вы больше никогда не виделись со своей девочкой? – спросил мужик без примет.- Так и прячетесь по кочегаркам от своих, с позволения сказать, коллег?

Фиолетовый не успел ответить, потому, что внезапно свой рассказ начал заскорузлый: «Да, в прежние годы звался я Ботаником, потому, что с самого счастливого своего детства тянуло меня разобраться в секретах природы. Скольких я замучил кузнечиков, выпрашивая у них смолы, сколько ящериц оставляли в моих руках хвосты, скольких ужей я пытался приучить пить молоко из блюдечка!.. Но все они предпочитали умереть, но своих секретов не открывать. А их было множество. Дуб живет триста лет, и больше. Ворон не отстает от него по долголетию. Щука в омуте – в четырех стенах, по сути, - легко дотягивает до двухсот. А человек?.. Зато он может взять удочку и вытащить щуку на обед. Прицелиться из рогатки и прервать жизненный путь ворона. Не полениться и срубить дуб, оставив только несокрушимый пенек. Но ведь в природе дуб не убивает ворона, ворон не ловит щуку, и все вместе они

редко охотятся на человека… Но и человек, язык не поворачивается, – творение природы. Какие связи он нарушил, какие корни перерубил, в какую цель попал из рогатки, какие секреты, доверенные ему природой, выболтал, чтобы стали ему чужими лес, ручка, луг?.. И есть ли еще создания, растения, живые души, реки, еще не замутненные человеком?

Такие вопросы задавал я себе, но ответов не находил. Я думал, что они есть в Ботанической Академии и стал помогать ее научной деятельности, сначала мытьем мензурок в лаборатории, потом как младший научный сотрудник по резанию лягушек. Но очень скоро я понял, что никаких ответов в Ботанической Академии нет. Искромсав на части миллионы лягушек, разрезав несметные стаи собак, легко пришивая голову волка собаке, а собачью какой-нибудь овце, они ни на шаг не приблизились, скажем, к загадке Жар-Птицы. По-прежнему за семью печатями для них тайна другой птицы – Самрук. Сколько пользы могли принести народному хозяйству эти пернатые, пойди наука по правильному пути, отбросив скальпели, микроскопы, синхрофазатоны. Знание издревле идет к нам навстречу, буквально вопиет «вот я, вот я – совсем рядом!», а мы отворачиваемся, отмахиваемся, закрываем глаза… Кто-нибудь из видных ботаников занимался проблемой волшебной лампы, которую видели и держали в руках многие выдающиеся деятели арабского Востока, например, небезизвестный Алладин? Слышали ли вы об изысканиях в области конько-горбуньковедения, а ведь поняв принципы движения этого уникального создания, возможности его разведения, мы смогли бы навсегда решить проблему транспорта? Согласитесь, кто бы согласился сутками изнывать от скуки на железной дороге, трястись от страха в самолетах, когда бы у каждого имелся безотказный, верный своему призванию Конек-Горбунок!.. Не в микроскопы надо пялиться, не следить за стрелками-циферблатами-манометрами, а открытым, дружеским взглядом посмотреть вокруг себя, а невредно - и внутрь себя… Меня заинтересовали драконология, змей-горынычизм. Скажу вам, это интереснейшие дисциплины! Каждый из нас, ну или почти каждый, в свое время сделал изумительно открытие: не найти народа, в сказках, преданиях, былинах которого не присутствовал бы дракон, Змей-Горыныч, чудище семиголовое. Что, в глубине народной, где сказки и родились, не хватало фантазии, что все сказочники, сказители в драконов вцепились? Сдается мне, что в сказках вообще ничего придуманного нет, из

века в век они передают нам опыт поколений, код прошедшей жизни, только мы понять его не стремимся. Думаю, что давным-давно драконы были неотъемлемой частью быта. Скажем, они могли широко использоваться на отжиге участков для земледелия, когда быстро и эффективно отвоевывались у непроходимых лесов тысячи гектаров плодороднейших земель. Случалось, конечно, что кое-какие огнедышащие особи выходили из-под контроля человека, тогда возникали коллизии, часто описываемые в сказках. Но в основном драконы честно служили людям, стояли на страже сокровищниц, может быть, несли пограничную службу, а нередко использовались (какой соблазн!) как ударная воздушная сила в многочисленных войнах древности. До нас даже дошли некоторые сведения об использовании Змеев Горынычей для высадки в тылу противника небольших десантных групп. Большую пользу приносили человеку в те времена скатерти- самобранки, особенно в неурожайные годы. Сдается мне, что секрет их до сих пор окончательно не утрачен, вы только посмотрите на нынешние обжираловки по поводу всяких торжеств. А как послужила разведчикам шапка-невидимка! Сколько вражеских секретов было раскрыто, сколько разоблачено резидентов и лазутчиков! Совершенно особую роль в истории нужно отвести молодильным яблокам. Ими пользовались цари и императоры, потом женились на царевнах, годящихся им во внучки; они и до сей поры царствовали бы, да яблоки эти не помогают против топора и яда. С помощью этих чудесных плодов наши прославленные артисты до сих пор держатся на сцене. Нельзя не вспомнить сапоги-скороходы, гусли-самогуды… А вспомните живительную силу поцелуя, которым пробуждали спящих красавиц. Ныне пытаются возродить его креативную мощь, но при помощи химии, виагры, корешков всяких можно на время вернуть мужскую силу в добрых молодцев, но любовь, увы, корешкам не подвластна!.. Вы меня не поймете, если я не упомяну о мече-кладенце, Сивке-бурке вещем каурке, при помощи которых добыты многие бранные победы. На коврах-самолетах наши предки раздвигали границы мира, соловьи-разбойники помогали выковывать в молодежи силу характера, даже Кащей-Бессмертный играл некую положительную роль, задолго до наших дней олицетворявший идеи долголетия… Все это, уверен, существовало реально, выдумать ничего невозможно, посмотрите насколько бледны и безжизненны придуманные нынешними писателями космические монстры, да и приглядитесь

повнимательнее к ним – это все те же, только наскоро перелицованные, сказочные персонажи. Нет фантазии, которая бы не росла из бабушкиных сказок. Все эти драконы, Кащеи, Бабы-Яги и сейчас не исчезли насовсем, только позабыты-позаброшены, измельчали, потеряли веру в себя, ютятся по медвежьим углам…

Я поверил, что мне удастся найти дракона в тот день, когда услышал, что наступающий год будет именоваться годом дракона. Казалось бы, что такого – год и год, каких только названий им теперь не дают? Но я задумался. Оказалось, что дракон в названии годов стоит в одном ряду с петухом, собакой, бараном и даже свиньей, то есть как обычное домашнее животное. Народная традиция ставит их всех рядом; это не может быть простой случайностью! И я решил – найду его и доставлю прямиком в Ботаническую Академию. Это будет не просто сенсация – переворот в самом образе мышления. Посрамленными окажутся все теории и аксиомы, все теоремы и даже закон падающего бутерброда, да что там – весь фундамент современной науки может тогда показаться не очень остроумным розыгрышем…

Как я искал? Да очень просто. Ценные для себя сведения я научился получать даже из обычных разговоров – в магазине, трамвае, пивной… Люди оказались носителями непостижимых секретов, к которым сами относились скептически, с иронией; нас всех давно приучают, что историю создают броневики и броненосцы, герои и вожди, - и зараза эта продолжает разъедать народную душу. А мы истории не знаем, умудрились вычеркнуть из нее самые интересные страницы, самые важные события, и называем историей жалкие, куцые остатки того, что было и что теперь утрачено. Одна женщина в старой казачьей станице над берегом Урала (кажется, станица прежде называлась Генварцевской) рассказала мне, что возвращалась однажды зимней порой с фермы, где работала дояркой. Было студено, ветрено, и она порядком озябла, а идти было далеко, и она мечтала о том, как присядет сейчас дома у дверцы топящейся печки, протянет к огню замерзшие ладони, и как будто вернется в ее тело домашний уют, тепло чуть растраченные на морозе… Кстати, она была уверена, да и кто скажет, что она не права, что домашнее тепло – лучший для человека щит от несчастий, болезней и сглазу. Чем больше у человека запас этого домашнего уютного духа, тем он крепче, тем дольше может продержаться среди напастей и бед; родной дом хранит человека, это не просто обиталище –

это оберег, как жалко, что люди все чаще теперь живут по чужим углам, гостиницам, общежитиям; а бывает и так, что человек дом путает с жилищем, и принимает чужой кров за свой родной… Несчастен такой скиталец…

Так думала доярка, торопясь по ночной улице станицы, ясно представляла себе, как потрескивают в печи поленья, и почти не удивилась, когда рядом с ней вспыхнул и загорелся, обдав ее теплом, один из заснеженных кустов. Она сначала оробела, но соблазн был велик, и она протянула руки к пламени, и вот удивительно – огонь потянулся к ней, лизнул закоченевшие пальцы, но не обжег – в пальцах как будто зажглась мягкая, уютная энергия. Она засмеялась, и смело протянула руки навстречу неожиданному январскому огню. Он укутал их как будто оранжевой муфтой. И, наверное, надо было испугаться, закричать на всю улицу, осенить себя крестным знамением, но она не испугалась, вернее, испугалась уже потом, когда пришла домой, к своей жаркой печке, а на улице она даже порадовалась теплу. Куст внезапно перестал пылать, причем, так и остался заснеженным, и она почти догадалась, что последует дальше: загорелся следующий куст, она перебежала к нему, погрелась, побежала к следующему – загорелся и он. И так до самых ворот дома. Она остановилась, огляделась, сказала негромко: «Не знаю, кто ты, но спасибо тебе…» И еще оставалась надежда, что это чья-то шалость и сейчас выбегут из-за деревьев хохочущие казаки, но огонь шелковым шарфом пролился с последнего куста на заснеженную землю; огненный шарф принялся кружиться, как юла, и было это так красиво, что глаз не оторвать. «Спасибо тебе!» - крикнула она, и юла превратилась в пылающее колесо, и укатилось прочь – за околицу, а там рассыпалось на угольки, и угольки эти долго тлели на снегу (она смотрела на них через окно).

Для меня в этом рассказе было все предельно ясно – это зимние проказы скучающего дракона.

Подобных рассказов я собрал десятки и сотни, люди охотно делились ими, наивно полагая, что в них не заключается ничего ценного. Чудаки, они даже и предположить не могли, что прикоснулись с одной из величайших загадок мира…и к одной из самых величайших несправедливостей, изменивших лицо мира...

Выуживал я сведения даже из наших газет. В одной из них я прочитал: «Известный в городе Уральске фотокорреспондент Виктор Иванов, находясь в

командировке в Зеленовском районе, занимался подготовкой фоторепортажа о знаменитом комбайнере Ириклинциве, который в уборочную спал по четыре часа в сутки, а оставшиеся двадцать часов проводил в кабине комбайна, даже обедал, не покидая рычащей машины; научился не проливать борщ на ходу, разгрызать аппетитные мозговые косточки, ловко справляться с пирожками и шанежками. Фаддей, а именно так звали комбайнера, не рекорды хлеборобские ставил, а беспокоился о сохранности выращенного урожая, чтобы успеть до наступления дождей и ветров убрать зерно. Он все время справлялся у агронома о погоде – не накликали случаем синоптики дождя? Агроном врал: завтра, дескать, обещают ливень, и тогда Ириклинцев переходил на трехчасовой сон, что, однако, влияло на богатырское здоровье знатного хлебороба. В конце концов, он приспособил в кабине комбайна точный барометр, другие метеорологические приборы, установил даже электронный компас. Товарищи по труду изумлялись – для чего компас? Фаддей отвечал невозмутимо, что всегда полезно быть в курсе курса сложной машины, да и вообще не мешает знать свои координаты на Земле. И теперь Ириклинцев без ученых прогнозистов с большой вероятностью определял погоду, и если намечался дождь – прибавлял комбайну скорости, тем самым, избегая ненужных потерь народного богатства. В тот день, когда маститый фотограф снимал прославленного механизатора, над полем с самого утра кружились небольшие облачка – то разбегались, то собирались вместе. Фаддей посматривал на приборы – быть дождю, может быть, даже ливню. А надо сказать, что поле, на котором он в тот день работал, было совершенно особое. Это был семенной участок, где встала стеной пшеница – новый, высокоурожайный сорт, выведенный местным селекционером-любителем – Федором Федоровым, который сорок лет жизни посвятил баяну – играл на этом замечательном инструменте на свадьбах, семейных вечерах, в художественной самодеятельности, а все свободное от игры на баяне время отдавал своему увлечению – выведению удивительных сортов зерновых культур. Он долгие годы бился над выведением гибрида овса и гороха. При этом он стимулировал рост растений исполнением музыкальных произведений на том же баяне. Иногда он привлекал и жену, которая виртуозно играла на балалайке. Новая культура могла бы соединить в себе аристократические качества овса и крепкую, гарантированную урожайность гороха. При этом предполагалось, что

говес не только сохранит стручки, но даже увеличит их размеры. Так и получилось. Средний стручок был размером с добрую саблю в ножнах и весил от трех до пяти килограммов. Стебель говса превосходил по прочности бамбук, что затрудняло его механизированную уборку; это, в конце-концов, и предопределило судьбу замечательного растения. Решено было отложить районирование его семян до того времени, когда ученые найдут надежный способ уборки – пробовали для этой цели переоборудовать тяжелые танки, но у них от напряжения глохли моторы и рвались гусеницы. Но, несмотря на эти мелкие организационные недочеты, селекционный успех был налицо. И вот теперь выросло новое рукотворное чудо – банановая пшеница – банапница. Впервые в мире удалось скрестить латиноамериканские бананы с саратовскими твердыми сортами пшениц. По сути дела на стеблях колосились небольшие, но очень вкусные и питательные рогалики. Причем, при помощи специальных удобрений можно было добиться, чтобы рогалики имели вкус бородинского хлеба, батонов с изюмом, городских булочек. Сбывалась вековая мечта человечества: ни тебе молотилок, ни тебе мельниц и жерновов – срывай и сразу отправляй в рот это чудо. Ирикилинцев специально переоборудовал жатку своего комбайна, чтобы собранные рогалики, минуя молотильные барабаны машины, сразу засыпались в мешки, которые тут же отправлялись бы потребителю. Перед началом уборки Федор Федоров и его жена Аркадия Аркадьевна предполагали дать у кромки поля небольшой концерт, что способствовало бы созданию благоприятного фона и настроя. Но тут закрутились над полем злополучные облачка… Знаменитый комбайнер знал, что очень часто небесное мельтешение заканчивается стихией, которая с особым и непонятным остервенением набрасывается на плоды человеческого труда. И если на обычном поле можно дождаться солнышка, которое просушит землю, колосья – и продолжить уборку, пусть и с потерями зерна, то на участке банапницы дождь – катастрофа. Рогалики просто-напросто размокнут, насмарку пойдут долгие годы напряженной селекционной работы.

Облачка еще раз разбежались по краям опытного участка, поплавали там, словно накапливая сил, и внезапно понеслись навстречу друг другу, вмиг ощетинившись колючими и трескучими молниями. Они целились своими блистающими трезубцами друг в друга, но больше всего доставалось деревьям недалекого леска. В этом леске прятался ветер; напуганный, разодравшим небо

электрическим разрядом, он рванул на поле, и под его бешеным напором рогаличная пшеница стала ложиться на землю целыми улицами и переулками.

И пропала бы чудо-пшеница, исчезла бы без следа, разметанная ветром и залитая дождем… И уже упали первые капли дождя из облачков, объединившихся в центре поля в черную страшную тучу, и схватился за голову комбайнер Фаддей Ириклинцев, и полез в карман за валидолом селекционер-любитель Федор Федоров, и молила силы небесные и земные о ниспослании волшебного спасения рогаличной пшенице Аркадия Аркадьевна, жена и балалаечница… И когда уже не осталось надежды, когда до катастрофы оставался один только миг, над участком внезапно протянулся светлый, будто раскаленный, шлейф и попав в него немедленно испарялись капли дождя. Ливень нарастал, но ярче становился шлейф; он как бы заслонял от стихии диковинную пшеницу… Ученые пока не смогли объяснить природу непонятного явления.

В итоге была спасена значительная часть экспериментального поля, и это чудо сумел запечатлеть на своих снимках фотомастер Иванов. Эти снимки газета напечатает в ближайших номерах…А что касается банановицы, то будущей весной предполагается засеять этой феноменальной культурой все заброшенные в последние годы хлебные поля, и учитывая, что одичавшие площади огромны, можно ожидать, что вскоре народное питание в значительной степени будет состоять из вкусных и питательных рогаликов».

Снимки Иванова, конечно же, не были напечатаны, думаю, они пропали в недрах спецслужб, но мне было понятно: чудесное спасение банановицы - еще один след дракона. И не только дракона. Приоткрываются ворота в иной, забытый, поистине затерянный мир, и я должен найти эти ворота. И я начал поиски. Сколько пар ботинок пришлось мне износить, сколько надежд и разочарований пережить, чувств ярких, как любовь, горьких, как предательство!.. Но в главном я не разочаровался… Я верил в то, во что верил – это было очень важно для меня; вообще, верить - это важно для всех… В разное время пытались разделить со мной мою ношу разные люди. Кто загорался идеей, но быстро отступал, не получив быстрого результата, кого манили деньги, а у меня их как раз и не было… Я выкручивался, врал, говорил, что занимаюсь поисками сбежавшего из зоопарка крокодила или придумывал другую ерунду – и на время обретал помощников, попутчиков, сообщников –

назовите как угодно. Потом помощники пропадали… Последними были Вова и Лева…вы знаете уже, что получилось с ними, со мной… Да, я пытался обмануть их, но только для того, чтобы они не впали в искушение, и своей глупостью, алчностью, грубостью не погубили дракона…

Оставили они меня в мрачном лесу, на злую погибель… Конечно, я виноват был перед этими ребятами, но мотивы моих поступков понять можно… Сколько времени пробыл я в ловушке – не помню, часы растянулись в дни, дни казались неделями. Я прощался уже с жизнью, и больше всего сожалел, что не удалось мне доказать свою правоту, да что там моя правота? – не получилось исправить величайшую несправедливость всех времен и народов. И однажды, в минуту самых мрачных моих размышлений передо мной возник старик, заросший неопрятной седой бородой… Опирался он на клюку, но было заметно, что в ней он совершенно не нуждается; руки его были налиты силищей, выправка, как у гвардейского офицера. Глаза светились легкой насмешинкой, исток которой не в веселом и легком характере, а в том, что много всего хорошего и очень хорошего повидал седобородый. А также и не очень хорошего.

- Дедушка, помоги! – взмолился я.

Он освободил меня из пут, сказал непонятно:

- Не заслужили вы все прощения, но ты пока и смерти не нажил…

- А что? – удивился я. – Смерть, как богатство, надо наживать?..

- А как ты думал? - сказал он. – И добавил:

- А дракон твой цел и невредим…

И рассказал мне, что тот устроился неплохо, живет в городе, в год дракона выхлопотал себе льготы на проезд в общественном транспорте, совершенно бросил пить (чего скрывать, одно время злоупотреблял), хотя тоскует, конечно, по родным просторам. В последнее время он все чаще и чаще говорит о том, что хотел бы стать человеком, получить паспорт, зарегистрироваться по месту жительства – стать полноправным гражданином, частью активного электората.

- Не беспокойся о нем, - сказал седобородый. – А вот Вове с Левой твое участие может потребоваться…

Оказывается, деньги не очень пошли на пользу мужикам, такое часто случается. Кто привык перебиваться с вермута на воду, тот вряд ли почувствует себя комфортно за столом с ананасами, осетриной и водкой, приготовленной из спирта, полученного из отборных сортов пшеницы (может, банановицы?). Не

рождены были Вова с Левой к халявному благополучию. Само собой, о матушке-халяве на наших просторах мечтает каждый, ищет ее во сне и наяву, готов голову сложить за нее, но в глубине души в нее никто не верит уже потому, что она никогда не дается в руки – халявы нет и не бывает, это каждому известно с малолетства, но до конца смириться с этим не может никто, и исступленно желает ее; не правда ли, похоже на вечную национальную идею?.. Искать то, во что не веришь?

Но вот халява падает к ногам, как червивое яблочко, и никто не знает, что с ней делать. Пропить? Взорвешься от самогона, как ненадежная газовая скважина. И потом пить-то хорошо на чужие… Купить новый комод? Набить его китайскими кальсонами с начесом – на сто зим, вышитыми крестиком рушниками, а под самый низ засунуть сберегательную книжку? Но разве для этого бредил халявой с самого рождения, тридцать лет покупал лотерейные билеты, не пил вволю пива, закусывал не благородной белорыбицей, а костлявыми лещами?..

А, может, завести телевизор во всю стену, смотреть мировые новости, радоваться нестабильности американской империалистической валюты, обсуждать с соседями несуразности политики?.. Но, боги мои, как скучна и предсказуема политика, как антинародна, лжива она, заморочена условностями, что, вряд ли надолго заинтересует достойных людей.

Может, ударить по бабам, говорят, они охочи до денег? Но уж больно бабы похожи друг на друга по утрам, говорят одним голосом и вместо слез проливают тушь…

Вова с Левой и пили до глубокого посинения, и с бабами кутили до головокружений и слабости в коленках, и покупали комоды и трельяжи, но все казалось недостойным величия халявы. Однажды по случаю им достался граммофон с одной неразборчивой пластинкой, на которой далекий и какой-то бестелесный голос хрипел:

«…И не забыть мне лип старинных
В саду приветливом твоем,
Твоих ресниц, и взоров длинных,
И глаз, играющих огнем».

Жалостный романс был, слезу вышибал. Но кроме одного куплета ничего разобрать на пластинке было нельзя, поэтому, послушав про ресницы и про

взоры целую неделю, они выбросили граммофон к мусорным бакам, где за него тут же разгорелась нешуточная драка между помойными людьми. И как будто молния сверкнула – пришло прозрение. «Даже бомжи заражены здесь бациллой культуры», - подумали Вова с Левой, и ударились в политику. Деньги помогли, и они быстро пошли в гору – Вова стал депутатом, отстаивающим в парламенте интересы культуры, Лева, правда, не добрал голосов, должно быть, имя подвело, но его деловые качества пришлись по душе профсоюзным лидерам, и он тоже принялся бороться за права трудящихся, - и очень успешно – построил дачу на Рублевке, купил Мицубиши, женился на дочери креветочного магната. Вова не слезал с экрана телевизора, Лева обжирался тигровыми креветками, но морального удовлетворения не было. Души их просили чего-то сообразного им самим - распахнутого, забубенного, небываемого. А в чем оно, это забубенное и распахнутое?.. Вова с Левой отправились в кругосветное путешествие, страны посмотрели всякие и города, выступали там с докладами и лекциями, отвечали на сокровенные вопросы тамошних народных масс. Много денег заплатили им за эти выступления в самых больших залах и на стадионах – такой интерес у заграничных людей к нашим политикам, которые не на словах а на деле вышли из самой гущи народной и стоят за народ, но и там, за морями и океанами не нашли они небываемого и распахнутого. И тогда вцепилась в их сердца жестокая депрессия, близкие опасались даже суицидальных настроений. Но до этого, конечно, не дошло – столько жизнелюбия в наших людях, столько природности, что так просто, из-за какой-то депрессии в петлю они не полезут. Но думать о ней могут, и будут.

- Что-то в жизни нашей не так, Лева! – говорил Вова.

- Точно, Вова! – говорил Лева. – Как будто карьерным грузовиком песочек на детскую площадку возим. Что делать?

- Что делать? – часто повторяли они оба.

И не придумали Вова с Левой ничего лучшего, чем устроить грандиозный пир, куда пригласили не только закадычных друзей из Домановo, но также собутыльников из Бобруйска, и даже корешей из других городов Европы и Азии. А также Африки, Австралии и Антарктиды. И Гренландии. Всесветный загул! Они заказали в местной типографии семьсот пятьдесят тысяч пригласительных билетов с виньетками, с текстом, набранным бронзовыми буквами, и разбрасывали их с самолета, который весело и сытно назывался

«кукурузник». В билетах было указано, что крепко выпивать и в меру закусывать гости будут на берегу широченной – метра в полтора, не меньше,- славной речки Брожки, где для гостей будут расстелены огромные брезенты, на которых и водка, и портвейн, и редиска; а захмелел – тут же тебе и кровать. Конечно, денег, вырученных за дракона, на такой выпивон не хватило бы, но Вова с Левой рассчитывали на народную помощь, и они не ошиблись. Добрые люди помогли – кто банку с огурцами принес, кто грибочков – желтеньких, каких-то даже хитроватых лисичек, кто выволок из подпола у тещи четверть первача – еще с войны, от партизанских запасов осталось. Даже из надменной Америки приехал на побывку дядя Хаим и передал в фонд гулянки пять зеленых американских долларов. Да что там говорить про Америку, если из самого Уральска нагрянул бородатый, лохматый человечище, утверждал, что он есть Яицкий казак, звенел шпорами, скрипел портупеей, бряцал тусклыми медальками за поход на Хиву, сам не пил, не закусывал, но рупь на торжество пожаловал. Крупные средства поступили из Израиля, Албании, Голливуда, мыса Канаверал и еще многих стран, городов и местностей.

Гулянка удалась. Чуть переступило за полдень, когда гости повалили к заветным брезентам. И все в приподнятом настроении. Вова и Лева встречали всех с распростертыми объятиями; одинаково радушно приветствовали они миллионеров из Чикаго, герцогинь, водивших дружбу еще с Марселем Прустом, чопорных королев и печников, гордых редкостью своего ремесла.

Первым из-под трехсотлетних дубов вынырнул лешеватый мужик – в драной растрепанной телогрейке, грязном треухе, - огляделся, хватил стакан горькой, загрыз огурцом, молвил:

- Наши дубы Наполеона видели, с князем Радзивиллом знакомы, но такой всемирной пьянки не припомнят. Любо!

Тут подоспел принц из одного крошечного, но очень богатого королевства и поддержал лешеватого:

- Да, чаще надо нам всем собираться, ничего так не сближает народы, как горилка с салом!..

Принц конечно был прав, и нужно несколько слов специально сказать о сале - нежном, тающем во рту, в меру соленом, с тонкими прожилками мяса… Это сало вполне можно сравнить с молодым вкусом к жизни, нежной последней любовью, нежданной встречей с любимой, убежавшей в 1976 году с

парикмахером из салона «Спартак» и оставившей записку «Мы больше никогда не увидимся». От этого сала можно было вполне захмелеть, не будь здесь ядреного самогона. А самогон – горилка, первач, чимиргес (и еще сто имен великого напитка) – был, лился рекой. Он размягчал души, укреплял мир между народами, вселял надежды; ах, сколько еще, оказывается, нерастраченных надежд в мире!..

На велосипеде приехал – тоже из Уральска – человек по фамилии Одеколон. Прямо на голом теле он носил рабочие промасленные штаны, а на плечах у него всегда была стеганая ватная телогрейка без пуговиц, растраченных в драках, и грудь – и зимой, и летом – нараспашку, и горела огнем. В молодости у него была другая фамилия, кажется, Зачаганский-Задеркульский, но уже тогда он стал увлекаться тройняшкой, утра не представлял себе без флакончика животворящей влаги, и как-то зашел в нужное учреждение и переправил фамилию. И стал он Клим Одеколон. Клим Ефимович.

Он приковал велосипед тонкой, но очень надежной цепью (из секретного сплава) к наполеоновскому дубу, и присел выпивать с человеком по имени Дог, который добирался к заветным брезентам из какой-то Рузаевки сорок семь лет. Он рассказал Одеколону, что еще в детстве слышал - бабушка рассказывала, будто на берегах заповедной реки Брожки через полвека пройдет грандиозный пир – на весь мир. Что приедут на пьянку почтенные люди со всех континентов, стран, даже из холодного стеклянного города Астана, в котором сколько улиц – столько и ветров. Каждый из тысяч и тысяч прибывших получит право сказать свой тост, быть выслушанным и вступить равноправно в застольную дискуссию и отстаивать свое мнение, не опасаясь угодить в цепи… Каждый гость получит также почетное звание «Собутыльник мира», диплом международного образца и право выпивать первую рюмку еще до восхода солнца. Со временем, при доброй воле объединенных наций, будет создано заветное государство – может быть, Опхмелиния, или Верхняя Выпивония, или Бухландия, или даже Восторгландия – ученым ономастам еще предстоит найти название, достойное будущей великой страны. А знаменитая в веках речка Брожка уже в ближайшие дни будет переименована в Бражку… Счастливы будут жители этой страны, имеющие право говорить безбоязненно… Кто тут ищет Шамбалу?..

И так захватило мальчишку Дога это народное предсказание,

передававшееся в их рузаевских местах из уст в уста на протяжении столетий, что он дал себе клятву – обязательно попасть на этот всемирный пир. И еще ребенком отправился он в путь, шел от деревни к деревне, взрослел; в дороге научился читать и писать, складывать стихи. Заходил в редакции районных газет, которые охотно печатали его произведения, платили гонорары, а иногда даже командировочные. Он расспрашивал местное население, не слышал ли кто о большой пьянке, и, оказывается, буквально все слышали; один говорил, что она состоялась вчера в кафе «Дядька Черномор», другой уверял, что сегодня, завтра и послезавтра будут пить на улице Буянной, впрочем, на этой улице пьют ежедневно… Одна бабушка-прабабушка-прародительница посоветовала: ищи не пьющих, не пирующих сегодня, а людей со вчерашними глазами, им многое дано почувствовать и познать – не суетного, не теперешнего; через утреннее страдание им открывается будущее – живущий без оглядки, не помнящий вчерашнего, яснее видит то, что может случиться и, должно быть, случится через неделю, год, век. Пусть отказывает им вечерняя память, и руки с утра как будто тоскуют по балалайке, пусть туманен пока их взор и поступь неуверенна, но именно среди них рассматривай провидцев; они, во всяком случае, точно знают, чего хотят. Нет пьянки, которую бы они не предчувствовали – через любые расстояния и времена.

По полям и лесам пробирался Дог к заветной цели, но, может быть, никогда бы не добрался он до Брожки, если бы хоть чуть-чуть усомнился в народном предсказании. Но он был тверд в своей вере. Много было препятствий на пути. Он попал в волны трех революций, одну из них возглавил сам, сумел сдержать всепожирающую гидру революционного террора, но едва не пал жертвой районного термидора, вынужден был бежать, написал книгу о своих скитаниях, которая стала бестселлером, и по ней один из великих итальянцев снял скандальный кинофильм. Потом его захватила большая любовь, единственная, головокружительная, восхитительная. И пропасть бы ему среди кружевных панталон, полупрозрачных лифчиков, гостей по субботам и банных дней по воскресеньям, но неповторимая и боготворимая не устояла перед чарами заезжего трубача, ну, да, того самого, что целовался с трубою в доме колхозника, и укатила с ним выступать в его новой программе «Двойная душа»; измена вернула Дога на дорогу к брезентам, и после краха любви он еще двадцать лет шагал по этой дороге – стоптал семнадцать пар башмаков, две

пары кирзовых сапог, износил три шапки-ушанки, десять ватных телогреек и один костюм-тройку – и, наконец, вышел на опушку леса, где сверкало блестящими тостами, надрывало душу тягучими песнями, сдержанно гудело дискуссиями, сидело в обнимку всемирное братство собутыльников.

- Я знал, я знал! – только и смог произнести Дог, не сумев даже взглядом охватить число пирующих.

Потом в прессу просочилось, что в общей сложности на гулянку собралось триста восемьдесят семь тысяч четыреста пятьдесят девять человек. И еще один непьющий, но ему тоже присвоили звание «Собутыльник мира», но без вручения диплома международного образца. До сих пор он в судах оспаривает это решение, требует диплом. Что с него возьмешь – непьющий! Но ему, конечно бы, дали – не жалко, но печать поставить некому, загуляла канцелярская душа.

Догу сразу предоставили слово. Как героическому путешественнику, как пропагандисту и агитатору всемирной попойки, основы всемирного братства.

- Дорогие мои! Дорогие! – сказал он, и опушка взорвалась ликованием. Причем, ликовали люди на сорока четырех языках и наречиях мира.

- Все сбывается! – продолжил Дог. – Все обязательно будет!.. Да здравствует! Ура! Виват! Наливайте полнее, не дожидайтесь, когда нечего будет налить, и некому… Пейте, и ничего плохого в вами не случится!.. Во всяком случае, пока пьете…

Вова и Лева обходили гостей, каждому старались найти доброе, доходчивое слово, внимательно выслушивали искренние, порою, сбивчивые истории пирующих. И придумали Вова и Лева записывать все сказанное гостями в одну большую книгу, такие душевные выходили рассказы. Тогда прибилась к ним девушка – Тонька, скорая на руку, стенографистка, языкознатец, филолог-редакторица, нужный человек. Она и вела все записи, которых со временем собралось пятьдесят четыре тома; в ближайшее время они должны быть выпущены под патронатом правительства одной зарубежной страны.

Вот, например, какой рассказ записан в третьем томе на семьсот сорок третьей странице. Его автор нежная девушка, художница, скульптор, ранимая душа. Только после одиннадцатой рюмки решилась она поведать эту историю. В то время, когда люди еще не имели представления о глобализме, также, как и о глобальном потеплении (заметьте, все глобальное), когда мужчины и

женщины были свободны, как художники, а художники скользили над действительностью, не соприкасаясь с ней, удалось художнице, жившей тогда в небольшом городке, получить заказ на две дюжины античных статуй – чтобы украшали они собой дворец и дворцовый парк одного внезапно разбогатевшего человека. Чтобы задумчиво стояли в аллеях парка, наводили на мысли о вечном в галереях и гулких залах, вызывали трепет перед богатством и удачей на широких мраморных лестницах… Художница не стала откладывать в долгий ящик выполнение выгодного заказа, из-под ее резца быстро стали выходить Артемиды, Афродиты, Геры, другие достойные женщины древней Греции и чуть менее древнего Рима. Но с богами и героями мужского пола вышла задержка, на самом непредвиденном месте. Волнуясь, краснея и запинаясь, художница рассказала, что никак ей не удавалось скульптурное воплощение некоторых частей мужских тел. С Гераклом, чей детородный орган кокетливо повязан платочком, она кое-как справилась, да и то после многократного посещения местного краеведческого музея, где она сделала десятки карандашных набросков тех частей, с которыми была у нее загвоздка. Строгие служительницы музея приметили странную девушку, интересующуюся мужскими детородными органами, и осуждающе поглядывали на нее. А с другими греками и римлянами, которые не стеснялись выставлять напоказ свое мужское достоинство, дело никак не шло. Стояло дело… Наверное, сказывалось то обстоятельство, что художница была девственна и чиста, как весенний родник, никогда не приходилось ей держать в руках (простите великодушно) то, что даже у Геракла не всегда завернуто в платочек. Она попыталась воспользоваться своими рисунками, но объект выходил какой-то безжизненный, пустой, не гармоничный. Девушка отчаялась. Накупила гору альбомов с обнаженной мужской натурой, некоторые даже явно с эротической направленностью. Альбомы ее возбуждали, но дело со статуями не трогалось с места.

Оставалось срочно завести любовника, но сначала можно было попробовать найти натурщика. У нее было немного денег, и она попробовала, и нашла. Откликнулись многие. За деньги охотников снять штаны оказалось хоть отбавляй. Пришлось устроить кастинг. Первым вошел седобородый дедушка, спросил: «Где тут мочу сдавать?» Пришлось ему немного заплатить, чтобы он ушел сам и унес свою банку.

Затем пришла женщина лет сорока, сказала, что она любую работу лучше любого мужика сможет сделать – на сто пудов. Нужна эта штуковина?.. Так разве найдешь мужика с приличным органом?.. Перевелись мужики, да и в античные времена – посмотрите, посмотрите на картинки – тоже смотреть особо не на что было…

Правоту ее слов подтвердил следующий претендент. Сложен он был, действительно, как бог – хоть сейчас его в мрамор, гранит или бронзу. Настоящий красавец! Но когда он разделся, то художница нервно хохотнула, так крохотен был его мужской инструмент.

- Просто у вас в помещении прохладно, - сказал красавец. – Закон физики – все тела на морозе сжимаются… Вот согрейте в ладонях, увидите сами…

Она подошла к красавцу, неуверенно протянула руку, не решаясь прикоснуться, но красавец поощрил ее, ступив шаг навстречу, и впервые в жизни на ее ладонь легла та частичка мужской плоти, которая никак не поддавалась изображению. Она ощутила нечто мягкое, податливое, почти шелковое, и совсем, совсем небольшое. Художница, конечно же, знала, что это орудие в иные моменты бывает иным. Может, где-то в нем скрыта кость? Художница скорее инстинктивно, чем осознано, сжала орган красавца, но кости в нем не почувствовала. Но в ответ на пожатие шелк превратился в бархат, а потом в вельвет, а потом в грубое солдатское сукно. А вот и появилась таинственно отсутствующая до этого косточка! Чудесное создание природы!

Она опустила глаза и увидела, что, обретя косточку, сам снаряд увеличился, но не намного, до геройских размеров, а тем более, божественных, никак не дотянул. Он смешно топорщился и подрагивал в обрамлении рыжих кудряшек, что она опять не сдержалась - засмеялась, и он поник.

Потом приходили многие – и она видела большие, мускулистые, самоуверенные, стеснительные, крошечные, гордые, тонкие, твердые, как дерево, нежные, как лепестки роз; некоторые она просто с сожалением выпускала из рук, готова была даже влюбиться в них, но все-таки никакой из них не соответствовал ее представлению о том, каков должен быть этот предмет у античных героев. Она была близка к отчаянью. Заказчик торопил, его новый дворец был пуст без статуй, не было в нем той одухотворенности, которая исходит от шикарных предметов искусства. Она отговаривалась, тянула время.

Подруга посоветовала: обязательно самой нужно испытать все это, именуемое любовью и страстью. Тут как раз подвернулся офицер вооруженных сил, ну не совсем офицер, а наполовину – прапорщик. Он был не очень молод, но так красиво ухаживал, приносил букеты степных цветов, которые сам собирал рядом со строевым плацем, рассказывал о боевых приключениях - устоять было почти невозможно. Тем более и время поджимало.

Она пригласила его в мастерскую – искусство, вообще прекрасное, ему было не чуждо. Он сам пел в полковом хоре – «…Са-ла-вьи, са-ла-вьи, не тревожьте солдат, пу-у-у-усть сал-да-ты нем-но-оо-го пас-пряяят!», а, кроме того, читал книжку, в которой рассказывалось, как Паганини – музыкант такой был в Италии, кажется – что-то такое сделал со смычком, то ли удлинил его, то ли укоротил, в общем, произвел революцию в застойном музыкальном мире того далекого времени.

Прапорщик прибыл в мастерскую точно в назначенное время, принес бутылку водки и бутылку вина, коробку конфет «Птичье молоко» - откуда-то узнал, что это ее любимые. Ловко открыл пробки бутылок, налил аккуратно, не пролив ни капли.

- Будем! – сказал коротко.

- Да, постараемся, - откликнулась она и нежно назвала его по имени:

- Егорушка! – его Егором звали.

Он с чувством выпил, нацепил на вилку корнюшон – такой недоразвитый огурчик. Смачно похрустел, улыбнулся:

- Порядок в танковых войсках!

- Егорушка, ты же говорил, что в пехоте служишь?..

- Само собой, в ней, царице полей… А про танки – это так говорится, крылатое выражение.

- Выпьем еще? – предложила она, чтобы снять напряжение, некоторую неловкость.

Выпили. Потом еще. Прапорщик расстегнул китель, закурил. Выпустил густой клуб дыма, спросил:

- Вот интересно мне, почему люди в натурщики и натурщицы поступают? Стоять голым в неудобной позе – не могу представить… Ни за какие деньги не согласился бы …

Она замерла, он заговорил о наболевшем. Какая все-таки у него чуткая

душа, хоть и затянута мундиром.

- Это работа, как и любая другая, - ответила она. – Вот в вашей службе полно опасностей, но ведь вы не прячетесь от них, понимаете, что нужны людям! Вы – защитники Отечества!..

Прапорщик приосанился, махнул еще рюмку водки. И еще одну.

- Мы – люди военные, - сказал раздумчиво. – Риск, опасность присущи нашей специальности… А вот голым стоять перед людьми – не понимаю…

Она догадалась, что трепетала в нем какая-то неведомая струнка, болел какой-то скрытый нерв. Может, в отрочестве и юности насмехались над его нескладностью жестокие одноклассницы, может, в детстве застукали его за подглядыванием в мутное окошко сельской баньки, кто знает?..

И тогда она поцеловала его, сказала еще нежнее, на самом пределе нежности:

- Егорушка, милый! А ты не хочешь сам попробовать? Мне как раз обнаженная мужская натура требуется?.. А?..

Он даже перестал жевать огурчик, засопел, рука сама собой потянулась к рюмке. Он выпил, и глаза его засветились каким-то зеленым огнем, может, водка такая зеленая попалась? Он, наконец, дожевал огурец, заговорил страстно:

- Как говорится, это самое, алтарь искусства, и начштаба ориентировал так же…

Она испугалась, что придется иметь дело еще и с начштаба, поэтому пустила в ход решающий аргумент:

- Я не знаю, каков ваш начштаба, но твоя фигура, Егорушка, практически идеальна… Подумай только, она сопоставима с фигурами греческих богов!..

Он выпил еще рюмку, решительно снял китель. Расстегнул рубашку, поднял на нее глаза. Зелень в них все еще горела.

- Мне отвернуться? – спросила она.

Он засопел сильнее, и она не стала отворачиваться. Он долго возился с башмаками, шнурки никак не поддавались его напряженным пальцам, так что ей пришлось помочь ему. Она преклонила перед ним колени, и вместе они одолели шнурки. В награду за это она налила ему еще рюмку, выпила и сама.

С брюками получилось быстрее, и он остался в трусах цвета хаки, такой же майке. Он огляделся вокруг, она подумала, что решимость его на пределе, и

поощрила прапорщика еще одни поцелуем.

- Ты тогда тоже раздевайся, - придумал он, придумщик.

- Я – потом, - шепнула она ему. – Иначе как разберешь, кто из нас художник, а кто – натурщик?.. Снимай трусы…

Она потянула вниз за ткань защитных трусов, и они пали к ногам отважного воина.

Она подняла глаза на то, что они скрывали, и подумала огорченно, что теперь заказ точно будет сорван. Нет, военный орган был хорош, чувствовалась в нем и уверенность, и сила, и она потом испытала это на себе, но эти уверенность и сила были, по ее разумению, никак не божественные, а прапорщицкие. Невозможно было объяснить откуда она черпала это знание, но она знала, что боги должны отличаться от прапорщиков во всем, а в этом и подавно.

Военному кавалеру она не дала почувствовать свое разочарование, попросила принять его позу Ясона, наконец, добравшегося до руна, сделала несколько набросков, как оказалось потом – не напрасных. Легкая эрекция, которую прапорщику не удавалось погасить на протяжении всего сеанса, позволила потом использовать эти наброски для фигуры Фавна; лесное, козлоногое божество получилось игривым, даже несколько скабрезным. И, несмотря на то, что место для статуи постарались выбрать в самом укромном местечке парка, юные девушки, да и матроны в годах, находили возможность взглянуть на Фавна, а кое-кто не брезговал дотрагиваться до той части мраморного тела, которое с таким трудом удалось художнице. Как-то само собой даже составилось поверье, что если дотронуться до органа Фавна в полнолуние, то, как рукой снимает энурез, чесотку и кариес, и уверяли – бесплодие и аноргазмию.

Но с другими античными мужчинами дело застряло на одном месте. Не двигалось дело. И совсем, было, отчаялась художница, вознамерилась отказаться от заказа, но пришел на помощь случай. Случай, он как стрела в натянутом арбалете, только подумал еще нажать на спусковой крючок, а стрела-то уже летит!..

Купила она как-то на уличном базарчике пучок редиски. Редисочница, как водится, завернула свой хрустящий товар в клочок газеты. Художница принесла домой редиску, развернула, глянула на клочок и ахнула: во всю

страницу были изображены десятки и десятки органов, в коих она имела такую творческую нужду. «Вибраторы и мастурбаторы – на любой вкус!» - предлагала реклама. И судя по фотографиям, нисколько не лгала. От самых крошечных, едва доступных взгляду, до настоящих монстров, любых оттенков и колеров, из латекса и резины, из космических пластмасс с моторчиками и реактивными двигателями, металлические с нагревателями и гелиевые с охладителями – все было там. У нее даже руки затряслись: один из аппаратов всей своей статью, формой, нежным оттенком почти живой кожи как будто был создан для фигуры самого Аполлона! Где, где можно купить такое чудо?.. И как купить?..

Вопрос «где» решился быстро - в любом сексшопе. А вот «как» - оказалось сложнее. Просто прийти в эролавку и потребовать показать товар лицом она не могла – слишком известной личностью в городке она была. Она не боялась пересудов, но опасалась, что приниженное представление о предмете, даже в людской молве, может в конечном счете отразиться и на художественных качествах античных богов и героев.

Но тут судьба забросила ее в одну из сопредельных и очень дружественных стран – то ли на какую-то выставку, то ли международный симпозиум по ваянию – память не сохранила этого. Но ночью в гостиничном номере ей не давали уснуть электронные всполохи рекламы; она не могла поверить своим глазам – реклама настойчиво рекомендовала посетить SexShop. И она посетила. Загородив поллица огромными темными очками, повязав темную, почти корсарскую, косынку, она с замиранием сердца толкнула дверь магазина. Внутри пахло косметикой и немного аптекой. «Запах стерильной любви», - подумала она.

Она ожидала увидеть пустынный зал, но рассматривателей-покупателей было немало. Седовласый джентльмен тщательно выбирал себе надувную красавицу, интересовался, следует ли применять тальк для сохранности изделия в те дни, когда она не будет нужна? Две дамы возбуждающего возраста интересовались каким-то сложным предметом – с пружинами, электродами и кронштейнами, что она не решилась даже предположить его предназначение. Молодые девушки с парнями хохотали у стеллажа с какой-то кожаной сбруей…

К художнице тут же подлетела служительница:

- Что интересует? Можем предложить модели, выполненные с

применением самых передовых технологий. Гарантированное наслаждение, никаких отказов! Никакого плохого настроения, усталости, похмелья у наших моделей не бывает!..

И перед ней развернули весь головокружительный набор. Она даже подумала на секунду: а, может, все это ей снится: она трогала руками, перебирала, сравнивала сотни приборов, да нет, приборами это назвать было невозможно. Служительница не уставала повторять: «Вот это точная копия с органа номинанта на Оскара… А это – чемпиона НХЛ… А это – самого Казановы…»

Художница не без труда, так велик был выбор, купила два вибратора – один длиннее, другой толще… Они были именно такими, какими представляла она их у древних героев.

С нетерпением ждала она возвращения домой, так хотелось продолжить интересную работу. Но, оказалось, не все препятствия были еще преодолены. В аэропорту, строгие стражи безопасности полетов, просветив ее чемодан рентгеном, поинтересовались, что за устройства с батарейками она собирается провезти через границу? Это случайно не ручные гранаты, не запалы, не детонаторы?..

Она попыталась им кое-как рассказать об античных героях, но стражи не поняли, велели распаковать и предъявить устройства. Делать нечего, и половина аэропорта рассмотрела два вибратора-красавца, поцокала языками, с интересом посмотрела та сексообильную дамочку.

Потом стражи извинялись, краснели, улыбались понимающе, но пока она летела в самолете, с нее не сводила взглядов мужская половина лайнера…

Но главное – античные герои и боги вышли просто замечательными, украсили собой и дворец богача, и парк…»

На этом месте прервал свой рассказ Ботаник – он же заскорузлый. Перевел дух, помолчал с минуту – нелегко даются человеку воспоминания. Это все равно, что жить заново, но уже не так безоглядно, не так бесшабашно, как в первый раз. Много сил уходит на то, чтобы вспомнить все, как было, при этом вспомнить лучше, чем было…

«Я тоже не сразу нашел дорогу к речке Брожке, - продолжил заскорузлый. – Плутать пришлось немало. Куда только меня не заносило! Однажды попал я в город, где люди живут в шатрах и палатках. Но это не геологи. В той местности

земля уходит из-под ног по понедельникам, вторникам и четвергам, и ни одно здание не может устоять – повергается в прах. Поэтому находчивые люди не строят капитальных зданий. А земля трясется потому, что неподалеку от палаточного городка стоит секретный завод, на котором путем взрывов получают драгоценные камни. От взрывов рушатся не только дома. Почему-то в этом городе много людей, которые почти ничего не видят, и поэтому взрывное министерство выделяет большие деньги на здравоохранение. Драгоценные камни очень нужны модной промышленности, и эта промышленность тоже выделяет деньги на лечение слепых, но пока прозревших мало. Впрочем, люди города утешаются тем, что у них очень развиты слух, обоняние, другие органы чувств. Полюбив однажды, они почти не в силах разлюбить, потому, что живут в представляемом мире, и любимые наделены только прекрасными чертами… И вот что удивительно, уверяют, что достаточно только переехать из этого города в любой другой, как само собой постепенно возвращается утраченное зрение, но далеко не все покидают эти края… Это объяснить я не могу…

Я и сам там влюбился в девочку-припевочку; она склоняла голову над гитарой и пела:

Не уделяй мне много времени,
Вопросов мне не задавай.
Глазами добрыми и верными
Руки моей не задевай.

Не проходи весной по лужицам,
По следу следа моего.
Я знаю - снова не получится
Из этой встречи ничего…

Я спрашивал, чьи песни она поет, но она только улыбалась… Впрочем, не стану рассказывать об этом, скажу только, что она не поехала со мной, осталась в палаточном городе…

Дорога к Брожке нелегка. У некоторых она пролегла через горы и степи, некоторые увидели ее из космического пространства, проносясь над Землей в утлых космических челнах, и вскоре приземлили свои огнедышащие корабли у нетрезвого брезента, а были и такие, что плутали на ее берегах, да не сумели рассмотреть светлой речки…

После долгих мытарств, достойных пера самого Виктора Иванова, вышел я, наконец, к месту назначения. Как раз в это время тост провозглашал крупный ученый нашей современности, уроженец Японии, или Сенегала, или Татарстана? В общем, знатного рода человек.

- Пью за тех, кто умеет бодрствовать и не дает сну обмануть себя несбыточными грезами! – говорил он. – В нашем институте мы сумели подсчитать, что сбываются только восемнадцать процентов всех снов, причем из этих восемнадцати - девяносто три процента навеяны славным портвейном номер двенадцать. Вывод простой…

Вова и Лева светились улыбками, приветствуя гостей, но если присмотреться, то заметна была в их глазах легкая усталость, некоторая разочарованность, неудовлетворенность собой. Пир удался, пир шумел хмельной и счастливый – на глазах рождалась легенда, о ней торопились рассказать семьсот двадцать два журналиста, две тысячи двести телеоператоров, девятнадцать молодых и три маститых писателя, делали наброски впрок для будущих мировых полотен шестнадцать живописцев, четырнадцать голливудских киностудий трещали аппаратами, а на Вову и Леву, вдруг, навалилась беспричинная грусть. Казалось бы, сумели они добиться небывалого успеха в деле объединения людей, в деле дружбы и в деле добрососедства, но на душе у них не было легко и спокойно. И они сами не могли взять в толк, что же грызет их, не дает наслаждаться дружеской попойкой?

Наверное, они многое поняли, едва увидели меня. Я не стал им пенять за то, что бросили меня в лесу, за то, что с легкостью продали мою мечту – это касалось только меня, и я готов был забыть это. Чего не бывает между людьми?.. Но я не мог не рассказать им о судьбе обманутой кабеты, о совсем невеселой доле обманувшей ее подружки… Старухи…»

Ботаник еще на минуту прервался, для чего-то поклонился в сторону Старухи, как бы давая понять, что он до конца не отождествляет эту самую подружку и теперешнюю Старуху, и затем продолжил: «Я сказал им:

- Безвинные женщины страдают, вы понимаете?.. Одна осталась без квартиры, другая – без покоя в душе…

Вову и Леву как громом поразило сказанное мною. Наконец, ясны им стали те неясная тревога и легкая грусть, которыми горчила вселенская выпивка на Брожке.

- Что же делать? – поникли они головами. - Денежки-то тю-тю…

Выхода, казалось, не было. Крепко задумались ребята. Где взять деньги?..

Я предложил им попытаться выиграть в казино, вспомнив, как однажды сам выиграл в преферанс в одном далеком казахском ауле. Мы тогда трое суток не выходили из юрты, и мне все время везло; хотя и карта шла паршивая, да и играл я не очень, но раз за разом выигрывал – понемногу, но каждый раз. Нас ненадолго отвлекал только бесбармак – гениальное изобретение кочевников – мясо, лепешки, сурпа - еда, в которой, казалось, соединились сотни блюд. Еда, которая помогала номадам завоевывать мир. Сами они считают, что овладели миром, овладев конем, но это верно только отчасти. Бесбармак занимает достойное место в ряду, где находятся степной лук, легкая сабля, неприхотливый конек, вяленое мясо, кошма… Да еще, наверное, казан – черный чугунный котел, пропитавшийся жиром за долгие годы скитаний его хозяев… Какой аромат разносился по степи, когда закипала в казане сурпа, как будто это был запах родины!.. Бесбармак – больше, чем еда…

Я выигрывал и выигрывал, казахи только улыбались и пододвигали мне деньги, я складывал их под угол кошмы; и только спустя многие годы я понял, что они проигрывали мне специально. Гостеприимство – сильнейшее оружие степи…

Вова и Лева отправились в казино на Немиге, но не с таким настроением нужно приезжать в игорный дом, а настроение у них было, как у пойманной воблы, которой насыпают под жабры соль. Ставки они делали небольшие, играли нерешительно, с оглядкой на скудный кошелек, и, конечно, проиграли. Испытали счастье в покер, но ели им выпадал флеш, то у соперника непременно находился фул-хаус, если им приходило каре, то у какой-нибудь трясущейся бабушки обнаруживался стрит-флеш, и никогда на руках у себя они не видели флэш-рояль, - неудачники, что возьмешь с них?

Остатки денег они принялись просовывать в щели игровых автоматов, но, видимо, автоматика тоже была настроена против них, потому, что машины охотно принимали деньги, но совсем не хотели отдавать их. Ни разу не выпала выигрышная комбинация, и Вова с Левой впали в депрессию.

«Может, ограбить банк?» - как-то произнесли они в унисон, но взглянули друг на друга, хохотнули и отвергли даже самую мысль об этом: не для того наши банки гудят неустанно о кредитах, депозитах, процентах, бонусах, народном благосостоянии, чтобы поделиться хоть с кем-нибудь даже самой малой толикой

добра. Там дивизии на охране, там денежные рентгены, там колючая проволока из нержавеющих металлов…

Совсем приуныли ребята. В юристы, где гонорары большие, податься образование не позволяет, да и врожденная чистоплотность; выйти в знаменитые спортсмены уже поздно, говорят, их тренируют с рождения – и не пьют они вволю, и не едят всласть, и не спят в воскресенье до обеда; выбиться в великие художники, и писать портреты царей и президентов за огромные мильены, да, слышно, почти все места там уже заняты, а за оставшиеся бьются не на живот, а на смерть несметные рати живописцев всех направлений и вероисповеданий; и уж самое, казалось, простое – стать звездами эстрады, смотреть улыбчиво на народ с афиш и телевизоров, кое-как успевать за фонограммой и спокойно считать денежки, но противно… очень противно…

Что же делать?..

- Может в рабство продаться? – даже об этом подумали они однажды. Но не сложилось. Покупатели набежали, но цены достойной не дали…

К тому времени у Вовы с Левой уже и на хлеб не было. Самим бы ноги не протянуть, а как кабету с подругой выручать?..

- Нет выхода, - сказал Вова.

- Не вижу и я его, - подтвердил Лева.

Но здоровая основа была в их характерах.

- Терпение и…

- Труд все перетрут, - произнесли они, как нередко у них случалось, почти в унисон…

- Устроимся куда-нибудь… Копить будем… Все вернем…

И вот уже много лет заняты они очисткой городских улиц, денег получают немного, но и не тратят на себя почти ничего, только разве на хлеб, огурцы и махорку. А каждую лишнюю копеечку откладывают в заветную шкатулку… наверное, уже немного осталось им… Год – другой, а, может, и меньше – и рассчитаются они…»

- Не их ли сегодня утром я повстречал перед своим домом – в необъятных брезентовых плащах? – догадался Старик. – Они еще тротуары посыпали песком… точно…

- И я их видела, да не узнала! – сказала Старуха. – Но их одухотворенные лица мне показались знакомыми… Вот же встреча!..

- А теперь мой рассказ, - начал мужик без примет. Помолчал, откашлялся – и заговорил дрожащим от волнения голосом: «Моя история тоже о любви… Наверное, все на свете истории – о любви…»

Старуха перебила его:

- Может быть, эту повесть мы выслушаем не в романтической полумгле кочегарки, а в моем грустном жилище?.. Тем более, что здесь и вина больше нет?.. Да и внутренний голос подсказывает мне, что пора, уже пора… двигаться…

Дамка рассыпалась звонким лаем, домой ей, каракулевой, захотелось.

Жилище Старухи – крошечная квартирка на восемнадцатом этаже не была обезображена лишними вещами: раскладушка, тюфяк для Дамки, пара сковородок для яичниц, стул, табуретка, телевизор, граненые стаканы. Холостяцкий быт.

- Это тот самый телевизор? – спросил Старик, горящий нетерпением.

- Этот самый – на свалке найден, - подтвердила Старуха. – На нашей свалке много чего полезного находится. В позапрошлом году мне приносили - тоже за бутылку самопальной – космический скафандр. При нем еще было десять кило пшенной каши с мясом, компас. Я, может, и взяла бы, в жизни не знаешь, что может пригодиться, да вовремя рассмотрела – скафандр был рассчитан на пятипалые когтистые лапы, явно не человеческие… На что мне такой?..

- И где теперь это скафандр? – спросил мужик без примет. – Он цел?..

- Чего ты так волнуешься, как будто это твоя собственная шкура? – рассмеялась Старуха. – У моего старого друга Кулемы, бомжа жизни, бича по призванию, он и валяется под койкой… Конечно, кашу с мясом давно слопали, компас пропили…

- Я должен видеть этого старого друга! – пуще взволновался мужик без примет. – Дайте мне его адрес!.. Это вопрос…вопрос…жизни…и небытия…

- Какой адрес у бича, ты в своем уме? – сказала Старуха. – У мусорных баков на улице Мира найдешь его… А зачем он тебе?..

Мужик без примет ничего не ответил, бросился к двери, и пропал. Надолго ли?..

- Так мы будем включать этот телевизор? – спросил Старик.

Старуха с силой ударила по корпусу телевизора кулаком – так включался

этот прибор, как и многие другие, и на экране появился мужик без примет. Но другой совсем мужик, и отсутствующие приметы у него тоже были другие.

- Хорошо, что вы включили таймвизор именно сейчас, - сказал мужик, перебирая перед собой на столе пухлую стопку листов. – Потому, что, идя навстречу вашему острому желанию, я сказал бы даже - острейшему, мы начинаем телепубликацию знаменитого произведения «Остров…»… Тем более, что вариатор временной обратной связи показывает: среди зрителей сегодня – сам автор бессмертной эпопеи…

И на экране возник растерянный, всклокоченный Старик, однако, протрезвевший.

- Бумагу мне, ручку!.. – закричал он. – Я должен это записать, и башку ломать не придется…

- Вот так и создаются великие произведения, они вне времени, - продолжал говорить диктор без всяких примет. – Мы знаем немало примеров, когда литературное произведение опережает свое время, приходит из прошлого, чтобы быть понятым только потомками, но бывает и наоборот: книга приходит из будущего в прошлое. Таков «Остров…»…

- Может, тебя диктофон устроит? – предложила Старику Старуха. – Нажмешь вот на эту кнопочку – и все запишешь…

Щелкнула кнопочка записи, и тут же таймвизор принялся читать роман:

«Утром в клетке сдох кенар, желтый, как лимон.

Лизавета как раз читала ему из «Веселой науки»: «Мы устроили себе мир, в котором можем жить, - предпослав ему тела, линии, поверхности, причины и следствия, движения и покой, форму и содержание: без догматов веры никто не смог бы прожить и мгновенья! Но тем самым догматы эти еще отнюдь не доказаны. Жизнь вовсе не аргумент; в числе условий жизни могло бы оказаться и заблуждение…»

«Как прекрасно заблуждаться! – думала иногда она – По сути дела заблуждения – это фантазии, игра тоскующего воображения, никогда не сбывающиеся мечты…»

Кенар свалился с жердочки, как старый канатоходец, распустил крылья, но они уже не помогли - он упал, вытянув скрюченные лапки, и сразу стало ясно – больше он не споет, не нащелкает тоскливых невольничьих ноток.

Лизавета ахнула, Ницше выпал из рук.

- Зачем? – выговорила она, неизвестно к кому обращаясь. Впрочем, она догадывалась, что хоть один слушатель у нее есть. Холодный и размеренный стук его сердца она иногда явственно различала в механическом ритме старых часов.

Никто не ответил.

- Ну, зачем? – повторила она, не в силах оторвать взгляда от мертвой птички.

- Разве он мешал хоть кому-то?..

Она поразилась глупости своего восклицания: если бы кенар даже и мешал, то разве согласилась бы она покарать его смертью? И вообще, есть ли хоть кто-то, заслуживающий смерти?… Да? Нет? Опять глупость?.. Своим рождением каждый уже заслужил ее…

Она надавила на зеленую кнопку, и коляска медленно покатила к окну – мимо клетки с мертвым кенаром, желтым, как пустыня.

Лизавета давно уговорила себя, что вообще все вопросы, скорее всего, лишены смысла. Нечего и пытаться получать на них ответы. Но так иногда хотелось хоть что-то понять, объяснить самой себе.

На подоконнике в пузатом горшке жил угрюмый кактус, вылитый динозавр. Поселился он там много лет назад, был немногословен, колюч, гордился своим героическим прошлым, когда был призван служить в контрразведке, оповещая секретных агентов об опасности одним своим появлением в окне. Ему полагалась за это медаль, а может быть, и орден, но награда где-то задержалась, он терпеливо ждал, прислушивался к радио: ищут ли, находят ли героев?

Кактус не любил кенара; желтогрудый певец как будто специально старался разрушить его жизненные установки: он пел в клетке, но разве песня, поэзия могут жить в неволе? Кенар не оставлял попыток взлететь со своей жердочки, каждый раз больно ударяясь о металлические прутья своей тюрьмы, так и не сумев понять, что только родная почва под ногами надежно питает жизненными соками, дает уверенность… Полет всегда призрачен, движение относительно…

Лексикон вертлявой птицы был переполнен пустыми словами «любовь», «звезда», «тоска»… Ни разу кенар не пропел «Родина», «мать», «жизнь». Но все-таки жаль беднягу… Не повадилась бы опять смерть в этот дом, хотя для нее здесь почти ничего не осталось: Лизавета с бабушкой и кактус… Ах, да, еще замшелый домовой, безвольный, опустошенный утратами: не уберег, не углядел…

Лизавета надавила красную кнопку, и коляска остановилась у самого окна. Здесь у тонких, вибрирующих уличной жизнью стекол, она привыкла плакать, когда плакалось. Она рассчитывала дать волю слезам, но не получилось. Ни слезинки, ни всхлипа. В груди было холодно, северный полюс давно образовался там. Она вспомнила, что когда в серой и пустой больничной палате бабушка, наконец, решилась рассказать ей о том, что нет больше у нее ни матери, ни отца, что похоронены они две недели назад в одной могиле на новом загородном – на лысом холме, - кладбище, то она тоже не заплакала тогда. Две слезинки только-то и скатились по ее щекам, упали к ногам ледяными горошинами. Бабушка твердила: «Ты плачь, плачь!..», а она никак не могла избавиться от ощущения, что рядом с ней кто-то чужой, посторонний, – и она не могла, не хотела, чтобы он видел ее слезы…»

В это время в комнату ворвался мужик без всяких примет с огромным свертком в руках.

- Не надо дальше записывать! – бросился он к Старику, нажал на диктофонную кнопку «Стоп». – Это совсем другое… Нас не касается… Это не тот роман…

- Нас все касается, - строго сказала Старуха. Но часть диктофонной записи все-таки была испорчена. Как оказалось потом – в нескольких местах.

- Ну вот, как я теперь узнаю, что там случилось? – огорченно сказал Старик.

- Ты сам все напишешь по-другому, сам сумеешь, у тебя ведь талант, - сказал мужик без примет. Но Старик опять нажал на кнопку записи: «Этого постороннего она почувствовала еще на аэродроме, когда ни в какую не соглашалась садиться в вертолет. Мать и отец в один голос говорили ей:

- Не нужно бояться, не нужно!..

А она боялась…

- Может быть, поедем на поезде?

- Не глупи, малышка!.. Мы сэкономим почти сутки, да и взглянешь сверху на землю, красота!..

Она обречено поднялась по коротенькой железной лесенке в разогретое душное нутро вертолета. Наверное, это был грузопассажирский вариант, потому, что вместо кресел здесь были узкие длинные скамьи; и ее посадили между родителями. Кроме них в вертолете сидели худая желтая женщина с огромной цветной сумкой на коленях, из которой торчали неопрятные свертки с колбасой,

сельдью, бурыми макаронами, и лысый мужчина в огромных, дымчатых очках, уткнувшийся в газету с названием «Надежда».

Вертолет затрясся, загрохотал. Затоптанное грунтовое поле аэродрома, вдруг, качнулось, накренилось и стало проваливаться вниз. Лизавета зажмурила глаза, сжалась в комок. «Неужели летчики взаправду любят небо? – подумала она. – Натужный рев моторов, свистящие лопасти, тряска и дребезжание металла – это и есть полет?.. Инородный, никчемный механизм борется с живой стихией, и она отторгает его… Разве брошенный камень летит? Он только падает…»

Непонятно откуда потянуло холодом, заледенило затылок. Ей почудился сухой короткий смешок.

- Ну что ты дрожишь? – едва перекричала шум мотора мама. – Тебе пятнадцать лет, а ты такая дикая…

- По статистике воздушный транспорт – самый безопасный. В автомобильных катас…, - начал кричать отец, и осекся, потому, что больше не стало потребности кричать. Мотор как будто задохнулся во встречной воздушной струе, закашлялся и замолк.

Еще гудели какие-то механизмы, трещали шестеренки, вращались маховики, шумел над головой винт, и вертолет мчался над крошечными домиками, ленточками дорог и речек, но все уже было кончено. Вышло время железной машины, вышло время людей. Они еще жили, но что за жизнь по инерции?..

И все это поняли. Лизаветин отец – первым.

- Почему, почему ты замолчал? - закричала Лизавета, но в тот же миг вертолет, скользивший по тонкому насту инерции, провалился в бездну.

Дико закричала желтая женщина и бросилась к голубой дюралевой двери. Мгновенно, как будто всю жизнь этим занималась, она справилась с замком, и дверь подалась вовнутрь, и в образовавшийся сверкающий солнцем проем ударила воздушная волна. Женщина отпрянула от двери, огляделась безумными глазами и заметила оставленную ею на скамье цветную сумку с селедкой, макаронами и, балансируя на вибрирующем металле пола, попыталась вернуться за сумкой. Каким-то невероятным усилием ей это удалось, она схватила сумку, и на лице ее мелькнула тень удовлетворения, но тут же вертолет тряхнуло, завалило на бок, женщина взмахнула руками, широко раскрыла рот, но не закричала, может, поняла, что бесполезно, - и рухнула, ударилась о болтающуюся дверь, и, не сделав ни единого движения, чтобы удержаться хоть за что-то,

выскользнула из вертолета, долю секунды парила рядом с погибающим аппаратом с растопыренными руками, раскрытым безмолвным воплем ртом, потом улетела - сначала куда-то вверх, а затем, обогнав несчастную железную стрекозу, умчалась навстречу недалекой уже земле.

Лизавете почудилось, что в голове ее кто-то насмешливо произнес: «Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг - а иной»

- Лизавета, сюда! - закричал отец. - Скорее!..

Он схватил ее и прижал к себе:

- Выдохни и не дыши!

Мать поняла его замысел мгновенно и обхватила ее сзади, прижалась к ней:

- Господи, помоги, помилуй!..

- Мама, мама!..

Лысый мужчина в дымчатых очках с трудом удерживал в руках парусящуюся газету с обманным названием «Надежда» и, шевеля губами, продолжал читать, наверное, передовицу. Аз, буки, веди, помилуй нас!..

- Мама! - удар и боль уничтожили все. Целую вечность не было ничего, потом родилась тишина, и кто-то опять прошептал: «…хоть на миг - а иной…»

«Да такой же точно, - подумала Лизавета, - просто люди привыкли путать мир и свет… Свет путают со светом, а мир с миром… Поди тут разберись…»

- Не надо записывать! – это совсем другой роман, его еще нужно написать! – опять прервал запись мужик без примет. – А все, что нас в этой истории касается – я сам расскажу…

Упрямый Старик отмахнулся от него, нажал кнопку, ведь по таймвизору читали роман, который он только собирался написать. Не каждый день такое случается, согласитесь.

- Может случиться временной коллапс! - настаивал на своем мужик без примет. – Это надо понимать!..

- Мы все понимаем, - урезонила его Старуха, - но нам просто интересно.

«Голова у нее закружилась, и она открыла глаза, - продолжил таймвизор. - Белые кафельные стены окружали ее, а у стен этих стояли стеклянные шкафы со всякой медицинской всячиной, и приборы с зелеными экранами и дрожащими нервными стрелками.

Среди этого нагромождения она с трудом нашла себя, забинтованную, распятую, такую же белую, как все вокруг. И только бабушка у изголовья ее

кровати дремала на стуле, а на плечах у нее была накинута пестрая старенькая кофта.

«Плохи мои дела, - подумала Лизавета, - а мама, папа, что с ними?..» И она опять почувствовала чужое присутствие, тяжелое и холодное дыхание.

С тех пор это чувство то ослабевало, то усиливалось, но никогда не оставляло ее. И когда она узнала о могиле на загородном кладбище, и когда из старательных умолчаний вежливых докторов поняла, что отныне тело ее - руки, ноги - будут только придатком коляски с электрическим моторчиком, и когда бабушка по ночам плакала и жаловалась темной иконе на горькую судьбу, Лизавета знала: всю жизнь свою, а сколько ей осталось? - она будет прислушиваться к морозному дыханию у себя за плечами, будет, как стрелок, учитывающий силу ветра и вращение земли, делать поправки на эту темноту и холод.

Лизавета еще раз прикоснулась к зеленой кнопке, и электрический экипаж подкатил вплотную к подоконнику. Зеленый динозавр в пузатом глиняном горшке всем своим видом выражал соболезнование по поводу смерти кенара, но был смешон: на самой его макушке расцвел розовенький, нежный цветочек.

Лизавета грустно улыбнулась и сказала:

- Говорят, что такое бывает раз в сто лет. Поздравляю с цветением!..

Кактус всполошился: как же он сам не заметил, ведь чувствовал, чувствовал в последнее время легкие головокружения, волнующую приподнятость духа, но отнес все это на счет октября, прилипшего мокрыми листьями к тонкому стеклу окна.

- Осень, а ты расцвел, - сказала Лизавета.

Динозавр промолчал, углубленный во внутреннее созерцание цветения; таинство, что ни говори!

Лизавета посмотрела поверх розовенького цветочка - сразу за стеклом открывался прозрачный утренний простор. На высоте двенадцатого этажа взгляду не мешала влажная ржавчина крыш, перемешанная с опавшими листьями, ни далекие черные пальцы труб, указывающие с умирающей осенней земли в высокое небо, ни густые стаи птиц, собирающиеся в октябрьское бегство. Виден был весь город - промокший, замерзающий, и видны были пустые скучные поля за ним, и дороги с колеями, залитыми водой, и озера, затянутые хрупким растрескавшимся льдом, о который разбивают лбы затосковавшие до весны

щуки, и снова жирные вспаханные поля, и леса с тощими затравленными волками, небритыми разбойниками с воспаленными от многолетнего сидения у костров глазами; и снова поля, а за ними другой город - темный, в который еще не добрался рассвет, а за этим городом море, где легкую волну рассекает старая моторная шхуна, шкипер которой уже не первую неделю ведет свой корабль на восток, - без устали, без сомнений, иногда только поднимая к глазам верный цейсовский бинокль, но что он может рассмотреть, кроме прохладного солнца, краешком задевшего за воду, и самыми первыми лучами высветившего на руке шкипера странную наколку «1-9-67-665 - 3 - и прямо…»

- Целая шифровка на руке! - произнесла осуждающе Лизавета, она не любила рекламу, украшения, клятвы.

- Сам терпеть не могу татуировки, - как будто далекой Лизавете ответил шкипер. - Но ничего поделать не могу, эта - семейная, от отца к сыну передается. И у деда моего такая была, и мне накололи в детстве… Какая-то семейная тайна…

- Бабушка! - закричала Лизавета. - Милая!..

- Я здесь, - ответила бабушка, неслышно войдя в комнату. Она давно научилась все делать тихо, даже посуду старалась мыть так, чтобы не звякнули ненароком ни ложка, ни вилка, ни чашка. Со дня гибели дочери и зятя, царство им небесное, она стерегла тишину, никакие посторонние звуки, считала она, не должны беспокоить Лизавету. Поначалу так насоветовали врачи, а потом, когда медицинский запрет на шум был снят, ей самой стало казаться, что в этом доме нельзя беспокоить не только внучку, но и молчаливые безутешные тени, и, не дай Бог, не расслышать что-то важное, что может прошелестеть в этой тишине.

- Господи, вот несчастье! - сказала бабушка, накрыв клетку с кенаром кашемировым платком.

- Платок твой в клетку, и клетка тоже в клетку, - сказала Лизавета.

- Да, - сказала бабушка, - не везет нам…

- Скажи, бабушка, ты далеко видишь?..

- Далеко?..

- Именно…

Вопрос заинтересовал почему-то и домового, он высунулся наполовину из-за книжного шкафа с томом «Испанской поэзии в русских переводах» в руках, прислушался.

Бабушка помолчала и ответила:

- Без очков далеко… А если слезы навернутся на глаза, то как в подзорную трубу смотрю…

- И я далеко, - сказала Лизавета. - Но не плачу…

- Ты поплачь все-таки…

- И еще скажи: ты в жизни все помнишь?..

- Все?..

- Ну да, с самого своего рождения?

- С самого рождения никто не помнит…

- А до своего рождения?..

Домовой отложил испанскую поэзию, покачал головой: разве годится человеку заглядывать за пределы своей жизни, разве это приводит к добру?.. Может, не случайно так встревожены те, кто боятся света?..

Бабушка надолго замолчала, может быть, вспоминала то, что было до ее рождения, а может то, что будет после ее смерти?..

Динозавр на подоконнике неслышно хмыкнул: тоже загадка бытия - каждый кактус помнит день за днем все сто двенадцать миллионов триста пятьдесят тысяч лет всеобщей кактусовой истории. Каждый кактус - это гордая частица единого целого, и никогда не забудет, что его предки не уступали дороги даже бронированным ящерам своей эпохи, были в родстве с ними. Но те вымерли, а кактусы, должно быть, вечны…

- Иногда мне как будто снится, - произнесла, наконец, бабушка, - что я жила и двести лет назад, и тысячу… Однажды собиралась картошку поджарить, да что-то закрутилась, спичку зажгла и головой по сторонам кручу, ищу чего-то… А что ищу?.. Спичка мне пальцы обожгла, а меня будто всю обожгло - я поняла, что искала камин, озиралась... А я ведь камин только в кино видела. И еще рука потянулась за каминными щипцами, такими черными, тонкими... Я помню, что концы их были выкованы в виде когтистых лап какой-то птицы.

- Помнишь? - вставила слово Лизавета.

- Да нет, нет, - смешалась бабушка. - Просто померещилось…

- А лапы у этой неведомой птицы были пятипалые, - подсказала Лизавета, - и часто промозглыми осенними вечерами у камина разгорались споры нешуточные: кто говорил, что это когти орлана, кто утверждал, что птицы-секретаря, а старый Фома готов был поспорить, что на земле не существует

пятипалых птиц, - и спорил, и выигрывал пари, потому, что, действительно, таких птиц нет…

- Ты не можешь ничего этого знать! - перебила ее ошарашенная бабушка. - Людям не снятся одинаковые сны!..

- Это не сон…

- Что же?

- Просто память…

Домовой кивнул, почесал затылок: он знал, конечно, чьи когтистые пятипалые лапы имел в виду кузнец, изготовивший каминные щипцы, он знал кое-что и о фокусах памяти… Но разве могут быть доступны эти секреты беззащитной, парализованной девочке?..

- Не понимаю, ничего не понимаю, - задумчиво произнесла бабушка.

- Я - тоже, - честно призналась внучка. - А может и не нужно ничего расшифровывать, все разгаданное-то - скучно?..

Бабушка кивнула и отправилась на кухню – что-то там начало пригорать, а Лизавета осенила себя крестом и направила коляску к выходной двери. Где-то за стеной заворчал лифт. Она оглянулась: домовой дремал в кожаном, потертом, как комиссарская куртка, кресле, кактус тянул к ней свои зеленые лапы. Лизавета вернулась в свою комнату, на листе бумаги написала размашисто, торопясь, чтобы не передумать: «Прости, родная! Я уезжаю… Не печалься, не плачь. Целую, Лизавета».

Она открыла дверь и направила коляску к лифту, двери его, как будто ждали девочку, распахнулись: вперед, вперед, без оглядки и сожалений!.. «Мы устроили себе мир…» Разве мы?..»

- Вторую главу мы будем передавать завтра в это же время, не забудьте включить таймвизор, - сказал диктор без примет.

Старик выключил диктофон, перемотал пленку, послушал: «…Каждый кактус - это гордая частица единого целого, и никогда не забудет, что его предки не уступали дороги даже бронированным ящерам…»

- Чего ты хотел сказать? Говори! – обратилась Старуха к мужику без примет. – Обязательно мешать людям?..

- Так это же я, я! – закричал он. – Это обо мне написано… Вот, смотрите!..

И он развернул сверток, который принес с собой. В нем было что-то сребристое, шуршащее, чешуйчатое…

- Все-таки выпросил у бича скафандр! – сказала Старуха.

- Так это не скафандр – кожа моя!..

- Кожа?! – спросили все одновременно.

- Ну, да – я тот самый кактус, который расцвел…

- Кактус?..

«Мои предки, благородные мексиканские кактусы - Opuntia compressa – попали в эти места триста миллионов лет назад, когда не было еще ни Америк, ни Африк, а был единый огромный материк, а вокруг него плескался праокеан, горячий, как неостывший компот, - начал он. - В глубинах океана и недрах земли водились ужасные твари – плавающие, летающие, прыгающие, изрыгающие пламя – они истребляли друг друга, все живое вокруг себя. Особую неприязнь и одновременно любовь (как-никак, деликатесы) у них вызывали почему-то кактусы, их дальние, в общем-то, родственники. Эта ненависть возникла, возможно, из-за их независимого характера, неуживчивости, непомерной гордыни за свою древнюю историю. Кактусы на протяжении тысячелетий защищались колючками, шипами, но со временем это становилось все труднее и труднее. Динозавры ступили на путь эволюции, изощреннее стали их методы уничтожения кактусов. Подумать только, миллионы моих предков стали жертвами необузданного аппетита этих кровожадных монстров!.. Динозавры даже создали фермы по выращиванию кактусов!.. Вспоминаешь, и колючки встают дыбом, как на грядках – в рабстве и обреченности – выращивались бесправные, немощные, но гордые духом кактусы!.. Первая цивилизация динозавров продержалась десять тысяч лет, пока не пала под напором мощной культуры шмелей, которая потом издевалась над Землей тридцать тысяч лет, пока ее не сменила жестокая цивилизация снежных людей, обладавших свойством оставлять вокруг себя ледяную пустыню, - и вот под напором лютых холодов мои предки стали отступать на север, обретая все более прочную броню, разящие колючки, развивая интеллектуальную мощь нации… Вторая и третья цивилизации динозавров были быстротечными – по восемь тысяч лет; эти хозяева Земли были лояльны по отношению к моим предкам, но любви друг к другу мы все-таки никогда не испытывали… Ну, четвертая цивилизация ящеров – это уже новое время, когда они понадеялись, что смогут существовать на этой планете бок о бок с человеком, поверили в это… В итоге они превратились в изгоев – драконов, многие из них стали ручными, как домашние собаки, стремительно стали терять

самобытность, национальную идентификацию, да что там – им грозит полная деградация… А мы, кактусы, развивались иначе, полагаясь и на прихоть эволюции, и на полученные за тысячелетия знания… Любовь к размышлениям, природная неспешность давала свои, не всегда заметные стороннему взгляду, преимущества. Нам удалось выжить, совместив и революционный и эволюционный опыты развития.

Так что, не удивляйтесь, если на смену человечеству и драконам придет цивилизация кактусов…

Но как часто в наставшие времена наши преимущества оборачиваются поражениями, наш зеленый покой и спокойная созерцательность выглядят скудоумием, стройные логические построения рушатся от одного единого слова, да чего там слова – от мимолетного взгляда.

В последние два столетия моим предкам и мне пришлось выполнять различные государственные миссии, нередко деликатного свойства, и мне прочили блестящее будущее на дипломатическом даже поприще. К тому времени, когда я впервые увидел Лизавету, я уже находился на подоконнике столичной квартиры консула одного серьезного государства, и вот-вот мы должны были переехать в Париж… Но судьба распорядилась иначе: в гости к консулу пришли родители Лизаветы и привели дочь с собой. Ей было тогда года три, и две смешные косички, отдаленно похожие на кактусовые колючки, украшали ее голову. Взрослые принялись произносить слова, улыбаться, пить вино из неудобных бокалов, а Лизавета стала бродить по консульской квартире, рассматривать статуэтки, фотографии в рамочках – и статуэтки, и фотографии были пожелтевшими, жизнь их покинула давно. И тут Лизавета заметила меня. Мне не забыть это мгновение! Как будто не взглядом коснулась она меня, а отметила невидимой волшебной палочкой. Я полюбил ее в ту самую минуту, вернее, я любил ее всегда - мне сейчас это только открылось. Не знаю, почему, не ведаю зачем произошло это со мной: она только посмотрела на меня, и я вспомнил, что навеки принадлежу ей, буду служить только ей, стану боготворить только ее.

Она подошла к окну, легко прикоснулась к моей пылающей любовью голове, произнесла:

- Какой красивый! Похож на зеленого ежика, но не колючий совсем…

Я подумал тогда: «Хочу, чтобы меня подарили ей!!!». И так сильно я этого

захотел, что консул подарил очаровательной девочке горшок с кактусом, не без сожаления.

И я поселился в ее комнате. Это было самое счастливое время в моей жизни. Она часто разговаривала со мной, обычно по утрам, когда ей приходилось есть кашу или даже яичницу. Она сетовала: «Вот тебе не нужно поглощать эту противную манку, как я тебе завидую! Наверное, чудесно жить на подоконнике, ты первым встречаешь солнце…». Она рано научилась грамоте и стала читать мне вслух всякие замечательные книжки; я только беспокоился, что чтение ее совершенно бессистемно – жуткая мешанина из сказок, женских романов, героических приключений с самого детства поселилась в ее голове. А когда стала подрастать, туда добавились Монтень, Ларошфуко, Ницше, Федоров с его «Философией общего дела» - все, что попадалось на глаза у друзей, одноклассников, в скудных городских библиотеках…

В ее комнате жил и старый домовой, когда-то слывший хорошим собеседником, не злой, немало повидавший на веку, и вот он и смутил мою душу.

- Я понимаю, что она значит для тебя, - говорил он мне. – Стоит ей войти, как ты преображаешься, ты готов превратиться ради нее в бессмысленную розу, тепличный гладиолус, засахаренную гвоздику… Она приходит – ты живешь, она за дверь – ты умираешь…

Что я мог сказать ему?

- Ей уже почти пятнадцать лет, она взрослеет на глазах, - продолжал он. _ Через пару лет закончит школу и уедет за тридевять земель – в университет, замуж – куда угодно… Уедет и оставит тебя на этом подоконнике, может, только польет на прощание – нет, не слезами, не надейся…

Я молчал, но сердце мое разрывалось.

- Я могу тебе помочь! – сказал он как-то. – Если это можно назвать помощью, а не погибелью… Дорога, которую могу тебе предложить – не для сомневающихся… И только в одну сторону…

- Говори! – закричал я. – Говори, я на все пойду, чтобы не оставаться на подоконнике…

- Все очень просто, - сказал домовой. – Для того, чтобы не остаться на подоконнике, нужно перестать быть кактусом…

Поначалу я оскорбился. Он предлагает мне отречься от древнейшей

культуры кактусов! Как он смеет?..

…А спустя день разбился вертолет, и у Лизаветы не стало ни матери, ни отца. Как казнился домовой, что не смог уберечь дорогую семью, как тяжело вздыхал он в своем кресле, как всхлипывал по ночам, что разговор этот как бы сам собой завершился тогда. Но не забылся…

Уже не помню, когда в доме появился кенар, желтый, как тоска. Помню только, что за всю свою жизнь он не нащелкал ни единой радостной, бодрой ноты. Он пел о любви, разлуке, горестях, но Лизавета его любила, и мы с домовым тоже старались его не обижать… Но он умер… Что-то тяжелое, мрачное было в воздухе несчастного лизаветина дома…

Тогда Лизавета уехала… Нажала на кнопку кресла, оно выкатилось из квартиры, из дома… И девочка пропала. Где она?.. Жива ли?..

Я не сразу осознал, что произошло. И только когда навзрыд зарыдала бабушка, когда принялась звонить в милицию-полицию, даже в бюро находок и пожарное депо, даже на таможню и пограничные заставы, я осознал, что ее больше нет в этом доме, и, может быть, она никогда не вернется сюда. И тогда я вспомнил наш разговор с домовым.

- Помнишь? – сказал я ему. – О кактусах и некактусах?..

- Конечно, - сказал он. – Ближайшие родственники опунций – динозавры, это прекрасно известно. Не буду пускаться в долгие объяснения, скажу только, что могу превратить тебя в одного из них… Это называется несколько иначе, но сложный научный термин тебе ни к чему, а суть такова, что ты станешь динозавром – велоцираптором… Это хищник с огромными когтями, безжалостный и кровожадный… Кактусом снова ты никогда стать не сможешь…

Не скажу, что это прозвучало для меня совершенно неожиданно; что-то такое я предполагал. Домовые – большие мастера на подобные штуки. Но, когда я представил себе, что придется на всю жизнь влезть в чужую шкуру, то отчаянье охватило меня. Но я справился с ним. Любовь сильнее отчаянья, и ради нее можно стать велоцираптором.

- Я согласен! – мое решение было непоколебимым. Обретя ноги, я смогу разыскать Лизавету, а, получив ужасную силу и устрашающие когти, я буду защищать ее от всех врагов.

Не простым оказалось мое превращение в динозавра, только в сказках все

разрешается мгновенно – поцеловал ее, а она возьми и проснись, откусил от молодильного яблочка, и черные кудри поперли там, где лысина незапятнанная сияла, пустил стрелу в болото, а там царевна уже дожидается, - в жизни чудеса свершаются трудно. Домовой укутал меня каким-то коконом, в котором я пребывал без движения две недели. Хорошо, что кактусам не привыкать к такому положению. Я размышлял о любви и чувствовал, как накапливается энергия будущего движения, наливаются мощью еще отсутствующие мышцы, готовы высекать искры стальные когти.

Наконец, кокон опал, и я увидел себя в зеркало. Нет, не зря боялись велоцираптора семидесятитонные травоядные ящеры. Малиновым злобным огнем пылали мои глаза, пасть была усыпана устрашающими зубами, все трехметровое тело было создано для агрессии. Атака и победа – такова была суть этого существа. И, знаете, внезапно оно мне понравилось. Сила была на его стороне, казалось, что и правда тоже… Я сделал шаг, и задрожала земля под ногами, откашлялся – и пронесся могучий рык. И внезапно ко мне пришел небывалый аппетит; я еще не знал, что теперь постоянно мне придется бороться с ужасающим голодом, смирять себя, сжимать в кулак волю, а по ночам мне будет сниться охота на огромных пожирателей растений, трусливых диплодоков, бронтозавров и стегозавров.

- Хорош, нечего сказать! – напутствовал меня домовой, и добавил фразу, суть которой я понял не сразу:

- А я остаюсь здесь… Заходи, если понадоблюсь…

И я отправился в путь.

Даже представить себе я не мог, как страшно динозаврам на земле. Опасности поджидали меня буквально на каждом шагу. Не успел я выйти из дома, как на меня налетела злобная старуха:

- Шляются тут панки всякие, весь лифт похабщиной разрисовали!..

- Я и рисовать-то не умею, - попробовал оправдаться я, но она раскричалась еще сильнее:

- Конечно, не умеешь! Если бы умел, то не в лифте бы мазней занимался, а в Эрмитаже на стенке висел бы…

- Вы ошибаетесь, - переубеждал я ее. Но она была неумолима:

- Ты посмотри на себя, урод уродом! Взяли моду башку красить, как бабы! Да ты на Змея-Горыныча похож, точно… Змей вылитый! Сейчас милицию

вызову, лучше убирайся отсюда!..

- Так я ничего плохого не сделал, я девушку одну ищу!..

Она накрепко вцепилась в мою руку:

- Ага! Девушку он ищет! Представляю ту девушку, которая с тобой пойдет!.. Сейчас милицию вызову!..

Так хотелось разорвать ее в клочья, но боевого опыта у меня не было никакого, да и не хотелось с этого начинать поиски Лизаветы. Я дождался момента, когда старуха немного ослабила хватку, вырвался и пустился наутек.

- Помогите! Убивают! – закричала она мне вслед. Хорошо, что сейчас на этот крик люди почти не реагируют, и мне удалось благополучно скрыться.

Я оказался среди огромных металлических ящиков, заполненных всякой всячиной. В этой всячине копались мужчины и женщины.

- Эй, ты! – окликнула меня одна из женщин.

- Вы меня? – спросил я.

- Кого же еще, чучело! – сказала она. – Ты ведь из помойки второго жилгородка?.. Забыл, что сегодня понедельник – лучший день недели?.. Мусорные баки полны, как закрома родины, а вчера еще и праздник был – не помню какой, но всенародный… Так тут такого навыбрасовали!.. А Кулема, придурок, свалил отсюда, кажись, разбогател – поэтому можешь вставать с этого края, заодно и мне поможешь коробку вытащить…

- Конечно, помогу, - сказал я, - но вставать с этого края мне не нужно, я девушку ищу – Лизавету… Не видели, на кресле-каталке с моторчиком… электрическим?

- Попадаются в мусоре и девушки, - сказала женщина, - но пока без моторчика.

И представилась:

- Я – Ксения… Она отбросила с глаз рыжую прядку, поправила на голове серый кашемировый платок, стала знакомить с другими бездомными:

- Глеб!.. Лидия! А это Петр – Пятый… Мусором стал промышлять еще его прадед… А это Сидор Павлович, это Паша, Глаша и Саша… Вон тот самый высокий – Гулливер – имя самое настоящее, так назвали его родители, теперь они живут в Англии…

Так я познакомился с помойными людьми, самобытным народом обитающими у мусорных баков, на свалках, около продуктовых складов, на

заброшенных стройках, у руин старых заводов. Я узнал, что помойные люди делятся на несколько кланов; мои новые знакомцы называли себя бичами. БИЧ – бывший интеллигентный человек. Бичи отличаются миролюбием, высоким уровнем знаний, тягой к устройству хоть какого-то жилья. Хотя далеко не каждому из них удается заполучить кров над головой. Они довольно коммуникабельны, спустя некоторое время я узнал, что у них издаются несколько газет, литературный журнал, регулярно выходят в эфир передачи телевизионной станции «Freedoom» - бичи очень просили не путать с «Freedom».

- Все-таки подсоби с коробкой, - попросила Ксения. - Чего-то тяжелое выбросили, буржуины…

Я с готовностью помог привлекательной женщине, но даже вдвоем мы не без труда выволокли из бака большую картонную коробку. Открыли ее, а в ней груда книг в солидных коленкоровых обложках, тисненными золотом именами авторов этих трудов: Сталин, Ленин, Маркс, Энгельс…

- Книжки-то совсем, не читанные! Просто новехенькие! – обрадовалась Ксения. – Букинисты за них хорошие денежки могут дать…

Она взяла в руки один том:

- Даже страницы не разрезанные… Вот это да! А год издания пятьдесят второй!.. Это же раритет! Нет, не случайно мне сегодня приснились молочные сосиски!..

У Ксении была небольшая тачка, мы погрузили книги в нее и отправились в букинистический магазин. По дороге я рассказал ей о Лизавете, о том, что должен разыскать девушку.

- Сам-то ты кем ей приходишься? – спросила Ксения.

Я отшутился:

- Кактусом…

Ксения улыбнулась:

- Понятно, седьмая вода на киселе. Но не хмурься – родство не по крови считается, по душе. Давно это надо знать…

Пока мы добрались до букиниста, Ксения вспомнила, что если кто-то и сможет помочь мне, так это Слепой – он все знает, все видит, ничего от него скрыться не может.

- Слепой все видит? – спросил я.

- Конечно! – ответила она. – Из книжного магазина отправимся к нему…

Букинист, еще крепкий мужик со значком БГТО на лацкане затертого пиджака (Будь готов к труду и обороне), встретил нас радушно:

- Рад, рад, что не забываете старого книголюба. Народ опять потянулся к вечным ценностям, может быть, в последний раз…

- Предвидите очередное крушение цивилизации? – спросил я у него.

- Вы знаете, что в Антарктиде происходит? – ответил он вопросом на вопрос – А на мировых ледниках?.. А в атмосфере?..

- В общих чертах, - сказал я.

- Вот так мы и профукаем цивилизацию, потому, что обо всем знаем только в общих чертах… Человечество поразит не птичий грипп, а уже накрыла куриная слепота, - набросился он на меня. – Ничего вокруг себя не замечаем, и не хотим замечать…Волнуются океаны, ходуном ходит земля под ногами, дышать все труднее, а мы обсуждаем длину юбок, цвет губной помады, составляем списки миллиардеров!..

- Я никаких списков не составляю, - сказал я. – Мы Сталина привезли…

- Кого?.. Может, и Ленина заодно? – кое-как переключился он на книги.

- И даже Энгельса…, и даже дорогого чьему-то сердцу Кржижановского, и даже самого Бонч-Бруевича…

Мы вывалили ему под ноги все найденное в мусорном баке богатство. Он взмахнул руками, тяжело вздохнул, сказал неожиданно тихо:

- Денег за эти книжки не дам, не могу… Не обижайтесь… Это литература из разряда вечной, она не продается и не покупается. Если бы нашелся человек, который разведал бы – что там внутри этих толстенных томов, и нам рассказал бы, посоветовал, может, и мы бы втянулись… Вдруг, там интереснее Робинзона?.. Ан нет, сколько мне не приносили этих лениных и сталиных – страницы во всех склеены… А они ведь старались, писали. Нет, все-таки неблагодарный читатель пошел… Так что, сочувствую, но денег за них не получите… Хотите медаль дам – «За доблестный труд»? Мне аж одиннадцать штук их принесли… Загоните, на бутылку хватит…

Мы взяли медаль, и пошли к Слепому. Он жил в старой сапожной будке. Это было роскошное жилье, потому, что застекленная дверь будки выходила на главную улицу города, которая поочередно называлась Советской, Сталинской, Ленинской, а в самом начале Большой Михайловской. Будка в свое время была

поставлена на самом выгодном месте – из нее было видно все, что делается в городе. Вот идет околоточный - «добро пожаловать, набоечки на подметки поставим неизносимые». Аптекарь тоже не пройдет мимо, как и учитель, как и господа инженер, есаул… Из атаманского дома тоже принесли узел башмаков…

Будку держал дядя Гора, так его называли по-русски - чернобровый ассириец, отец большого семейства. Он крепко вколачивал гвозди, тачал сапоги со звонкими вечными подошвами, а модельные туфельки его работы носили даже генеральские дочки. Но потом дочки убежали в Париж, а генерал сгинул где-то в отступлении, говорили, что как раз где-то в Ассирии, родине Горы. Пропали куда-то господа есаул, инженер, да и аптекарь тоже… Оставшиеся башмаков не чистили, а новые заказывать им было не на что. А потом грянула и борьба с частной собственностью, и Гору из будки выгнали. Она долго пустовала, а потом в ней открыли торговлю газетами, описывающими счастливую жизнь. Видимо газетная торговля не приносила большого дохода, потому, что вскоре будку опять забросили, а газеты принялись продавать вразнос. Долго пустовало замечательное сооружение, его присматривали для себя даже постовые милиционеры, но, попав в будку, они тотчас теряли бдительность и засыпали богатырским сном. Несколько лет будка пустовала, время от времени местные начальники собирались снести ее, торчащую в самом центре города, но руки у них так и не дошли, и постепенно она то ли примелькалась, то ли стала местной достопримечательностью. А несколько лет назад в ней поселился Слепой, открыв какой-то непонятный кооператив с вывеской «Не проходите мимо» - и все тут же стали проходить мимо, не замечая приглашения – так уж повелось в нашей жизни. Будка словно исчезла под этой вывеской, как под шапкой невидимкой. Она стала идеальным местом для обитания.

- Вот если бы я написал «Не входить!» - народ пошел бы ко мне валом, - говорил Слепой. – Бес противоречия смущает наш дух…

Днем Слепой занимался кооперативными делами, вечерами к нему приходили друзья; у него было много друзей, потому, что он их любил. В тесной будке всем было просторно, друзья читали стихи, пели песни под гитару; они были поэтами, музыкантами, художниками, но пока не признанными. Признанные брезговали ходить в сапожную будку, но в будке от этого ничуть не унывали.

Вообще-то Слепого звали иначе, а это прозвище, как ни странно, он получил за свою зоркость, за то, что всегда был в курсе множества событий. Если весной на Урале начинался ледоход, он знал об этом уже тогда, когда первая льдина со скрежетом и треском вставала на реке дыбом; если первые пестрые кузнечики появлялись в траве, он уже знал – в степи наступает страшный итальянский прус; если еще затемно полетели по главной улице черные машины, он говорил уверенно, что скоро случится денежная реформа… Он знал, что город дал приют тринадцати тысячам проституток и семидесяти трем тысячам шлюх, для него не было секретом, что пулеметов и автоматов в городе больше, чем швейных машинок, не могло укрыться от него и то, что все больше в городе становится асфальта и все меньше травы… Он знал многие тайны народа, который живет на крышах, понятны ему были и чаянья помойных людей, ему приходилось мирить враждующие группировки людей подземелий… В этом городе для него не было тайн. Однажды хорошо известный на помойке второго жилгородка поэт Верзила (рост – 199 сантиметров) сказал:

- Ты, наверное, будь даже слепым, знал бы все обо всем!..

- Ха-ха, Слепой, нашел Слепого! – засмеялись друзья, и, может быть, именно тогда и прилипло к нему это прозвище.

Ксения представила меня ему, он крепко пожал руку, и словно извиняясь, сказал:

- Такая жизнь, что слепец должен видеть лучше зрячего, глухой слышать, как кошка, хромой бегать быстрее олимпийского чемпиона. Все время нам надо больше, чем надо…

- Наслышан, наслышан о вашем деле, - продолжил он. – И скажу сразу, что нелегко будет найти Лизавету… Нелегко… Ох, как трудно… Потому, что двигает ее кресло-каталку не слабенький электрический моторчик, а мощная сила. Я заглянул в глаза Лизаветы, когда она завернула на минутку в мою будку…

- Так она была здесь? – закричал я.

- … в мою будку, и увидел: в бездонной глубине этих глаз полыхают такие страсти, такие молнии озаряют это пространство, что мне стало не по себе.

- Куда же она направилась? – опять закричал я.

- Она ищет короткую дорогу к счастью…

- На юг или на север отправилась она?..

Он засмеялся и сказал непонятно:

- Если сначала пойдешь на юг, то потом тебе выпадет дорога на север… Торопись, ей понадобится помощь.

Он помолчал с минуту, потом сказал:

- Приметный ты очень, тебе бы переодеться… Да, ты стихи сочиняешь?..

- Нет, - поразился я вопросу.

- А вот Лизавета их любит… Попробуй и ты сочинять…

- Попробую, - сказал я. – Научусь.

И подумал, что ради нее и не этому могу научиться…

Мы с Ксенией вручили слепому медаль, и я отправился на юг. Но тяжело мне было угнаться за проворным креслом. Его видели то в Алма-Ате, то в Ташкенте, то проходил слух, что она была замечена на берегу озера Иссык-Куль… Пока я добирался до славного озера, Лизавета оказывалась в городе Риддере, где горы вокруг источены шахтами и в них сидят мечтатели-шахтеры, верующие, что все главные сокровища находятся под землей, - я всюду опаздывал на одну секунду, на один вздох, на один шаг. Тяжелая поступь велоцираптора не могла сравниться с легким полетом лизаветиного экипажа. Да и многие люди, увидев меня, или бросались врассыпную, или хватались за сабли, мечи, пулеметы, что тоже порядком мешало мне. Иногда неделями приходилось отлеживаться где-нибудь в пещерах, зализывая колотые, рубленые, огнестрельные раны.

Однажды в одной из колхозных гостиниц Восточного Казахстана, где я остановился на ночлег, мне на глаза попалось огромное желтое зеркало, старинное, как золото, в тяжелой раме. Поверхность зеркала была поцарапана, местами затерта, отражение в нем напоминало столетнюю фотографию, заглядывать в него было страшно, как в прошлое – вдруг оно совсем не такое, каким мы его помним? Но я заглянул, и через мутное стекло рассмотрел сам себя. Конечно, и прежде я видел свое отражение – и не раз, но это зеркало, наверное, было волшебным, оно не просто отражало, оно – показывало. Несчастный, усталый, растрепанный динозавр смотрел на меня из глубины стекла. И самое главное - в зеркале это было видно яснее всего – велоцираптор не верил в то, что он сумеет найти Лизавету, вернуть ее в родной город, родной дом. Как часто нас ведет за собой желание, и мы его ошибочно принимаем за веру.

И еще: за долгое время скитаний и поисков я не обзавелся друзьями, а что мы стоим без опоры на этой земле? И не потому, что я не хотел или сторонился дружбы, или был привередлив, или замкнут и нелюдим; не хватало мне легкости, скорости, поэтической бесшабашинки… Люди не тянулись ко мне…Я, вдруг, понял, почему Слепой спросил меня о стихах…Я попытался сложить хотя бы одну строчку, но выходило коряво: «Лизавета, я люблю тебя за это…» За что?..

И тогда же я вспомнил слова домового, не сразу мною понятые: «Заходи, если понадоблюсь…» Крадучись пробрался я к дому, где прожил я вполне счастливо много лет. Домовой как будто ждал меня:

- Могу предложить тебе драконье обличье, все-таки оно привычнее людям… Сбрасывай свою кожу…

Так я стал драконом… И опять выпало на мою долю скитаний, поисков сверх меры… Впрочем, о некоторых из них вы уже сегодня слышали…»

- Так это ты? – прервала его рассказ Старуха. – Дракон…

- Точно, точно! – вскричал Заскорузлый-Ботаник. – Как я искал тебя, а ты сумел принять и человечье обличье!..

- За мной столько охотились, что пришлось еще раз обращаться к домовому, - сказал грустно дракон, - чтобы он сделал меня человеком, но самым неприметным, самым обыкновенным, чтобы в меня больше не целились, не ставили на меня силки и капканы, чтобы не продавали меня, и не запирали в деревянные ящики и клетки…

- Ну, на человека, даже и неприметного тоже охотятся изрядно, - произнесла Старуха.

- Могу подтвердить, - сказал фиолетовый и потрогал с нежностью цевье винтовки.

- Дракон стал человеком! – присоединил к ним свой голос Старик. – Такой сюжет не мог придумать даже я…

В это время дверь в квартиру приоткрылась и в проеме показалась всклокоченная голова. Голова тут же представилась:

- Кулема, бывший интеллигентный человек…

И он обратился к Старику:

- Простите, я услышал невольно последнюю фразу, и, рискуя быть бестактным, хочу сказать, что вот я совсем не прочь стать драконом… Совсем

не прочь… Он повернулся с мужику без примет:

- Отдайте мне свою кожу?.. Она же вам больше не нужна… Я примерю ее…

Дракон растерялся, но протянул чешуйчатое и переливчатое одеяние Кулеме, сказал неуверенно:

- Но ведь домовой говорил, что обратного пути не будет…, что это дорога в одну сторону…

- Ну, да, - сказал Кулема, - конечно, тебе в одну, а мне совсем в другую сторону… Надоело мне быть человеком, да и все опаснее становится в этой шкуре человечьей…

Он свернул драконью кожу, Старуха протянула ему стакан вина, он выпил, стал прощаться:

- Мне пора… Спасибо за все… Мне еще домового найти надо…

У двери остановился:

- Чуть не забыл спросить, девочка-то нашлась?.. Лизавета, про которую в телевизоре том странном, который я на помойке нашел, рассказывают…

- Пока не нашлась, - сказал мужик без примет, - но буду искать, буду искать… Бабушка все глаза проглядела, проплакала…

- Знаете что, - сказал Старик Кулеме, - забирайте свой телевизор из будущего. Он вам пригодится в вашем драконьем настоящем. А свой роман я сам напишу… А что касается девочки, то верю, что она не пропадет…

- Как знаете, - немного обиженно сказал будущий дракон, и взял телевизор. – Домовому подарю, чтобы не скучал…

Он вышел за дверь, и все притихли.

- Да, - сказала Старуха, - чего только не случается…

- Сто дорог, но по какой не пойди – выйдешь к самому себе, - поддержал разговор фиолетовый.

- Я одного не понял, - спросил Старик, - на брезенте, что у речки Брожки был расстелен, девушка записывала рассказы – помните?..

- Помним, - сказал Ботаник. – Отчего не помнить. Недавно я встретил ее в магазине, в очереди за дешевой картошкой стояла. Теперь ее величают Антонидой Петровной…

- Антонида?.. Тонька? – внезапно охрип голос у Старика

- Тонька? – тоже удивилась Старуха. – Кабета?..

- Она никогда ничего мне не рассказывала…

- Так, где она живет? – спросила Старуха…

- В доме, возле которого ты чуть меня не убила, - откликнулся Старик

Каракулевая Дамка тоже подала голос, и все стали собираться.

- Наверное, пришла пора рассчитываться с долгами, - произнесла раздумчиво Старуха. - Вову и Леву я уже сегодня видела… Теперь к кабете пойду… Может, она еще и простит меня?..

Кампания вышла на улицу, стали прощаться. Старуха попыталась завести свою машину, но та не поддалась, осталась на месте.

- Тогда я пешком! – сказала Старуха. – Пока!.. Прощайте…

Старик, мужик без примет, фиолетовый и заскорузлый, не торопясь, пошагали в другую сторону.

- Светает, наконец, - показал заскорузлый рукой в сторону бледного рассвета.

- Светает, только никак не рассветет, - сказал мужик без примет.

- Теперь все будет иначе, - произнес фиолетовый. – Жалко, что винтовку оставил в кочегарке… может, завернем?..

Все посмотрели на него, как на киллера, но все-таки завернули. А потом пошли на вокзал и сели в поезд.

- Куда? – спросил Старик.

- Не все ли равно, ведь сегодня вторник, - ответил ему мужик без примет.

И потянулась за вагонными окнами февральская холодная равнина, мокрая и желтая, и бесконечная. И показалось, что поезд ходит по кругу, все время возвращаясь к одному и тому же месту, и ничего не менялось за окном - то буксовал у самых рельсов в вязкой желтой глине обшарпанный грузовик, то проплывало мимо понурое степное дерево - и опять буксовал грузовик…

Что поделать, вторник на дворе…

2007-08, 13 января.

Подруги

Задолго до рассвета по жестяным карнизам начала щелкать неожиданная

капель. Саша подумала, что может быть опять прилетел дерзкий воробей, повадившийся в ту зиму стучать в замерзшее стек ло, требуя хлебных крошек.

Саша охотно поднялась с постели; ну, чем не причина освободиться от необходимости

обманывать собственную бессонницу. Не зажигая света она раздвинула белые прох ладные занавески и удивилась: за окном было темно. Снег, еще вчера освещавший двор, за одну ночь посерел, погас. «Оттепель, — подумала она. — А может весна?..»

Она умылась, оделась, засте лила постель, поставила на плиту чайник, немного пораз мышляла у старых фотогра фий, висящих на стене над кроватью.

На плите захлопал крышкой чайник, и Саша, чуть-чуть по колебавшись, сделала выбор между красной фаянсовой чашкой и тонким стаканом в мельхиоровом подстаканнике.

«Из чашки можно пить и чай, и кофе, и бульон, — ду мала она, — из стакана же— только чай». Она налила себе чуть больше половины стакана, добавила тернового варенья и стала пить маленькими осторожными глотками, по минутно дуя, прищуривая гла за.

Ночевавший под карнизом воробей повис в воздухе почти перед самым стеклом и закричал на языке, понятном Саше. «Дела! Весна на дворе! А ночью, между прочим, холод собачий!» Она кивнула ему и открыла форточку. Испугавшись своей соб ственной смелости, он влетел в комнату и уселся на крышку хлебницы.

— Хорошо — сказала Саша. — Сейчас соберу тебе завтрак, но сдобы сегодня нет.

Наконец, рассвело, У подъез да натекла первая лужица, как осколок чистого голубого стекла. Саша облачилась в пальто, валенки с толстыми резиновыми подошвами, пе ресчитала в кошельке деньги

— двадцать два рубля с мело чью. «До пенсии четыре дня, я — миллионерша», — сказала она себе и вышла за дверь.

В магазине пучилась очередь за диковинным товаром

— ананасами. Саша подошла к прилавку ожидая увидеть фазаньи хвосты заморских плодов, но продавщица ловко выкидывала на оцинкованный поднос из огромного картонного ящика целлофано вые

пакетики с полупрозрач ными желтоватыми кубиками.

— Че, бабуль, не видала такого фрукта? — закричала продавщица. — Замороженный

ананас, кисленький, как это.., ну, не знаю как что! — захо хотала она.

«Возьму! — решила Саша

— Поля придет, она любит чего-нибудь такое неожиданное...»

Она встала в очередь и начала думать о Поле, представляла, как ходит она по тесной своей комнате, не включая света, не поднимая тяжелых штор, натыкаясь на стулья, комод, шкаф, кривится от боли, потирая ушибленные места.

Три года назад ее предупредили, - необходима операция, с катарактой не шутят, но Поля отказалась наотрез, потому что упряма от рождения.

Саша звала ее:

— Переезжай ко мне, будем вместе старость коротать.

Поля далее слушать не хотела:

— Ты не сиделка, я пока не инвалид...

Саша долго уговаривала Полю:

— Вдвоем нам все-таки веселее...

Та отрезала:

— Небось, не на карнавале, чего и веселиться-то?

Очередь заволновалась, загудела. Прошел слух, что край ним ананасов не достанется.

— Больше двух пакетов в одни руки не отпускать! — прокричал из-за спины Саши зычный бас.

— Ишь ты, щедрый какой, — откликнулась от самого прилавка пожилая жен щина с ярко накрашенными губами. — А если в семье семеро?

— Твои семеро только ананасами питаются, да? Без них с голоду помрут? — поинтере совался горбоносый мужчина в большой плоской фуражке на голове.

— А мне и пакетика хватит, я одна — признался где-то сбоку тихий бесцветный голос.

— Граждане, не шумите, всем достанется! — дала отбой тревоге веселая продавщица, возвращая мир и спокойствие под крышу магазина.

— Пропустите меня, пожалуйста, — выбралась из очереди Саша.

— Мать, ты что ль не будешь стоять? — крикнул кто-то ей вслед.

— Нет, не буду, — сказала она и решила: «Обойдусь без этих ананасов, куплю торт...»

Она купила еще печенья, банку яблочного повидла и отправилась домой. Заблудившийся мартовский ветер подталкивал ее в спину.

У подъезда ее ждала Поля.

— Я так и подумала, что ты в гастрономе...

— Как добралась, благополучно?

— Не спрашивай. Одну остановку лишнюю проехала. Все в тумане...

— Ох, Поля, Поля! Совсем ослепнуть можешь...

— Что поделаешь... А мясникам этим я живой в руки не дамся!

Саша открыла дверь, и они зашли в квартиру.

— Вот, — сказала она. — обувай чуни, — и подвинула к Поле домашние туфли.

— Ладно, — кивнула Поля, но осталась стоять, и Саша поняла: здесь в полутемном коридоре Поля уже не видит ничего. Саша вздохнула, наклонилась и, одела туфл на на ноги подруге.

— Еще чего! — попыталась та воспротивиться, но смири лась:

— Спасибо...

Они уселись за кухонным столиком и Саша сказала; — Сейчас будем пить чай.

— Будем, — откликнулась Поля.

— С крыш-то капает сегодня — добавила Саша.

Поля прислушалась и определила:

— У тебя ходики стоят...

— Не пойму я эту кукушку, — согласилась Саша. — То не поет целых полгода, то через каждые пятнадцать минут надрывается...

Они помолчали. Саша достала из холодильника лимон, разрезала его на тоненькие кружочки, извлекла из коробки торт.

— Варенья у меня нет, кончилось...

Поля покопалась в глубоком кармане вязаной зеленой кофты, и вынула тяжелые мужские очки в роговой оправе, краешком подола штапельной юбки протерла толстые двойные стекла, водрузила очки на нос.

— Помогают? — спросила про очки Саша.

- Чуть-чуть, десятку от трешницы отличу...

Саша налила чай и придвинула к ней чашку.

Они еще помолчали. Поля пила из блюдца, проливая чай на стол.

— У тебя щеки румяные как у двадцатилетней, — заметила Саша.

— А еще радикулит, артрит...катаракта.

— Знаешь, у меня вино есть, — перебила ее Саша.

— Вино?

— Ну да. Портвейн... белый… крепкий...

— Купила?

— Купила. Слесарь из домоуправления должен был прийти, — придумала Саша.

— Слесарь? — не поверила Поля. — Давай свой портвейн... Саша принесла бутылку, две рюмки, вздохнула.

- Помянем…только не люблю я это... поминать, ты ведь знаешь. Я и так не забываю... Ни Гришу твоего, ни Колю...

— Вроде положено так...

— Ладно. Пусть им земля пухом...

Поля одним махом выпила рюмку, прищурилась через толстые линзы очков куда-то поверх головы Саши.

— Не плачь! — попросила Саша.

— Я не плачу... Тяжело им умирать было... зимой... на снегу... Проклятая война.

— Ну, пожалуйста...

— А нам — что? Легче, что ли? Все Гришка, наверное, твой, он всегда заводилой был... С детства башки не жалел...

— Поля! — Все давно уже было переговорено, казалось, что даже боль и та затихла и осталось только не заживающее, как старая рана, удивление: ну почему, почему выпала им эта судьба? Разве не обещала молодость любви и счастья?

— Нет, этого не должно было случиться! — негодовала Поля. — Устряпались, герои!

— Убили их, — сказала Саша, — А мы с тобой живые...

— Живые..., — повторила за ней Поля. — Разве живые?

— Не плачь!..

— Я не плачу...

Саша сняла со стены старую фотографию на которой Гриша и Коля улыбались и спокойно смотрели на состарившихся подруг.

— Выпьем теперь за этот... мужской праздник? — всхлипнула Поля.

—Да, — сказала Саша и вспомнила, что не оторвала на календаре лист со вчерашним днем.

— Двадцать третье, — сказала Поля, — с крыш уже течет.

Саша подошла к ней и обняла ее за плечи.

— Не горюй, ладно? Пока мы живы, никто их не забудет...

— Ну да! — горько усмехнулась Поля. — Невесты! Женихам по двадцать, суженым — к семидесяти...

— Не плачь! — еще раз попросила Саша..

— Да не плачу я…

Нетерпеливо подгоняя время, все сильнее, сильнее барабанила по карнизу капель, февралю осталось совсем немного, за ним шел март; наступала весна.

Опять ожила кукушка и принялась хрипло отсчитывать часы, похожие на годы.

Старые подруги принялись считать, но после двадцати сбились.

— Так и будет куковать, пока завод не кончится, — сказала Саша.

— Пускай себе, лишь бы не обманула, — поверила кукушке Поля. — Пускай кричит...

Велосипедные прогулки

Случилось это в Уральске. Тогда как раз исполнилась заветная мечта Булатки о велосипеде. После окончания школы ему пришлось все лето проработать на кондитерской фабрике - не сладкое дело ворочать пудовые коробки с карамелью - и только тогда, откладывая понемногу с каждой получки, он скопил нужные деньги. До этого мать о велосипеде и слышать не хотела: «Собьют, как пить дать, собьют! Посмотри сколько этих чертовых машин на улицах!..» Булатка до слез завидовал сверстникам, проводившим время в седлах сверкающих никелем педальных машин. Ему казалось, что эту велосипедную жажду, он никогда утолить не сможет.

Лет до десяти все мальчишки в округе звали его «насосом» за постоянную готовность накачать колесо или принять участие в ремонте велосипеда. За это он всегда требовал одну и ту же плату: «Круг до Куреней и обратно!»

... Булатка долго и тщательно выбирал велосипед - цвет машины должен быть неброским, но солидным, ход - легким. Он остановился на дорогой спортивной модели, не пожалел носового платка - вытер смазку - велосипед засверкал, как на рекламной картинке - радуйся двухколесная велосипедная душа! Он представил, как промчится сейчас по проспекту Ленина, свернет, не тормозя, на Коммунистическую, а потом на Почиталинскую - проедет мимо одноэтажного дома с зеленым, выгоревшем на солнце, крыльцом, и Галя не может его не заметить.

С Галей у него вышло вот что. Месяца два назад, в самом начале мая, у зеленого крыльца, тогда только что выкрашенного, отец Гали, посмеиваясь, рассказал ему, почему крыльцо столь ядовитого цвета.

- Кузов грузовика своего красил, да осталось немного красочки, вот и получилось как в зоопарке... А ты не огорчайся, Галина, кажись, с подругой в кино пошла...

Булатка удивился: прежде, не дождавшись его, она в кино не уходила, тем более с какой-то неведомой подругой.

Смеркалось быстро, редкие тусклые фонари только подчеркивали плотную

майскую темень. Со стороны Фурмановского садика приплыли размягченные расстоянием медные звуки танго - на танцплощадке духачи выдували из труб легкое счастье для каждого, кто заплатил тридцать копеек за билет.

Стало прохладно, поэтому Булатка не удивился, когда увидел Галю, идущую по узкому тротуарчику, а на плечах ее - мужской пиджак. Не сразу он разглядел рядом с ней молодца в темной рубахе, попыхивающего сигаретой. Молодец негромко басил, и Галя охотно отзывалась на этот басок. И было что-то в ее голосе такое, что придавило Булатку к скамейке за зеленым крыльцом.

Галя остановилась у освещенных окон своего дома.

- Я пойду, - сказала она.

- Такой вечер! - произнес молодец. - Куда торопиться?..

- Поздно...

По тому, как внезапно они оба замолчали ,Булатка понял - целуются. Целый век стояла жуткая тишина, в ней было только гудящее сердце Булатки, прерывистое дыхание Гали и молодца, легкий шелест ткани. И, наконец, неизбежное, не очень уверенное:

- Не нужно Аркаша, не...

Булатка не выдержал, в одну секунду оказался по другую сторону зеленого крыльца. Галя резко оттолкнула верзилу, тихо ойкнула, прошуршала платьем, в темноте мелькнуло что-то белое. Булатка закрыл глаза и произнес звонко:

- Привет!..

Никто не ответил ему, с минуту отчетливо слышно было, как оркестр в Фурмановском садике добивает городских стиляг Амурскими волнами.

- Булат!.. Где же ты был, а?.. - наконец подлетела к нему Галя, взяла за руку. - Я до семи ждала... А это Аркаша, знакомься...

- Что, вторая смена? - не очень умно сострил Булатка и быстро пошел прочь, путаясь в темных ветвях пыльных городских ясеней и кленов.

- Постой, ну постой же! - догнала его Галя у самых окон областной типографии. Он остановился, глядя через стекло, как торопятся барабаны ротационной машины, печатая завтрашнюю газету.

- Ну что ты? - извиняющимся тоном спросила она.

- Вот смотри, будущее рождается, - показал он на ленту транспортера, по которой плыли пачки газет. - Завтра еще не наступило, а газета для него уже готова. А кто знает, что будет завтра? Ты знаешь?..

- Я знаю. Пойдем с тобой на танцы. А здесь только названье - завтрашняя!.. В ней все про вчерашний день напечатано...
- А я не знаю, что будет завтра, - заупрямился он.
- Вам что, ребята, газетку? - распахнул окно печатник.
- Спасибо, не нужно! - отказался Булатка. - Всему свой черед... Нам спешить ни к чему... А за будущую неделю у вас случайно нет газеток? А за следующий век?..
- Чего? - нахмурился печатник.
- Не слушайте вы его! - сказала Галя. - Он фантастикой увлекается...
- Ну, вас к черту! - ничего не понял печатник и ушел к ревущей ротации.
- Знаешь, что я скажу тебе, - обиделась Галя, - выпендривайся меньше!.. Подумаешь, знакомый до дома проводил!.. А ты подглядывал!.. Не стыдно?..
Вот так закончился тот вечер. Галя круто повернулась и ушла как будто за черный бархатный занавес. Он слышал в темноте ее неспешные шаги, может быть, она хотела чтобы он окликнул ее, - и ему очень хотелось этого, но он не окликнул, не побежал за ней - почему?
Два месяца мучался Булатка, бродил по улицам, придумывая монологи, которые непременно будут произнесены при их встрече с Галей. Но она как будто совсем перестала выходить на улицу.
На танцплощадке она тоже не появлялась, хотя на смену «духачам» пришел оркестр Славки Хохлачева и бесцеремонно нарушая святые заповеди управления культуры наяривал твист.
За два месяца он видел ее только раз, да и то из окна автобуса. Она показалась ему печальной и почему-то очень далекой - из прошлого, из самого детства.
…Нажимая на педали новенького велосипеда, он подумал: «Ну вот, сбылась мечта крохи…» Руль педальной машины как будто сам собой повернул на знакомую улицу, к зеленому крыльцу. У его перил добродушно пофыркивали косматые коньки, впряженные в раскрашенный балаганный тарантасик, на козлах которого с достоинством восседал чудаковатый Леша-конюх, известный на всю чаганскую сторону своей любовью к брачным церемониям, впрочем, не очень бескорыстной: прокатиться молодоженам на тройке с колокольцами обходилось недешево.
Булатка растерянно притормозил у тарантаса:
Это что, дядя Леша, свадьба?
Само собой, не похороны. Праздник!..

- Чья свадьба-то, чья? - не верил Булатка очевидному.
- Человечья, чья еще! - захохотал конюх. - Не собачья!.. Нынче это быстро, без антимоний! Эх, времечко, бежит-кувыркается… А ты, видать, паря, того - опоздал?.. Не горюй, девок всем хватает, даже лишние остаются…
Он опять захохотал, был, видать под хмельком, и вдруг пропел во все горло:

Где-то, где-то заиграли,
Где-то затальянили,
Мою милочку женили
Все стулья позаняли…

- До революции свадьбы опосля покрова играли, - прервал свою песню конюх, - на санях ехать - не на телеге трястись…
Булатка отвернулся от него: с крыльца легко сошла Галя - в белом платье, под тонкой дымкой фаты - неужели невеста? В руках у нее, как сверток с младенцем, лежал букет хризантем, а локоть ее сосредоточенно поддерживал тот самый Аркаша.
Булатка испугался, что вот сейчас выдаст себя беспомощными, детскими слезами - и нажал на педали. Ему показалось, что она его окликнула, но не остановился - колеса крутились все быстрее и быстрее, и пыль забивала горло, не давала дышать. И он вдруг подумал: ну зачем мне теперь этот никчемный велосипед?..
Однако скоро он убедился в превосходных качествах своей педальной машины. Даже на подъем велосипед шел легко. Он поднимался на нем на Свистун-гору и оттуда смотрел, запыхавшись, на прибившийся к излучине реки город, в котором таким несчастливым оказалось для него быстро проходящее лето.
Подходила смутная пора вступительных экзаменов, и каждое утро Булатка привязывал к багажнику сумку с учебниками и уезжал далеко за город. Петляя вдоль реки лесными тропинками, он забирался в непролазные терновные дебри и заросли злого шиповника. Он читал про старуху Изергиль, но с каждой страницы учебника на него смотрела Галя; он заставлял себя проникнуться смыслом английских грамматических времен - паст индефинит, паст фьюче, паст пефект, но только злился на англичан, не понимающих, что прошедшее время всего одно и оно - хоть разбейся - никогда не вернется…
Однажды едва заметная тропинка вывела его на крошечную площадку, нависавшую на высоте добрых пятнадцати метров над Уралом. Он подошел к самому обрыву и посмотрел вниз: мутные космы реки подтачивали яр - весь этот

балкончик, заросший по пояс травой, был обречен.
Ему понравилось приезжать сюда, лежать на примятых стеблях зверобоя и душицы, прислушиваться к плеску реки. Было жутковато - вдруг подмытый яр рухнет? - и непонятно сладко, будто каждый раз пробираясь на площадку, он что-то побеждал в самом себе.
Июль в том году выдался ягодным, и когда Булатке надоедали учебники, он собирал ежевику и оскоминой перебивал внезапную тоску.
Первый экзамен был назначен на начало августа и Булатка почему-то был уверен, что экзаменаторы для проверки глубины знаний не обойдутся без помощи купеческой снохи Катерины, и не беспокоился. Именно поэтому не стал тратить последний июльский день на зубрежку, сел на велосипед и покатил к Уралу, захватив с собой «Три товарища», требник шестидесятых.
Он привычно проскочил колючую ограду кустарника и, сладко ужасаясь собственной храбрости, затормозил на самом краю яра. И замер от удивления: на его привычном месте лежала женщина в ярком купальнике, щурила на солнце глаза и хрустела зеленоватым анисом. Она поднялась на локтях, взглянула на него:
- Хозяин поместья пожаловал?
Не дожидаясь ответа, отвернулась, вытащила из бумажного кулька еще одно яблоко.
Настроение у него упало. Он посмотрел на ее открытую спину, так равнодушно повернутую к нему, и разозлился:
- Вам не кажется, что вы мешаете мне?..
- Нет, не кажется, - сказала она и засмеялась. – Но если тебе очень невмоготу, могу уйти.
Булатка отчего-то не решился взглянуть ей в глаза и невнятно сказал:
- Чего там, невмоготу!.. Я к экзаменам готовлюсь…
- Вот как, с Ремарком?
- Именно!.. Это мое дело!..
- Какой ершистый! - и она опять принялась за анис.
Булатка потоптался и стал устраиваться в двух шагах от нее: стянул с себя рубаху, покосился на красный купальник, но снять брюки не решился.
- Между прочим, этот яр в любую минуту может рухнуть, тем более, что нас здесь теперь двое, - постарался сказать он как можно равнодушнее.

Женщина не ответила, прикрыла лицо каким-то журналом. На безымянном пальце левой руки неярко посверкивало серебряное колечко с крошечным зеленоватым камешком. Булатка украдкой вздохнул, открыл книгу: «… О, эта жалкая потребность человека в крупице тепла. И разве этим теплом не могут быть пара рук и склоненное над тобой лицо? Или и это было бы самообманом, покорностью судьбе, бегством? Да и разве вообще существует что-то кроме одиночества?..»

Булатка откинулся спиной в траву, стебли которой хранили утреннюю прохладу. «Что же это такое? - с непонятной тоской подумал он. - Почему эта женщина появилась здесь, почему ему хочется смотреть на ее голые плечи, загорелые ноги, едва прикрытую грудь?..»

Он встал, подошел к самому краю обрыва: «Уберет она с лица этот дурацкий журнал?..»

Урал упорно точил берег, отвоевывая у суши сантиметр за сантиметром. Булатка вдруг подумал: а ведь ему, Уралу, торопиться некуда. Пройдет двадцать, двести лет, и две тысячи, а река так и будет подмывать яр. Не станет Булатки, не будет и этой бесцеремонной женщины, а Урал останется… Приедет ли кто-нибудь тогда на велосипеде на этот берег?..

Он вернулся на свое место, без интереса принялся за Ремарка.

Женщина сдернула с лица журнал, легко поднялась на ноги.

- Жалко, что здесь нельзя купаться! - сказала она.

- Да, - ответил он, не отводя глаз от стройных ног.

Она подошла к Булатке, внимательно посмотрела на него сверху вниз.

- Нравится тебе Патриция Хольман?..

Он захотел ответить лаконично, умно, как герои Ремарка, чуть-чуть цинично, с горчинкой, но губы его сами собой вдруг сложились в дурацкую ухмылку, дескать, не таких Патриций видели!..

- Может ты и прав, - поняла она по своему. - Нет на земле таких женщин… Как, впрочем, и мужчин ремарковских никогда не было… Писатели счастливы тем, что допридумывают себе то, чего в их жизни никогда не было… Разве прочтешь где-нибудь что герой влюбился в толстую, глупую, с дряблой кожей?..

- Вас кто-то обидел? - догадался он.

- Обидел? - усмехнулась она. - Чепуха какая!

- Вы такая красивая!..

Она пожала плечами:

- Что-то я разболталась…

Булатка вдруг испугался, что она опять закроет лицо журналом, и заторопился:

- А вот моя невеста вышла замуж за другого…

- Бедный!.. - произнесла она, присела рядом с ним и вдруг погладила его по голове, медленно, нежно, точно также, как делала это давным давно булаткина мать, когда он болел или когда ему доставалось в жестокой уличной драке.

- А меня муж бросил, - тихо сказала она. – Правда, смешно? Тебя - невеста, меня - муж. Так и бросаются нами…

- Вас? - не поверил он.

- Что ты удивляешься, всех когда-нибудь бросают…

- Я бы никогда! - сказал он с непонятной ему самому горячностью.

- Вижу, ты рыцарь. Полчаса назад гнал меня взашей…

Внизу под яром что-то ухнуло, раздался мощный всплеск, дрогнула под ногами земля. От края обрыва к Булатке потянулась извилистая трещина.

- Господи! - испуганно прошептала женщина. - Проваливаемся?..

- Пока нет, - успокоил ее Булатка. - Глиняная глыба скатилась, они каждый день падают… Как вас зовут?..

- Тебе хочется чтобы Патрицией Хольман?

- Ну почему же…

- Меня зовут Аней. Только зачем все эти имена-отчества? Открытки к восьмому марта присылать?

Она снова погладила его по голове, сказала задумчиво:

- Мальчик…

Он резко отстранился.

Она поднялась и он вдруг увидел себя с высоты ее глаз - растерянного, старательно отводящего взгляд от ее голых ног.

Он вскочил на ноги и оказался с Аней лицом к лицу. Она едва доставала ему до плеча.

- Что ты? - спокойно спросила она. - Жарко?..

- Ага…

- Как ты думаешь, можно прыгнуть с этого яра? - подошла она к самому обрыву. Кусочки сухой глины из-под ее ног полетели к далекой воде.

- Прыгнуть можно, но если под водой коряга или просто мель, то ноги как раз из

подмышек вылезут…

- Страшно?..

- Мне?.. Мне страшно? - переспросил он почти с восторгом и начал стягивать с себя брюки.

- Не дури! - сказала Аня. - Не нужно ничего доказывать!.. Это просто мальчишество!.. - она взяла его за руку, потянула в сторону от реки. Ладонь ее была тепла и ласкова, не хотелось расставаться с этим прикосновением. Он оттолкнул ее, разбежался и «солдатиком» - вниз ногами полетел к воде.

Он не почувствовал момента погружения в воду, осознал себя уже на глубине, удивился: дело-то оказывается пустяковое, не стоило так петушиться. Он вынырнул, закричал торжествующе:

- Аня!!! Ого-го!..

Ее не было видно.

- Аня!..

- Я здесь, - откликнулась она рядом с ним, - но я плавать почти не умею…

- Зачем тогда прыгнула?..

- Спасать тебя… дурака…

Аня изо всех сил колотила руками по воде - брызги летели во все стороны веером, но на поверхности она держалась еле-еле и быстро выбивалась из сил. Булатка рванулся к ней, на расстоянии ощущая растущую в ней панику.

- Спокойно, спокойно, - приговаривал он, - здесь до берега десять метров…

Он успел вовремя, Аня вдоволь нахлебалась уральной воды и на поверхности ее удерживали, наверное, только ужас и удивление: неужели она может утонуть из-за какого-то молокососа?

Булатка подплыл к ней, закричал:

- Обними меня за шею!.. Только за руки не хватайся!..

Она что-то прохрипела и скрылась под водой, но тут же вынырнула, хватая воздух широко открытым ртом:

- Все!.. Все…

Булатка изловчился и сам обхватил ее сзади за шею. Она еще сильнее забила руками и ногами, больно лягнула его по ноге.

- Хватит! Ну, хватит!.. - прокричал он ей в ухо, и она вдруг успокоилась, даже стала помогать ему.

Булатка тоже вдоволь попил из Урала, пока не почувствовал под ногами

прохладный песок - течением их вынесло на пологий берег. Обессиленные они так и остались лежать у самой кромки воды.

Солнце поднялось в зенит и жгло им спины, на руку к Булатке уселся серый боевой слепень, выбирая место для укуса. Аня приподнялась на локтях, провела ладонью по булаткиным плечам, стряхивая песок.

- Спаситель, - сказала она без иронии. - Значит не судьба нам утонуть…

- Не судьба… - откликнулся он. - Глупо было бы пропасть за день до экзамена… Сказали бы, что он от страха утопился…

- Нас никогда бы не нашли, - сказала она, наклонилась к нему и поцеловала. Он притянул Аню к себе, и ему показалось, что ее спутанные, невысохшие волосы пахнут водорослями, наверное, как у русалки, хотя откуда в Урале русалки?.. А может есть?..

И как-то сразу солнце перекатилось на европейский берег реки - и двинулось к вечеру, к завтрашнему дню, к экзамену по русскому языку и литературе. С деревьев упали синие тени и отгородили Булатку и Аню от того, что было утром, в полдень, всю жизнь назад; у самых их ног на мелководье принялся разбойничать жерех, к звукам маленьких взрывов на воде добавила свой голос кукушка: ку-ку, ку-ку, ку-ку; из колючего ежевичника выбрался еж, пофыркал, радуясь чудесному вечеру, и заспешил по неотложным делам. Булатка и Аня ничего этого не видели, а когда очнулись, то очень удивились тому, что так быстро пролетел этот день.

- Мы чокнулись, да? - спросила Аня. - На солнце перегрелись?

- Ничего не перегрелись…

- Солнце совсем низко, вечер…

- Низко, - повторил за ней он, - конечно низко…

Он вдруг обнаружил, как мало ему известно слов, которые, наверное, должны произноситься в таких случаях.

«Может спасибо сказать?» - подумал он.

Аня поднялась:

- Ну что, по велосипедам?..

Ему почудился иной вопрос, он посмотрел на нее, как будто очнулся: с ее плеч осыпался налипший песок, в волосах запуталась тонкая травинка, в глазах угадывались недоумение и может быть скука - солнце, река, будний день - вот и все, что было.

Они с трудом нашли тропинку, ведущую на яр, с которого спрыгнули. Здесь

ничего не изменилось, но Булатке показалось, что все стало другим: поблескивал в кустах раскаленным металлом никчемный велосипед, ветер равнодушно переворачивал скучные ремарковские страницы, в примятой траве разбросана одежда - никакой опасности не чудилось больше на этой, нависшей над рекой, площадке.

Она набросила на плечи цветастый халат; выгоревший на солнце и полинявший от стирок ситец сделал ее старше, отдалил от всего, что произошло сегодня.

- Уходишь? - спросил он, и сам удивился будничности своего голоса.

- Боюсь обгореть, - улыбнулась она.

- Аня!.. - начал он говорить, но не нашел продолжения. Он знал, что сегодняшний день не должен потерять смысла; по его тогдашним представлениям ничего не имело права происходить просто так, напрасно, без логики, без видимой связи со всей его предыдущей жизнью.

- Уж не собираешься ли ты предложение мне сделать? - поскучнела она.

- Да, почему бы и нет?..

- Тогда усаживай меня на багажник и вези домой, как приз за хорошую подготовку к экзаменам… Родителям своим скажешь, что во время изучения русской литературы внезапно пришлось жениться, выхода не было…

Она отвернулась, замолчала.

Внизу опять ухнула глыба обвалившегося яра. С другого берега реки в Европу прорвался сухой азиатский ветер, принялся терзать потемневшие вечерние деревья, рвать ремарковские страницы.

- Аня! - позвал Булатка. Она мотнула головой.

- Аня, я завтра после экзамена приеду сюда, буду ждать тебя…

Она кивнула и он нажал на педали своего новенького велосипеда. Ему показалось, что ветки терновника цепляются и колются сильнее, чем обычно, а едва заметная тропинка стала еще извилистей и ненадежней - не хотелось ему уезжать отсюда.

Он повернул велосипед и поехал назад.

Ани на яру не было. Он с недоумением осмотрелся и не поверил своим глазам: отсюда выбраться можно было только по одной тропинке - по ней он и вернулся сюда, но Ани не встретил.

Он осторожно подошел к самому краю обрыва, посмотрел на быструю мутноватую воду, потом взглянул вверх - над самой его головой висела чайка,

может та самая, все видевшая. Может, и Аня улетела?..

- Аня!..

Никто не отозвался.

Он сел на велосипед и покатил обратно. Солнце почти совсем ушло за горизонт, и он ехал по собственной огромной тени. Ему казалось, что кто-то огромный и плоский старается оторваться от него, но не может.

Наутро он писал сочинение. Ему повезло: Катерина Маслова не подвела, выручила. Наскоро описав драму бедной женщины, он помчался на Урал.

Ани не было. Он ждал ее до темноты, но она не пришла…

Много лет прошло с той поры. Урал одолел площадку на яру, и она обрушилась в воду вместе с двумя старыми осокорями. Постепенно и колючий терновник, корни которого обнажились и висели спутанными грязными космами, стал сползать вниз. Заросла травой, исчезла узкая тропинка, как будто не было ее. Как будто не было… Но она была, вот в чем дело…

86 - 91 годы.

2. СЧАСТЛИВЫЕ МОСТЫ

Из цикла «Бершарал»

МОСТ ЧЕРЕЗ УРАЛ

Вот уже несколько лет кряду неподалеку от Уральска идет сооружение моста через реку Урал. Говорят, что после окончания строительства это будет один из крупнейших мостов в Казахстане, он надежно свяжет транспортной магистралью две части света. Но завершение строительства все затягивается, а мне вспоминается другой мост, соединявший Европу и Азию полвека назад.

Улица имени Фурманова в Уральске в начале пятидесятых годов брала свое начало от деревянного разводного моста через Урал.

Мост был летней достопримечательностью; зимой и весной, в ледоход его не было, только темные скользкие сваи торчали над водой, как гнилые зубы. Ближе к июню, когда паводок спадал, мост наводили. Днем по деревянному настилу перебирались из Европы в Азию и наоборот "полуторки", "ЗиСы" и "Газики", а больше подводы, груженные соответственно поре: полосатыми тайпакскими арбузами, ароматными степными дынями - "колхозницами", яблоками - анисом, антоновкой... А когда по мосту пробиралась телега с целой копной медового лугового сена, то встречное движение замирало, шофера, выйдя из пропыленных кабин своих грузовиков, закуривали папиросы, смяв мундштуки гармошкой, и незлобно матерились, смотря как над Уралом плывет светлозеленое облако скошенной травы.

Война только недавно закончилась, на плечах шоферов еще не истрепались гимнастерки и кителя; нередко на груди посверкивали медали и ордена, - тогда ветераны надевали награды не только в праздник Победы. Да и ветеранами этих молодых мужиков никто еще не называл.

Вечером машин, переезжавших через мост, становилось меньше, а к ночи движение и вовсе затихало. Наступало время рыболовов. Они и днем караулили здесь рыбацкое счастье, а к закату мост просто ощетинивался удилищами. Бывало, что не всем хватало места, кое-кто устраивался на берегу, а счастливые

владельцы плоскодонных смоленых будар привязывали свои суденышки прямо к сваям моста.

Быстрое течение закручивало у свай водовороты, и там держалась почти у самой поверхности прожорливая чехонь, не брезгующая ни дождевым червем, ни кузнечиком, ни живцом. Выдернутая и на секунду повисшая на лесе между мостом и водой, серебристо-голубая чехонь, узкая, изогнутая, казалась трепещущей гибкой саблей. В то время попадались экземпляры едва не до килограмма весом, что, в общем, не было редкостью.

Чехонь очень вкусна, жирна; вяленая эта рыбка не уступает знаменитой уральной вобле. В те годы в Уральске существовал так называемый "маленький базар" - как раз напротив главного корпуса пединститута, там, где потом был установлен глиняный памятник стрелку Мише Гаврилову. На этом базарчике как раз и торговали вяленой чехонью. Конечно же, не только ею, - всякой рыбы было тогда в избытке. Особенно хороши были огромные, толстогубые, цвета темного золота, сазаны; колючие, зубастые судаки казались отлитыми из свинца; усатые черные сомы посверкивали крошечными бисеринками глаз и почему-то походили на запорожцев; скользкие пятнистые щуки были так велики, что непонятно было, почему они дали себя поймать, не проглотили рыбаков? Но вяленая чехонь была особым товаром. Продавалась она не поштучно, даже не килограммами, а связками или, как говорили на базаре, - вязанками. В каждой "вязанке" было от десятка и более рыб, хотя в Уральске издавна счет рыбы, как и скота, идет по головам. Здесь говорят "поймал сто голов сазана" или продал двадцать голов судака". Так и в связке чехони было голов пятнадцать или двадцать. Связки такие несли с базара, перепоясавшись ими крест-накрест, как пулеметными лентами.

Ритуал лакомства этой рыбкой был в Уральске совершенно особый. Он был как бы составной частью провинциальной жизни. Он наступал вечером, когда оседала пыль, поднятая колесами редких грузовиков на немощеных улицах города. В самой середине нынешнего века Уральск был городом только днем - по главной улице изредка пробирались автобусы единственного городского маршрута, стучали молотками в своих будках неразговорчивые, набравшие в рот гвоздей, сапожники, в сонной воде Чагана отражались кувыркавшиеся на километровой высоте зеленые самолетики летного училища, а по вечерам Уральск замирал, превращался в большую, уставшую за долгий летний день,

деревню. Отработав до вечера на швейной фабрике имени Клары Цеткин, на валяльно-войлочной фабрике, на лакричном заводе, рабочие становились крестьянами: встречали коров, которые паслись днем в недалекой степи за Чаганом, убирали навоз, торопились, - пока солнце не село, - на бахчи, на огороды; хозяйки пропускали молоко через сепараторы, откидывали крышки сумрачных погребов и осторожно, - нагруженные крынками и эмалированными мисками со сливками и каймаком, - спускались по крутым лестницам вниз. Погреба - это не просто холодильники пятидесятых, темные хранилища провизии. Было в них что-то, если не поэтическое, то, во всяком случае, отнюдь не будничное. Были они не похожи один на другой: и крышки разные - от невзрачных сосновых до дубовых расписных; запоры встречались особые, кованые, старинного черного железа; и глубиной отличались они, и местом расположения. Некоторые их них, изнутри выложенные грубым серым камнем, вместительные, бездонные, казались средневековыми узилищами, а может таковыми и были когда-то. Все они представлялись мне тогда некими подземными ходами, незамаскированными дверьми, ведущими вглубь земли. Однажды в погребе, выкопанном у стены областной типографии, обнаружился огромный ржавый капкан. Наверное, в него легко можно было ловить динозавров, но они, кажется, уже перевелись.

В другой раз, году в пятьдесят третьем или пятьдесят четвертом, в подвале старинного дома с колоннами, стоящего и поныне на углу проспекта Ленина и улицы Коммунистической, мы, трое мальчишек, забравшихся туда ради любопытства, обнаружили в стене едва заметный тесный лаз, почти цилиндрический, похожий на каменную трубу, ведущую куда-то под наклоном вверх. Мы очистили лаз от земли, добыли коробок спичек, прихватили с собой кусок пластилина и полезли на разведку. Было страшно, почти нечем дышать, влажная, холодная земля сыпалась за шиворот, попадала в рот, темнота была абсолютной и пламя спичек почти ничего не освещало - только кусок осклизлой кирпичной кладки, только жуткую черноту впереди.

В конце концов, лаз привел нас в крошечное, почти кубическое помещение. Не более двух метров в длину и ширину было оно, а может и того меньше. Мы сделали из пластилина некое подобие свечей, прилепили кое-как к стенам и запалили. Пластилин загорелся с треском, брызгая грязными горячими каплями. Мы осмотрелись. Ничего особенного, маленькая комнатка без окон и дверей. В

центре каждой стены было вделано по огромному железному кольцу, наподобие тех, к которым привязывали лошадей. И еще: в самом углу комнатки лежала грязная черная кружка, скорее всего медная. А вверху, на потолке, кирпича не было, и оттуда время от времени сыпалась земля, будто высоко над нами кто-то продвигался по другому лазу. Слева и справа в комнатке были еще лазы, полузасыпанные землей и бурой влажной кирпичной крошкой. Куда вели они, ответа нет. Спустя много лет я узнал, что под Уральском, по предположению краеведов, существовало некогда множество подземных ходов. Может, нам довелось побывать в одном из них, страшном и неведомом?

Из таинственной комнаты мы выбрались вдвое, втрое быстрее, чем ползли к ней. И вскоре забыли о ее существовании. Только иногда мороз продирал по коже: а если бы обрушился непрочный земляной потолок? Никто и никогда бы не нашел нас...

Спустя многие годы я задаю себе иные вопросы: для чего некогда были вделаны в сырые стены жуткие кольца? Кто пил из медной кружки? Ответа нет.

Летние вечера пятидесятых кажутся мне сегодня почти бесконечными. В них легко укладывались и домашняя работа, и нехитрые тогдашние развлечения - домино, лото, волейбол. И конечно блаженное, предзакатное "ничегонеделанье". Тогда это называлось так: "посидеть на улице".

Когда на дома, деревья и кривые дощатые заборы ложились оранжевые отсветы заходящего солнца, тротуары становились похожими на некое подобие общегородского разговорного клуба. Перед калитками, воротами, окнами домов выставлялись бесчисленные табуреты, стулья, деревянные ящики, скамьи. А перед этим тротуары - "для прохлады и прибития пыли" - поливались водой из колодцев, а чаще из арыков, которые в пятидесятых действовали почти безукоризненно и спасали Уральск от пыли и жары.

Первыми выходили на улицу старухи с неизменными кульками с подсолнечными семечками. Шелуха от семечек никогда не летела под ноги сидящих, старухи собирали ее в обязательные передники или, как тогда говорили, - "запоны" - а потом вытряхивали над арыками.

Вслед за старухами появлялись старики, садились обособленно, вели свои неспешные беседы о проклятом "империьялизьме", сучках снохах и обмелевшем от жары Урале.

Потом выходили на улицу мужики и бабы помоложе. "Пройдемся до угла, да

назад", - объясняли они, и действительно не уходили далеко от дома. Только молодежь стремительно срывалась из своих дворов - на летнюю танцплощадку кинотеатра "Кзыл-Тан", в парк культуры, где тогда напротив ликероводочного завода - стояла парашютная вышка, на реку - чаще на Чаган - купаться...

И вот когда семечки надоедали, а просто так избавиться от них, привязчивых, было нелегко, кто-то обязательно вспоминал:

- Посолиться, бабы, не желаете?..

И точно так же, как семечки, начинали шелушить чехонь. Лакомились только жирными спинками, остальное выбрасывалось. "Солились", конечно, и воблой, серебряными, малосольными жерехами, сомовьим балыком, впитавшем в себя из тузлучного рассола неповторимую по вкусу индерскую соль, в общем, всем, чем щедры были в те годы реки и озера края, но все-таки скромной чехонью угощались на вечерних улицах Уральска чаще всего. Во всяком случае, так запомнилось мне.

Соленая рыба, конечно же, вызывала жажду и вскоре старухи, старики, а за ними и бабы с мужиками помоложе перекочевывали во дворы - к самоварам, на зеркальных боках которых - под неспешный разговор - гасли последние лучи зари.

О чем только не переговорено было за этими самоварами! О работе, политике, стельных коровах, любви, Тарзане и Чите... Не забывали помянуть добрым словом и вкусную рыбку чехонь...

Смеркалось, бесшумные летучие мыши проносились косыми тенями в свете тусклых электрических лампочек. Летучих мышей боялись, говорили, что они обязательно садятся на белое. Рассказывали ужасные истории о нападении мышей то на беззащитную вдову, то на несчастного пьяницу; по рассказам выходило, что мыши эти кровожадны и защиты от них, кроме темной одежды, нет. В начале пятидесятых мы не особенно были избалованы светлой одеждой - серые хлопчатобумажные брюки, сатиновая рубаха и сандалии - вот весь мой летний наряд, - поэтому всерьез ужасы о летучих мышах воспринимались по устоявшейся привычке украшать небылицами грустную, однообразную жизнь.

Спать укладывались ближе к полуночи. Окна оставляли открытыми настежь, на дверях внутренние запоры тоже были не везде. Бояться , видать, было нечего. От энкаведешников никакие замки спасти не могли, а воры тех лет обходили стороной скудные рабочие обиталища, наверное, какой-нибудь воровской кодекс

чести не позволял обижать тех, кто трудился от зари до зари ради куска хлеба. Я меньше всего хочу, чтобы в моих записках жулики выглядели благородными романтиками. Просто воровать там, где я родился и рос, было нечего. Самыми первыми словами, которые я узнал в жизни, были "мама", "Сталин", "нужда". Но такие понятия как "воровство" и "грабеж" мне и большинству моих сверстников долго были неизвестны. Квартирные кражи были тогда редкостью, может быть потому, что самих квартир в нынешнем понятии почти не было. Наверное, трудно обворовать коммунальную квартиру, где ютится неподдающееся учету количество семей. Да и что в них брать? Многопудовые рассохшиеся комоды, железные кровати с изголовьями, украшенными никелированными шариками, старинные, окованные медью, сундуки, похожие на ленинский броневик? Или тащить латаную-перелатаную одежду, штопаные чулки, резиновые боты, ватные телогрейки?..

Конечно, не все тогда маялись в бедности. Появились уже люди, имевшие личные автомобили - "Москвичи" и "Победы". На Сталинской улице даже работал какое-то время магазин по продаже легковых машин. "Победа" с брезентовым верхом стоила что-то около шестнадцати тысяч рублей. Для сравнения скажу, что моя мать, работавшая метранпажем в областной типографии, получала шестьсот рублей в месяц. Словосочетание "тысяча рублей" было синонимом богатства, благополучия. Получать зарплату в тысячу рублей значило быть директором, главным инженером, или офицером. Здесь я должен пояснить: отнюдь не все офицерские семь жили безбедно. Кое какой достаток был у вернувшихся с войны, дошедших до Берлина, других богатых городов Германии. В таких семьях было немало трофейного добра - ковры, аккордеоны, шелковые, трикотажные шмотки. Умудрялись привозить даже мебель, автомобили. Офицерские жены - Нюрки, Клавки, Гальки, в одночасье ставшие Аннами, Клавдеями, Галинами с отчествами, красовались дома в немыслимых, невиданных дотоле нарядах - прозрачных пеньюарах, расписных долгополых халатах, туфлях на шпильках. Показаться на улице в заграничных одеждах решались немногие. Но случалось. Это кажется расхожим анекдотом, но я сам однажды видел даму, гордо шагающую по Сталинской улице в шелковой кружевной ночной рубашке.

Демобилизованным офицерам жилось совсем непросто. Фронтовые скороспелые капитаны и майоры должны были на гражданке превратиться снова в шоферов, слесарей, трактористов и подчиняться какой-нибудь тыловой крысе. Многие

стали бузить, пить. Неохотно расставались с военной формой. Кители, брюки-галифе не выходили из обихода до шестидесятых годов. Но повторюсь, появились на улицах Уральска уже личные "Победы", дорогие крепдешиновые платья стали украшать фигурки женщин, на смену патефонам стали приходить радиолы. Были даже семьи, где устраивались по праздникам утренники для детей родственников, знакомых, соседей. Я бывал на таких утренниках, до тошноты наедался тортом "Наполеон", до икоты напивался клюквенным морсом, робко тянулся за подсчитанными по числу гостей мандаринами, изумленно смотрел на дивную куклу, которая прикрывала глаза густыми ресницами и отчетливо произносила "мама".

Мои заметки, конечно же, необъективны. Мне дорого все, о чем я рассказываю, я люблю свой город, его особый, неповторимый народ и поэтому каюсь, - я не беспристрастен. Наверное, многое было не так, многое я забыл - жизнь была и серее, и беднее, и скучнее, чем мне сегодня кажется, но было в ней нечто, заставлявшее тогда и теперь думать о ней с нежностью, с легкой грустью. Но давайте вернемся в вечер, нет - уже ночь, - Уральска начала пятидесятых. Еще доносится музыка духового оркестра с танцплощадки летнего кинотеатра, но уже прибавлен звук в черных бумажных тарелках громкоговорителей - начинается любимая передача "Театр у микрофона". Засыпая, мы слушали чудесную приволжскую речь Островского, а чеховская чайка мнилась нам над Уралом... В изголовье моей раскладушки стоят удочки, заведен будильник - еще не рассветет, а я уже отправляюсь на мост через Урал, где так хорошо клюет. Под звук репродуктора я засыпаю.

На минуту вернемся к разговору о бедности. Я хорошо помню, как однажды мать принесла с работы в запоне, как рыбью шелуху, более тысячи рублей - получила зарплату, отпускные, премиальные. Она вывалила на стол эту невиданную груду денег, и мы все с непонятным почтением смотрели на тяжелые пачки зеленых трешниц, желтоватых рублей. Размеры денежных купюр были внушительными, сторублевка напоминала почетную грамоту - вся в кремлевских башнях, с портретами вождя. Отношение к этим купюрам было соответственное, хотя купить на них можно было немного. Очереди - бесконечные, хмурые, скандальные - стояли почти у всех магазинов - за хлебом, за ситцем, за сахаром...

Не помню, как мать распорядилась богатством: " ... это на туфли, это за

пионерлагерь, это на долги..." Помню другое: мне страшно обидным показалось тогда, что едва ли не все в нашей жизни зависит от этих замусоленных, мятых бумажек. Я видел, как в нашей семье радовались деньгам, и решил для себя: я никогда не буду бедным! Много лет прошло с тех пор, денег я не накопил, но Урал, Уральск пока со мной...

Но вот звенит будильник - четыре часа утра, и я тороплюсь по темным, сонным улицам. За два, три квартала от урального моста я начинал волноваться. Близость реки, ее влажное, парное тепло вызывали необъяснимый восторг, уже издалека мне казалось, что я слышу, как всплескивает в темноте упрямый и жадный жерех, как зубастый судак с шумом вылетает на песчаную отмель, увлекшись погоней за мальком, - и я невольно прибавлял шаг. И вот я почти бегу. Есть ли свободное местечко? В утреннем полумраке светятся огоньки папирос, слышится негромкий говор:

Петрович, ты на червя?..

- На опарыша...

- Вчера на мормыша подуст брал, и голавль тоже...

- Червей где копаешь, в ханской роще?..

- Нет, в канаве на Коммунистической...

Само собой напрашивается отступление о рыбацких наживках, насадках, прикормках, приманках. Мы, мальчишки, рыбачили в основном на червя, кузнечика, иногда на хлеб или тесто, а заядлые рыболовы - верные часовые Урала - обладали множеством секретов ужения. Сазана ловили на личинку майского жука - белую, налитую, похожую на небольшую сосиску. Насадить ее на крючок было совсем не просто, поэтому нередко ее привязывали к крючку нитками. Занятие это сложное, тем более у реки, в полумраке, иногда на ветру. Конечно же, ловили золотобокого великана и на червя, а вернее на целый пучок дождевых червей. Так что, ловля сазана, требует и смекалки, и терпения. Не зря эта царская рыба дается в руки только самым опытным рыбакам.

Жереха, или иначе - шереспера, ловили на кузнечика, на живца, на небольшую белую вращающуюся блесну. На уральном мосту я впервые увидел ловлю жереха на "девон" - свинцовую или оловянную турбинку, внутри которой пропущен стальной тросик с тройным крючком-тройником.

Язь, голавль, подуст хорошо брали на мормыша - небольшого рачка, которого добывают из-под воды у глинистых берегов совковыми лопатами.

Ловили язей и на искусственную муху, но редко, ведь этот способ ужения требует умения забрасывать леску без грузила и поплавка.
Для приманки тогдашние рыбаки чаще всего использовали подсолнечный жмых, который совсем еще недавно, в страшные годы войны и голода употребляли в пищу, язык не поворачивается сказать "ели", мои земляки.
Но, конечно же, больше всего ловили с моста некрупной рыбы, которая прекрасно шла на донку и на поплавковую удочку.
Я разматывал свою удочку, реже две, почти в темноте, на ощупь насаживал червей, укреплял удилище в щелях между досками моста, и, не видя поплавка, время от времени дотрагивался до легкого, тщательно выпрямленного и высушенного, вязового прута, пытаясь почувствовать, как клюет невидимая, неизвестная - а вдруг сазан? - первая рыба. И так были обострены все чувства, что я редко ошибался - и по малейшим, едва различимым подергиваниям лески - распознавал поклевку и резко подсекал. И рука сразу ощущала живую, трепещущую тяжесть. Наверное, это и есть самый желанный, самый счастливый миг для рыбака: не так ценен улов как лов. Еще неизвестно что на крючке, и велика ли удача, но душа уже поет, все вокруг исчезло - заботы, долги, болезни - торжествует великий охотничий инстинкт. Охота, ловитва, травля, - какие есть еще синонимы? Они приблизительно отражают только само действие, не его суть. А она, скорее всего, надежно сокрыта от нас, сколько ни объясняй. Хочется верить, что суть эта не столь обескураживающе проста, как погоня вечно голодного за вечно обреченным, иначе, почему все так ликует в рыболове, поймавшем даже крошечную плотвичку?
Светало на Урале как-то неожиданно. Минуту назад едва-едва были видны собственные руки, а вот уже посветлело, порозовело над Бухарской стороной, разлился за лесом оранжевый огонь, накалил докрасна прилипшие к горизонту перистые - значит быть ветреному дню - облака, и тут же солнце выглянуло из-за недалекого края земли.
И едва первые солнечные лучи касались воды, как гладь реки отзывалась взрывами, - жерех начинал бить малька, только брызги вперемешку с серебристыми уклейками летели во все стороны.
Светлая уральная щука тоже выходила на охоту. Эта прожорливая хищница готова была бросаться на что угодно - на живца, на блесну, на кусочек сырого мяса, не брезговала и червем. Казалось тогда - сунь палец в воду и сейчас же в

него вопьется своими страшными зубами щука. На рассвете начинали играть и лещ, и чебак, и язь.

На заре начинался самый клев. Тут рыбак не зевай! Крупную рыбу подхватывали сачками, багориками, мелкую поднимали на мост прямо на леске. Если попадался особо крупный экземпляр, то посмотреть на единоборство человека и рыбины сбегалась едва ли не вся рыболовная молодежь. Ветераны только крепче сжимали в руках вязовые удилища, напряженнее вглядывались в поплавки и никогда не спрашивали, много ли и чего поймал сосед. Но и у них выведать хоть что-нибудь было невозможно. Клев по их словам всегда был никудышным, а вот на прошлой неделе - это да! - и лещ брал отменно, крупный язь хватал, от подуста отбоя не было. Утренние часы пролетали как один миг. Вот уже пошли через мост первые грузовики, затарахтели по занозистым доскам телеги, солнце поднялось над колокольней Михайло-Архангельского собора. Стих клев, но уходить не хотелось, так хорошо было сидеть на сосновых затесанных бревнах, смотреть, как на кончики удилищ уселись стрекозы - прозрачные геликоптеры с огромными, во все голову, глазами.

Я любил смотреть на быструю уральную воду - долго, долго, и тогда в какой-то момент внезапно оказывалось, что мост оторвался от привычных берегов, да и не мост уже это, а теплый бревенчатый корабль, и плывет он, набирая ход, все дальше и дальше от маленького, провинциального Уральска, от его седых домов, от улиц, засыпанных пылью, по которым бродят меченые краской куры, от всей привычной, медленной жизни...

И вот прошло полстолетия, деревянного моста нет и в помине, может, он действительно уплыл?.. Не знаю что он забрал с собой - только ли мое детство, или всю-всю нашу прежнюю жизнь - нелегкую, наивную, счастливую?..

УРАЛЬСК

Мост через Деркул

Геннадий ДОРОНИН

В пятьдесят девятом году мне исполнилось четырнадцать лет, и как раз тогда решено было не баловать школьников длинными летними каникулами, – нечего им бесцельно болтаться по улицам, бездельничать по две, а то и три смены в пионерских лагерях, - пора приучаться к сельскому труду. Кажется, в конце июля нас, загорелых, нечесаных, одичавших без учебников и школьной муштры, собрали в школе и зачитали приказ: на две недели отправляться в колхоз помогать селянам убирать обильный урожай.

- На яблоки поедете оскомину набивать! – твердо сказал всезнающий школьный сторож.

«На яблоки, на яблоки!» – радостно прошелестело среди мальчишек. Уборка яблок представлялась земным раем.

- Компот будем варить! – размечтались девчонки.

И у всех перед глазами развернулись сладостные картины яблочного обжорства, компотные реки, купания, по вечерам вывод девочек на берег бездонной речки – Деркула, танцы под звуки перламутрового аккордеона… Тяга к танцам уже проснулась, и занимала почетное место после рыбалки, игры в футбол, шла впереди тайного и сладостного покуривания только что появившихся в магазинах сигар «Порт», которых в коробке за два рубля восемьдесят копеек давали целых десять штук. Курил я не в затяжку, но клубы дыма выпускал огромные, на зависть сверстникам, которые курили папиросные гвоздики - «Север» и «Прибой».

Выезжать было указано чуть ли не назавтра, с собой иметь ложки, чашки, телогрейки, одеяла, резиновые сапоги. Все бросились добывать указанные предметы, но, забегая вперед, скажу, что полностью экипированным потом не обнаружилось ни одного человека. Кто забыл ложки, кто не взял одеяла, а кто явился в одних сандалиях на босу ногу.

Повезли нас на село в кузове грузовика. «ГАЗ-51» – говорили мальчишки, с уважением посматривая на шофера в промасленной кепочке. Почему-то тогда едва ли не все шофера носили на голове какие-то невероятные головные уборы - кепки-восьмиклинки, затертые, с масляными пятнами. Может быть, мода была такая?

Кабина у грузовика была деревянная и скрипела на ухабах, как старая рассохшаяся табуретка. Верх кабины был брезентовый и тоже весь в масляных пятнах, как и шоферская кепочка.

Возглавила наш отряд учительница по русскому языку и литературе, молодая

кокетливая дамочка, кажется, звали ее Ниной Павловной. В нашем классе она уроки не вела, только однажды, когда заменяла какую-то захворавшую учительницу. Нина Павловна была резка, лаконична, никогда не «натягивала» оценок, говорила, как отрезала: «Садись, Доронин, получи законную пару!» Как только машина тронулась, она предложила: «Споем?» Девчонки, конечно, затянули «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры, дети рабочих…» Учительница сморщилась: «Вы же не на пионерском сборе!..» Девчонки осмелели: «Вот кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идет…». Нина Павловна немного подпела красивым хрипловатым голосом, потом спросила: «А эту знаете?..» И запела: «Из окон корочкой несет поджаристой…» Двадцатый партийный съезд уже состоялся, все его подробности были много раз обсуждены на всех кухнях, я даже слышал, как один боевой инвалид утверждал, что Сталина забросили в Кремль на парашюте; кто? – конечно, американцы, но Окуджаву провинциальные пионеры еще не знали. Поэтому, песня не задалась.
Машина переваливалась с ухаба на ухаб, вдоль дороги стеной стояли тополя, а за ними были видны сады; ветки гнулись от тяжести яблок. Некогда здесь был разбит войсковой сад, остатки которого, само место, где он располагался, до самого последнего времени в Уральске называли не иначе, чем «казенный сад». Уральские казаки, наверное, гордились своими садами, тщательно учитывали количество выращиваемых плодов, и были уверены, что уральские яблоки «лучше многих прочих». Во всяком случае, садоводство было уже в 19 веке развито хорошо. Писатель-краевед Николай Чесноков утверждает, что только на так называемом Садовском полуострове (название говорит само за себя, как и Садовское озеро) было 48 садов. Поэтому иногда огурцы продавались в Уральске по цене в десять раз превосходящей цену яблок. В 1913 году под Уральском насчитывалось уже более 700 садов. Очень показателен рассказ Валериана Правдухина, который побывал в этих местах уже в двадцатых годах минувшего века. Он ехал на автобусе из Бурлина в Уральск и наблюдал: «Навстречу нам почти непрерывными караванами тянутся по степи обозы: на быках и верблюдах везут яблоки. Уральские яблоки отправляются преимущественно на Саратов и Оренбург. Здешние яблоки вкуснее ташкентских. Уральские сады расположены по реке Чаган…Я некоторое время не понимал, зачем торговцы и их агенты, едущие со мной в автобусе, так старательно считают возы с яблоками… Оказывается, их задача – телеграфно сообщать компаньонам в Оренбург, сколько идет яблок из

Уральска… Купцы всю дорогу горестно ахали: за сутки мимо автобуса прошло более четырехсот возов… «Беда. Катастрофа. Через неделю яблоки в Оренбурге будут нипочем»…

В садах под Уральском отдыхали, лакомились медовыми яблоками многие известные люди. Например, Владимир Короленко, Константин Федин…

Сегодня все не так. Большинство садов не пережили сначала коллективизации, а потом и перестроечного лихолетья. На месте садов в советские времена стали возникать дачные поселки, пионерские лагеря, дома отдыха. Дачники советских времен выращивали немало яблок, различных ягод, овощей. Особенно много было вишни, за которой из ближайших городов России снаряжались целые закупочные экспедиции. В девяностых годах дачные поселки начали безлюдеть, многие сотни участков были просто брошены или проданы за бесценок. Они захирели, на некоторых поселились бродяги, бомжи, алкоголики. Это результат перепроизводства овощей, понижения цен на них. Ударили по садам и дачам увеличившиеся транспортные расходы. Ну и, может быть, самое главное – жить на дачных участках стало небезопасно. Грабители, налетчики, рекетиры, хулиганы всех мастей буквально терроризировали дачников.

Но в описываемое мной время еще не было дач. Город с севера окружало полукольцо садов, с юга и запада – целые массивы бахчевых участков, огородов. Редкая семья не имела участок, где выращивались картофель, огурцы, помидоры, дыни и тыквы…

О тыквах особый сказ. Моя бабушка Александра Львовна, царство ей небесное, из тыквы готовила самые разные блюда. Особенно хороша была тыква, целиком приготовленная в духовке. Еще лучше – запеченая в печи. Корочка ее становилась совершенно черной, обугливалась, а мякоть – ярко оранжевая была медовой, настоящее лакомство. Объедение!.. Правда, с тех далеких времен мне ни разу больше не приходилось едать печеную тыкву… Многое ушло из нашей жизни за прошедшие десятилетия, к сожалению, и хорошее, чудесное, незабываемое…

Бахчи под Уральском представлялись мне целой страной, заповедной, таинственной. Самыми главными в этой стране были сторожа. Жили они в шалашах, вид имели ужасный – бородатые, в брезентовых огромных плащах, с одностволками за плечами, они наводили ужас на мальчишек. Не на городских, конечно, которые только и знали, что объедаться мороженым, пить, сколько

влезет, морса, ходить на все фильмы в кинотеатре «Летний»… Боялись сторожей те, кто почитал за доблесть дорваться до грядки с горохом, до подсолнухов, до кустиков паслена – на чужом огороде. Ходили рассказы о пальбе солью по задницам малолетних огородных налетчиков, даже о том, что на берегу еще одной уральской речки – Ревунка - какого-то Петьку сторож застрелил насмерть. «А не воруй, сучонок!» – сердито говорили старики. Но все равно воровали, грех мальчишке не стащить с чужой грядки пару молоденьких морковок или пригоршню сладких стручков гороха.

Несколько лет спустя, уже будучи старшеклассником, я был принародно уличен в краже пригоршни гороховых стручков. Я только что перешел, кажется, в десятый класс, и на пару месяцев устроился работать на асфальтовый завод, где одним из начальников был знакомый матери. Мне поручено было изготавливать электроды для электросварки. Да, не больше и не меньше. Я разматывал огромные мотки толстенной проволоки, разрубал ее зубилом на мерные отрезки, а потом приготавливал особый раствор, наподобие жидкой манной каши, не помню уже из чего состоящий, и вот в этот раствор нужно было окунать нарубленные куски проволоки и выставлять под солнце на просушку. Раствор застывал на проволоке, и получались, как говорили, вполне сносные электроды. Асфальтовый завод находился по тогдашним меркам далеко за городом. Сейчас в этом районе Уральска располагается завод «Металлист», стоят многоэтажные жилые дома, - в общем вполне обжитый уголок города.

В обеденный перерыв я отправлялся купаться – Урал от тех мест в пяти минутах ходьбы. Там, где сейчас стоят корпуса завода, расстилался зеленый ковер огородов. И вот однажды, направляясь к берегу, снимая на ходу рубашку, я увидел грядку с горохом. Крупные светло-зеленые, просто налитые июньской силой, стручки как будто кричали: «Сорви нас, сорви!». И я, конечно, сорвал. И тут же услышал крик, да не крик, а вопль откуда-то взявшегося сторожа. Он бежал ко мне, сжимая в руках одностволку, и был такой страшный, такой решительный, будто преследовал не похитителя пригоршни гороха, а поднялся в решительную атаку на превосходящие силы врага. Я со всех ног припустился прочь. Был длинноног, быстр, и мне ничего не стоило оторваться от сторожа. Я думал, что этой пробежкой все и ограничится. Да не тут-то было. Сторож был, наверное, с Бейкер-стрит. Сожалея, что не удалось выкупаться, я беспечно возвратился к своим электродам. И думать забыл об этом случае, когда через час

или больше меня позвал тот самый знакомый матери начальник. Он стоял на улице около помещения конторы, вокруг него собрались какие-то люди, а среди них был и сторож с одностволкой. «Вот он, ворюга! - закричал он, увидев меня. – Люди сажают, урожай растят, а эти готовы все утащить!..».

«Спасибо вам, товарищ сторож, за бдительность! – поблагодарил его начальник. – Мы обязательно примем меры!».

И, конечно, принял. Прямо на улице был собран не то обличительный митинг, не то общее собрание коллектива, и перед всеми начальник меня прорабатывал, как негодяя, горохокрада, расхитителя народной собственности. Помню, что мне было очень обидно, но никакого стыда я не испытывал. Тем более, что во время гневной речи начальника понимающе ухмылялись рабочие завода, а мне подмигивала хорошенькая девушка из бухгалтерии.

После проработки, начальник приобнял меня за плечи и сказал строго, но участливо: «Передай матери, что неважно ты работаешь, а теперь вот набеги делаешь на бахчи…». Ничего я матери не передал, правда и горохом больше не пришлось полакомиться, потому, что теперь к началу обеденного перерыва сторож бдительно выдвигался к самой границе асфальтового завода и зорко следил за моими перемещениями. Я проходил мимо него, направляясь к реке, и вежливо здоровался с ним. Он только сплевывал и произносил презрительно: «Вот стиляга малосольный!..». Стилягой, по нашим провинциальным понятиям, я, конечно же, был, но вот почему малосольным – объяснить не могу. Надо было тогда спросить у сторожа, но, вдруг бы, он задействовал свой дробовик?

Два слова насчет стиляг. Самые первые из них появились в Уральске году в пятьдесят шестом - пятьдесят седьмом. Одетые в яркие, расписные рубахи, узкие брючки, ботинки на толстых подошвах, - они сразу привлекли к себе внимание, не могли не привлечь. Надо хорошо себе представлять, как одевалось тогда большинство людей. Цвета: черный, темно-зеленый, темно-серый – унылые, тусклые, никакие. И все однотонное, никакого смешения цветов! Фасоны: как будто все на вырост, одежда болталась на человеке, чаще всего бесформенная, у мужчин – широченные, плохо отутюженные брюки, у женщин – мешковатые платья с ватными плечиками… Если (редкое исключение) кто-то одевался более или менее сносно, то говорили «Катька – просто артистка!..». И вдруг появилась яркая одежда! И мы, тогдашние мальчишки и девчонки, стали ее ярыми приверженцами. Ушивали брюки, да так, что ступни не пролазили в штанины, и

надеть их можно было только лежа на спине, девчонки шили из поплина цветастые юбочки колоколом, мечтали о туфельках на шпильках, высоких прическах. Впрочем, по сравнению с сегодняшней, та мода (тоже запретное словечко пятидесятых годов, говорили: «Черт показал моду, а сам нырнул в воду») была все-таки довольно тусклая, наивная, я сказал бы даже – робкая. Но и она вызвала в обществе, тем более провинциальном, буквально шок. Оно не готово было мириться с индивидуальностью, даже выраженной, да нет – только едва обозначенной - в одежде. Нас выгоняли с уроков в школе, чтобы мы переодели узкие брюки на широкие, парусами хлопающие на ногах, были даже случаи, когда в учительской заставляли распарывать ушитые штанины. Об этом написано огромное множество воспоминаний, и я тоже не впервые об этом пишу. Но так это врезалось в память, так это было дико, что я и до сих пор не могу понять: неужели те, кто боролся со «стилягами», не понимали глупость и безнадежность этой свой борьбы? Получилось ли у них понять это потом, или, доживая свои годы, они и сегодня готовы измерять ширину штанов, толщину подошв, высоту и пышность причесок?.. А как обрушились на нас в те годы пресса, кинематограф, писатели. «Крокодил», казахстанский «Шмель», большинство газет были набиты карикатурами, изображавшими юнцов в длинных пиджаках, с огромными «коками» на головах. В кино и романах предателями родины были исключительно стиляги, пресмыкающиеся перед западом; они ради журналов с девочками и сигарет в красивых коробках были готовы набирать фляжки с водой около секретных объектов, таскать из ящиков дедушкиного стола какие-то схемы и карты, и передавать их матерым американским шпионам, - в общем, предавать отчизну в розницу и оптом. Я где-то уже рассказывал о том, как меня выгнали с выпускного экзамена по истории. Мать из Сочи привезла мне светло-коричневую рубаху, которую нужно было носить навыпуск. На рубашке были изображены горы, молдавские пастушки с дудочками, овцы, - безобидный пейзаж. Замечу – рубаха была советского производства. Сегодня в сторону такой рубашки никто и не посмотрит, а тогда… Тогда директор школы, увидев меня, впал в ярость. И пришлось мне мчаться к матери на работу, объяснять ей, испуганной чуть не до обморока – как же, сына выгнали с выпускного экзамена! – что мне просто нужна другая рубашка. И потом я бежал назад в школу, сердце вылетало из груди, и я боялся, что меня вообще не допустят до экзамена. Но допустили, правда, сам директор задавал мне, как ему казалось, каверзные

вопросы: «Какой подарок преподнесли съезду партии строители?». Тогда об этом прожужжали уши радио и газеты, поэтому я со второго или третьего раза все-таки ответил – «Дворец съездов». «Молодец! – похвалил меня директор. – Знания хорошие, но вот в голове много еще мусора, зачем тебе этот стиль, эти брюки-дудочки? До хорошего это не доведет…». В самом деле, ничем особенно хорошим это не завершилось. Рухнули нравы, многие граждане теперь даже не знают фамилию Сталина… Может, именно поэтому распался и Советский Союз? Но вернемся к работе в колхозе. …Конечно же, я не помню его названия, да с тех пор эти названия менялись столько раз, что не все жители держат в памяти, как именовалась их сельхозартель пять лет назад, двадцать лет назад, а с тех пор прошло уже почти полвека…

Поселили нас в двух соседних классных комнатах сельской школы. Сама школа была совсем небольшой – двухэтажной, первый этаж сложен из кирпича, второй – из бревен. Уральские казаки говорят о таких домах: «С подклетом…».

Выдали нам всем по матрасу, по одной серенькой простынке и по шерстяному полосатому одеялу. Коек не было, и мы расположились на полу; девчонки в одной комнате, мальчишки в другой. Причем, мальчишеская комната оказалась проходной – девчонки шастали через нас, переступали через спящих, хихикали. Возраст у нас был самый критический, и когда мы чуть обжились, то вечерами мальчишки принялись скрестись у девчоночьей комнаты, вызывая подружек на «махаббат» (по-казахски «любовь»). Двери между нашими комнатами не было, ее заменяло прибитое двумя ржавыми гвоздями одеяло, край которого не доставал до пола сантиметров пятнадцать, и к этому просвету нет-нет, да подбирались лазутчики, встречаемые с другой стороны дружным визгом, впрочем, не очень отчаянным, что, наверное, поощряло разведчиков с мальчишеской стороны все ползти и ползти к заветной амбразуре.

Еще засветло, наверное, часов в десять вечера Нина Павловна громогласно объявляла отбой, но это только служило сигналом к любовным «атакам». И до самой полуночи, а часто и позже видны были силуэты «парочек», сидящих на лавочках, стоящих у школьной ограды, прогуливающихся вдоль темной сельской улицы. Некоторые пытались завести дружбу с местными, но те держались настороженно, им казалось, что городские много форсят, задаются.

Кое-кто из наших ребят уходил даже к берегу Деркула, который был в двадцати шагах от школы. О Деркуле шла нехорошая слава. Мальчишки после отбоя

рассказывали громким шепотом, чтобы хорошо было слышно за вывешенным заградительным одеялом, что там, в неведомых пещерах, обитают бандиты, которые играют в карты и ставят на кон живых людей, особенно девчонок, болтающихся вечером по кустам над Деркулом. Говорили, что где-то на берегу есть развалины женского монастыря, и в этих развалинах ночью можно встретить давно умерших монахинь в черных одеяниях. А еще в Деркуле водятся страшные водяные. Рассказчики уверяли, что они сами видели этих чудовищ, и едва унесли оттуда ноги. Так что, повести девочку к Деркулу вечером было двойным подвигом: и любовным, и героическим. Нина Павловна только усмехалась рассказам о бандитах и водяных. Но не опровергала их, наверное, чтобы меньше было желающих нарушать установленный режим.

Я тоже вызывал после отбоя одну девочку, и она - неужели это было на самом деле? – выходила - в белой кофточке на вырост, китайских кедах, коричневой юбочке – и была со мной строга; она страшилась, что о наших встречах могут подумать «черт знает что», вместе с тем не хотела оставаться в комнате, когда большинство ее подружек отправились «на махаббат». Кому охота ловить на себе участливые взгляды: вот, дескать, юродивая, даже двоечникам несчастным не интересно с ней.

Ее звали Таней, и в ее присутствии мне трудно становилось дышать… Она говорила: «Гена, только никаких поцелуев!.. Иначе я не буду с тобой дружить!». Как будто мы с ней дружили!.. Еще год назад я ставил ей подножки, но она так и не упала ни разу, крепко стояла на ногах. На школьном вечере, когда заиграла любимая всеми нами пластинка – блюз «Маленький цветок» - я пригласил ее танцевать.

Вечера тогда устраивались только по праздникам, очень редко без какой-нибудь знаменательной советской даты. Сначала, конечно, шел усыпляющий доклад директора, речи родителей и пятерочников, чуть веселее становилось на обязательном концерте самодеятельности, где девочки, как заведенные, читали «Я к вам пишу…», «Любовь – не вздохи на скамейке…», да еще «Жди меня», а мальчишкам доставалось разыгрывать из себя всяких Чацких, Фамусовых, Молчалиных, Репетиловых. И только потом объявлялось: «Танцы!». И моментально убирались длиннющие скамьи, на которых сидели школьники, и стулья, которые предназначались учителям и важным родителям, включался проигрыватель – магнитофоны были невообразимой редкостью, недостижимой

драгоценностью. Во всяком случае, в нашей школе номер пять магнитофона не было до самого начала шестидесятых годов.

Кто-то из учителей всегда был приставлен к проигрывателю, строго контролируя репертуар, бдительно отметая гибкие пластинки «на костях» с шипящими записями отца рок-н-ролла великого и ужасного Чака Берри, наших кумиров, о которых мы практически тогда не знали ничего, кроме их завораживающей музыки, да еще их имен - Литтла Ричарда, молодого тогда Элвиса Пресли и конечно Билла Хейли с его незабываемым «Rock Around The Clock». Но чем бдительнее был контроль, тем настойчивее становились поползновения «стиляг», зараженных «иноземной чумой», и «чума» это нет-нет да прорывалась в проигрыватель; синкопы «рентгеновского» рок-н-ролла повергали школьное начальство в ступор. Подпольные пластинки уничтожались на месте, но они появлялись опять и опять. Но надо сказать, что рок-н-ролл в школе почти никто не танцевал, редких смельчаков тут же окружала подбадривающая толпа, к которой устремлялись учителя; за рок-н-ролл легко можно было вылететь из школы. Рок-н-ролл стал танцем полуподпольных молодежных вечеринок – на дому, за плотно прикрытыми дверями, зашторенными окнами. Впрочем, и это не было гарантией безопасности; тут же в городе начинали поговаривать, что вот в этом доме открылся очередной притон, и зоркие и трудолюбивые «органы» пресекали враждебные поползновения.

Поэтому все-таки чаще на школьных вечерах звучали другие мелодии. И среди самых любимых – блюз «Маленький цветок». Под эту чудесную мелодию танцором мог стать каждый, надо было просто стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу, и обнимать партнершу.

Самый первый танец, на который я осмелился пригласить девушку, и был этим блюзом.

Наверное, с полчаса я набирался решительности. Мои друзья тоже стояли, прилепившись к стенам, в тени огромных фикусов, смотрели, как кружатся в вальсе учителя, «подают нам пример». Иногда кто-то из старших ребят – из десятого класса – приглашали девчонок (восьми и девятиклассники осмеливались на это редко), и тут же у стенки под фикусами начинались обсуждения: Людка с Прохором ходит, а с кем ходит Ленка?.. Тогда как раз наступало наше время «ходить»… Язык почему-то не поворачивался выговаривать «дружить», тем более «любить», вместо этого выползло на свет

словечко «ходить»…

С Таней я не ходил. Она училась в параллельном классе, числилась в отличницах и была среди первых красавиц школы. Около нее крутилось немало мальчишек, знаменитых не только в школе, но и во всем Уральске. Наша пятая школа тогда гремела в городе, как самая «хулиганская», а потом и самая «стиляжная», в разных докладах ее непременно поминали среди неблагополучных. «Да и что поделаешь, - разводили руками учителя, - в основном «куренские учатся, оторва!» Жители Уральска знают, что такое Курени, а тем, кто не знает, в двух словах скажу – это самая древняя часть города, отсюда казаки начинали ставить Яицкий городок, здесь был возведен знаменитый Старый собор (кстати, я был крещен в нем). Яицкие казаки от века славились своим непокорством, бунташным духом, вот и потомки от них не шибко отличались. В городе говорили: «Куренские – хулиганье!..». Прогульщики, драчуны, матерщинники – такими представляли этих ребят в пятидесятые годы во всяких гороно, облоно и других чиновничьих обителях, и ребята вовсю старались соответствовать этому представлению о них. Естественно, в подростковой среде авторитет их был непререкаем. Было среди них и немало блатных. Ссориться с ними не хотели ни двоечники, ни записные отличники, ни даже учителя. Первые «стиляги», «модные фраера» сначала тоже держались ближе к ним, но потом разошлись. Не могли не разойтись. Рок-н-ролл и надрывная блатная песня никак не хотели уживаться.

И вот такие мальчишки – «шикарные» и «блатата» - заглядывались на Таню. На переменке около дверей ее класса обязательно крутились парни из десятых классов, громко хохотали, задирали девчонок. Таня выходила из класса, но никогда не подходила к ребятам, шла в сторону нашего класса, садилась с книжкой на подоконник. Но не читала, просто держала книжку на коленях, вполоборота смотрела в окно. У нее была русая коса, она иногда собирала ее на затылке в узел, и мне казалось, что этот узел очень тяжелый, и ей все время хочется задирать подбородок. Но она не задирала.

Старшеклассники постепенно перемещались к ее подоконнику, начинали заговаривать с ней, она отвечала спокойно, тихо – не кокетничала, может, самую малость… Я смотрел, не отрываясь, на нее из класса, и ни разу не подошел к ней… Мне казалось, что иногда она поглядывала в мою сторону, но, наверное, только казалось… Худой, длинный, лопоухий семиклашка-троечник в

неестественно зауженных (тайком от матери) брюках, в серой курточке с коричневой кокеткой, с пальцами, измазанными чернилами, - я понимал, что совершенно не интересен ей. Может, именно поэтому время от времени в темном коридоре школы, я подкрадывался к ней сзади и ставил коварные подножки. Она не падала, удержав равновесие, оборачивалась и говорила с легкой улыбкой: «Гена-дурачок…».

И вот на вечере я пригласил ее на танец. Она не должна была согласиться, но согласилась. Никогда в жизни до этого я не танцевал с девочкой. Наверное, в моих глазах отразилась такая растерянность, такая паника, что Таня сказала: «Я буду водить…ты ведь не умеешь?». Я мотнул головой: «Неа…». Она взяла мои руки и показала, где они должны находиться во время танца, и под моей ладонью оказался ее стан… Даже сегодня, когда с того дня прошло без малого пятьдесят лет, я волнуюсь, как будто снова моя рука прикасается к ней, замирает, и горит, горит, горит, что кажется - все в зале только и смотрят на эту мою раскаленную, распятую на ее талии ладонь.

- Не бойся, это не страшно, - сказала она мне с улыбкой. – Танцевать может каждый… Раз-два, раз-два-три…

- Да не боюсь я ничего, - соврал я деревянным языком…

- Боишься-боишься, - сказала она.

Не помню, как я топтался в такт саксофона из «Маленького цветка», не помню, как неуклюже наступал ей на ноги, забыл, о чем насуплено молчал, не в силах разжать губ, - осталось только чувство переизбыточности доставшегося мне счастья. А это было счастьем! Я не признался бы тогда в этом никому, да и себе только сейчас, что в этот день жизнь даровала мне надежду на восхитительную возможность счастья, когда внезапно понимаешь, что ты - троечник, лентяй, растрепа – весь ты, от головы до пяток – можешь быть кому-то интересен, не только матери, родичам, но и совершенно постороннему человеку, этой девочке-красавице. Значит, я – не просто грызущий ногти, неуклюжий и стеснительный подросток, я – нечто другое, неведомое и таинственное существо, заинтересовавшее ее. Разве не счастье впервые понять это?

Как мгновенно закончился этот танец, как бесконечно он длится.

Музыка утихла, она сказала «Ну вот, молодец!» - и пошла к своим девчонкам, шептавшимся у стены. Я видел, как другие ребята провожали своих партнерш, бережно придерживая их за локоток, а я остался стоять посреди зала,

оглушенный, растерянный. Я не знал, что делать с ладонями, помнящими ее руки, ее тело, какие-то пуговички под платьем - ошеломляющие пуговички, которые что-то там застегивали на ее спине?.. Я кое-как, на сосновых, каких-то занозистых, негнущихся ногах, добрался до кадок с фикусами, поглубже засунув горящие руки в карманы брюк, бросив что-то пренебрежительное друзьям в ответ на нетерпеливое «Ну как?», и прислонился к зеленой стене, будто выкрашенной специальной кактусовой краской; если возьмусь сейчас рассказывать, как колотилось сердце, как что-то бушевало и кричало во мне – все это будет враньем шестидесятилетнего человека, пытающегося вспомнить и допридумать то, что прошло давным-давно. Давно…

Я не отрывал взгляда от Тани – она была весела, улыбчива, что-то рассказывала подружкам, и они покатывались со смеха, и, кажется, посматривали в мою сторону. В ней не было и признака какого-то волнения. Опять загремела музыка, и ее пригласил какой-то здоровенный десятиклассник, и она пошла с ним, даже не взглянув в мою сторону. Десятиклассник был в темном пиджачном костюме, редком тогда у подростков галстуке, начищенных, сияющих башмаках. До сих пор не знаю – что за напасть такая, почему всегда мои соперники бывали лучше меня одеты, в них светилась спокойная уверенность в себе, они были красивы и успешны?

Десятиклассник уверенно кружил Таню, говорил ей что-то, и она улыбалась ему. Мне, конечно же, было известно, что я лучше этого верзилы, и ничего, что у него костюм, а у меня только вельветовая курточка с дурацкой кокеткой, зато дома за единственной нашей семейной картиной в тяжелом багете – репродукцией сестрицы Аленушки, скорбящей по неразумному Иванушке – у меня хранится тетрадка с написанными мною фантастическими рассказами про героев космоса и нападающих на них иноземных чудовищ. А еще в этой тетрадке были стихи, одна строчка которых была такой: «Шел я по дороге, в грязь упал лицом, все меня считают последним подлецом…». Свои творения я создавал в читальном зале областной библиотеки, которая тогда носила имя Крупской. Мне нравилось, что в читальном зале стояла какая-то особая, казавшаяся благоговейной, тишина, здесь все головы были склонены над книгами, все что-то писали, и мне тоже нравилось писать. Я набирал кучу книг, диковинный для семиклассника набор, например, «Капитал», «Критика Готской программы», «Витя Малеев в школе и дома», «Дама с собачкой», подшивки журналов «Радио», «Пионер» и если не

была занята – подшивку «Юности». Я открывал покрытые пылью девственные томища «Капитала», ужасался своей марксистской заинтересованности, затем прочитывал страничку Чехова, за пять минут пролистывал подшивки, и открывал свою заветную тетрадку, - я думал, что писатель обязательно должен быть огорожен стенами из книг, спать на книгах, есть на книгах. Библиотекарши косились на меня, но ничего не говорили. Я доставал карандаш (шариковые ручки были тогда редкой драгоценностью) и начинал очередной космический опус: «Огромный межзвездный корабль силой своих фотонных двигателей рассекал вселенную по направлению к Альдебарану…».

Вот такой я был замечательный писатель, правда, тайный. А Таня улыбалась верзиле из десятого класса.

На том вечере я с нетерпением ждал, когда объявят «белый танец». Тогда все станет понятно, кто дороже ей - гордый, непонятый писатель или красавчик в отутюженном костюме?

И вот он, момент истины! Белый танец! Не танец, а игра: ради нее мы и стояли, прилепившись спинами к фикусной стене, изо всех сил выказывая полнейшее равнодушие, даже некоторое презрение к происходящему. Нам наплевать на все эти «обжиманцы»!.. Но…но…неужели она меня не пригласит?

Таня посмотрела в нашу сторону, вот оно! И решительно направилась через весь зал – к крошечной школьной сцене, рядом с которой – чуть в сторонке - размещались учителя. Она тронула за рукав учителя физики, которого называли за глаза Пуделем - за львиную гриву волос, тронутых сединой: «Разрешите!» Пудель поклонился Тане, взял ее руки, и словно приподнял ее над неровным охряным полом, - и у меня перехватило дыханье, так легко, подчеркивая каждый такт музыки, заскользили они по залу. Тысячи раз произнесены эти слова, но не могу придумать других: их ноги как будто не касались пола, а ведь учитель был стариком, ему было почти тридцать. Танины глаза сияли, физик блаженно улыбался, - и весь зал, вся школа, весь мир смотрели на них. Как мне было больно! Как мне было сладко!..

Я вышел из зала на темную, без единого фонаря, ноябрьскую улицу, достал из кармана пачку сигар «Порт», надкусил одну, сплюнул табачный огрызок под ноги, и над головой немедленно затрепетали паруса пиратского брига. Я затянулся отравой отечественной «гаваны», привалился вельветовым плечом к хлипкому деревянному школьному забору – пусть она веселится, пусть танцует с верзилой,

физиком, со всеми подряд – мне ли горевать об этом? Она еще узнает!.. Поймет!.. Единственная тусклая лампочка над входом в школу была как одинокая, далекая звезда…

Я накурился до звона в ушах, гордый, сложный, отвергнутый. И только собрался возвращаться в зал, ведь не может же быть, чтобы она не заметила моего отсутствия! Наверное, спрашивает у всех: «Куда он запропастился, не видели его?». И всем заметно, что она тревожится, не может даже скрыть слез…

Пока я представлял, как она обеспокоена моим отсутствием, вечер закончился, и шумная толпа мальчишек и девчонок вывалилась из школы. И в свете школьной лапочки я сразу увидел ее. Она шла с подружками, а сбоку от нее тащился тот самый верзила, наверное, шутил, потому, что девчонки дружно хохотали, весело смеялась и Таня.

В темноте у забора я был не виден этой хохочущей ватаге. Таня прошла в двух шагах от меня, обернулась к десятикласснику:

- Дима, проводишь меня?..

Не помню, может, его звали не Димой, точно – Иннокентием… Впрочем, нет, он был Жорой… Даже – Додиком.

- Само собой, - ответил он, и они растворились в черноте осенней ночи. Не со мной она ушла – с Додиком… Их шаги неспешно раздавались на мощеном жженым кирпичом тротуаре. Только десятки лет спустя, я узнал, что некоторые тротуары были сооружены в Уральске из кирпича взорванных большевиками православных церквей.

Не знаю, что случилось со мной - какая-то дикая сила сорвала с места. Я бросился по улице бегом, рискуя сломать в темноте ноги. Бежал не за ними, а как бы параллельно, а потом и вообще перегнал. Раза два упал, но вставал и продолжал свой бег - куда?

Остановился у двухэтажного дома, окна которого смотрели на ротонду в Некрасовском садике (так тогда именовали в Уральске бывший Столыпинский бульвар). Белый каменный шатер ротонды был едва заметен в темноте, и казалось, что он, не опираясь на невидимые колонны, парит над землей.

В этом доме Таня жила. Уже не помню, откуда я знал это. Знал, и все. Всего два или три окна светились во всем доме, на лавочке перед крыльцом сидел белобородый старик, курил. Когда он затягивался папиросой, то его лицо как бы проявлялось из темноты, а потом снова растворялось во мраке, исчезало.

Он прокашлялся, сказал:

- С кем наперегонки бегаешь, казак? Сам с собой?..

Не помню уже, что я ему ответил, и он продолжил:

- Или нашу Таньку догнать хочешь?.. Больно длинные ноги тебе понадобятся… Закуришь?

Я мотнул головой, а он и не думал замолкать:

- К ней под окно кавалеров много ходит, но она всех отшивает… И тебя отошьет, вот посмотришь!.. Она у нас правильная, не шелапутная какая-нибудь!..

Я промолчал. А дед выговаривался как будто на месяц вперед:

- Сильно вы ранние стали на любовь…Еще и специальностей не получили, а туда же…

Я не выдержал, сказал:

- А что сначала экскаваторщиком надо стать, а потом уже с девчонкой ходить?.. Или кочегаром? Кочегаром – пойдет?..

- Эх… Бестолковая твоя башка!.. Хоть ассенизатором! Любовь-то не сама по себе бывает, а для общественной пользы…

- Конечно! - засмеялся я, - Дед, ты никак весь кодекс строителя коммунизма замусолил?..

- Ну и бестолочь! – осерчал старик, бросил папиросу и ушел в дом. На прощанье сказал:

- Не видать тебе Таньки…

Я и сам это знал.

Минут пять сидел я на лавочке, зачем? Стал накрапывать дождь, мы почему-то всегда называли такой неожиданный дождик пушкинским, почему?

И тут послышались шаги и негромкий разговор. Это Таня подходила с Додиком. Он что-то увлеченно рассказывал ей, небось, врал с три короба. Она иногда вставляла в его брехню одно-два слова, и он продолжал трещать, просто Троцкий какой-то.

В одну секунду меня как будто стряхнули с лавочки. Может быть, сегодня, окажись я в такой ситуации, то дождался бы сладкой парочки, вежливо улыбнулся, спросил бы чего-нибудь – о погоде или выразил беспокойство по поводу нестабильности мировых валют, но тогда… Впрочем, наверное, и сейчас тоже…

Я бросился к воротам дома, в которых была прорезана небольшая дверца

калитки, нырнул туда, успел закрыть за собой эту дверцу. И оказался в кромешной темноте чужого двора. Зато в небольшие щели ворот мне хорошо была видна лавочка, на которой я только что сидел, крыльцо дома.

Таня с Додиком остановились у крыльца. Она засмеялась негромко и, видимо, продолжая начатый разговор, сказала:

- Да он еще совсем ребенок… Хоть и такой длиннющий…

И вдруг я понял: она говорит обо мне.

- Но все равно ты с ним танцевала…

- И с тобой тоже, ну и что?

Обо мне, обо мне, обо мне!..

- Он топтался, как слон…

- Он такой непосредственный…наверное, тайно стихи пишет…

Это я! Я! Я!

- Тоже мне, Гарибальди!..

Почему Гарибальди, разве он был поэтом?

- Ты чего завтра будешь делать? – спросил Додик с надеждой.

- Ой, завтра дел по дому уйма…

Это, значит, вали отсюда, Додик несчастный!

- А я думал…, - протянул он искательным голосом.

- Не расстраивайся, - сказала она и, вдруг, подойдя к нему вплотную, поцеловала в щеку.

Я инстинктивно подался назад, как будто меня ударили. И тут же я услышал, что рядом со мной кто-то дышит – горячо и часто. Я повернулся и кое-как разглядел в темноте, что в десяти сантиметрах от меня стоит огромный мохнатый пес, и не сводит с меня светящегося взгляда.

Таня на улице прощалась с кавалером, который пытался ее обнять, и она повторяла ему решительно: «Никаких поцелуев, никаких!..», а меня в каждую следующую секунду могла разорвать в мелкие клочья собака. Но я, конечно, дал бы себя разорвать, лишь бы она не залаяла, не выдала меня.

И она не залаяла. Влажным, шершавым языком, как мокрым наждаком, пес, вдруг, лизнул мне руку, как будто пожалел меня, и сказал:

- Не бойся, не трону…

Я погладил его с замиранием сердца, и он сел у моих ног. Не выдал!

Тем временем Таня распрощалась с кавалером, и он ушел в темноту. А она

осталась. Присела на лавочку, как будто задумалась на минутку. Или, может быть, ждала кого-то?..

Пес поднялся и, толкнув головой калитку, вышел к Тане.

- Трезор, привет! – сказала она. – Охраняешь?.. Хороший…

Трезор уткнулся головой в ее колени.

- Хороший…

Как замечательно было бы выйти к ней из своего темного укрытия, завести веселый и умный разговор, а потом небрежно попрощаться, поцеловать ее в прохладную щеку, пригласить назавтра в кино на «Человека-амфибию», закурить сигару и уйти неспешно, с достоинством. И, может быть, она окликнула бы, подбежала, обняла за шею: «Хороший…»? Но никакая сила не смогла бы заставить меня выйти из-за ворот.

Таня поднялась, направилась к крыльцу, но остановилась, подошла к воротам и тихонечко постучала в дверь калитки, произнесла тихо, почти нараспев:

- Эх, Гена-дурачок!.. Чего испугался?..

И тут же повернулась на каблучках, взбежала по ступенькам крыльца, хлопнула дверью. Я остался в ее дворе, рядом с добрым, не разорвавшим меня Трезором…

И вот эта девочка оказалась с нами в колхозе, и я вызывал ее по вечерам погулять, и она выходила, предупреждала:

- Только никаких поцелуев!..

Через день после нашего приезда выяснилось, что убирать нам придется не яблоки, на них в этом году неурожай, а редьку, морковь, огромные, цвета поздней осени, огурцы, - в общем, возиться в земле, складывать добытое в огромные плетеные корзины, таскать их через поле к машине, и снова копошиться на грядках – так до четырех часов дня… А потом наступало самое приятное – купание в Деркуле, отдых, а вечером…вечером – «махаббат»…

Теперь о Деркуле… Это такая неширокая речка, текущая в обрывистых берегах, заросших шиповником, терновником, тальником. Кое-где по ее берегам поднимались огромные, вековые деревья, в некоторых местах их кроны с противоположных берегов едва ли не смыкались над речкой, и вода под ними казалась черной. Считалось, что Деркул - бездонный, рассказывали, что даже самые опытные ныряльщики в некоторых местах не могли достать до его дна, говорили, что в омутах водятся гигантские сомы и огромные сазаны. Еще речка

славилась обилием раков и крупными линями, которых потом мне приходилось немало удить в этих местах.

Впрочем, раков в Деркуле мне доводилось ловить и в раннем детстве, когда однажды летом я приезжал погостить в поселок Каменка. Как-то утром мы с моим тогдашним каменским дружком - Юркой Карповым отправились на речку. Снастей с собой не взяли никаких, лишь катушку ниток. Нужна была и емкость для пойманных раков. Обычно берут ведро, но нам мать Юрки выдала оцинкованную ванну, емкостью ведер на пять. Я поначалу удивился, но оказалось, что она знала, что делает. Раколовки – это просто нитки полутораметровой длины, привязанные к коротеньким палкам. К концам ниток привязывается кусочек мяса ракушек, которых полным полно было в Деркуле. Заходишь в воду по колено, забрасываешь эту наживку почти себе под ноги и ждешь. И, вдруг, видишь, как нитка начинается натягиваться! Тогда осторожно подтягиваешь к себе наживку, а вместе с ней и вцепившегося в нее клешнями рака. Опускаешь руку в воду и хватаешь рака – и он летит на берег. Конечно, нужна определенная сноровка, иначе раки за себя постоять могут, особенно деркульские, некоторые из которых достигали тогда просто чудовищных размеров. После такой ловли пальцы, кисти рук оказывались пораненными устрашающими клешнями. Но нас это не удерживало.

В тот день, о котором рассказываю, оказался необыкновенно добычливым. Раки хватали ракушки с какой-то яростью. Да что там наживка, мы шарили руками по дну и добывали панцирных созданий без всяких снастей. А поскольку мы ловили почти в черте поселка, то вскоре к нам присоединились и другие мальчишки, и даже, помнится, кто-то из взрослых. Всех увлекла такая охотничья забава. И вскоре ванна была полна, в ней скреблись, шуршали, угрожающе тянули в нашу сторону клешни темно-зеленые создания.

Вечером был пир чуть не на весь поселок. Пришли полакомиться раками все участвовавшие в их ловле, подтянулись и соседи; ели и нахваливали щедрый Деркул…

Известен Деркул и всякими историческими событиями, происходившими на его берегах. В сентябре 1774 года здесь произошел кровопролитный бой пугачевцев с царскими карателями. Был захвачен в плен один из главных сподвижников Пугачева – яицкий казак Афанасий Петрович Перфильев. О нем говорили, что он из людей большого природного ума и беззаветной отваги. Екатерина Вторая,

узнав об аресте Перфильева, специальными рескриптами неоднократно напоминала о том, что пленника необходимо доставить в Москву, - так важен был бунтовщик! Сохранились свидетельства очевидцев, что Афанасий Петрович Перфильев во время казни, происходившей 10 января 1775 года на Болотной площади в Москве, показал необычайную стойкость.

…Много позже я узнал, что Деркул – коварен, норовист, опасен, совсем не зря в те годы о нем шла дурная слава. Свой характер он часто показывает во время весенних разливов – тогда не щадит ни плотин, ни поселков, вставших у него на пути. Мне несколько раз приходилось наблюдать страшную силу этой речки. Деркул петляет далеко по степи, иногда как бы пропадает с поверхности земли, рассыпается озерками, как говорят в этих краях – «котлубашками» – и потом снова появляется, где-то у плотинки разливается прудом, иногда кажется: все, пропала речка, а она опять появляется и даже плещет рыбой.

В начале девяностых годов мне случилось быть в поселке Каменка Каменского района как раз весной – в том самом, где в детстве мне довелось ловить раков; Деркул разрезает его на две части.

Кстати, в одной из сельских школ мне рассказали, что название реки Деркул - тюркское и означает — капризная, своенравная. Название другой реки в регионе - Кушум, предполагают, связано с именем хана Кучума.

Машина, в которой я приехал в Каменку, остановилась у самого берега реки. Она была страшной. Шум, скрежет, треск стоял над ней. Ломался, дыбился лед. Какая-то ужасная сила заставляла огромные льдины выползать на берег, где в желтой раскисающей глине работали скрепер, экскаватор, пытаясь выставить земляную преграду стихии. Вода и лед на глазах легко уничтожали то, что с таким трудом сооружали люди с помощью рычащих механизмов. Было тревожно, неуютно и почему-то холодно.

На берегу мне рассказали, что днем раньше на этом месте погиб ребенок, провалившись под лед… А еще раньше я слышал рассказ о том, как поселок Каменку после наводнений отстраивали не раз и не два, и вода снова разрушала его. Теперь, кажется, все новостройки ведутся только на не затапливаемом берегу Деркула.

Строптивая эта речка заставила меня пережить неприятные минуты и в то время, о котором я рассказываю.

…Когда настал наш первый рабочий день в колхозе, то оказалось, что нам нужно

перебираться на другую сторону Деркула. Перебираться, так перебираться, эка невидаль! Нам сказали, что улица, на которой стоит школа, выходит как раз на дорогу, которая упирается прямо в мост через реку. Помню, что я подумал: наверное, рыбалка с этого моста отменная…

И вот рано утром, позавтракав, мы нестройной колонной отправились по направлению к мосту. Солнце только-только поднималось, и над рекой висел розовый туман. Издалека было слышно, как плескалась рыба, радовалась рассвету какая-то невидимая птица.

Но где же мост?.. Берега в этом месте высокие, заросшие, трудно сразу что-то разглядеть в предутреннем тумане. Но я рассмотрел. Высоко над водой висела узенькая ленточка подвесного моста. Она была поднята намного выше этих высоких береговых обрывов. Никогда прежде мне не приходилось видеть подвесных мостов, только в кино, где герои по таким зыбким переправам перебираются через пропасти и каньоны, и мост обязательно обрывается, но герои всегда спасаются, немного повисев для острастки зрителей над бездной, ловко вскарабкиваются наверх.

И я тут же представил, как оборвется этот мост, едва я ступлю на его ненадежное покрытие.

Мы подошли ближе. Лента моста была натянута на стальные тросы, они казались ненадежными, но еще ненадежнее сам дощатый настил моста, через щели которого легко можно было рассмотреть далекую воду. Мост висел над водой метрах в пятнадцати, а, может, и больше… К концу лета речка обмелела, и мост «поднялся» над ней еще выше.

Нина Павловна остановила нас перед самым мостом, сказала:

- Мост совершенно безопасен. Но это не значит, что его можно раскачивать, толкаться, прыгать на нем, - в общем, безобразничать. Нужно соблюдать меры безопасности. Понятно?

Лучше бы она об этом не говорила. Ведь понятно каждому, что если требуется соблюдать меры безопасности, то с мостом что-то не в порядке. И я с ужасом понял, что не смогу ступить по этому мосту ни шага.

- Так, по двое, осторожно – и смелее! – скомандовала учительница, и мои товарищи побежали по настилу, хохоча, раскачивая мост, но при этом крепко-накрепко держась за трос.

Прошла одна пара, вторая… Девчонки визжали от страха, мальчишки опасливо

поглядывали вниз. Но они шли!..

Прошла еще пара…

- Теперь твоя очередь! – сказала Нина Павловна, обращаясь ко мне. И я пошел по направлению к мосту. Знал, что не смогу ступить на его шаткую поверхность, но шел, обреченно шагал к мосту, к своему позору.

Я сделал еще шаг, и бездна оказалась у меня под ногами. Я даже рассмотрел белые и желтые крошечные цветочки кувшинок, их тоненькие стебельки, уходящие в черную глубину Деркула, а между этими подводными лианами плавали красноперые язи – огромные, ленивые, вместе с еще более огромным – черноспинным, золотобоким - своим предводителем. Предводитель шевельнул плавниками, поднялся к поверхности, посмотрел на меня, сказал на своем неслышном языке:

- Ну что, ты дрейфишь? Слабак?

- Ну что, ты стал, как вкопанный? – зычно спросила учительница. – Что ли коленки задрожали?..

Я не мог ей ответить, но и двинуться с места тоже не мог.

- Шагай, Доронин!..

- Чего ты испугался?..

- Ничего я не испугался, - выдавил я из себя онемевшими губами, - просто… просто…

- Просто обделался! – крикнул кто-то из мальчишек, и меня отодвинули в сторону, и дружно стали перебираться на другой берег – к грядкам с морковью, редькой. Они уходили, и вместе с ними пропадало, рассыпалось что-то важное, незаменимое, не вполне объяснимое, что было тогда у нас, наверное, - некая мальчишеская общность, солидарность, может быть, ее можно назвать, причастностью друг к другу. Если в сад за яблоками, то все вместе, если убегать с уроков геометрии – тоже вместе, если драться с мальчишками из первой школы, - никто не может остаться в стороне, даже отличники, даже ябедники… Если в конце сентября кому-то в голову приходила идея искупаться в Чагане (а мы купались и в начале октября), то все летели в обжигающую осенней прохладой воду, если бы понадобилось совершить какой-нибудь подвиг, то мы тоже вызвались бы на него добровольцами все вместе… Корпоративный дух? – могли бы сказать в нынешнее время. Не случайно в Уральске мальчишки разделялись на «чаганских», «кзылтанских», «мясокомбинатских»… А мы – из пятой школы…

Нет, это были не мальчишеские банды, даже группировками их не назову, мы просто знали, что мы «из пятой», а другие были «из первой», «из восьмой»… И это не были безликие школьные номера. Если кто-то говорил, например, что он «из шестой», то это было для нас наполнено определенным, «пацановским» смыслом: отличники, дети начальников, задавалы. И, конечно же, не только сынки партийных секретарей учились там, но в нашем сознании все из шестой были именно такими. Пятая в ту пору слыла «хулиганской», все мальчишки мнили себя задирами, отчаянными смельчаками…

И вот они уходили от меня по подвесному мосту, а я оставался, не в силах сделать хотя бы шаг по шаткому настилу.

Мрак отчаянья почти поглотил меня, как, вдруг, прозвенел девчоночий голосок. Таня почти кричала:

- Дураки вы, ненормальные! У человека температура!.. И нога болит… По этому мосту он вчера даже ночью ходил – и ничего!..

Нина Павловна заинтересованно посмотрела на нее, потом на меня: вдруг, у мальчишки, правда, жар, а его на поле работать заставляют? Если про такое узнают в гороно - разорвут на части.

- Ладно, - решила она, - пусть идет в медпункт… Там ему пирамидона дадут…

- Дойдешь сам? – с подозрением спросила она меня.

Я что-то промямлил, но уже понял, что соломинка спасения мне протянута. Мои друзья остановились, повернулись ко мне, закадычный дружок Сережка закричал:

- Меньше мороженого надо жрать было!..

На самом деле, перед отъездом из города мы с ним немного злоупотребили этим молочным продуктом, но уж больно вкусное сливочное – в вафельных крышечках по шестьдесят пять копеек - продавали в киоске у кинотеатра «Кызыл Тан». Но прошло уже два дня и ни малейшего признака простуды ни у Сережки, ни у меня не было. И он это знал…

- Ладно, шагай в медпункт! – скомандовала Нина Павловна. – Все остальные – через мост!..

И опять Таня подала голос:

- Я не могу, боюсь… Голова кружится…

Все удары она приняла на себя.

- Так! – окреп учительский голос. – Заговор?.. Кто еще боится?..

Больше никто не отозвался…Все уставились на Таню, забыв про меня,

«больного»…
- Так! – повторила Нина Павловна, но уже менее зычно. – Проблемы… Ты, Таня, отправляйся назад, через пару часов на поле пойдет машина, я скажу, чтобы тебя подвезли кружным путем…
- А ты! – указала она на меня. – Чтобы лежал и лекарства пил… Ни шагу из школы…
И они ушли по раскачивающемуся мосту.
Мы с Таней двинулись в обратную сторону. Надо было что-то сказать ей, но я не знал что. За нами увязался какой-то мохнатый пес, везет мне на них, и я заговорил с ним:
- Есть хочешь?
- Не очень, - ответил он. – Летом жизнь сносная. Питаюсь на кухне первой полевой бригады, даже косточки с мясом перепадают… А тебе, вижу, тошно… Не переживай, еще и пострашнее в жизни будет…
- Да ладно, - махнул я рукой, - нечего стращать…
Он добежал с нами до медпункта, встретил какую-то рыжую остромордую собачку, заболтался с ней.
Медпунктом в этом селе была крошечная комнатка, отгороженная в здании почты. На стене была прибита дощечка, на которой чернильным карандашом было написано «Почта и телефон», а чуть ниже «Фельдшерско-акушерский пункт».
«Удобно, - подумал я, - если что не заладится в акушерском пункте, или наоборот – очень хорошо заладится, так без промедления можно дать об этом событии телеграмму».
Почти все пространство медпункта занимала крупная густобровая женщина – фельдшерица, или акушерка? Она сидела на крошечной кушеточке и читала какую-то растрепанную книгу. Первое, что пришло в голову, когда я увидел ее: как она смогла натянуть на себя этот детский белый халат? Но халат был совсем не детский, а как раз наоборот, наверное, самого большого размера.
Она оказалась еще и обладательницей густого баса:
- Посачковать малость решил? – спросила она у меня.
- Что вы!..
- Да, ладно! – махнула она рукой. – Температура есть?..
- Есть! – вместо меня ответила Таня.
Фельдшерица положила мне на лоб огромную шершавую ладонь, внезапно

оказавшуюся, прохладной и ласковой – вопреки своим гигантским размерам.
- Градусник еще зимой разбили, а новый все обещают, да не везут… Их, градусников, и в районе не сыскать!.. Дефицит… Градусник ладно – и без него обойдемся, а вот лекарств никаких! Зимой просим квасцы от запоров, а присылают наоборот – хинные порошки для укрепления, летом требуем левомицетин, а присылают квасцы…
- Так! – продолжила она. – Температуры у тебя нет никакой, здоров, как конь… Но на всякий случай полежи пару дней, сейчас освобождение напишу…Сырую воду не пей, пасленом и яблоками зелеными не объедайся…
И она опять погрузилась в книгу. Глаза ее сразу повлажнели. Она подняла голову, улыбнулась:
- Жизненная вещь! «Королева Марго» называется…
До самой школы мы шли с Таней молча. Она напевала какую-то песенку, всем своим видом показывала, что ничего особенного не произошло. Но никаких слов у нее, наверное, не было…
Потом приехала машина, и ее увезли собирать редьку.
Вечером, после отбоя, я позвал ее:
- Таня, гулять пойдешь?..
Она вышла, двинулась вдоль по улице. Я за ней.
- Таня, ты не подумай…, - я хотел сказать ей, что не струсил на мосту, так вышло…засмотрелся вниз, подвело воображение…
- Да ничего такого я и не думаю, - перебила она меня, и внезапно предложила:
- Пойдем туда, а?..
И пошла по улице – к Деркулу, к страшному раскачивающемуся мосту.
Как-то быстро начало смеркаться, над поселком принялись носиться летучие мыши, которых мы тогда очень опасались; рассказывали страшные рассказы, что эти самые мыши садятся на белое, я слышал даже, что летучие ненавидят простых мышей, ведут с ними беспощадную войну, и вообще они очень кровожадны, как вампиры, пьют кровь зазевавшихся ночных гуляк или подкрадываются к ночующим на берегу рек рыбакам, и высасывают всю кровь до капли.
Таня была в белой кофточке, и я забеспокоился, как бы летучие мыши не напали на нее.
Мы вышли на берег реки. В черной таинственной воде отражались звезды. Легкий

ночной ветерок покачивал на самой середине Деркула луну, причем в речке она была ярче, чем в небе.

- Знаешь это? – спросила Таня и прочитала:

Я слышу – старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся теплые свечи,
Забытые в чьем-то окне…

- Знаю, - сказал я. Тогда было время, когда читали стихи, и я читал. Только что начали печатать полузапрещенного с конца двадцатых годов Есенина, и у меня, конечно, был томик его избранных стихов, помню, что издан он был в 1956 году, кажется в Гослите. Я купил его в магазине со странным названием – «КазГиз», который в Уральске все называли просто «Кагиз». Из этой книжки я наизусть знал все поздние стихи поэта, конечно же, «Москву кабацкую», «Письмо к женщине», «Черного человека»… Мы все без ума тогда были от Есенина, бредили его строчками: «В этом мире я только прохожий, Ты махни мне веселой рукой. У осеннего месяца тоже Свет ласкающий, тихий такой…».

- Есенин, - сказал я.

- Эх ты… Гена…, - начала она, но замолчала, «дурачок» у нее не выговорился. И добавила:

- Это Блок…

Блока я тогда не читал.

- Там, - показала она рукой, - скамейка есть. Посидим?

Скамейка оказалась просто доской, прибитой к стволу старого осокоря, который высился до неба, закрывая звезды. В сгущающейся темноте мы едва ее отыскали. Уселись, и я сказал:

- Скоро каникулы кончатся…да…

- Красиво здесь, правда? – сказала она. – Мне кажется, что эта река особенная…

- Что в ней особенного?.. Раки водятся, рыба… Так и в других речках тоже…

- Мы никогда не забудем эту речку, - произнесла она, вдруг, - негромко и почему-то торжественно. Наверное, момент был такой лирический – луна, река, мы вдвоем… Но внезапно я понял, что она права. Не могу и сегодня этого объяснить, но там, в чернеющей ночи пятьдесят девятого года, на берегу бездонной речки, рядом с девочкой в белой кофточке я внезапно почувствовал, что никогда и ничего в мире не будет мне дороже моей родины, моих рек и лесов, моей

привольной степи… Пройдет после этой ночи много лет, мне доведется побывать на берегах великих рек, неохватных морей, знаменитых озер… Но восхищаясь их величием и красотой, я никогда не забываю о маленьком Деркуле. Как и о всех наших речках – Урале, Чагане…

- Ты влюблен в меня? – спросила Таня.

Я не нашелся, что ответить.

- Это тайна, - сказал я.

- Ты совсем еще маленький, - сказала она. – Да нет, с ростом как раз все в порядке, не надувайся…

Это было слишком, назвать меня маленьким!

- Ты думаешь!.. Я знаю!.. Да я!.., - возмущение в груди мешало словам, или наоборот?

- А хочешь я сейчас, ночью, через этот дурацкий мостик перейду?! – и я кинулся к близкому мосту.

- Не дури! – только и успела она крикнуть. За минуту я пролетел до середины моста. И остановился…

Два бездонных неба окружали меня. Сверху искрился невообразимый Млечный путь, такой близкий, будто начинался как раз от подвесного моста. Наверное, стоило только перейти на ту сторону реки, как тут же наладились бы какие-нибудь пространственно-временные связи, или наоборот разорвались, и произошло бы что-то невообразимо чудесное, может, настало бы так яростно в юности подгоняемое будущее, или нет – навсегда, на всю жизнь до самого конца, остались бы эта ночь, эта девочка, этот миг?

Я посмотрел вниз, ну, конечно же, там звезды запутались в стеблях кувшинок, а мой старый знакомый красноперый язь пробует их на вкус. Обжегшись о раскаленный уголек Сириуса, он вылетел на поверхность, ударил мощным обмахом, и над водой понеслось эхо ночного взрыва.

Что-то происходило тогда во вселенных – в той, что наверху, и в той, которая оказалась в реке, под едва заметно раскачивающимся подвесным мостом. Я чувствовал это, но объяснить это не мог – ни тогда, ни сейчас. Может быть, кончалось детство, и душа не хотела с ним расставаться?..

Таня подбежала ко мне:

- Ну, как ты, нормально? Герой?..

Я промолчал, но она поняла, что тревожиться не о чем. И вдруг обняла меня за

шею и поцеловала в губы. Неугомонный язь еще раз вылетел на поверхность и закричал:

- Никаких поцелуев!..

Таня засмеялась и сказала:

- Пора…

Вот и все. Потом еще две недели мы убирали редьку, морковь, несколько дней все-таки работали в саду, уж дорвались! На дню десяток раз я перебегал через подвесной мост, иногда подкармливал хлебными крошками старого красноперого знакомца, а однажды даже раздобыл для него и компании целую кружку пшеницы…

А потом мы уехали в город, начался учебный год – тройки, четверки, родительские собрания. А там и выпускной вечер, гуляние до утра. Потом – армия… И как-то незаметно пролетело полвека. Недавно на улице в Уральске, около Золотой церкви, встретил Таню. Мы не сразу узнали друг друга. Поздоровались. Постояли с минуту. «Как?». «Нормально». «Ну, пока». Пошли дальше по своим делам, и через минуту опять позабыли друг о друге.

А Деркул не забывается…

Мост через Солянку

Когда я слышу слово «родина», то мне сразу представляются родной Урал, светлый и наполненный птичьим гамом лес, огромная, как вселенная, степь… Думаю, что у каждого человека родина начинается именно с его дома, его реки…

Часто я размышлял над этим, сидя на берегу с удочкой. И у меня родилась книжка очерков о рыбалке. Один из них, немного сокращенный, я предлагаю читателям «Казахстанской правды».

Есть в Западном Казахстане такая речка – Солянка, да, впрочем, не одна. Мне попадалась речушка с таким названием, кажется, в Бурлинском или Теректинском районе – на правобережье Урала, а та, о которой поведу речь – бежит на левобережье, соединяет огромное соленое озеро Челкар с Уралом. Написал и задумался, многое в написанном уже не соответствует действительности. Хотя природа задумала именно так, чтобы в Челкар впадало несколько рек, а вытекала только одна – Солянка, но теперь это изменилось. Однажды Солянка неподалеку от Урала была перегорожена бетонной плотиной, а неподалеку от нее возвели надежный бетонный мост... Образовалось нечто похожее на довольно большое водохранилище. Не добегают до озера и все степные речки челкарского бассейна, также взятые в тиски плотин и дамб… Ученые утверждают, что вся эта запрудная деятельность нарушает экосистему края, но когда предупреждения ученых кого-то останавливали?..

Но вернемся к Солянке. Сейчас посмотрел в энциклопедию, оказывается речек с таким названием в мире огромное множество – и в великую Лену впадает Солянка, и Даугаву подпитывает водой другая Солянка, есть своя Солянка и в Астраханской области…

Но наша Солянка – особенная… Во всяком случае, для меня. Первый раз мне довелось попасть сюда кружным путем. Не помню уже, как получилось, но сначала мы подъехали к берегу Челкара (по-казахски – Шалкар), едва ли не самого таинственного водоема в наших местах. Точно сказать, откуда он взялся в степи, не может никто. Кто-то утверждает, что это оставшаяся здесь частица Хвалынского моря, кто-то выдвигает иные гипотезы, а точнее догадки.

Говорят, что люди на этих берегах селились с глубокой древности. Кого только не видели здешние степные берега! Впрочем, не только степные… Есть здесь и возвышенность – гора Сантас. Она кажется совсем невысокой, но если забраться на ее вершину – будет виден весь огромный овал озера. Мне приходилось подниматься на Сантас, мне рассказали, что там растет чудесное растение – тамариск. Это кустарник с мелкими, похожими на чешую, листочками, яркими цветками. Мне почему-то всегда само название «тамариск» казалось романтическим и необычным, хотя это, в общем-то, не очень приметное растение.

Это растение заселяет засушливые побережья морей и соленых озер. Тамариск растет в Северо-Западной Франции, странах Средиземноморья, Иране, Турции, Западной Азии, Тибете, на северо-востоке Китая, а также на юго-западе Африки…

Тамариск растет на берегах Мертвого моря. Сообщается, что корни тамариска уходят на глубину в 30 и даже 50 метров. Я вычитал, что на кустарнике

поселяются колонии тлей. Их выделения образуют белое сладкое вещество. Затвердев, оно опадает с веток. Это и была та "манна", которую упоминает Библия. Именно ее с ветвей тамариска собирали израильтяне в пустынях Палестины…

Челкар впечатляет. Долго его ждешь, вглядываешься через стекло машины, а озера все нет и нет, только марево струится над раскаленной степью, и, вдруг, осознаешь, что уже мчишься по берегу этого степного моря, что оно не голубое, как ты ожидал, а в зависимости от времени суток – или темно-синее, или даже бурое с белыми барашками над гребнями волн в ветреный день, или зеленоватое, с какими-то таинственными искорками в глубине. Через много лет мне довелось побывать на Ильмень-озере, и первое, о чем я вспомнил на его берегах – Челкар. Мне показались похожими эти два огромных водоема - наверное, неохватным простором, какой-то спокойной мощью.

Я попросил остановить машину и, взяв спиннинг, почти побежал к берегу озера; мне казалось, что в таком огромном водоеме и рыбины должны быть огромными, и, конечно, они с нетерпением поджидают такого славного рыболова, как я… Друзья кричали мне вслед:

- Чудак, в этом месте не рыбачат!..

Я не услышал, да и не хотел услышать: разве не здесь притаилась огромная щука и сейчас бросится на блесну?

Я сделал заброс, и мою легкую блесну ветром швырнуло назад, почти мне в лицо. Я привязал тяжелую белую блесну – «ложку» - почему-то очень соблазнительную для щук. Такие блесны я иногда делал сам из обыкновенных ложек из нержавеющей стали. Просто отламывал ручку, делал два отверстия – в одно на колечке заводил крючок-тройник, в другое – крошечный карабинчик, к которому привязывал леску спиннинга. Если случались под рукой красные нитки или кусочек красной ткани, то я прикреплял их к цевью тройника, – и блесна готова. Сейчас в магазинах полно всяких замысловатых приманок, по преимуществу дорогущих. В магазинах Астаны мне попадались блесны и воблеры, цена которых вполне бы подошла к небольшому автомобильчику, но я никогда не пользовался такими. Никто не сможет убедить меня, что для того, чтобы успешно ловить рыбу, прежде необходимо израсходовать целое состояние. Если рыба в водоеме есть, если у нее есть аппетит, то поймать ее можно самой незамысловатой снастью. На свои самодельные «ложки» мне приходилось

ловить пяти – семи и даже десятикилограммовых щук, огромных судаков, даже сомов…

Но в этот раз я напрасно кидал приманку в озеро. Местные щуки тогда не соблазнились…

И мы поехали дальше. Долго плутали по степи, спрашивали дорогу у гостеприимных казахов – чабанов в летовках. Чабаны угощали нас холодным кумысом, соблазняли куардаком, если мы останемся погостить, и говорили:

- До Солянки совсем недалеко – два бархана проедете – и река…

Мы проехали еще десятка два километров, а потом еще два… И еще верст пятнадцать… И показался мост, мы въехали на него, и открылось – справа от моста водохранилище, запертое высокой бетонной плотиной, слева убегала в степь речка. «Солянка» - гласил указатель.

Я много слышал рыбных богатствах речки. Один наш товарищ – Анатолий Серебряков, всех Анатолиев у нас зовут Натолиями, – рассказывал, что когда здесь кидаешь блесну, то она попадает прямо по щучьим головам, так много здесь этой хищницы. Мы посмеивались над такими рассказами, но в глубине души хотели в это верить и мечтали попасть в заповедный рыбный край.

Я спустился прямо под мост, вода в его тени казалась какой-то фиолетовой, но в ней можно было рассмотреть крупные камни на неглубоком у берега дне, а еще… Я присмотрелся – у одного из прибрежный камней чуть-чуть шевелила плавниками огромная щука. Может мне мерещится? Я еще напряг зрение – ошибки не было. Я взмахнул рукой, и рыбина исчезла.

Понятно, что предвкушение удачной рыбалки укрепилось невероятно. И предвкушение это не подвело. Первый же заброс – и удилище спиннинга согнулось в дугу. Из воды вылетает щука и с шумом плюхается назад в воду. С трудом подвожу ее к берегу, пытаюсь схватить ее рукой, но не тут-то было. Удар хвостом – и щука на свободе, а у меня в руках обрывок лески. Леска была сечением 0,45. Вижу, как рядом Саша Водолазов борется с другой щукой. Он не надеется на ловкость рук, а подводит ее к пологому берегу, и вытаскивает прямо на траву. У него леска толще моей едва ли не вдвое. Но у него инерционная катушка, а я уже много лет пользуюсь безынерционной. Думаю, что одним из первых в нашем краю – в начале семидесятых годов - я освоил эту мудреную тогда снасть. Катушка эта навсегда избавляет рыболова от спутанной лески, легко позволяет делать дальние забросы, но при этом «любит» более тонкую

леску. Впрочем, это делает рыбалку только интереснее.
Я привязал новую блесну и сделал заброс, и тотчас последовал мощный удар. Хищница попалась опять крупная, сильная и неуступчивая. Ее я уже не упустил, вывел на неглубокое место, и, перехватив рукой леску, вытащил на берег. Весом она была более трех килограммов. И пошло-поехало! Почти не одного заброса не было без поклевки, но значительная часть рыбы сходила с крючка, так как у нас не оказалось с собой ни подсака, ни багорика. Но это не огорчало, потому, что очень часто только что сорвавшаяся щука через минуту-другую снова хватала блесну, мы узнавали об этом по характерным ранам в пасти речных крокодилов. Кстати, однажды на озере Песчаном, что в Акжаикском районе, мне на блесну попался совсем небольшой щуренок. Я его, конечно, отпустил. Через пять минут я опять вытащил его из воды. И опять отпустил. И опять он попался. И так было еще несколько раз. Это к вопросу о жадности щуки, и о дорогих блеснах: когда у щуки жор, она готова бросаться на все, что движется в воде, на воде и даже над водой.
В тот день на мосту через Солянку нам попалось и несколько очень крупных щук - весом более пяти килограммов. В общем, рыбалка выдалась добычливая. Рыба попадалась везде – и далеко от берега, и почти у самой кромки воды, и на чистой воде, и у камышей. Рассказ о том, что здесь попадаешь блесной прямо в щучьи головы (уральские казаки говорят «варки») почти подтвердился.
С тех пор мы, нет- нет, да сворачивали на акжаикскую трассу, направлялись к Солянке, и чаще всего степная эта речка оправдывала наши ожидания. Помню одну из рыбалок там, году в восемьдесят девятом – девяностом. Тогда со мной отправился младший сын – Андрей.
Клев в тот день был не очень хорошим, а вернее – совсем его не было. Мы устали вхолостую бросать приманки, отставили снасти, уселись неподалеку от берега вечерять. Разложили нехитрую снедь – помидоры, огурцы, сало, лук, хлеб. Как водится, начали травить байки. Один рассказывал, как два года назад поймал тридцатикилограммовую щуку, но домой ее не привез – не полезла в багажник «Москвича», была съедена всей компанией на берегу; одной икры в ней было полпуда.
- И вся икра уместилась в спичечном коробке! – обязательно шутил кто-то.
Другой выудил некогда сома-великана, в чреве которого был обнаружен древний саркофаг, который, к сожалению, утрачен – и это особая история; реликвия была

не то похищена, не то растворилась сама собой, а виной этому старинное заклятие.

- А сом-то куда делся? – спрашивал кто-то.

- Соседям раздали, и вся наша семья питалась им целый год, - отвечал удачливый рыбак, не смущаясь, что спрашиваемый приходился ему братом, но никакого сома-гиганта не видел, даже и не слышал о нем.

Третий доказывал, что в Солянке водятся крокодилы, и он сам видел одного из них – огромного и зубастого, не брезгующего ни беспечными овечками, пасущимися на берегу речки, ни подвыпившими рыбаками… Крокодилы эти – потомки крокодилихи, сбежавшей однажды из какого-то зоопарка.

- Как же она без крокодила размножилась здесь? – спрашивали мы.

- Она уже в положении была, когда сбежала, - ничем нельзя смутить рассказчика у рыбацкого костра.

И в это время совсем неподалеку от нас – метрах в десяти-пятнадцати от берега в воде разверзся водоворот и тут же над ним поднялся фонтан брызг – как будто разорвалась небольшая бомба. Мы вскочили на ноги, уставились на то место, где в воде расходились круги, да не круги – настоящие волны.

- Вот он, крокодил! – произнес кто-то.

- Вот это щука!.. Наверное, царица этой воды!

- Мне такие попадались!.. Помню, лет пять назад…

- А мне и больше попадались!

Мы вернулись к ужину, а Андрей, тогда ему было лет одиннадцать – двенадцать, взял спиннинг – так захотелось ему вытащить огромную речную хищницу. И ему сразу повезло, он сразу поймал довольно большую щуку, потом поменьше, но царица не соблазнялась его блесной. Но время от времени на воде раздавались мощные щучьи «взрывы».

Смеркалось. В степи закат разгорается медленно, солнце огромным переспелым помидором растекается по горизонту, и прохлада начинает заполнять необъятное пространство. Кажется тогда, что только бесконечное ночное небо по плечу этой гулкой, таинственной степи. Андрей устал, хотел отложить спиннинг, но кто-то ему посоветовал:

- Пока совсем не стемнело привяжи вместо блесны крючок побольше, насади малька и забрось, оставь на ночь…глядишь, что-нибудь попадется… Только спиннинг надежно укрепи на берегу, бывали случаи, что утягивали удилища в

воду…может, русалки?..

Так было и сделано. Андрей отправился спать в машину на заднее сидение, а я проверил – крепка ли снасть?.. На всякий случай укрепил удилище между бетонными плитами плотины – даже крокодил не вырвет. Леска на закидной тоже была соответственная – толщиной едва не в палец.

Развели костер, и в его огне, как будто сами по себе, сгорели рыбацкие байки, все замолчали, задумались, глядя на пляшущее пламя. Сколько слов произнесено и написано о кострах, об их магической силе. Добавлю совсем немного: степные костры особые, ведь найти дрова для них здесь почти невозможно. Поэтому этот огонь как бы дороже лесного. Зная об этом, мы привезли с собой десятка два сухих поленьев, расходовали их экономно – до рассвета далеко. Костер получился небольшой, но его огонь был виден далеко, и, наверное, это тревожило волков, лис, потому, что горящие точки глаз нет-нет, да возникали в степи… Но, может, это были какие-нибудь светлячки?.. Впрочем, однажды до нас долетел тонкий тоскливый вой. Мне всегда кажется, что звери оплакивают степь, или лес, или реку, которые страдают, пропадают, уничтожаются, - и в этом всегда повинен человек. Как, должно быть, они ненавидят нас, прячущихся от них за огнем?..

Где-то прямо над нашими головами пронзительно кричала птица, в овраге неподалеку от нас кто-то тяжело возился, что-то стонало и плескалось и билось в воде, - может, это никак не могли угомониться дневные наши заботы, тревоги, страхи?

Ночь на рыбалке всегда тянется долго, а пролетает быстро… Это не парадокс, так выходит – ждешь, чтобы скорее рассвело, чтобы опять взять в руки удочки, - и время тянется долго, а когда заалеет заря, то ночь кажется пролетевшей словно один миг, да она летом и на самом деле коротка…

Ранним утром даже полынь получает свою тень, ночной мир отступает в овраги, уползает за стену камыша, вода отражает розовые перья облаков и последние звезды, воздух наполняется птичьим звоном, - и диву даешься: где же были ночью все эти веселые и счастливые птахи?.. Рассвет – самая пора рыболова, он, полный надежд и нетерпения, выбирается из палатки, берет спиннинг и, забыв умыться, принимается за ужение. Все чувства его обострены – вот сейчас последует удар и гибкое удилище примет тяжесть пойманной рыбы! Вот сейчас начнется захватывающая игра!..

Мы взялись за спиннинги, но удачи нам в это утро не было. Рыба играла в воде, поверхность Солянки как будто кипела, но блесну рыба брать не хотела. «Малька много, - сказал кто-то, - у нее и живого корма предостаточно, зачем ей железная блесна!..». Наверное, так и было. Я бросил небольшой кусочек хлеба в воду, и тут же около него закрутились десятки рыбешек.

Тут мы вспомнили о спиннинге с мальком, оставленном на ночь. Нашли то место, и нам открылась удивительная картина. Крепкое винипластовое удилище было переломано пополам, толстенная леска оборвана.

- Представляю себе этого крокодила! – присвистнул Саша Водолазов. – Нужно умудриться такую леску оборвать!..».

Андрей заметил плавающий недалеко от берега обломок удилища. А, вдруг, эта огромная щука, сломавшая удилище, утомившись за ночь, все еще здесь? Вот сейчас вытащим обломок, а на нем леска, а на леске…

Не помню, кто решил с утра купаться, но обломок удилища был осторожно вытащен из воды, и, действительно, на конец его была намотана леска. Осторожно мы начали выбирать ее из воды… Вот сейчас последует страшный рывок!

Но напрасны были наши надежды, сокрушительница спиннинга давно была на свободе.

- Посмотрите-ка сюда! – сказал Саша. И показал нам крючок.

Собственно крючка не было, он походил скорее на большую зазубренную иглу. Щука сумела выгнуть огромный кованый крючок, на который приходилось ловить и приличных сомов, и здоровенных судаков. А, может, это была не щука, а та самая крокодилица?..

Потом мне не раз приходилось рыбачить с моста через Солянку, и удача нередко была ко мне благосклонна, но каждый раз, забрасывая спиннинг, я ждал: а вдруг возьмется царь-щука?..

Пока не взялась.

Мост через Чаган

В далеком-далеком детстве я жил на берегу огромной реки Чаган. С трудом я докидывал камнем до противоположного берега, а переплывал ее без отдыха всего четыре раза подряд. Улица, на которой жила наша семья в Уральске, в то время называлась Коммунистической, и она двумя своими концами упиралась в две реки. С одной стороны был пологий низкий берег Чагана, с другой – высокий глинистый яр Урала. До любой из этих рек ходу был минут десять, но в детстве я почему-то чаще бегал на Чаган, он казался уютной, теплой, совсем домашней речкой. И на самом деле вода здесь всегда была теплее, чем в Урале, стремительном и прохладном. Во времена, о которых идет речь, на берегу Чагана паслись коровы, козы, привязанные длиннющими веревками за вбитые в землю колышки, у берегов неспешно плавали домашние гуси, а по вечерам также неспешно следовали вереницами по своим дворам.

Берега реки в черте Уральска были голыми и пустыми – ни деревца, ни кустика, а вокруг десятки ям, образовавшихся на том месте, откуда брали глину для изготовления саманных кирпичей. Для тех, кто не знает, скажу: этот теперь диковинный строительный материал был едва ли не основным в конце сороковых, начале пятидесятых годов, применявшимся на сооружении частных домов. Да что там, приехав в Уральск в 2002 году, я на главной улице города в районе Куреней увидел человека, который занимался изготовлением самана. В общем, саман – это глина с добавлением в нее для связки соломы. Эту смесь раскладывали по специальным формам, и после просушки получались большие, нетяжелые и довольно прочные кирпичи.

В конце сороковых, начале шестидесятых годов берега Чагана решили «облагородить» зелеными посадками, и посадки эти постепенно так разрослись, что многие в Уральске и по сей день называют их «леском». В 70-80 годах лесок стал настоящим лесом, в некоторых местах образовались даже непролазные чащи. В них мальчишки с Чагано-Набережной улицы устраивали «штабы», нередко сооружали целые подземные дома. В одном из таких мест некоторое время прятался какой-то преступник; я видел милиционеров с собакой, которые

внимательно и опасливо продвигались по узкой, заросшей тропинке. После этого мы очень боялись забираться в чащу, но, конечно же, забирались, и однажды нашли подземную нору, в которой была куча тряпья, куски рубероида, жести. Затаившись в кустах, мы ждали до вечера, думали преступник придет – так интересно нам было посмотреть на него. Но он не пришел. Наверное, его все-таки поймали.

В конце века лесок подвергся варварской вырубке. Тысячи деревьев пошли на дрова. Браконьерами вынужденно стали люди, которые не могли на свои скудные зарплаты или пособия по безработице купить топливо – уголь или дрова. Мне рассказали историю о том, как работники лесного хозяйства морозным декабрьским днем задержали здесь мужика, срубившего осокорь. Присудили ему небольшой штраф, отобрали паспорт: дескать, принесешь деньги, получишь свой документ. Мужик ушел, и глаз не кажет, живет без паспорта. Тогда наведались к нему домой. Вошли в избу и застыли изумленные: мужик топил печь деревянными полами своего дома. От всего пола осталась одна доска. Трое его детей, чтобы не застудить ноги на обнажившейся холодной земле, сидели на огромной железной кровати, укрывшись пестрыми стегаными одеялами.

После катастрофического наводнения 1957 года в Уральске построили дамбу, отгородив город от коварного Чагана, а много позже была проложена кольцевая автомагистраль. Теперь вдоль реки несутся машины, и пассажиры без особого интереса смотрят на небольшую речушку, замусоренную, с проплешинами мелей.

В начале пятидесятых годов по реке плавал белый двухэтажный пароход, на палубе располагались праздные пассажиры, угощались мороженым и ситро, щурились на летнее солнце, одергивали зарвавшихся чад, норовящих перекувыркнуться через невысокие перила прямо в бездонную глубину. Мне казалось, что на этом пароходе можно отправиться в кругосветное путешествие или, по крайней мере, в Америку, - стоит только купить билет. Помню капитана, он был облачен в светлый китель, все время что-то кричал в жестяной рупор, строже него не было на реке человека, может быть, только спасатель, который сидел на берегу у своего спасательного домика и время от времени грозил кому-то в сторону реки кулаком. Нет, пожалуй, капитан был строже.

Хороша была на Чагане рыбалка. Часто по вечерам мы всем двором – и взрослые, и дети отправлялись купаться. Я всегда прихватывал с собой удочку. Эта снасть заслуживает описания. К тонкому концу кривоватой вязовой палки – удилищу – была прикреплена крученая, натертая воском нить, которую почему-то

у нас называли «суровой ниткой», к этой толстенной и непрочной лесе привязан огромный, «кованый» крючок. Грузило заменяла небольшая гайка, а поплавком служила винная пробка. Брал я с собой и небольшое ведро – для рыбы.
В двух-трех метрах от того места, где бултыхались купальщики, я забрасывал свою удочку. Неподалеку располагались и другие мальчишки с подобными же орудиями лова. Клева долго ждать не приходилось. Сначала донимала мелочь, которой не под силу было справиться с червяком на устрашающем крючке, а ближе к вечеру начинала брать «серьезная» рыба – окунь, подлещик, плотва, иногда хватала на червя и светлая зубастая щука. Но чаще всего клевал сазан. Не сазан, конечно, а сазанчик – золотая рыбка величиной с ладошку, чуть больше. За час-полтора добыча составляла полведра и больше.
Это ведро, обязательно наполненное водой, чтобы рыбки оставались живыми, я терпеливо тащил до дома, много раз меняя руки, останавливаясь. Потом во дворе у этого ведра собирались и взрослые, и дети, смотрели, как плавали и плескались сазанчики, плотвички, окуни… Еще тогда я подметил, что хищники – щуки, окуни засыпали, переворачивались вверх животами раньше других рыб. Сазан, карась, линь были необыкновенно живучими, иногда подпрыгивали даже на сковородке, будучи очищенными и выпотрошенными.
Много в Чагане было и раков, очень часто вместо плотвы я вытаскивал из воды темно-зеленых, бронированных созданий, которые устрашающе поднимали клешни, норовили ухватить ими за палец, но чаще всего попадали в кастрюлю.
Самой большой достопримечательностью на Чагане был, конечно, мост. Он находился на том месте, где сейчас начинается Кировская улица. Впрочем, может быть, она теперь называется как-то иначе. А до революции она была Мостовой, и это точное, ясное название отражало ее суть. Но реформаторам всех мастей всегда хочется начинать свои преобразования именно с переименований. Может быть, они подспудно понимают, что из большинства революционных реформ ничего путного не выйдет, а улицы легко теряют свои имена. Впрочем, как и люди.
По улице Коммунистической жили моя бабушка – Фатима и дедушка Гумар. Мне часто говорили – вот твои дедушка с бабушкой, а я не верил – как они могут быть моими дедушкой и бабушкой, такие старые, такие тихие. И потом, если мы живем отдельно от них, не ходим к ним в гости, они не ходят в гости к нам, – разве можем мы быть родственниками. До меня не доходило еще, что родители могут развестись, не жить вместе. Только много позже, уже в школе я осознал что такое

безотцовщина, когда однажды одна из родительниц сказала на нас с Сережей Грудко: «Что взять с этих оболтусов, безотцовщина!..» Мне показалось тогда это очень обидно, до слез, хотя воспитанный матерью, я никогда не ощущал особенных неудобств; лучший кусок мать всегда старалась положить мне, я был одет не хуже сверстников, водились и денежки на мороженое.

Теперь я знаю, что бабушка с дедушкой очень хотели, чтобы я приходил к ним в дом, разговаривал с ними, рассказывал о своих делах, успехах в школе. Я часто их видел сидящими на улице на невысоких скамейках, таких чинных, благообразных. Тогда по вечерам чуть не весь Уральск сидел на завалинках, скамеечках, ящиках – разговаривали, лузгали семечки, угощались воблой. Так и бабушка Фатима с дедушкой Гумаром. Они ждали меня, но не дождались. Я прошу у них прощения. Если бы можно было вернуть то далекое время!..

Только за прошедший двадцатый век большинство улиц Уральска выдержали по два-три, а иногда и больше переименований. Еще в начале века главная улица города называлась Большой Михайловской, по имени Михайло-Архангельского собора, самого древнего в Уральске памятника казачьей старины. Потом улица стала Советской, а вслед за этим Сталинской, затем проспектом Ленина. Совсем недавно проспект получил название «Достык-Дружба». Те же превращения испытала и родная моя улица Коммунистическая. До революции она именовалась Крестовой, или даже вернее – Крестовоздвиженской, - по имени старинной церкви, которая стояла неподалеку от берега Урала, там, где сейчас располагается областная больница. Кстати, один из ее корпусов построен на фундаменте той самой церкви. Лет пять-семь назад вместе с заядлым книголюбом Александром Зузановым, краеведом Геннадием Васильевым, художником Николаем Микушкиным мы «вычислили» этот фундамент по старым, пожелтевшим фотографиям. Сохранилась и часть церковной ограды, мы ее обнаружили под разросшимся кустарником. Практически она была у всех на виду, но вряд ли кто из прохожих задумывался над тем, что же за старые кирпичи у них под ногами составляют нечто наподобие ржавой тропинки?

У Коли Микушкина, живущего теперь в Нью-Йорке, был тогда огромный, черный лимузин, - ЗиМ, выпуска еще пятидесятых годов. В тот день мы на этом механическом ветеране тщательно обследовали всю старинную улицу, которая, как будто вытекает из Чагана и впадает в Урал. Кстати, такое ощущение оставляют многие улицы Уральска. Эта поездка на ЗиМе принесла нам много

открытий, мы другими глазами взглянули на наш старинный, любимый город. Еще живы были многие старинные дома, исторические, знаменитые (не здесь о них рассказывать), но уже понятно было – они попустительством, небрежением местных властей обречены. И сейчас некоторые из них снесены, некоторые, как бывшее здание (более века ему) областной типографии, рухнули, сгорел так называемый «Масляйкин трактир». Мы остро поняли, как хрупка история, как нуждается в нашей защите.

Улицы Уральска – это подлинная боль патриотов своего города. Историки, краеведы, журналисты не устают напоминать о прошлом Уральска, о его древней и прекрасной истории, буквально кричат о том, что административно-командные волны смывают эту историю, загрязняют ее искажениями, умолчаниями, нетерпимым отношением, но те, кому в первую очередь обращены эти напоминания – власть предержащие, - как будто ничего не слышат.

Не могу – хотя бы коротко – не рассказать о Николае Микушкине. Он совершил, на мой взгляд, настоящий художнический подвиг. По сути дела он вернул уральцам все взорванные, разрушенные, разобранные большевиками церкви Уральска, а их было семнадцать. Кто-то утверждает, что даже больше. Художественные реконструкции Микушкин проводил по старым фотографиям, рассказам старожилов, своим собственным наблюдениям. Он постарался побывать везде, где некогда стояли эти прекрасные творения рук человеческих. Выставка этих работ собрала многие тысячи зрителей, выставочный зал не вместил всех желающих полюбоваться этими картинами, на которых не просто воспроизведены погибшие храмы, реконструирована ушедшая эпоха. Никогда до этого не собиралось в выставочном зале в Уральске столько людей. Весь город был здесь, - скажуя и не ошибусь. Не на чувстве ностальгии по прошлому сыграл художник, на униженном чувстве любви к своему городу. Была на этой выставке и картина, изображающая Крестовоздвиженскую церковь.

Сама улица Крестовая возникла на месте, где некогда проходил крепостной вал. До сих пор можно рассмотреть его остатки, а в середине прошлого века – в годы моего детства – с его склонов ребятишки катались на лыжах, а летом в канаве, образовавшейся у его подножия, рыболовы копали червей.

Улица параллельная Крестовой получила название Форштадской. Дело в том, что за крепостным валом в восемнадцатом веке возникло поселение – Форштадт (на немецкий лад тогда прозывались целые города – Оренбург, Петербург…), вот и

улица стала Форштадской. В последние годы она носила имя Маншук Маметовой. Вот по каким улицам проходил я, отправляясь на рыбалку к мосту через Чаган. Можно еще добавить, что местный краевед Николай Чесноков утверждает, что некогда вверх по Чагану «на легких востроносых стругах» поднялась ватага, возглавляемая самим Ермаком. Ватага добралась почти до Иргиза, там перетащила лодки волоком – и уже Иргизом пошла в Волгу – и дальше к Сибири. Мне приходилось бывать в тех местах, где Чаган наиболее близко проходит от Иргиза. Именно там водораздел: разве не удивительно, что одна речка стремится в Урал, другая – в Волгу, а истоки их совсем рядом? Чудесный край, где в степи, как зеленые земные облака, курчавятся рощи, где реки и речушки кажутся голубыми венами этой земли. Но больше красот природы меня поразила «плотность истории, ее концентрация». Мне показалось, что это ощущается в самом воздухе. Здесь некогда проводил свое воинство железный хромец – Тимур, гуляли вольные казаки, да что там, - на этих невысоких холмах желтоглазая Азия встречается с гордячкой Европой… Но вернемся в Уральск.

Улицы, прилегающие к Чагану, сам Чаган как будто сотканы самой историей, во всяком случае, так считают мои земляки. Давным-давно близ реки стояла башня. Она была построена из дерева в тридцатых годах восемнадцатого века. Стояла она полвека, должно быть, представляла из себя впечатляющее сооружение, если в феврале 1774 пугачевцы разобрали ее, бревна перевезли ближе к осажденному «ретраншаменту», в котором засели храбрецы из правительственных войск. Обороной крепости руководил И.Симонов, которого пугачевцы напрасно пытались склонить к капитуляции. Рассказывается, что для этого Симонову был послан именной указ Емельяна Ивановича Пугачева, привязанный к хвосту бумажного воздушного змея, запущенного с Чаганской стороны. В осаде сидел и капитан Крылов – отец будущего знаменитого баснописца. Из бревен разобранной башни мятежники намеревались соорудить помост для своей артиллерии. Однако завершить работу им не удалось: при вылазке, предпринятой 9 марта 1774 года солдаты сожгли недостроенный раскат вместе с окружавшими его казачьими избами.

Нешуточные сражения шли на берегах Чагана и в гражданскую войну. Чапаевцы здесь рубились с белыми, захлебывались пулеметы, гремела артиллерия, снаряды залетали в самый центр города. Один из них до сих пор виден в стене знаменитого дома купца Карева. Дом этот торцом выходит на улицу Кирова

(Мостовую), которая в пятидесятые годы начиналась от моста через Чаган.
Мы, мальчишки, чего только не находили на этих берегах: патроны, сломанные казачьи шашки, штыки, непонятные тогда и совершенно ненужные монеты, ведь на них ничего купить было нельзя. Сидя на этих берегах с удочками, мы не задумывались о прошлом, о славной истории, прошумевшей здесь. Да никто нам об этом и не напоминал. И мы не знали, что только в течение одного века история края будет переписываться несколько раз.
Мост через Чаган наводили каждое лето, после паводка, а каждой зимой он исчезал, на его месте оставались только темные сваи. В детстве меня занимала эта временность моста; казалось почему-то, что и все вокруг на берегах около моста тоже временное – и дома, и заборы, и лодки, стоявшие на приколе у берега. Это ощущение оказалось верным, когда в пятьдесят седьмом году ужасный паводок смыл почти все это. Я сам видел, как сползали в неистовую, вздувшуюся, желтую реку дома, и плыли, тяжело покачиваясь с боку на бок, как разгромленный деревянный флот. Я видел, как женщины с залитыми слезами лицами кидались вслед своим уплывающим домам, кричали что-то нечленораздельное, и мужчины не могли их удержать. Потом этих женщин вытаскивали из воды, мокрых, грязных, убитых отчаяньем. Мне было одиннадцать лет, и я беспечно кидал камешки в проплывающие дома, и не сразу понял, почему на меня с кулаками, отчаянно матерясь, бросился какой-то мужик в серой стеганой телогрейке. Оказалось, что это был хозяин одного из этих несчастных домов. Его удержали, иначе досталось бы мне на орехи.
Мост через Чаган, как и его больший собрат на Урале, был местом, куда по утрам стремились рыболовы. Конечно, на Урале добыча чаще всего была весомее, но были заядлые любители рыбалки именно с чаганного моста. Среди них были и совсем юные удильщики, и убеленные сединами ветераны. Не могу точно сказать, что влекло их сюда, может быть меньшая суетность, некая одомашненность моста, ведь он был совсем неподалеку от городских улиц, да и машин здесь проезжало меньше, чем по мосту через Урал?
По вечерам по мосту проходили целые стада коров, которые паслись на правобережье, они призывно мычали, издалека оповещая хозяек о том, чтобы они готовили подойники. Тогда еще не вышел неумный хрущевский запрет на содержание домашнего скота в пределах города. Многие окраины Уральска и доселе напоминают деревню. В пятидесятых же годах коров держали даже в

домах на центральных улицах, может именно поэтому город славился своими каймаками, топлеными сливками, густой и необыкновенно вкусной сметаной. Курт, еремшик, айран – всего этого было на рынке в изобилии. Это потом, в шестидесятых годах мы стали привыкать к синюшному оптимизированному, «фабричному» молоку, сливкам, после которых не нужно мыть посуду, кислой сметане…

Пастухи, прогоняя коров по мосту, обязательно останавливались, облокачивались на перила, смотрели на воду, поплавки, плескавшихся в садках чебаков, красноперок, окуней, сазанчиков. Наверное, пастухи в степи за Чаганом скучали по реке, по воде…

Чаще всего на рыбалку мы отправлялись в те далекие годы вдвоем с моим лучшим другом Колькой Давлеткалиевым. Теперь он стал солидным человеком, уважаемым в Белгородской области педагогом, а тогда был просто Колькой. Летом пятьдесят седьмого года мне исполнилось двенадцать лет, ему десять. Во дворе областной типографии, где жили тогда наши семьи в закутках, отгороженных от производственных цехов, мы с Колькой ставили раскладушки, заводили будильник на четыре часа утра, и укладывались спать под сверкающим звездным небом. Перед этим собирались черные коленкоровые сумки с разными рыбацкими премудростями: грузилами, лесками, поплавками. Обязательно я брал с собой перочинный, с перламутровой ручкой ножичек. В нем было множество всяких предметов: вилка, шило, два лезвия, штопор, открывашка лимонадных крышек. Кажется, этот ножик подарил мне Колька на один из долгожданных дней рождения, и я им очень дорожил, все время вертел его в руках, на всех ближайших заборах его сверкающим лезвием было вырезано мое имя, а также другие родные слова: «мама», «Сталин», «Наташка дура». На самой перламутровой ручке я нацарапал – с одной стороны «Колька», с другой – «Генка».

Мы долго не могли уснуть перед рыбалкой, перешептывались, рассказывая о невероятных случаях, произошедших с нами, и, не стесняясь, врали друг другу о пойманных пудовых сазанах, щуках, легко проглатывающих гусей, но не миновавших наших удочек, судаках, вылетевших из воды у наших ног и попавших в наши садки… Выходило, что все эти чудесные происшествия случались, когда мы ходили на реку поодиночке. Но поодиночке мы стали рыбачить только спустя много-много лет.

Мы долго не засыпали и успевали подвести стрелки будильника, чтобы приблизить желанный час. Так что, в четыре, а иногда и раньше дребезг звонка вырывал нас из сладких снов.

Отлично помню один из таких августовских дней. Или все-таки ночей?..

Небо переливалось звездами, до которых вполне можно было достать удилищем. В другое время мы бы насшибали их с полмешка, но теперь нам было некогда. Дорога была каждая секунда. Мы лихорадочно одевались, пренебрегая умыванием (кто же это делает, собираясь на реку?), хватали приготовленные снасти, банки с червями и неслись к воротам. Там в типографской проходной дежурила моя бабушка Александра Львовна Милова, светлая ей память, она открывала нам дверь, - и мы оказывались в почти кромешной темноте. Редкие и тусклые лампочки на деревянных столбах почти ничего не освещали, казалось, они принадлежали к звездам. Жутко было на улице, даже собаки, притаившись за деревянными заборами, не брехали во дворах, последние сны досматривали самые ранние петухи, кроны деревьев вырисовывались черными глыбами на фоне звездного неба. Стараясь не топать сандалиями, мы с бывшей Крестовоздвиженской выходили на бывшую Большую Михайловскую – на центральной улице было все-таки посветлее, пересекали бывшую Форштадскую, добирались до бывшей Мостовой и по ней – по самой середине, по булыжной мостовой устремлялись к реке. Обычно здесь выяснялось, что забыт пакет с едой, но никогда мы назад не возвращались.

В этот раз оказалось, что забыта и коробочка с крючками.

Вернемся? Никогда! Хватит и тех, что привязаны к удочкам!

На мосту тьма не такая плотная, как на тесных улицах, от воды, как будто идет свечение. Луна - огромный поплавок, и от нее даже расходятся круги. Бревна моста теплые и шершавые. Пока здесь ни души. Выбираем с Колькой местечко на самой середине моста, усаживаемся, свешиваем ноги с двухметровой высоты, разматываем удочки, в темноте кое-как насаживаем червей, и забрасываем – хоть бы у меня вперед клюнуло!

Поклевка ощущалась по едва уловимому подергиванию удилища. Тогда подсекай и, волнуясь, – сорвется или не сорвется, – тащи добычу на деревянный настил. Но бывало, что удочку просто вырывало из рук, если наживку заглатывала щука или жерех.

В этот раз нам повезло. Один за другим мы начали вытаскивать из воды

приличных чебаков, серебристых рыбок, клюющих жадно, наперегонки, почти на пустой крючок. Но чебак для уральского рыбака, хоть добыча нестыдная, но все-таки - не лещ, не сазан, даже не язь. Когда клева нет, чебак – мечта, даже уклейка, которую у нас почему-то называют «косой», представляется желанной. Но когда рыба не капризничает, начинает капризничать рыболов.

Постепенно на мост стали собираться удильщики. И начались разговоры.

- Вчера ближе к берегу лещ брал…

Рыбаки стали смещаться влево и вправо.

- Никифорыч второго дня у самого понтона сома поднял…

Полетели закидушки к понтону.

- На глубину надо, там весь сазан…

Двинулись опять к середине. И так ерзая по мосту, мы, конечно же, оба с Колькой зацепили крючки своих удочек за подводные сваи. Дерг-дерг-дерг – и мы остались без крючков. И это в самый разгар клева. Конечно, крючок – вещь копеечная по тем временам, и у каждого рыбака есть заветная коробочка, где хранятся десятки самых разнообразных крючков – и с крепкими ушками, и с утолщениями для диковинных узлов «восьмеркой», и со светлыми дробинами – мормышки, и специальные «кованные», и с удлиненными «багорчиками», - в общем, целый арсенал. Но вот расстается с этими сокровищами, даже самой малой толикой их, рыболов неохотно, с душевными муками. Крючки, наживка, приманка – вещи сугубо индивидуальные, заговоренные, испытанные. Отдать крючок или пригоршню червей – все равно, что своими руками подарить свою удачу.

В общем, обошли мы весь мост, но крючков лишних ни у кого не оказалось. К тому времени над далекими, но отчетливо различимыми маковками Старого Собора стала расцветать ранняя заря. Самый клев, самый жор! Как же нам без крючков?

Сжалился над нами замшелый старик в выцветшем брезентовом плаще. Он добыл из кармана коробочку из-под сапожного крема, а в ней оказались здоровенные черные крючки – просто крючья устрашающие.

- Дедушка, так они же больше рыбы!..

- Вы рыбаки али кто? – строго спросил дед. – Заседатели?..

Мы, конечно, не знали, кто такие заседатели, но по презрительному тону замшелого поняли, что более ничтожных людей на свете не бывает.

- Рыбаки мы, не заседатели, - дружно открестились мы от неведомых

«заседателей».
- А, то-то! Вяжи крючки. По крючкам и рыба будет. Понимай, что чем больше ложка, тем и едок грузнее.
На крючки эти понадобилось насаживать по целой связке червей. Мы кое-как справились с этой задачей.
- Сам бы ел, да не хочу, - прокомментировал старик нашу наживку, - сом усатый теперь схватится…
Но ни сом, ни сазан, ни другая какая рыба не торопились к пучкам червей на наших крючках. У всех наших соседей по мосту клев был отменный: чебаки, подлещики, синцы плескались в садках, а у нас с Колькой как отрезало.
- Не бойсь, пацаны, - ободрял нас старик, - кто-нибудь да клюнет.
И тут пробковый поплавок моей удочки в одно мгновенье исчез под водой, и леска натянулась струной.
- Подсекай! – закричал Колька, но подсекать уже не требовалось, я еле удерживал в руках тонкое вязовое удилище. Где-то на глубине невидимая рыба ходила кругами, мощными толчками гнула удилище, и, наверное, со стороны казалось, что не она мне сопротивляется, а я изо всех сил стараюсь удержаться на мосту.
- Держи, чтоб в коряги не ушел! – советовали рыбаки.
- Сазан! – говорили одни.
- Сом! – уверяли другие.
- Шуртан схватил (так называли щуку), - утверждали третьи.
Вдруг леска ослабла, и на поверхности воды вскипел бурун, и в нем словно пламенем полыхнуло.
- Окунь! – удивились вокруг. – Окунище!..
Рыбина опять ушла на глубину, но я почувствовал, что она ослабела. Постепенно я поднимал ее все выше и выше, давал еще и еще глотнуть воздуху, и она становилась все смирнее и смирнее.
И вот уже окунь прекрасно виден. Никогда до этих пор мне не то что ловить, но и видеть не приходилось таких огромных окуней. Весом, скорее всего, он был не менее полутора килограммов. Яркие зеленые полосы на спине, алые плавники, светлое, почти белое, брюшко делали его похожим на тропическую птицу.
Не описать моего волнения, такая редкая добыча идет в руки! Будет о чем рассказать вечером кзылтанским пацанам. Ребята всего города тогда

разделялись на «чаганских», «куренских», «мясокомбинатских»… И, конечно же, мальчишеские группировки враждовали друг с другом, боролись за «авторитет». «Чаганскому» пацану лучше было не попадать вечером в район мясокомбината и наоборот. Впрочем, часто встречи группировок заканчивались выяснением того, как много авторитетных мальчишек они знают, устрашающими рассказами о старших братьях, занимающихся боксом, играющих в футбол, о боевых отцах, которые были в войну разведчиками, летчиками, танкистами…

Я осторожно взялся руками за леску и стал поднимать чудо-окуня на мост. А он, наверное, специально ждал этого момента, напряг последние силы, забился, задергался, и в руках у меня остался только обрывок лески. Окунь плюхнулся в воду и не сразу поверил в обретенную свободу, лежал на боку, медленно шевеля плавниками. Потом встрепенулся, ударил хвостом и растворился в глубине. Слезы навернулись мне на глаза, и не мудрено – по сути дела я расстался с мечтой.

Тотчас – также сильно и решительно клюнуло у Кольки. Поплавок просто ввинтился в воду. Колька что было сил потянул удилище на себя, оно согнулось почти пополам, и, наверное, сломалось бы, не порвись леска. Никто даже не успел рассмотреть, что за рыба так смело взяла наживку.

Мы с Колькой разочарованно глядели друг на друга: опять остались без крючков, а главное – без такой славной добычи. Кто теперь поверит нашим рассказам о полуторакилограммовых окунях? Не стоило даже заикаться о них, просто поднимут на смех.

Мы свернули бесполезные теперь удочки и сели на деревянный настил моста глазеть, как другие наполняют садки, сумки, влажные холщовые мешки трепещущим серебром. Клев был, как никогда.

И тогда Колька вспомнил о моей кепке.

- В кемиле своем посмотри! – сказал он. И в самом деле, вряд ли в то время нашелся бы рыбак, за подкладкой фуражки или кепки которого не было бы пары-другой крючков. Колька носил тюбетейку, а у меня на голове была знаменитая в те годы кепка-восьмиклинка.

- Я сорвал кепку с головы, и – как я мог забыть – пяток великолепных кованых крючков ждали там своего часа.

Через минуту мы опять забросили свои удочки и присоединились к тем, кому удача шла сегодня в руки. Вскоре наши сумки потяжелели, мне удалось даже

поймать небольшую щуку, Колька вытащил приличного язя. Были и окуни, но самый большой из них легко умещался на ладони. Забегая вперед, скажу, что никогда больше мне не приходилось удить таких горбатых гигантов. В Камыш-Самарских озерах мне попадались на спиннинг окуни до килограмма, чуть менее. В Кушуме я ловил на живца полукилограммовых разбойников, на Багырлае иногда хватали блесну черные колючие хищники – тоже едва ли не по килограмму весом, но такие, как в тот памятный день на Чагане, не клевали больше никогда. Может, их и нет больше? Хотя знаменитый русский ихтиолог Леонид Сабанеев в славном девятнадцатом веке писал, что отнюдь не диво - окуни весом до двух с половиной килограммов. Я таких не видел.

Мы порыбачили еще с часок, и Колька предложил:

- Может на плотину махнем?

В те годы еще не существовало на Чагане дамбы и постоянных гидротехнических сооружений. После паводка недалеко от устья Чагана, где он впадал в Урал, земснаряды намывали песчаную плотину, оставляя небольшой водосброс. Лучшего места для рыбалки в пределах города не было. Лучше всего, конечно, брала рыба, если удавалось закидывать удочку на самую стремнину водосброса. Иногда казалось, что здесь просто огромный рыбный садок – так жадно брали синец, подъязок, подуст, жерех. Но разместиться все желающие здесь просто-напросто не могли, не умещались на полутора десятках метров намытой суши. Поэтому часто рыбаки ночевали на плотине, чтобы с утра пораньше занять лучшее место.

Мы с Колькой часто бывали здесь, нередко возвращались с богатым уловом. Спустя много лет Чаган перегородит дамба, русло будет повернуто в сторону, уменьшится угроза наводнений, и речка начнет потихоньку умирать – заиливаться, замусориваться, мелеть. Прежде весенние паводки как гигантским наждаком продирали, прочищали русло, теперь реку оптимизировали, замуровали, если хотите, кастрировали, лишив буйного нрава, а заодно и ее чистоты, глубины.

Но вернемся в пятьдесят седьмой год. Мы с Колькой отправились на плотину. Идти было довольно далеко – по степи, потом через речушку с буйным названием Ревунок, затем чуть-чуть прибрежным лесом – и мы у цели.

Рыбаков, как всегда, много. С противоположного берега кто-то охотится со спиннингом; на вращающуюся тяжелую турбинку – «девон» – охотно берет жерех,

иногда хватает голавль, которого у нас на Урале чудно называют «головень». Человек пять-семь удят «впроводку» – забрасывая свои снасти на самую стремнину. Каждую минуту кто-то выхватывает из воды живое серебро. Любители донного ужения караулят свое счастье у старых черных свай, которые видны из-под воды. Кстати, эти сваи видны были и летом 2002 года, когда я последний раз бывал там. Старой плотины давно нет, а сваи все еще торчат из воды.

У свай брала серьезная рыба – сазан, сом, язь. Здесь рыбачили основательно, с приманкой, с пареным горохом, разваренным жмыхом. Зато и добыча была такая, что посмотреть на нее собирались со всего берега. Однажды при мне один рыболов минут тридцать боролся с огромным, медным, как самовар, сазаном. Килограмм восемь-десять было в нем веса. Но удивительно, что крючок каким-то образом зацепил рыбину за хвост. Когда сазана вытащили на песок, то он как будто утратил интерес ко всему, лежал тихо, только открывал и закрывал рот с небольшими усиками, может быть хотел сказать что-то, но из гордости и презрения к нам промолчал.

Мы с Колькой быстро размотали свои удочки, забросили поближе к потоку. И тут мне повезло. Почти у самого берега я поймал довольно приличного язя, чуть менее килограмма весом. У Кольки тоже хорошо клевало, так что к полудню, когда июньское солнце раскалило песок под ногами, как сковородку, наши сумки были увесистыми, из них пахло рыбой и лесной травой, которой мы переложили улов.

Мы выкупались, и только теперь почувствовали усталость, которая звала нас хоть с полчасика полежать в траве. Но мы никогда этого не делали, знали, что сон может сморить нас не на полчасика, а до самой ночи. Возвращались мы всегда через Ханскую рощу, а потом берегом Чагана до нашей улицы Коммунистической, бывшей Крестовоздвиженской.

Кстати, Ханская роща – место тоже весьма историческое. Она расположена на левом берегу Чагана, как раз там, он впадает в Урал. Предположительно, что в средние века здесь устраивали свои ставки кипчакские, а затем ногайские ханы. Местные краеведы, историки утверждают, что на протяжении длительного времени на этом месте происходило возведение в ханское достоинство тюркских, в том числе и казахских правителей. В 1891 году в роще побывал наследник российского престола, будущий император Николай Второй. В честь этого события рощу переименовали в Цесаревичеву, но это название продержалось

недолго, как и другое, которое она получила после смерти Максима Горького. Если власти называли рощу Горьковской, то в народе всегда говорили, да и сейчас говорят не иначе как «Ханская роща».

Почему-то проходя по тропинкам этой рощи мы часто пели, чтобы хоть как-то побороть свинцовую усталость горланили песни. Иногда это была «Комсомольцы-добровольцы»:

«Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей верною дружбой, сквозь огонь мы пройдем, если нужно…»

Мы не вкладывали тогда какой-то особый смысл в эту песню, но теперь я понимаю, что Колька был моим лучшим другом, и навсегда им останется. Я знал это всегда, но как-то на бумаге это не складывалось. Теперь вот сложилось.

У самого леска, тогда еще совсем юного, нас окликнули:

- Эй, вы, босорвота кзылтанская!

С десяток чаганских пацанов располагались на зеленой поляне. Кто мяч гонял, кто курил, кто просто валялся на траве. Скука, летняя лень, жара расслабили боевые ряды дружины. И тут чужаки! Назревала забава.

Верховодил в этой группе маленький, рыжий, веснушчатый, лопоухий мальчишка, кажется, его звали Юркой. Всем было известно, что он в драке непобедим. Тогда победить значило заставить отступить, просить пощады, зареветь, размазывая горячие соленые слезы. Юрка не отступал никогда, он повисал на противнике, даже превосходящем его по силе, росту, и бился изо всех своих сил, визжал, царапался, готов был пустить в дело кирпич, разбитую бутылку, свинчатку. Неистовый был драчун. Кажется, что в конце шестидесятых он растворился где-то в тюрьме.

Юрку побаивались, если и выходили с ним «один на один», то только при условии «до первой крови», потому, что «до первой слезы» давало явное преимущество рыжему.

- Рыбачки хреновы! – сплюнул нам под ноги Юрка. – Показывай, чего поймали! Поди, кошкам не хватит.

- Кошкам хватит. И нам тоже, - огрызнулся Колька.

- Давай сюды сумки! – закричал один из мальчишек. – И удочки давайте!..

- А фигу тебе не надо? – свернул ему кукиш Колька, и чаганские набросились на нас.

Бежать было нельзя, потому, что нас непременно бы догнали, запинали,

затоптали. Выставив вперед удилища, мы медленно стали отступать. Но силы были неравны. Оплеухи, тычки сыпались со всех сторон. Тогда мы принялись размахивать увесистыми сумками, кому-то даже попало этим снарядом по шее, и, судя по всему, весьма чувствительно, потому, что он откатился назад, запричитал. Битва продолжалась недолго. То ли мы были не очень интересной добычей, то ли жара свое взяла, но отпустив в наш адрес несколько матерков, чаганские мальчишки оставили нас в покое.

Мы принялись подсчитывать ущерб. По всей поляне валялись окуни, синцы, чебаки. Одно удилище было сломано, на обеих удочках порвана леска. Но главное – пропал мой заветный перочинный ножик с перламутровой ручкой. Я на четвереньках облазил всю поляну, осмотрел все, но ножик не нашелся. Мы собрали рыбу и удрученные отправились домой.

Дома бабушка Александра Львовна взмахнула руками:

- Вот рыбаки так рыбаки, с пуд наловили!..

Конечно же не пуд, но слышать эти слова было приятно.

- Завтра, небось, опять пойдете?

Конечно, пойдем. Пока не повзрослеем, не разъедемся по разным городам, даже странам, раз в десять лет станем слать по письму, но в каждом из редких этих писем обязательно вспоминать о Чагане, старой плотине, наших удочках – о детстве, промелькнувшем так быстро.

Мы засолили рыбу. Делали это всегда в небольших деревянных ящиках, используя вместо груза жженые кирпичи, на которых были выдавлены знаки дореволюционных производителей этих кирпичей. Вяленая рыба всегда получалась у нас с Колькой отменная, в меру соленая, жирная, не пересушенная. Мы с гордостью угощали ею всех знакомых и даже незнакомых. Ну а после соленой рыбы как раз впору было полакомиться сахарными тайпакскими арбузами. Для того чтобы купить такой арбуз – небольшой, полосатый, внутри ярко-красный – нужно было всего десять копеек. Для сравнения, коробок спичек тогда стоил двенадцать копеек. Эти арбузы – по одному на душу - мы с Колькой покупали у дедушки и бабушки, живших тогда на самом углу Коммунистической и Почиталинской улиц. Домик их был небольшой, но приметный, с резным крылечком. Не знаю, сохранился ли он теперь.

Арбузы эти привозились в дом на телеге, запряженной серым смирным коньком. Конька распрягали, а телега с арбузами стояла во дворе. Бабушка с дедушкой

пили в беседке, увитой вьюнами, чай, в самоваре отражалось заходящее солнце, а иногда и наши с Колькой физиономии, когда мы приносили сюда свои десятикопеечные монетки.

Арбуз был самым лакомым яством тех лет. Мы не резали его на куски, аккуратно срезали макушку и, орудуя ложками, выковыривали сладкую мякоть, и ни капли сахарного сока не пропадало, кроме тех, конечно, которые заливали наши щеки, голые животы. А потом мы вырезали из пустых арбузных шаров какие-нибудь устрашающие маски, ночью вставляли в них электрические фонарики, и старались напугать родителей и знакомых. Никто не пугался, и нас отправляли спать.

Во сне перед глазами расходились круги вокруг поплавка, огромные окуни свечками вылетали из воды, августовское солнце походило на арбуз, светящийся изнутри…

Сейчас я не вижу таких снов, а на рыбалке не был уже несколько лет…

А как-то в конце шестидесятых годов я гулял по берегу Чагана с барышней. Кажется, была середина мая, и все, что могло цвести – цвело. Прибрежные дома утопали в сирени, и барышня искала в сиреневой ветке цветочки с пятью лепестками. Все знали, что нужно съесть такой цветочек, и счастье обеспечено. Барышне попадались даже шести и семипалые цветочки, и она неустанно жевала их, как будто запасалась счастьем на три жизни вперед. Каждый раз, когда ей попадалась очередная находка, она радостно притопывала ножкой, обутой в белую остроносую туфельку. Я заметил, как после одного из притопов из-под каблука вылетел металлический предмет. Я поднял его. Это был перочинный нож. Тускло мерцал нержавеющий металл, облепленный влажной землей, прошлогодними листьями.

- Зачем ты поднимаешь всякую гадость? – спросила барышня.

Я очистил нож. Спутать его с любым другим было невозможно.

Неужели, мой старый ножик? Я вгляделся: да, никаких сомнений, это он. А вот и надписи на его перламутровой ручке: «Колька» и «Генка»…

- Брось! – приказала барышня, и я бросил. Ножик сделал на воде два-три «блина» – и погрузился на дно реки. И правильно – нет больше тех мальчишек, чьи имена были некогда выцарапаны на ручке…

- Вымой и вытри руки, - протянула барышня невесомый платок.

Я подчинился. Потом мне было предложено съесть «счастливый» цветок, и я его

съел. Счастье в те молодые годы шло косяком, но многие его не замечали. Иногда я вспоминаю тот ножик, те времена, свою старую улицу, деревянный мост через наше реку, которого давно и в помине нет, и думаю, что именно тогда мы и были самыми счастливыми на земле.
2003 год

Мост через Анкату

В шестьдесят первом году мы с моим школьным другом Серегой Грудко собрались порыбачить на Анкату. Вообще, в нашем крае речек с таким названием две – Малая Анката (Шолак Анкаты) и Большая Анката (Исень Анкаты). Честно скажу, что никогда не мог разобраться, какая из них малая, какая большая. Обе эти степные речки впадают в наше степное море – озеро Челкар, и прежде в этих водоемах было настоящее рыбное изобилие. Какой только рыбы тут не водилось! Огромные трех-четырех-пятикилограммовые лещи – мечта удильщика, который годами приваживает рыбу кашами, пареной кукурузой, пареным же подсолнечным жмыхом где-нибудь в укромном месте Деркула или Чагана, всю зиму готовит невесомые поплавки, подбирает леску, тонкие, но крепкие поводки, прямит гибкие вязовые ветки для легких и длинных уральных удилищ; и этот лещ здесь может попасться ему раз в жизни, а где-нибудь в устье Анкаты казахский мальчуган забрасывает коротенькую удочку с поплавком из бутылочной пробки, маленькой гаечкой вместо грузила и устрашающим ржавым крючком – и через минуту с натугой выволакивает на берег гигантского бронзового леща – лещище!
Вековые щуки – рассказывали, что они доживают, как вороны, до трехсот лет. Я слышал еще в раннем детстве удивительные рассказы о челкарских щуках, что они, прожорливые, таскают не только гусей и уток, но и нападают, как акулы, на купающихся людей. Некоторые над этим только саркастически смеются, но мне это кажется, если и преувеличением, то не очень большим. Мне самому приходилось ловить щук, устрашающих размеров. А вот свидетельство того же Сабанеева; я уже приводил его в другой своей книжке, и сейчас не могу

удержаться: «Щука достигает огромной величины и глубокой старости. Пудовую щуку можно найти всюду… В Каме и в глубоких бочагах многих уральских небольших рек изредка попадается трехпудовая… Самые огромные щуки водятся, по-видимому, в Вычегде и других северных реках. По свидетельству Арсеньева, монахом Ульяновского монастыря поймана здесь на дорожку, то есть на ходовую блесну, щука в 5 пудов… Самая крупная щука из когда-либо пойманных - это историческая щука императора Фридриха II Барбароссы, пущенная им, как значилось на кольце, в 1230 году в одно озеро близ Хейльбронна и вытащенная неводом в 1497 году, то есть через 267 лет. От старости рыба совершенно побелела. Величина ее была 19 футов, то есть с лишком 8 аршин, а весила она 8 пудов 30 фунтов…

Несомненно, что щуки могут жить не одну сотню лет. Под Москвой при чистке Царицынских прудов (в конце прошлого столетия) была поймана трехаршинная щука с золотым кольцом в жаберной крышке и с надписью: «Посадил царь Борис Федорович». Не могу утверждать, что в Челкаре, Анкате щуки таких же чудовищных размеров, но без сомнения – они нередко бывают просто огромными!

Сазан! Ставлю восклицательный знак, потому, что здесь это поистине царская рыба. Мне доводилось однажды ночевать в гостеприимной казахском доме на берегу Челкара, и меня потчевали чудесным бесбармаком, приготовленным из сазана. Вообще, хочу сказать, что бесбармак – это не просто прекрасная еда, это – особый ритуал. Казахи умеют даже в таком, казалось бы, повседневном деле, как принятие пищи, выказать свое уважение гостю, показать свои обычаи и традиции. Американец или европеец где-нибудь в павильоне фаст-фуда уныло жует сосиску, заливая ее кетчупом, наверное для того, чтобы хоть как-то скрасить ее стандартный вкус, а казахи в бесбармаке излагают едва ли не историю своего народа.

Сазана у нас называют или «уральный», или «чалхарский». И тот, и другой бесподобны. Сазан из Челкара, пожалуй, покрупнее, да потемнее… Не каждому рыболову удается сразиться с этими силачами наших вод, и выйти победителем.

Лини – таинственные обитатели глубин. Они чем-то напоминают аквариумных рыб, так неестественно красивы их тела. Но они живут в наших реках и озерах, и от этого кажутся чуть-чуть запредельными существами, над которыми экспериментирует природа, или кто-то. Они лишены чешуи, их кожа шелковиста

на ощупь, их цвет поначалу шокирует – он какой-то переливчатый, от золотого до иссиня-черного. И еще: мне всегда казалось, что лини – это только куколки, из которых еще предстоит появиться необыкновенным созданиям. Мне приходилось удить их помногу, но каждый из пойманных линей легко укладывался на ладонь, рыбка эта не бывает особенно большой. Но однажды в восьмидесятые годы при мне в небольшом степном озере тогдашнего Чапаевского района был пойман линь килограмма на полтора весом. Тому, кто успешно удил линей, надолго запоминается эта рыбалка.

Много в Челкаре и речках впадающих в него карася, окуня, жереха… Здесь совершенно особенная красноперка – крупная, с золотистым брюшком. Попадается чебак, язь, голавль…

В общем, рыбный у нас край, в какую сторону не езжай – речки, озера, водохранилища; умелый рыбак без ухи здесь никогда не останется.

У Сереги Грудко был мотороллер «Вятка» - по тем временам машина крутая. Стоил мотороллер 320 рублей, причем можно было приобрести его в кредит. Сумма по тем временам совсем немалая. Как раз в шестьдесят первом году прошла хрущевская денежная реформа, которая убрала один ноль с денежных знаков, но в народе еще долго говорили не «триста двадцать рублей», а «три тысячи двести»… Добавляя при этом - «по-старому». Поэтому цена мотороллера «по-старому» выглядела очень внушительно.

Сергей очень гордился своим мотороллером, и летом по вечерам часто подъезжал на нем к знаменитой на весь город танцплощадке, что была в самом центре Уральска - в садике имени Фурманова. Все тогда коротко говорили - «Фурмачи». Это был не просто дансинг, или как говорят теперь – танцпол, - это был своеобразные городской клуб под открытым воздухом, он привлекал к себе не только молодежь. На площадке находилось место и сорокалетним, и пятнадцатилетним, сюда приходили даже с грудными детьми на руках, здесь узнавали городские новости, здесь встречались все со всеми. Причем, не уговариваясь заранее о встрече. Все вечером были в «Фурмачах». Даже если кто-то намеревался потанцевать на танцплощадке у железнодорожного вокзала (она находилась там, где сейчас памятник Чапаеву) или в клубе Уральского механического завода (перед клубом тоже была открытая площадка), все равно перед этим показывался в «Фурмачах».

Сейчас, в 2006 году, когда я пишу эти строчки, на месте «Фурмачей» возведен

большой торговый и развлекательный центр; в этом центре есть и бар, и ресторан, и современный магазин, и бутики, и какие-то игровые машины – все на западный манер. Я ходил по залам центра – все в нем радует потребительский взгляд, но я почему-то с грустью вспоминал танцплощадку, Серегу с его мотороллером, все то, что прошло здесь…

Мотороллер – машина вполне пригодная для передвижения по асфальтированным улицам, особенно приятно, когда на заднее сиденье к вам садится бочком девушка в поплиновой юбке колоколом, притворно ахает, обнимает вас за плечи… Серега очень ценил это… Впрочем, я отвлекаюсь.

На семидесятикилометровое путешествие, да еще с двумя седоками, да еще грузом снастей, одеял, ложек-чашек, мотороллер явно не был рассчитан. Мы выехали затемно, часа в четыре утра. Почему-то чаще всего мы отправлялись рыбачить именно в этот час.

Улицы Уральска были пусты, после небольшого ночного дождя блестел асфальт, было прохладно, и наша двухколесная машина резво бежала мимо спящих домов. Мы проехали по тогдашней улице Гагарина, свернули на мост через Урал – тогда это был совсем новый мост, его металлические фермы висели довольно высоко над водой; в воде отражались звезды, наверное, от них на поверхности расходились круги, на берегу виднелись тоже какие-то мерцающие огоньки – это стерегли свое рыбацкое счастье удильщики. А мы ехали на Анкату, и надо сказать – дорогу знали только приблизительно.

Показались огни большого селения – это поселок Подстепный. Развилка на дороге. Если поехать налево – попадешь в Федоровку – районный центр, а дальше знаменитый Бурлин, некогда известный своими ярмарками, ну а дальше – Россия, Илек, Оренбург…

Если поехать прямо, что мы и сделали, то через некоторое время будет речка Барбастау. Сколько я не спрашивал у своих казахских друзей – что обозначает это название, мне почему-то никто не сказал этого.

В Барбастау в те времена водилась рыба, я знал спиннингистов, которые удачно ловили здесь щуку. Даже зимой.

После моста через Барбастау опять дорожная развилка. Поедешь направо – попадешь в тогдашний совхоз «Енбекский», а дальше будут совхоз «Восход», племзавод «Чапаевский»… Последний был в свое время знаменитым хозяйством, мне доводилось потом видеть там огромных племенных быков,

которых, как говорили тогда, покупали за золото и привозили из Канады на самолетах.

Совхоз «Восход»(его названия не раз менялись) в нашем крае был известен еще тем, что неподалеку от его центральной усадьбы, на Братановском яру, находилась дача Михаила Шолохова. В девяностые годы прошлого века мне приходилось даже ночевать в этом дачном домике, совсем небольшом, по нынешним понятиям, довольно скромном. Писатель Николай Федорович Корсунов в своих воспоминаниях об авторе «Тихого Дона» не забывает сказать, что тот был заядлым охотником и рыболовом, любил рыбачить в наших краях. Вот совсем коротенький отрывочек из этой книжки: «…через несколько дней на один из тех крючков, что вызывали наши насмешки, взялся красавец сазан, весил великан около шестнадцати килограммов. Давненько не слышал я о таком рыбацком счастье, особенно если меть ввиду, что сазана в Урале и озерах Приуралья вообще осталось мало. После этого рыбацкий авторитет Михаила Александровича поднялся на недосягаемую для нас высоту».

Если ехать прямо по дороге, что мы и сделали, то можно добраться до Джамбейты – районного центра, а прежде нужно было проехать совхоз «Чаганский», после него через километров тридцать - сорок был поворот направо – к известному на весь Казахстан совхозу «Анкатинский».

Но мы все время ехали с Серегой прямо, так рекомендовал нам один старый рыбак, уверявший, что именно так мы и приедем в самое уловистое место. После «Чаганского» асфальт на дороге постепенно исчез, и некоторое время мы двигались по довольно хорошо прикатанному «грейдеру», но недолго. Пошли кочки, рытвины, колея на дороге стала угрожающе напоминать окопы. Двигатель мотороллера еле-еле справлялся с этой дорогой, натужно выл, грелся. Сергей остановился, снял закрывающее двигатель крыло, водрузил мне его на грудь, как рыцарский панцирь. Открытый, охлажденный мотор повез нас как будто бодрее. Обо всем этом рассказываю так подробно, чтобы понятно было, что нередко поездка на рыбалку напоминает авантюру. Что движет нами? Жажда добычи?.. Думаю, не в первую очередь. Скажем, в описываемое время, можно было неплохо наловить и в черте Уральска, но мы зачем-то ехали, притом на маломощном мотороллере, сугубо городском виде транспорта, почти за сто километров, не зная дороги. Зачем?.. Полюбоваться природой?.. Увидеть новые места?.. Испытать рыбацкое счастье в неведомых водоемах, а вдруг именно там

сказочный клев?.. Или есть что-то иное, не поддающееся объяснению?..
Потом множество раз я отправлялся с друзьями в самые отдаленные уголки нашего края – за триста, за четыреста километров от Уральска, очень часто весьма приблизительно зная о дороге, полагаясь на восторженные рассказы «очевидцев». И не раз случалось, что, проехав шесть, семь, десять часов, мы приезжали к какому-нибудь расхваленному озеру, где, по словам «одного рыбака», ловились метровые щуки, и оказывалось, что водоем мертв – вся рыба погибла в зимний замор или ее здесь вообще не было. Тогда срывалось с языка крепкое словечко, но никогда рыбацкая неудача не становилась причиной какого-то сильного огорчения. Не раз случалось, что даже и на уху не добывали рыбы, на берегу приходилось варить похлебку из картошки и тушенки, но мы никогда не унывали… Какая же звезда ведет рыболова?..
Солнце давно встало, и начинало даже припекать. Мотор грелся все больше, и время от времени мы останавливались, переводили дух. Вокруг лежала степь, начинающая желтеть. Вдоль дороги были полосы лесопосадки, кое-где виднелись кусты черной смородины, но чем дальше мы отъезжали от города, тем меньше становилось деревьев, кустов, а вскоре их не стало вообще. В какую сторону не посмотришь – степь…
Кто-то, рассказывая о степи, непременно добавляет – «унылая», «неприглядная», «простуженная»… Иногда и у меня срывается с языка нечто подобное, особенно если застает в степи злой и колючий северный ветер, пыльная буря застит небо, или холодный бесконечный дождь начинает размывать глинистую, солончаковую дорогу под колесами автомобиля и вскоре ты оказываешься среди разливанного моря воды, потому, что эта земля отказывается принимать воду… Однажды такой дождь загнал нас на одинокую летовку к чабану, и мы двое суток не могли уехать, потому, что колеса машины скользили, как будто под ними была не почва, а мыло. Мотор натужно выл, колеса быстро вращались, а сама машина стояла.
В такие моменты ругаешь степь на все лады, подбираешь для нее обидные эпитеты, но, произнося их, все-таки знаешь, что степь прекрасна… Да и потом степь не обижается, она спокойна и мудра, она как воплощенная на земле частичка вечности… Кто-то утверждает, что полынь пахнет пылью, я говорю – это аромат простора. Мне приходилось не раз преодолевать пешком многие километры по степи, и только в самом начале пути казалось, что это будет невыносимо трудно, но вскоре приходила необыкновенная легкость – то ли

легкие наполнялись живым степным воздухом, то ли здесь сила притяжения земли меньше? Ноги начинали шагать, как будто сами по себе. А стоило прилечь, посмотреть в небо, где обязательно в зените парил орел, словно прикрывая своими огромными крыльями землю от зноя, то начинало казаться, что ничего не стоит подняться вслед за ним…

Потом, добираясь до места, я валился с ног от усталости, но она приходила позже последнего шага по степи…

Бывало, я собирал степные цветы, они так неярки, но я не променял бы их никогда на пышные букеты из теплиц, на привезенные из-за кордона ненатурально красивые розы, пропитанные химикатами. Помню, что в юности мне было неловко, когда я дарил девушкам букеты, которые кто-то вырастил, собрал для меня; это казалось мне подлогом. Однажды я на велосипеде поехал за город – к поселку с говорящим названием – Подстепное, и, не доезжая до него совсем немного, оказался на поле тюльпанов, оно показалось мне именно полем – посаженным специально. Конечно же, никто их там не сажал, они выросли сами, но их было так много – миллионы и миллионы алых, редко – желтых цветков, что все вокруг, даже небо, было красным красно! И аромат над степью висел просто одуряющий, наверное, так пахнет сама весна. У обочины проселочной дороги вповалку лежали велосипеды, ведра, а неподалеку женщины рвали тюльпаны, увязывали их в небольшие букеты, складывали в ведра с водой. Это был неплохой промысел; в Уральске один такой букетик стоил от рубля до двух, что было примерно равно стоимости буханки хлеба. Мне сразу расхотелось рвать эти цветы, ну чем они отличаются от тех, что продаются в городе чуть не на каждом углу? Тогда я был почти настоящим романтиком. Мне хотелось подарить своей девушке настоящий степной букет, и я отправился дальше. Выехал на берег Барбастау, и увидел то, что искал – целое разноцветье. Не помню уже всех названий тех цветов, но они были просто замечательными – неброскими, с тонким ароматом, а главное – никто не подумает, что я купил их. Я осторожно завернул букет в бумажный лист и отправился к девушке. Это была, кажется, первая моя девушка, точно первая… Мы с ней дружили. Почти официально. Ходили… Это был целый обряд. Нужно в присутствии ее подруг, произнести заветную фразу: «Я хочу с тобой дружить…». Дело было вечером; на скамеечке у ее дома собралось подружки, на лицах у них были загадочность и нетерпение одновременно. Я очень волновался.

- Давай, говори! – скомандовала девушка.
Я открыл рот, но слова застряли в горле.
- Давай, давай, не бойся! – подбадривали подружки.
- Я…это самое…хочу…
- Нет! – строго сказала девушка. – Нечего мямлить…говори…
Я кое-как произнес заклинание, и мы стали дружить. Это означало, что теперь я должен ходить в ее школу на вечера и там танцевать с ней, покупать билеты в кино на нас двоих, и в темноте кинозала мне позволялось держать ее руку, а пару раз я извернулся и поцеловал ее в губы, за что она была со мной в ссоре недели две. А еще мы читали всякие книжки и пересказывали друг другу содержание. А еще я писал ей письма. Но не отправил ни одного. Потом, когда мы давным-давно расстались с ней, меня как прорвало, и я принялся из армии писать ей письмо за письмом. Полные любви и нежности… Она не ответила ни на одно. Впрочем, наверное, рождены они были не столько пробудившейся любовью, сколько армейской скукой и тоской.
И вот я принес ей степные цветы. Меня распирало от сознания собственной оригинальности: ну кто еще умудрится дарить такие букеты в самый тюльпановый разгар?
Она взяла букетик, сдержанно поблагодарила, поднесла цветы к миленькому носику, и смешно сморщилась, часто-часто заморгала подкрашенными ресницами, и… чихнула. Смутилась, сказала «извини», помолчала и добавила:
- Все-таки тюльпаны лучше…
Мы отправились в кино, как раз показывали про Анжелику, в которую были влюблены все герцоги и даже сам король. Потом я пошел провожать девушку до дома, и в подъезде, где я попытался ее поцеловать, выяснилось, что букетик она забыла в кино.
- Ну и ладно! – сказала она.
Вот какое получилось лирическое отступление. О красотах степи сколько ни напиши – все будет мало.
Добирались до места мы несколько часов, и вот когда оставалось совсем немного, и уже показался строящийся (как потом оказалось) мост через Анкату, Сергей наехал передним колесом на кучу песка, и в одно мгновенье мотороллер повалился на бок, я перелетел через него и словно на санках заскользил грудью, защищенной крылом мотороллера, по обочине и со всего маху врезался в другую

кучу песка.
Сергей бросился ко мне:
- Все в порядке?
Но увидел, что меня спасло крыло, так ко времени перегревшегося мотороллера, и с облегчением вздохнул:
- Я уж думал, что ты себе шею сломал, так несся ты по дороге на пузе…
Мы поднялись и осторожно поехали по направлению к подъемному крану, трактору, вагончикам, показавшимся неподалеку. Как я сказал, оказалось, что здесь шло строительство моста через речку. На дорожном указателе было кое-как различимо «Анката». Наверное, нам повезло, потому, что ни одного строителя на объекте не было.
Мы подъехали к самому берегу. Анката в этом месте оказалось совсем неширокой речкой, берега которой заросли камышом. Вода казалась почти черной, мы с Сергеем сразу решили, что глубина здесь невероятная.
- Дна нет, - сказал мой друг. – Рыбы здесь, наверное, немеряно.
И мы не стали искать лучшего места, а расположились буквально в двух шагах от строительства. Сразу скажу, что за два дня, что мы пробыли там, мы так и не увидели доблестных соорудителей моста.
Чуть не наперегонки мы бросились разматывать удочки, насаживать червей. Нетерпение подгоняло нас. Хотя солнце стояло в зените, а рыба обычно в это время клюет неохотно; жор рыбы приходится на две зари – утреннюю и вечернюю. Но ждать до заката терпения, конечно, не было.
Первым свою удочку все-таки забросил я. Поплавок тут же заплясал на воде. Подсекаю, вытаскиваю – красноперка с мизинец. Снова забрасываю – снова красноперка. «Надо менять крючки на более крупные, устанавливать поплавки на большую глубину», - решаем с Сергеем, и делаем все, что задумали.
Забрасываем удочки и наши одинаковые ярко-красные поплавки замирают на воде. Замираем и мы. Проходит минута-другая. По воде расходятся круги, время от времени раздаются довольно сильные всплески; мы радуемся – место, кажется, рыбное.
Один из поплавков, вдруг, начинает как бы выползать из воды, укладываться на бок.
- Серега, у тебя клюет! – произношу драматическим шепотом.
- Вижу! – отвечает он мне таким же шепотом. Осторожно, как разведчик в тылу

врага, поднимает удилище и подсекает. И тут же вязовый прут сгибается дугой. Видно, что попалась крупная добыча. В те годы мы использовали только-только появившуюся в магазинах жилку-леску, широкого выбора не было, да и была она нам не всегда по карману, поэтому покупали один стометровый моток на все нужды – и для удочек, и для закидных, и наматывали ее в спиннинговые катушки. Иногда, правда, привязывали поводки из более тонкой лески, так что крепости нашим снастям было не занимать. Поэтому Серега не стал церемониться, осторожно вываживая рыбу, а потащил ее, что было сил, и уже через минуту на прибрежной траве бился крупный лещ, черноспинный, серебристый, прохладный. Серега достал из сумки кукан, тогда мы еще не имели садков для рыбы, садки были недоступной роскошью. Он пропустил надежную бичеву через жабры рыбы, теперь не уйдет, и я поздравил друга с почином! Он поправил сбившегося червя и опять забросил удочку, и мы снова принялись следить за поплавками.

Не прошло и минуты, как у Сереги опять клюнуло, и он вытащил еще одного красавца-леща, близнеца первого. У меня не клевало. Я проверил насадку, все было в порядке.

Через пару минут Серега поймал еще одного леща. Я потихоньку начинал его ненавидеть. Не леща.

Но вот и поплавок моей удочки вздрогнул, еще и еще раз, медленно тронулся в сторону, и резко пошел ко дну. Я резко подсек, и тут же почувствовал неимоверную, мертвую тяжесть. Я потянул сильнее – ни с места! Зацеп. Так и есть, коварная рыба завела крючок за какое-то подводное препятствие. Я несколько раз подергал леску – безрезультатно. Делать нечего – придется раздеваться и лезть в воду.

Я так и поступил. Дно было илистое, скользкое, заросшее водорослями. Держа в руках леску, я осторожно поплыл к месту зацепа, раздвигая руками листья многочисленных кувшинок. Честно говоря, нырять не хотелось в эту черную воду, в эти заросли. Что-то дикое было в этой неширокой речке, даже жуткое – не могу объяснить что именно. Может быть, то, что она существовала посреди знойной степи, под палящим солнцем как бы против всех законов природы – такая прохладная, глубокая, рыбная.

Я еще подергал за леску, и она, о чудо! – оказалась свободной. Что-то или кто-то отцепил ее. Этот «кто-то» через минуту был вытащен мной на берег. Это был крошечный, еле различимый глазом, окунек. Я осторожно снял его с крючка и

опустил в воду у самого берега. Окунек, словно не веря своему счастью, ошалело ткнулся в берег, и мне показалось, что он смотрит на меня, словно запоминает на всю жизнь своего мучителя, и своего же избавителя. Наконец, он очухался и медленно растворился в глубине.

Серега тем временем вытащил вполне приличную красноперку, очень красивую рыбку – с золотисто-зеленым отливом, перламутровыми, быстро тускнеющими на воздухе глазами. А потом он поймал здоровенного окуня. А через пару минут на его удочку – на червя – взяла небольшая щука.

Многие рыбаки бывали в такой ситуации, поэтому они представляют, что я ощущал в тот момент. Очень не хотелось показывать Сереге, что я завидую, но не очень получалось. Я нервничал, каждую минуту проверял наживку – аппетитно ли с точки зрения рыб выглядят черви, хотя, что мы можем знать об их представлениях о лакомстве? Я бесконечно передвигал поплавок, устанавливая и переустанавливая глубину заброса наживки, беспрестанно подбрасывал в воду хлебные крошки – ближе к своему поплавку – для приманки. Несколько раз поменял крючки – сначала привязал совсем крошечные, потом - побольше, затем опять маленькие. Ничего не помогало. Наверное, каждый рыболов ревнив, других мне не приходилось видеть, и в глубине души считает себя непревзойденным мастером ловли. Достаточно вспомнить бесчисленные рыбацкие рассказы, которые слышали наверняка все. В них рассказчик предстает удачливым, немного снисходительным к своим менее «уловистым» друзьям, которые на рыбалке то и дело попадают в нелепые ситуации – падают в воду, упускают рыбу, разводят уксус с водкой, запутываются в леске – и только находчивость, разворотливость, смекалка рассказчика не позволяет этим незадачливым бедолагам попасть в еще большие неприятности. А какие гигантские рыбины норовят попасть на крючок этого самого рассказчика! Показать их размер не всегда хватает рук, вес их просто чудовищен, и в борьбе с этими гигантами проявляются лучшие качества рыболова. Головы пойманных сомов только-только помещаются в кузова грузовиков, а хвосты чудовищ волокутся по земле. Щуки нападают на резиновые лодки, пропарывают их днища, приходится гигантских хищниц пристреливать из ружья. Сазаны клюют такие, что, как в сказке Ершова, на их спинах может разместиться деревня… И что, скажите, после этих своих рассказов, должен чувствовать рыболов, когда его товарищ одну за одной выуживает из реки рыбин, а он стоит на берегу рядом и кусает губы?

Примерно это чувствовал и я.
Серега опять вытащил леща. Сказал, старательно отводя от меня глаза:
- Попробуй моей удочкой… И на моем месте… мне все равно надо мотороллер посмотреть…шины подкачать…
Это было чистым враньем, нам обоим следовало готовиться к ночлегу, разбирать вещи, собирать топливо для костра, ведь мы, забыв обо всем, сразу бросились с удочками к реке. Но очень велик был для меня соблазн хоть как-то реабилитироваться за свой рыбацкий позор, и Серега давал мне эту возможность. Он отошел к мотороллеру, а я, поправив червя на крючке, забросил удочку. Причем, именно туда, куда забрасывал Серега. Сейчас!.. Сейчас!.. Но поплавок оставался недвижимым, более того, на него уселась ярко-зеленая стрекоза, замерла, как будто всем своим видом давала понять – здесь самое безопасное место, уж этот поплавок в воду никогда не погрузится. И он не погрузился…
Серега вернулся, взял мою удочку, забросил, и через минуту выудил еще одну красноперку. А потом еще леща, дюжину крупных окуней, несколько красноперок…
Но вот клюнуло и у меня. Я подсек и почувствовал неимоверную живую тяжесть, рвущую удилище у меня из рук.
- Осторожно, не давай слабину, не дай ей зайти в камыши! – принялся давать советы Серега, обрадованный, что у меня клюнула такая огромная рыбина.
- Держи ее, держи!..
Тут он осекся, потому, что из воды показалась огромная змеиная голова… Мы одеревенели. И не сразу разглядели, что это большущая зеленая черепаха проглотила наживку на моей удочке.
- Ни фига себе! – сказал мой друг.
С немалым трудом вытащил я черепаху на берег, еще большего труда стоило извлечь крючок из ее пасти. Это был единственный раз, когда на удочку мне попалась черепаха. А вообще случалось, когда наживку подхватывала с воды чайка, было однажды, что на червя позарилась домашняя утка, а однажды, испугав меня, рыбку на перемете схватила выдра, но сумела освободиться от крючка сама.
Я отложил удочку, поняв, что сегодня вечером мне поймать ничего не удастся. Да и солнце клонилось к закату, потянуло из степи вечерним ветерком.

Если нет дождя, сильного ветра, то необыкновенный покой по вечерам разливается в степи. Я не знаю природы этого. Мне приходилось бессчетное количество раз ночевать в лесу, в степи, даже в горах. Горы во мне почему-то будят непонятную тревогу, я все время ощущаю – даже в кромешной ночной мгле - высоко над головой нечто огромное, давящее. Ночной лес, окружающий наш костер, нашу стоянку дает ощущение уюта, но это уют лесной сторожки, а вокруг тайны, колдовство – кикиморы, лешие; баба-яга тоже притаилась где-то, - в общем чудеса и диковины. А в степи покой равный ее простору…

Мы поужинали с Серегой, стали укладываться спать. Палатки, конечно же, никакой у нас тогда не было, поэтому постелили старенькие одеяла на нагретой за день куче песка. Но спать почти не пришлось. Едва зашло солнце, как на нас набросились полчища комаров. У нас была какая-то антикомариная жидкость, но она, конечно же, не подействовала. На этикетке флакона было написано, что это очень эффективное средство, отпугивает кровососов на несколько часов, нужно только остерегаться попадания средства на слизистые оболочки.

И, само собой, коварная жидкость тут же попала нам в глаза. И Серега, и я бросились к речке промывать глаза, а за нами – тучи комаров, которых ядовитая жидкость, казалось, только привлекала.

Кое-как, утишив страшную резь в глазах, мы принялись рвать траву – полынь, лопухи, осоку, острую, как бритва, – и все это в темноте - и бросать ее в костер. Поднявшийся едкий дым чуть-чуть отпугнул комаров. В конце концов, пришлось с головой закутаться в одеяла, и так хоть чуть-чуть поспать. Задолго до рассвета мы проснулись от холода. Песок за ночь остыл, стал почти ледяным, лежать на нем было все равно, что нежиться на сугробе. Но пропали комары. Мы принялись с другом разговаривать о предстоящем клеве (предстоящий – всегда самый лучший), девушках и самой противной на свете учительнице по химии. Так мы дождались до первых проблесков зари. И снова взялись за удочки.

Серега через минуту уже вываживал леща, а еще через пару минут крупного окуня. Я сидел рядом с ним на берегу и смотрел на неподвижный поплавок моей удочки. Так ничего на этой рыбалке мне и не удалось поймать… Наверное, речка не желала одарить меня даже совсем чуть-чуть своими богатствами. Почему, за что?.. Чем я провинился перед ней?.. Может, она предвидела какие-то мои будущие грехи?.. Сумею ли отмолить их?..

Лет через двадцать после описываемых событий, мне пришлось быть в

командировке на центральной усадьбе знаменитого тогда на всю страну совхоза имени газеты «Правды» - поселке Таганас. В те времена это был настоящий аграрный городок. Здесь проживало большое количество немцев. На улицах цвели розы, в центре поселка были построены отличный дом культуры, двухэтажный, вполне современный, универмаг, совсем неплох был сельский стадион. Мне очень нравился поселковый книжный магазин, где я немало купил в свое время книг по истории, искусству, альбомов живописи – хлеборобы и животноводы хозяйства не очень интересовались тогда книгами Тарле, Вазари… Говорят, что сейчас не найти былого великолепия в этом поселке, многие здание просто исчезли с лица земли, но это уже другая тема… Так вот, Таганас расположен совсем неподалеку от моста через Анкату, давно уже построенного. Возвращаясь из командировки, я завернул к берегу реки. Трудно было найти то самое место, тем более, что речка сильно обмелела, стала еще уже. А произошло это с ней потому, что совхоз построил на речке плотину, у поселка разлился хороший пруд, а сток воды значительно уменьшился. А между тем, Анката снабжала пресной водой огромное соленое озеро – Челкар, которое называют в наших краях «степным морем», и тогда уже экологи поговаривали, что совхозная плотина губит не только реку, но и уникальное озеро.

Я все-таки нашел наше давнее место, достал из багажника машины удочку и забросил наживку в воду. Ждать долго не пришлось, поплавок заплясал на воде и резко ушел вниз, в темную глубину. Впрочем, не такую уж и большую глубину… И я легко вытащил на берег крохотного окунька. Не могу объяснить почему, но мне показалось, что это тот самый давнишний окунек, которого я отпустил здесь в воду двадцать лет назад. Я убеждал себя, что тот давным-давно вырос, стал жадным красноперым хищником, но окунек таращил на меня свои глазки, словно сравнивал: изменился ли я за эти годы» - и как бы укорял: «Вот я не изменился!», и мне стало почему-то не по себе, как будто это крошечное существо перенесло меня через годы – и вернуло в детство. Я опять отпустил его… Вот, совершенно автоматически написал слово «опять», как будто кто-то в глубине меня верит, что один раз я уже спасал эту рыбку от самого себя… Больше в этом месте я никогда не рыбачил…

Спустя несколько лет мне довелось побывать в этих местах еще раз. Как раз шла уборка урожая. Хлеб уродился очень хороший. Тогда неподалеку от речки был разбит автогородок одной из автомобильных колонн Уральска. Шофера днем

перевозили зерно – от комбайнов и с тока на элеватор, а вечером отдыхали в вагончиках, купались, рыбачили. И там произошел такой случай. Неподалеку – примерно в полутора километрах от городка - оказалась лисья нора, а в ней целый выводок лисят. У руководителя городка был бинокль или зрительная труба – уже точно не помню, и в этот прибор можно было увидеть, как возятся лисята. Однажды утром все лисье семейство было найдено растерзанным, а вокруг следы большегрузного автомобиля, пустые бутылки, консервные банки. Нора была раскопана лопатой, этой же лопатой убиты зверьки. Никто из шоферов не признался в содеянном. Рассказываю об этом потому, что мне кажется, что этот случай – только один в цепи других, которые потихонечку убивали и убивают нашу природу, и никто не признается в том, что приложил руку к этому…

В последний раз, когда я был на мосту через Анкату, мне открылась печальная картина. Воды в речке почти не осталось, а на том месте, где так хорошо у Сереги брались лещи, было вообще сухо, даже камыш почти весь вытоптан. Я постоял на берегу пару минут, без сожаления и грусти подумал о том, как быстро идет время, а потом сорвал длинную камышинку и вернулся в машину. Мы поехали в Уральск. Один из моих спутников сказал, что может из камышинки сделать нечто наподобие свирели. Он взял и разрезал ее на четыре или пять частей, проделал в них отверстия, собрал вместе эти части, так что получилось духовое устройство, отдаленно напоминавшее губную гармонику. Он поднес инструмент к губам, и раздалась негромкая мелодия.

Мы ехали до Уральска больше часа, и он все время играл, и никто не стал его прерывать – такая непонятно грустная и удивительно чистая получилась у него музыка.

Восхождение

Это было жарким июньским днем году в пятьдесят шестом. Лето выдалось

замечательное, солнечное, тихое. Впрочем, те времена в моей памяти окрашены в акварельные, теплые тона, и я никак не могу, а, точнее, не хочу избавиться от ощущения, что дни тогда были длиннее, солнце ярче, люди добрее… Правда-правда, собаки не кусались, ужи и лягушки мирно уживались у меня за пазухой, а метеоры по летнему небу падали так долго, что можно было успеть не только загадать желание, но и дождаться его исполнения… Не помню, что я загадывал, но знаю: тогда все исполнялось!..

Но вернемся к тому дню, самому обычному. Кажется, был понедельник… Честное слово, я не могу самому себе объяснить, почему спустя почти полвека я вспоминаю об этом дне, и скажу больше, - вспоминаю с душевным трепетом. Иногда он даже снится мне. Я отчетливо вижу себя, длинного, нескладного, в черных сатиновых трусах шагающего среди волнующегося моря степной травы; во сне мне неизвестна цель моего путешествия, но я знаю, что там, куда я иду, меня ждут необыкновенные открытия, и так это случается, в конце концов, во сне…

В детстве меня почти каждый год на школьные каникулы отправляли в какой-нибудь пионерский лагерь. Тогда их под Уральском насчитывалось с дюжину. Деревянные корпуса лагерей напоминали бараки, да они ими и были, а бесконечные построения, выравнивания, хождение строем, горны и барабаны, знамена никак не давали забыть о том, что война закончилась всего десять лет назад.

Развлечений в лагерях было немного: подготовка к костру, посвященному открытию смены, подготовка к костру, посвященному закрытию смены, да купания в Деркуле или Чагане – в зависимости от того, на берегу какой речки располагался лагерь. Купания были строго дозированными – по десять минут, да еще в купальне с деревянными бортами, таком огромном деревянном ящике, опущенном в речку. Еще были шашки и домино. Костяшек домино почему-то всегда не хватало, а на шашечных досках мы играли в «чапаевцы», рассчитываясь больнющими заводными «щелбанами». Пожалуй, самым интересным занятием была ловля раков, но тоже с позволения верховных лагерных властей. Раков было тогда огромное множество, и ловили их весьма просто. На нитку длиной чуть больше метра привязывали мясо ручных ракушек и, стоя по колено в воде, забрасывали практически себе под ноги. Не проходило и минуты, как нитка начинала медленно натягиваться, - значит, рак уже

соблазнился приманкой. Тогда нужно было потихоньку вытягивать нитку и успеть схватить рака рукой, пока он не понял в чем дело. Случалось, что рак пребольно щипал охотника своими устрашающими клешнями, но это не останавливало ловцов. За час-другой отряд добывал несколько ведер зеленых, усатых речных разбойников. Среди них попадались огромные экземпляры, настоящие бронированные чудовища.

Но все равно в лагере быстро одолевала скука. Утром, днем, вечером линейки с горнами, после обеда обязательный сон, когда вокруг происходит все самое интересное, перед сном у костра песня «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры, дети рабочих», и, наконец, ранний отбой, когда еще и солнце не зашло, когда наши пионервожатые только-только начинали собираться на танцы в совхоз «Плодоовощной».

Другое дело – провести лето на селе. Там все незнакомо, там огромное количество замечательных вещей.

- Поедешь в Шипово, - не то спросила у меня, не то приказала мне мать тем летом. В этом самом Шипово жила ближайшая ее подруга, тетя Рая. У нее был сын, почти мой ровесник – Юрка. Был и муж, ветеран войны, инвалид дядя Коля. Только много позже я узнал, что зовут его Николай Петрович…

Они часто приезжали к нам в город, рассказывали о Шипове, и выходило, что лучшего места на свете нет. Вокруг Шипово высились огромные горы, склоны которых покрыты яркими цветами, по степи ходили дудаки – дрофы, почти страусы, по ночам на зазевавшихся путников охотились дерзкие стаи волков, подбирались к жилищам и клацали острыми зубами на затаившихся во дворах коров, овец и кур. Само Шипово располагалось на берегах Деркула, реки, в которой в изобилии водилась рыба, причем местные сомы легко справлялись с гусями, были, конечно, случаи, когда черные усатые злодеи не гнушались женщинами, полоскавшими белье, нападали на бедных. Какую-то Дарью сом даже утаскивал в свою нору, та вернулась только через три месяца, говорили, что беременная.

- Лес около Шипово есть? – спрашивал я с надеждой, так хотелось, чтобы таинственная чаща подходила к самому порогу, и россыпи ежевики, земляники тоже были неподалеку.

- У нас один лес! – отвечал мне Юрка, и мечта побывать в таком замечательном месте не давала мне покоя долгими зимними месяцами; так хотелось, чтобы

быстрее наступили каникулы, когда можно будет отправиться в этот благословенный край. Еще зимой я стал готовить удочки, вырезал из пенопласта поплавки, запасался крепчайшей леской, обзавелся подсаком, без которого невозможна поимка крупных сазанов, сомов и щук.

И вот лето настало, жаркое, безветренное.

Настал и день, когда нужно было отправляться на железнодорожный вокзал, чтобы ехать в Шипово. Нужно сказать, что это была моя первая поездка на поезде.

Я очень волновался, держался за руку тети Раи, и вздрагивал каждый раз, когда маневровый паровоз, толкающий взад и вперед коричневые товарные вагоны, начинал свистеть.

Экипирован я был, как Миклухо-Маклай. На моей правой руке красовался огромный компас, без которого жизнь на каникулах представлялась пустой и никчемной. Карманы серых хлопчатобумажных брюк оттопыривали перочинный нож с двумя лезвиями и шилом, рогатка из тонкой прочной резины, летная кокарда – «капуста» (как раз дядюшка демобилизовался из авиации), огромный блокнот, в который я тайком ото всех заносил какие-то совершенно невообразимые вирши, наподобие «А Чапаев, герой, переплыл Урал, да собрал в степи добрых молодцев, да побил орду белогвардейскую…»

Путешествие в поезде заняло около трех часов, и я в полной мере смог насладиться тогдашним железнодорожным сервисом. Все было для меня в новинку, особенно проводники в белых куртках, разносящие чай в стаканах, заключенных в латунные подстаканники. К чаю полагались кусочки сахара в обертке, как конфеты. Свой кусок сахара я тут же отправил в карман. Буквально поразила меня буфетчица, которая на металлической тележке развозила чудесные лакомства: морс в бутылках, вафли, шоколад и апельсины. Самые настоящие апельсины в серых бумажных пакетах!.. Я привык, что апельсин или мандарин полагался только к подарку на новогоднем утреннике, иногда к 7 ноября. Однажды мне выпала удача. На утреннике в зале тогдашнего облсовпрофа (теперь там располагается областная филармония) страшный, размалеванный дед Мороз вытащил меня из общего хоровода и заставил читать стихи. Я всегда чурался всяческих торжественных декламаций, которые казались мне только выклянчиванием призов, но на этот раз деваться было некуда, и я чего-то рассказал про елочку-снегурочку, и в награду за это мне была вручена

книжка «Витя Малеев в школе и дома», а главное – огромный, оранжевый, прохладный апельсин. Сначала скажу о Вите Малееве. Уже не помню, что там с ним приключалось, но книга о нем стала первой, прочитанной мной, которую можно хоть каким-то боком отнести к серьезной литературе. До этого я читал исключительно сказки, былины, сказания, какие-то рыцарские, богатырские истории, и в нашем доме ступить было некуда от деревянных мечей, картонных лат, шлемов. Мы жили тогда в Уральске, во дворе областной типографии и латы я делал из так называемого матричного картона. Это такой картон, на котором делали оттиски газетных страниц, чтобы потом перевести их в необходимые для печатания металлические формы. Так вот, на латах моих можно было прочитать сводку о ходе битвы за первый целинный урожай, ноты Советского правительства каким-нибудь распоясавшимся милитаристам, патриотические стихи местных поэтов. Теперь об апельсине. Его некуда было положить – в карман брюк он не помещался, да я бы и не выпустил его из рук. Я так и нес его до дома, согревая ладонями. Съесть его я не решался несколько дней. Мне очень хотелось это сделать, аромат плода так дразнил, но это лишило бы меня апельсина. Он лежал на подоконнике рядом со столетником, который в нашем доме почему-то называли «столетием», и притягивал взгляд, как маленький огонь. Скорее всего, еще не один день я любовался бы южным плодом, но тут подоспел новогодний подарок из типографии, в которой работала моя мать, и среди конфет, орехов, вафель оказался еще один апельсин, точно такой же. В общем, на меня свалилось целое богатство. После того, как апельсины были съедены, моя бабушка Александра Львовна собрала пахучую кожуру и разложила ее по подоконникам, и почти всю зиму из дома не выветривался апельсиновый аромат. Многие сегодня прочитают эту историю равнодушно, а может, недоуменно пожав плечами: тоже приключение!.. Напомню, что в те годы лучшим рабочим в качестве премий вручались галоши или кусок ситца, за хлебом чуть не с полуночи выстраивались к магазинам огромные очереди, в нашем доме чаще всего на обед была вареная картошка и соленая капуста, летом огурцы с собственного огорода. Да выручали тыквы. Их парили, жарили, варили. Несравненным кушаньем казалась тыква, целиком запеченная в духовке. «Медова тыква попалась, аж сахару не надо!» - говорили у нас. Изощренным лакомством для меня были сухари, которые я макал в блюдечко подсолнечного масла, поставленного передо мной заботливой бабушкой. Масло перед этим она немного солила, развязывала

мешочек с сухарями, выбирала для меня самые поджаристые, румяные. А я почему-то просил сухари из ржаного хлеба, черные, крепкие и, как казалось мне тогда, необыкновенно вкусные. Этот вкус, такой же крепкий, ржаной, как и сами сухари, я помню до сих пор. Но с тех пор мне больше никогда не приходилось пробовать этот деликатес, и, более того, я уверен, что повторить этот вкус невозможно, - и сухари теперь другие, и масло чище, и соль мельче, да и время иное…

И вот в вагоне я увидел, что апельсины продаются целыми пакетами. Тетя Рая к моему восторгу купила один пакет, а, кроме того, шоколадные батончики, две бутылки лимонада. Поезд был, кажется, московский, и публика в нем была соответствующая. Впервые я тогда увидел женщину в брюках. Это было так необычно, что на время я отвлекся от апельсинов.

Мимо окна проплывала бескрайняя степь, а я все ждал, когда же начнется лес.

- Скоро? – спрашивал я у тети Раи. – Лес скоро?

Она смеялась в ответ.

И вот мы приехали. Небольшая станция с красной кирпичной водокачкой, буфет, вокруг которого слонялись небритые личности в кирзовых сапогах, «целинники», говорили про них. Узенький, коротенький перрон поливала из ведра с водой толстенная женщина в сером халате, несколько деревьев с пыльными листьями окружали станцию, и никакого леса не было видно.

- Где же лес? – спросил я с ужасом Юрку.

Он захохотал:

- У нас казахи говорят, если около дома стоит хоть одно дерево, «один лес растет», вот я и сбрехал тебе.

Трудно передать степень моего разочарования. Но все остальное – настоящая деревня с кривыми улочками, коровами, страстно мычащими по вечерам, речкой с мостками, на которых женщины полощут белье, - было подлинным, обещало тысячу летних удовольствий.

Только много позже я узнал, что станция Шипово названа по имени бывшего наказного атамана Уральского казачьего войска генерал-лейтенанта Н. Шипова в воспоминание об оказанном им содействии в постройке Покровско-Уральской железной дороги. Интересной оказалась и история большой казачьей Каменской станицы, близ которой и была устроена станция. В конце девятнадцатого века станица насчитывала 300 дворов, а население ее составляло 2000 душ. При

самой станции находился торговый поселок. На базарах производилась скупка подвозимых сюда хлебов, сена.
Кроме базаров, станица была известна своей осенней шумной ярмаркой. Проходила она обычно с 10 по 17 октября, на нее привозилось товаров более чем на 100 тысяч рублей, что по тем временам было очень солидной суммой. Пригонялось сюда и огромное количество скота.
В урожайные годы грузооборот станции составлял около полутора миллионов пудов зерна.
В 40 и 45 верстах от станции лежали казачьи станицы: Чижи и Ежи, также известные в далекие теперь времена своими большими скотными ярмарками. Потом по этим местам прокатилась яростная гражданская война, здесь неподалеку воевал и безвестный кавалерист Георгий Жуков. Много голов скатилось в этих степях с казачьих плеч, да и не только с казачьих… Не так давно мне пришлось побывать в Чижах, даже отдаленно здесь ничего не напоминало богатую прежде станицу.
Но в пятьдесят шестом году я ничего этого не знал, и даже предположить не мог, как богата история этих мест. Но, впрочем, я отвлекся.
Дом у тети Раи был чистым и прохладным. На металлических кроватях высились перины, огромные подушки, на стенах под стеклом были вывешены фотографии родственников и знакомых. В сенях на столе стоял дивный прибор, похожий на огромную мясорубку. «Сепаратор, - объяснил Юрка, - Вечером сливки крутить будем».
Вообще-то тетя Рая предложила моей матери взять меня в деревню, чтобы я, бледный, длинный, как палка, «пришел в себя, набрал вес». И поэтому мне были назначены парное молоко, сливки, «наш колхозный творог», «наши колхозные яйца». Ничего этого я терпеть не мог, и с ужасом ожидал вечерней молочной терапии.
Но еще до вечера я был посвящен в некоторые деревенские таинства. Например, мне было предложено покурить какую-то прошлогоднюю траву. Юрка привел соседских пацанов, всех до единого босоногих, загорелых до черноты, и они сначала стали расспрашивать меня, катался ли я на карусели, был ли в цирке, и правда ли, что в городе есть кинотеатр «Летний», и что в его деревянных стенах столько дыр и щелей, что каждый пацан может смотреть любой фильм, не платя при этом ни копейки. Я утвердительно ответил на все вопросы, заработав

немалый авторитет у местных, после чело один из босоногих протянул мне сухой трубчатый стебель, спросил: «Слабо тебе?» Мне было «слабо», но я взял трубочку, не очень понимая, что нужно с этим делать. Все присутствующие также взяли сухие стебли, и принялись их прикуривать. Тошнотворный дым заполнил все вокруг. Делать нечего, приложился и я, и тут же все поплыло перед глазами. Кажется, не только у меня, потому, что после первых затяжек никто не стал настаивать на продолжении процедуры, как я понимаю теперь, по большей части ритуальной. Потом меня повели на какой-то деревенский пустырь, заросший дырявыми лопухами. Там был муравейник. Один из ребят зачерпнул в пригоршню рыжих муравьев, и принялся поедать их. Причем на лице его отражалось неподдельное удовольствие. Кто-то толкнул меня в бок, дескать, чего стоишь, угощайся! Я зажмурился и сунул в рот, как мне показалось, отчаянно визжавшее насекомое.

- Да не так, - поправили меня, - не целиком, а жопку только откусывай, кисленько будет…

Мне и так было кисленько. Поэтому, бросив незаметно муравья, я принялся старательно пережевывать пустоту, нахваливать:

- Вкуснотища!..

В общем, несмотря на мою городскую бледность, слабую курительную подготовку, шиповское общество не отвергло меня, а компас, безусловно, придал мне веса в глазах местных мальчишек.

Теперь о главном. Шипово окружает несколько довольно высоких холмов. Все они имеют названия, например, самый высокий прозывается «гора Глазистая». Ни тогда, ни сейчас мне не удалось выяснить, почему степная гора получила такое странное название. Может потому, что видна была из любого уголка села и мозолила всем глаза?

Как только я увидел гору, а это была самая первая возвышенность, увиденная мною в жизни, я загорелся: чего бы это ни стоило, но мне необходимо добраться до вершины. Зачем? Ответить на этот вопрос я не могу.

Что бы я не делал, - удил рыбу или купался в Деркуле, представлял себя целинником на мостике разбитого и вросшего посреди села в землю комбайна, бил из рогатки по бутылкам, - я ни на минуту не забывал, что мне, во что бы то ни стало, нужно забраться на Глазистую. Зачем?

Внизу было столько удовольствий! Раков в Деркуле действительно тогда было

множество, и тетя Рая по вечерам варила их в оцинкованном корыте, и лакомиться ими собирались соседи из ближайших домов. Рыбалка тоже была хороша, но гигантские сомы, узнав, должно быть, о моей невиданной экипировке и подготовке, убрались в дальние омуты. А каким чудесным было купание! Кажется, что мы не вылезали из прогретой солнцем воды целыми днями, играли в некое подобие водного поло, ныряли, плавали наперегонки, плескались, строили из песка и глины какие-то невиданные сооружения. В один из дней я даже спас крошечного мальчишку – лет пяти-шести, который бесстрашно бросался в воду, едва умея плавать. Так он крутился возле нас, мальчишек постарше, несколько дней, и мы привыкли к нему, считали умеющим плавать. Кажется, его звали Володькой. Вовкой. Я долго помнил его фамилию, теперь забыл. Кажется, Максимов, или Есимов?..

Однажды мы лежали на берегу и, вдруг, я услышал какое-то фырканье, плюханье. Приподняв почти наполеоновскую шляпу, сделанную из особым образом свернутой газеты, я увидел, как вовкина голова, как поплавок удочки, то появляется на поверхности воды, то исчезает под ней. Сначала это показалось просто игрой. Но когда Вовка запищал, отчаянно заколотил руками по воде, мы бросились ему на выручку. Я успел первым, схватил мальчишку и вытащил из реки. В том месте, где он тонул, вода не доставала мне до плеч.

А Глазистая не давала мне покоя. С самого первого дня моей сельской жизни, я приставал к Юрке: когда на Глазистую полезем?

- Да ты что! – отвечал он мне. – Далеко-то как!

Но я не отставал, и однажды ему надоело:

- Только не скули потом!..

И вот в один из чудесных дней мы отправились. Утром, дождавшись, когда взрослые уйдут на работу, мы захватили краюху хлеба, и двинулись в путь. Казалось, что до горы рукой подать, ее пологий склон как будто начинался у самой околицы. Мы бодро шагали в утренней прохладе, кузнечики веером разлетались у нас из-под ног, крошечный коршун, забравшийся выше солнца, все повторял и повторял один и тот же круг, как будто неведомый огромный циркуль раз и навсегда определил ему окружность крылатой жизни.

Чем дальше мы отходили от поселка, тем выше становилась трава, тем отчаяннее впивались в голые ноги степные колючки, как будто старались не пустить нас к вершине.

Мы отошли уже довольно далеко от села, когда обнаружили, что гора к нам нисколько не приблизилась. Наоборот, вершина как будто отодвинулась. Это, однако, не поколебало нашу решимость. Мы только прибавили шаг. Стал попадаться щавель, к этому времени начавший желтеть. Мы тут же принялись его жевать, уже безвкусную, жесткую траву. В ту пору мы многое брались жевать: желтые цветочки акации, стягивающие скулы плоды лоха, крошечные, почти деревянные яблочки дикого ранета, неспелые терновые ягоды… Не потому, что мы были постоянно голодны. Может быть, нам не хватало яркости, разнообразия в еде. Посмотрите, чем угощаются сегодняшние мальчишки и девчонки. Сто сортов мороженого, неисчислимое количество шоколадных, ореховых, фруктовых батончиков в завлекательных, разноцветных обертках. Лимонады, соки, напитки в бутылях, бутылках и бутылочках, банках, даже в коробочках с пластмассовыми трубочками. Торты, пирожные, вафли, печенье – все, что пожелает душа. Апельсины, грейпфруты, бананы, ананасы, киви, хурма, яблоки – на прилавках все это изобилие круглый год. Если есть на что это купить…

В моем детстве на полках магазинов практически ничего не было, самые простые продукты можно было купить, выстояв чудовищные очереди. Очередь за хлебом занимали в Уральске с полуночи, ожидая, когда в восемь откроют магазин. В очередь за сахарным песком уходили, как в экспедицию, запасаясь какой-то провизией для подкрепления сил. Плитка молочного шоколада была неслыханной роскошью. Белую алюминиевую фольгу из-под шоколада я называл «золото». Может, поэтому ребятня пятидесятых годов пробовала на вкус всякие чудные ягоды и плода. Вдруг, попадется чудо-лакомство? Я помню, однажды ребята в Уральске наелись разноцветных таблеток, высыпавшихся из аптечного грузовика. Кажется, удалось спасти всех.

Солнце над степью поднималось все выше и выше. Мы с Юркой ступали уже не так бодро, как утром. Сели подкрепиться краюхой хлеба, буквально в метре от нас выглянула из норки усатая мордочка суслика.

- Кыш! – сказал Юрка. Суслик понял наоборот, вылез из-под земли весь, замер столбиком.

Мы поднялись, отряхнулись. Суслик исчез.

Глазистая не приблизилась, но как будто стала приземистей. Идти стало тяжелее, горячая земля обжигала босые ступни. Перед тем, как выйти из дома, мы спорили: надевать сандалии или босиком удобнее? Выбрали второе. Теперь я

жалел об этом, но Юрке не признавался. Ему, деревенскому, все было нипочем. Солнце поднялось выше коршуна. Пересохли губы, и мы оба пожалели еще об одном: вчера вечером мы запаслись двумя бутылками клюквенного морса, купленного в ларьке райпотребсоюза, но утром забыли это чудесное питье, и сейчас эти бутылки стояли в прохладном погребе рядом с банками со сливками, сметаной, топленым молоком. А мы шагали в раскаленной от зноя степи, и представляли, как было бы замечательно сейчас припасть губами к холодному горлышку бутылки, и пить, пить, пить, и чувствовать, как отступает жара, как каждая клеточка тела набирается прохлады, как удесятеряются силы.
«Может назад повернуть?» - подумал я, но, взглянув на Юрку, устыдился своей городской асфальтовой слабости.
Но думаю, что и Юрка подумал об этом, но постеснялся проявить слабодушие перед городским гостем.
Мы обернулись: дома села походили на игрушечные, они норовили раствориться в жарком мареве, дрожали, раздваивались. Глазистая придвинулась немного, но стала еще ниже, - не гора, а пологая горка. Зимой на санках с нее хорошо кататься.
Коршун в вышине, кажется, оставил наблюдение за землей, и принялся кружиться вокруг солнца. Зной как будто загустел, и на каждом шагу приходилось преодолевать его сопротивление.
- Может, раньше на вершине крепость была? – спросил я у Юрки, чтобы хоть как-то оживить наш утренний энтузиазм.
Он промолчал, и мы продолжили знойный путь. Вскоре сделали еще один привал, доели хлеб, улеглись в траве. Тишина вокруг была поразительная. Хотя, наверное, правильнее сказать – проводимость звука. Я одновременно слышал, как где-то невообразимо далеко скрипел ворот бездонного степного колодца, а совсем рядом шелестела трава. И еще я слышал, как высоко над нами трещит стрекоза, и как подкрадывается к беспечному кузнечику богомол, и мне казалось, что слышно даже, как взволнованно стучит сердечко суслика, притаившегося в своей норе под землей прямо под нами. Потом не так часто в моей жизни случались такие моменты: иногда расслышать что-то мешала излишняя громкость происходящего, иногда - поспешность жизни, и, наверное, душевная огрубелость, болезнь, которой мы заражались в двадцатом веке с удовольствием.
Не забуду и небо того далекого дня. Не буду называть его глубоким,

головокружительным, таинственным, - именно таким оно и было, но мне больше всего запомнилось неведомое до того чувство нерасторжимости этого громадного летнего купола и нас с Юркой. Не знаю, что чувствовал он, может, просто лежал, надвинув на глаза бумажную шляпу, и мечтал о мороженом, морсе, прохладной воде Деркула, но мне показалось - и он, вдруг, понял, что небо и мы – это одно и то же. И белые завитки облаков, плывущие к нам от деревни, - это тоже часть нас, и ветерок, летящий над самой землей – это тоже мы. Мне трудно это сегодня объяснить, но мне казалось тогда, что вообще все вокруг – не просто мое, а частица меня. Только однажды еще я испытал подобное чувство, и случилось это опять же в этих местах, в этой самой степи спустя шесть лет. Я окончил школу и устроился работать в областную типографию печатником, и меня тут же вместе с несколькими другими работниками типографии отправили в Каменский район на помощь заготовителям сена. Горожане тогда часто вынуждены были отправляться в село – на хлебоуборку, сенокос, на сакман – это расплодная кампания в овцеводстве, на уборку картофеля, а однажды мне даже приходилось работать в бригаде, спасавшей овец: тогда в Уральской области случилась небывалая засуха, кормов для скота в южных районах не сумели заготовить, и было принято решение эвакуировать многие тысячи голов скота в северные районы. Мы занимались погрузкой овец на огромные автомобили. Эта работа была ужасна. Мы, горожане, почти не знакомые с животноводством, всеми правдами и неправдами загоняли несчастных, истощенных животных в деревянные, а иногда и металлические кузова машин. Овцы отчаянно блеяли, упирались изо всех сил. Не всегда помогал «козел-провокатор», приходилось гоняться едва ли не за каждой овцой, хватать ее за одну из ног, валить на землю, и потом, взвалив на плечи, тащить к грузовику. После каждой такой погрузки, несколько овец оставалось лежать в загоне мертвыми. Многие погибали в пути, ведь им предстояло проехать в кузове около полутысячи километров.
Но я опять отвлекся. В Каменском районе был такой совхоз – имени Крупской. В 1962 году именно сюда я и попал на сенокос вместе еще с одним работником типографии – Геннадием Филипповым. Нас двоих прикомандировали к бригаде механизаторов, которая работала довольно далеко от центральной усадьбы. Вагончик бригады стоял на самом берегу небольшого озерка, «котлубашки», как называли его местные. «Котлубашка» была бездонной, вода в ней казалась черной, в зарослях камыша жили утиные выводки, в основном чирков, а по утрам

и вечерам вода взрывалась всплесками огромных щук. Наш бригадир, даже в жару не расстававшийся с выцветшим брезентовым плащом, оказался добычливым малым, ловил на блесну щук и окуней, огромных и полосатых, как тигры. Но блесна у него была одна, и когда ее откусила особенно зубастая речная хищница, то он принялся ловить карасей, тоже огромных, медных, как самовары. Из тальника бригадир сплел ловушки и расставил их по всему озеру. Каждое утро он тащил на кухню во влажном мешке трепыхающуюся рыбу, и дары местного водоема всегда были у нас на столе. Иногда бригадир забирался на крышу вагончика с ружьем и прямо оттуда палил по чиркам, так что, дичь мы тоже пробовали. Может, именно из-за этой курортной сытости показатели работы нашей бригады были более чем скромные. Мы с Филипповым не только не заработали ни копейки, но еще и остались должны в кассу совхоза за питание. По субботам вся бригада отправлялась по домам – до понедельника, и мы с Генкой оставались вдвоем в целой степи. Повар оставлял нам кое-какие продукты, и тоже исчезал из полевого стана, и мы становились хозяевами вагончика, десятка тракторов, «котлубашки»…

Воскресный день был огромен, и пространство, принадлежавшее нам, тоже было огромно. Мы заводили один из колесных тракторов и катались по бесчисленным степным дорогам, горланя песни, кажется чаще всего «Бригантину» Павла Когана. Мы ощущали себя, по меньшей мере, робинзонами, и нам казалось, что на этих просторах не может, не должно никого быть. Однажды за рулем «Беларуса» сидел я, а Филиппов примостился на капоте, потому, что на сиденье нам двоим было тесно, и трактор катился себе по равнине, и мы орали очередную песню, как, вдруг, я увидел, что из ближней балочки вынырнул велосипедист, и несется прямо под трактор, и глаза велосипедиста уже округлились от страха, потому, что наша рычащая машина шла на него. Я мгновенно крутанул руль вправо, но и велосипедист, растерявшись, повернул в ту же сторону, и я услышал, как под огромными колесами трактора что-то хрустнуло, треснуло, лопнули велосипедные шины. Я резко нажал на тормоз, мотор заглох, и стало тихо.

- Ты чего? – спросил Генка, который располагался спиной к движению, и ничего не видел.

Я не смог ответить, руки и ноги у меня тряслись, язык не слушался.

Откуда-то снизу из-под трактора раздалось кряхтение, и поднялся человек в сером бумазейном пиджачке, сатиновых шароварах, которые так любили в ту

пору механизаторы. На нем не было ни царапины, ни синяка. Он был бледен, как мел, но улыбался.

Я посмотрел под колеса, велосипед так скрутило, измочалило, что он походил на странного железного спрута.

- Твою мать! – произнес Филиппов.

Мы с велосипедистом еще долго не могли произнести не слова. До сих пор я не могу понять, как он остался невредим, каким чудесным образом спас себя, а в придачу и меня тоже?

Видимо, он не меньше меня был поражен этим обстоятельством, потому, что не стал предъявлять никаких претензий, подхватил останки своей двухколесной машины, и быстро, почти бегом, отправился назад, скрылся в балочке, из которой вынырнул пять минут назад.

После этого прекратились наши путешествия на «Беларусе». По выходным мы пропадали на озерке, но рыбацкое счастье не благоволило к нам. А иногда мы заваливались где-нибудь в тени у вагончика, Генка что-то напевал или спал, или строил планы, как мы вечером направимся на соседний полевой стан, где поселены студентки Уральского медицинского училища, и там затеем танцульки, а может быть, закрутим «махаббат» с очаровательными акушерками, стерильными, как спирт. Конечно же, до студенток мы так и не добрались, а под бурчание Генки, или под его храп я писал стихи, в день по пять-шесть, в общем, к концу сенокоса у меня накопилось собрание сочинений, в трех томах, не меньше. Помню, там были такие строчки: «…Ты встречала рассвет в степи?.. Где до солнца рукой подать? Приходилось тебе тогда обо мне вспоминать?..»

Иногда я забирался на огромный стог сена, и слагал вирши там, и вот именно тогда я снова испытал давнее чувство своей полной принадлежности ко всему, что меня окружало. Наверное, прозвучит высокопарно, но это было на самом деле: вся степь была мною, от края до края… Мне казалось даже, что я видел все вокруг зоркими глазами коршуна, кружившегося над копной… Может, это тот самый разбойник, что шесть лет назад парил над Глазистой?

…До вершины Глазистой мы с Юркой добрались после полудня. Последние метры я почти бежал, превозмогая усталость, налившую ноги чугунной тяжестью. Все-таки мы дошли!.. Что-то откроется нам сейчас?

На вершине лежали две или три рваных автомобильных покрышки, валялись ржавые консервные банки, разбитые бутылки, кусок шифера. Шевелилась на

ветру желтая газета. Совсем неподалеку, с другой стороны холма, проходила проселочная дорога, и любому добраться сюда не составляло особого труда. Но зачем?

Минут пять я слонялся по ровной, почти лишенной травы, площадке на вершине Глазистой. Вся гора показалась мне внезапно чем-то наподобие дня второго сентября. Первое сентября – это когда встречаешься с друзьями после долгой разлуки, а второе – когда начинается скучная, однообразная школьная учеба, все эти гипотенузы, правила буравчика, законы Ома и «Луч света в темном царстве». Над вершиной зависла черная туча, откуда взялась? – и пошел дождь. Мы молча потащились вниз. По склону сразу стало идти скользко, я несколько раз падал, и, в конце концов, вывозился в грязи с ног до головы.

- Матери не рассказывай, что сюда ходили, - попросил Юрка, - а то скажет, что мы дураки…

- Ладно, - мне не хотелось выглядеть в глазах тети Раи дураком.

К самому вечеру мы добрались до села, выкупались, и пришли домой, как ни в чем не бывало.

- Хороший был день? – спросила тетя Рая.

- Ага, - сказал я, не чуя под собой ног. – Отличный!..

Совсем недавно, когда с той поры миновало сорок лет, мне пришлось снова побывать на этой вершине. Когда наша машина проезжала рядом, я попросил водителя остановиться, и поднялся на холм. Старые автомобильные шины, консервные банки, пустые бутылки и рваная газета – пустота, серость и скука были вокруг, ничего больше. Ничего.

Я вернулся в машину, и она понеслась по асфальтовому полотну в Уральск. Больше никогда не стану я подниматься на эту степную гору. Незачем.

Но почему в последние годы все чаще и чаще снится мне этот знойный день, старый коршун над огромной степью, речка Деркул, и я так хочу вернуться туда, так хочу вернуться…, но просыпаюсь?

2002 год

Об авторе.

Геннадий Николаевич Доронин – прозаик, член союзов писателей России и Казахстана, автор девяти книг: «Жизнь и смерть Буратино», «Глагол прошедшего времени», «Пятый десяток», «Свет земной», «Бершарал» и других.

Содержание

1.ОН И ОНА
Предисловие. Специально для книжки «Он и Она»
За подкладкой
Бутылочка
Игра ни интерес
Он и Она (Московские каникулы)
Открытие
День любви
Дневник
Вторник
2. ВЕСНА НАВСЕГДА
Подруги
Велосипедные прогулки
3. СЧАСТЛИВЫЕ МОСТЫ
(Из цикла «Бершарал»)
Мост через Урал
Мост через Деркул
Мост через Солянку
Мост через Чаган
Мост через Анкату
Восхождение